

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент научно-технологической политики и образования
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы II национальной научной
конференции, посвященной памяти доктора
исторических наук, профессора, заслуженного
работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева**

*15 октября 2019 года
г. Красноярск*

Электронное издание

Красноярск 2019

ББК 4 г
Г 85

Редакционная коллегия:
В.Л. Бопп, Г.А. Реут, С.Т. Гайдин,
М.Д. Северьянов, Л.Э. Мезит, Л.И. Царева

Г 85 Гришаевские чтения: мат-лы II национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 15 октября 2019 г.) [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2019. – 294 с.

Представлены материалы научных докладов участников II национальной научной конференции «Гришаевские чтения», которая состоялась в г. Красноярске 15 октября 2019 г. по направлениям: «Социально-экономическое развитие Сибири в рамках традиционного крестьянского хозяйства»; «Сибирь на переломе эпох»; «Особенности аграрного развития Сибири в индустриальную эпоху»; «Особенности социально-экономического и аграрного развития Сибири на современном этапе»; «Проблемы аграрного природопользования в странах Азии».

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

ББК 4 г

© Коллектив авторов, 2019
© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Седельников В.Г. «Великий перелом» девяностых в судьбе профессора В.В. Гришаева	7
Совлук Е.В. Аграрная политика России: по страницам истории. Презентация выставки из фондов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края	12
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА	
Тихоньких В.П. Н.М. Ядринцев о некоторых аспектах природопользования в Сибири в XVII – XIX веках	19
Погребняк А.И. Вклад В.А. Баландиной в агрокультуру Енисейской губернии	26
Павлова И.П., Павлов П.А. Крестьянский повседневный мир предреволюционной России: вопросы социальной помощи односельчанам	35
Андюсев Б.Е. Отношения собственности в нормах обычного права крестьянской общины Приангарья второй половины XIX – начала XX в. ...	40
Гилько М.А. К вопросу о результатах столыпинского переселения: случай Красноярского уезда	47
Кускашев Д.В. Факторы социального администрирования в деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии во второй половине XIX века	54
Шитова Т.В. Исторические этапы формирования органов полиции в Сибири XIX в.	57
Рогачев А.Г. Наши крестьянские предки в контексте российской модернизации	61
Хорина В.В. К истории зарождения аграрной науки в Сибири: о наиболее значимых аспектах деятельности обществ сельского хозяйства в Енисейской губернии	69
Кузнецова А.В. Повседневная жизнь сибирских поселений в экспозициях историко-краеведческих музеев	77
Карагулян К.Г., Солдатенко Д.Ю. Социальный портрет ссыльных польского восстания (на примере Енисейской губернии)	84
СИБИРЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ	
Лопаткина Р.С., Козулина Н.С. К вопросу об интервенции в Енисейской губернии (по произведениям художественной литературы)	90
Бакшеев А.И. Сибирские деревенские советы (1920–1929 гг.)	94
Карчаева Т.Г. О кадрах волостных и районных исполкомов Ачинского округа в середине 1920-х гг. (на материалах газеты «Трудовая правда», г. Ачинск)	101
Яковлев А.Л. Реорганизация высшего образования в первое десятилетие советской власти	104
Бершадская С.В. Научные музеи в досуговых практиках горожан в начале 1920-х гг. (на примере Енисейской губернии)	107
Бармина Е.В. Репрезентация инородческого вопроса в сибирской прессе 1917 г.	112

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Дамбаев Д.Н. Распространение агротехнических знаний и подготовка новых кадров для села в Бурят-Монголии в 1920–1930-е годы	116
Сорокун П.В. Роль окружных органов советской власти в развитии сельского хозяйства на территории Сибирского края 1925–1930 гг.	123
Терскова А.А. Ликвидация неграмотности среди сельского населения Красноярского края в 20–30-е годы XX в.	128
Колесник Э.Г., Тарасов М.Г., Севостьянова Д.В. Д.К. Чудинов – страницы биографии	133
Есин Р.С. У.Т. Берестов – судьба человека на фоне коллективизации	137
Суржко А.В. Национальная политика СССР и ее влияние на развитие сельского хозяйства в 1920–1930-е гг.	142
Гонина Н.В. Сталинский план преобразования природы как феномен политики модернизации (на материалах Ангаро-Енисейского региона) ...	145
Самойлов В.С. Переселение жителей деревень из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС	150
Дворецкая А.П. Сельское хозяйство Красноярского края в решениях Красноярского крайкома КПСС: основные направления, кадровая политика. 1953–1965 гг.	154
Павлюкевич Р.В. Влияние сельскохозяйственных преобразований Н.С. Хрущева на развитие пищевой промышленности Красноярского края	160
Горкунова С.И. Грандиозный проект XX века	162
Карначёв А.Е. Повышение оплаты труда труженикам села Бурятии в 1960–1980-е гг.	165
Реут Г.А. Проблемы содержания скота в Управлении военно-строительных отрядов в г. Железногорске (Красноярск-26) в 1960–1965 гг.	169
Доржу З.Ю., Самарина Н.Г. О состоянии животноводства в Туве в 80-х гг. XX века	175
Ахтамов Е. А. Подсобные хозяйства работников речной отрасли во второй половине 1980-х гг.: проблемы и успехи (на примере Енисейского речного пароходства)	179
Мезит Л.Э., Ценюга И.Н. Военная повседневность сельского населения Красноярского края	182
Борисенко Е.А. Социальная поддержка инвалидов Великой Отечественной войны в 1940-е гг. (на примере Красноярского края)	189
Очирова В.Н. Современная историография о советской производственной повседневности в послевоенные годы	195
Селезнев А.В. Роль Красноярской краевой организации общества «Знание» в распространении достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта в 1947–1991 гг.	202
Сентябова М.В. Православие и русская православная церковь в сибирской деревне в 40–50-х гг. XX в.	209

Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Основные этапы развития рыбной промышленности в Приенисейском регионе в XIX–XX вв. 214

***ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ***

Сторожева А.Н., Дадаян Е.В. Исторические аспекты возникновения общества с ограниченной ответственностью 221

Курбатова С.М. О государственной программе Красноярского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» 226

Фастович Г.Г. Роль государственного механизма в формировании агропромышленного комплекса современной России 230

Фастович Г.Г. К вопросу о мерах государственной поддержки в сфере АПК современной России 235

Дергач Е.С. Проблемы развития сельского хозяйства в России 238

Курбатова С.М., Айснер Л.Ю. Роль и значение цифровизации технологий обучения по подготовке кадров для агропромышленного комплекса ... 241

Соколова И.А., Шадрин В.К. Особенности формирования предпринимательской среды в сельском хозяйстве региона (Красноярский край)... 245

Дергач Е.С. Роль геоинформационных технологий в управлении и развитии сельскохозяйственного предприятия 252

***ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В СТРАНАХ АЗИИ***

Дацышен В.Г. К проблеме изучения китайской деревни в российской науке 255

Карпова И.Г. Зарубежная историография о коллективизации в СССР ... 261

Зайцева Л.А., Даваажав Баяртогтох Участие Советского Союза в освоении целинных земель Монголии 266

Ван Вэй Вопросы российско-китайского взаимодействия в сфере сельского хозяйства в трудах китайских ученых 272

Иголина Ю.П. Особенности сертификации аграрного сектора в Азии: японская система ASIAGAP 277

Свободина А.К. Специфика аграрного сектора Японии во второй половине XX века – начале XXI века 281

Бопп В.Л., Гайдин С.Т. Итоги проведения II национальной научной конференции «Гришаевские чтения», посвященной памяти В.В. Гришаева ... 286

Сведения об авторах 290

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже пять лет, как ушел из жизни известный ученый, организатор исторической науки, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ Василий Васильевич Гришаев. Его научное наследие широко востребовано исследователями по различным проблемам истории, как в нашей стране, так и на постсоветском пространстве.

Под руководством В.В. Гришаева в Красноярске сложилась историческая школа социально-экономического развития Восточной Сибири. Его ученики работают в Сибирском Федеральном университете, в Красноярском государственном аграрном университете, других вузах Красноярска и Сибири.

В 2018 г. в Красноярске по инициативе Красноярского государственного аграрного университета, при поддержке ректора Н.И. Пыжиковой была проведена I национальная конференция «Гришаевские чтения».

В соответствии с пожеланиями участников конференции в 2019 г. была проведена II национальная конференция «Гришаевские чтения». Центральной темой конференции была заявлена история природопользования и развития агропромышленного комплекса на евразийском пространстве. В 2019 г. исполняется 65 лет с начала кампании по освоению целинных и залежных земель на территории Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири. Но до сих пор не прекращаются дискуссии о результатах, последствиях и уроках целинной эпопеи.

Конференция проводилась для обмена опытом, а также для выявления перспектив социально-экономического освоения сельских регионов евразийского пространства и повышения качества жизни местного населения.

**«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» ДЕВЯНОСТЫХ В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА
В.В. ГРИШАЕВА**

***Седельников Валерий Георгиевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия***

Убежденный сторонник обновления социализма, человек левых социалистических убеждений, профессор В.В. Гришаев воспринял горбачевские реформы, как воплощение своего общественного идеала. Не считаясь со временем, он все силы и возможности отдавал делу реформирования и обновления страны. Революционные события 1991 г. покончили с перестройкой и вынесли наверх политической системы крайних радикалов, нацеленных на тотальную приватизацию. «Великий перелом» 1990-х гг. прошел по судьбе ученого и круто изменил ее.

Ключевые слова: В.В. Гришаев, приватизация, реформы, социальная справедливость, коммунизм, перестройка, обновление «социализма», «великий перелом», профессиональная востребованность, политическая активность.

A staunch supporter of the renewal of socialism, a man of left-wing socialist beliefs – Professor V.V. Grishaev perceived Gorbachev's reforms as the embodiment of his social ideal. Regardless of the time, he devoted all his strength and opportunity to the reform and renewal of the country. The revolutionary events of 1991 put an end to perestroika and brought to the top of the political system extreme radicals aimed at total privatization. The Great Turnaround of the 1990s walked on the fate of the scientist and abruptly changed her.

Keywords: V.V. Grishaev, privatization, reforms, social justice, communism, perestroika, renewal of "socialism", "great turning point", professional demand, political activity.

Выражение «великий перелом» стало крылатым с «легкой руки» И.В. Сталина, который употребил его для характеристики 1929 г., в течение которого был совершен окончательный поворот в развитии нашей страны по пути форсированного построения социализма [4]. Для И.В. Сталина «социализм» означал полное уничтожение частной собственности и установление монополии государственной собственности на средства производства. К концу 1930-х гг. эта задача была выполнена, то есть «великий перелом» завершился полной победой «социализма».

Эта «социалистическая» система достаточно надежно работала, пока у руля находился ее создатель – И.В.Сталин. После смерти вождя в 1953 г. начался медленный, но неуклонный процесс деградации и трансформации советского «социализма», который завершился горбачевской «перестройкой» и установлением частной собственности на стыке 1980-х – 1990-х гг.

Эта общественная трансформация не была очевидной для ее современников. Даже наиболее подготовленные из них – историки, философы – оказались в непривычной ситуации. Отдавшие много времени и сил изучению общественных потрясений и катаклизмов мировой истории, они впервые оказались не вне, а внутри изучаемого объекта. Череду стремительных событий называли «ускорением», «перестройкой», «реформированием» и т. д. Специалисты, в теории уверенно объяснявшие, что изменение способа производства есть социальная революция, не могли соотнести это понятие с сегодняшним днем. О какой революции можно говорить в стране, где уже произошли две буржуазные и даже социалистическая революции? Будущее представлялось, как совершенствование социалистической модели, которая при этом условии должна была проявить все свои превосходные качества.

Сегодня у обществоведов стало привычным ругать Горбачева за то, что «развалил страну» и «вверг ее в хаос капитализма». 30 лет назад перестройка воспринималась, как реформирование социализма, соединение его преимуществ с гласностью и демократией. Одним из наиболее грамотных специалистов в области общественных отношений в Сибири был профессор, доктор исторических наук В.В. Гришаев. Являясь заведующим кафедрой истории КПСС ведущего красноярского вуза, он обладал глубокой фундаментальной подготовкой и гибким, нестандартным мышлением. Объективно В.В. Гришаев был представителем реформаторского крыла в КПСС, сторонником проведения системных демократических преобразований в стране и партии. К тому же он не был кабинетным ученым, глубоко знал проблемы сибирского села, имел опыт партийно-комсомольской работы. Еще с комсомольских времен В.В. Гришаев мог выступить с критикой «начальства», способен был отстаивать собственную точку зрения.

Такая позиция обусловила то, что с началом горбачевских реформ В.В. Гришаев стал наиболее востребованным специалистом в партийно-властных кругах, которые в новой непредсказуемой ситуации чувствовали себя не очень уверенно. Профессор Гришаев был непременным участником перестроечных мероприятий, автором текстов многих партийных документов, членом различных комиссий и комитетов. Он лично общался с тогдашним первым секретарем Красноярского крайкома КПСС О.С. Шениным и другими партийными чиновниками. В 1990 г. В.В. Гришаев вместе с заведующим кафедрой истории КПСС Красноярской архитектурно-строительной академии М.Д. Северьяновым был избран делегатом XXVIII съезда КПСС. Само по себе это избрание говорит о многом, в том числе о том, что партноменклатура осознала значение опыта ученых, которых в доперестроечные времена не считала себе равными. Жаль, что осознание этого было несколько запоздалым... На этом съезде В.В. Гришаев был избран членом Центрального Комитета КПСС, что, очевидно было «зенином» его партийно-политической карьеры.

Следующий, 1991 г. покончил и с перестройкой и со всеми иллюзиями по поводу реформирования КПСС и построении «рыночного социализма». Реформы, начатые в середине 1980-х гг. закончились народной революцией, которая

смела «перестройщиков» во главе с М.С.Горбачевым и привела к власти радикалов – идейных, фанатичных приверженцев капитализма и частной собственности. Этих людей можно назвать «большевиками наизнанку» – для них все проблемы страны и народа заслоняла задача ликвидации советского «коммунизма», то есть уничтожение государственной собственности на средства производства и замену ее частной.

Идею разгосударствления или приватизации собственности наиболее ясно выразил ее главный автор и идеолог А.Б. Чубайс: «каждый проданный завод – это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого, дешево, бесплатно, с приплатой – двадцатый вопрос. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России – это необратимость. Приватизация в России до девяносто седьмого года вообще не была экономическим процессом; она решала задачу остановить коммунизм» [1]. Другими словами, команда Чубайса ставила себе задачу: осуществить «великий перелом» наоборот – теперь уже в сторону установления тотальной частной собственности.

Идеологически «зашоренным» людям весьма сложно понять, что не всякая альтернатива государственной собственности есть капитализм. Думая, что забивает гвозди «в крышку гроба коммунизма», команда А.Б. Чубайса на деле сколачивала массовые протестные настроения – реальную основу реставрации коммунизма. То есть достигала результата, прямо противоположного поставленной цели.

Очевидно, не могло быть по-иному. Олигархический феодализм, который сформировался вследствие форсированной, грабительской приватизации (которую В.В. Гришаев называл «бандитской прихватизацией») лишь маскируется в «капиталистические одежды» [3, с. 118]. В этом плане «приватизаторы» опять-таки повторили судьбу большевиков, которые после 1917 г. стремились создать социализм – общество социальной справедливости, а вместо этого получили достаточно примитивную уравнилельно-принудительную коммунистическую систему.

На момент перестройки система эта уже миновала свой «харизматический» этап, исчерпала ресурс и достаточно дискредитировала себя в глазах населения. Ее дальнейшая судьба предполагала два возможных варианта. Первый – «до основанья» разрушить, чтобы на этом месте построить «светлое капиталистическое будущее». За такой вариант выступали радикалы-антикоммунисты, оседлавшие значительный сектор общественного мнения. Реставрация капитализма, опрокидывание в прошлое представлялось ими, как выход на путь исторического прогресса и процветания.

Второй вариант – глубокая структурная трансформации советской коммунистической системы в соответствии с реалиями, сложившимися на стыке XX и XXI вв. Преимущества этого варианта, который способен «выдать на гора» колоссальный потенциал, изменить к лучшему жизнь миллионов (и даже миллиардов) людей сегодня доказывает грандиозный китайский и вьетнамский опыт, а также европейская модель. Однако и тогда, в конце 1980-х гг., немало

специалистов и просто думающих людей выступало именно за такой подход, который они называли реформированием и обновлением «социализма».

Одним из них был В.В. Гришаев. В этот период он по-прежнему оставался сторонником социалистической идеи, изучению которой посвятил значительную часть своей жизни. Однако профессор Гришаев не был слепым апологетом советского коммунизма, например, изучая историю сельскохозяйственных коммун, указывал на «негативные стороны их организационной структуры – неприемлемость для основной массы трудящегося крестьянства многих основополагающих принципов их деятельности» [2, с. 116].

Будучи мыслителем по складу ума, В.В. Гришаев понимал, что советская система обладает многими недостатками и свои научные труды считал вкладом в решение стратегической задачи – «совершенствования социалистического общества» [2, с. 122]. В современных условиях он оставался сторонником идеи социальной справедливости, достижимой на базе многоукладной экономики и регулирования социальных противоречий, продвижения «политической системы России от авторитаризма к демократии» [3, с. 120]. В.В. Гришаев безошибочно определил «болеую точку» постперестроечного периода – несправедливое перераспределение собственности на средства производства, отмечая, что «в ходе «бандитской прихватизации» развернулась кампания передела собственности»...которая позднее «обрела более цивилизованную форму в виде так называемых залоговых аукционов» [3, с. 118].

Эта «бандитская прихватизация» не только тяжело придавила экономику страны, она деформировала все стороны общественно-политической и культурной жизни. В ходе этих процессов теряли свое значение «устаревшие» морально-этические нормы, а также достижения в области науки. Продавать, раздавать и делить государственные заводы можно было без научных изысканий, выкладок и особого напряжения умственных способностей. Такой же незатейливый, порой топорный подход осуществлялся в национальном вопросе (например, первая чеченская война 1994–1996 гг.), внешней политике, в области культуры и т. д. Для установления примитивного капитализма, сработанного по лекалам XIX в., не нужны были «высоколобые» теоретики. Как и после революции 1917 г., объективно невостребованными оказались многие лучшие умы России.

Профессора В.В. Гришаева формально нельзя было отнести к невостребованным специалистам. Он руководил кафедрой, учил и воспитывал студентов. В сентябре 1993 г. В.В. Гришаев вместе с автором этих строк участвовал в разработке и утверждении Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ГОСТА) по направлению История под руководством известного демократа, ректора историко-архивного института, профессора Ю.Н. Афанасьева. Однако для деятельной натуры В.В. Гришаева этого казалось недостаточно. Его научно-практический потенциал, накопленный жизненный опыт, понимание текущей ситуации – все то, что еще вчера пользовалось реальным спросом, теперь не выходило за стены университета. Этим, очевидно, объясняется последний «заход в политику» профессора В.В. Гришаева.

В конце 1992 – начале 1993 гг. он стал доверенным лицом на выборах Губернатора Красноярского края у известного предпринимателя и депутата Законодательного собрания края С.В. Зырянова. Тот предсказуемо проиграл выборы В.М. Зубову, а В.В. Гришаев получил целый шквал недоуменных вопросов по поводу своего участия в этом деле. Его упрекали за то, что он изменил своим социалистическим убеждениям, «продался кровососу-капиталисту».

Сам В.В. Гришаев к этому относился с долей горькой иронии. Не его вина в том, что команда М.С. Горбачева не удержала в своих руках реформирование страны и допустила «сваливание» ее в «штопор революции». И коль скоро в России установился частнособственнический способ производства, необходимо было помочь ему стать более эффективным.

Общий вывод из сказанного достаточно очевиден. Жизнь каждого человека неразделима с судьбой страны, где он живет, растет, борется, совершает те или иные поступки. Нашим дедам и прадедам довелось быть очевидцами и участниками грандиозных перемен начала XX века. Жизнь сегодняшнего поколения совпала с не менее важными событиями конца XX – начала XXI столетия. Профессор В.В. Гришаев был «призван», «мобилизован» перестройкой и готов был все силы отдать борьбе за изменение судьбы своей страны в лучшую сторону. На этом пути он испытал взлет и разочарования, ведь «великий перелом» начала 1990-х гг. прошел по его личной судьбе и с неумолимой закономерностью изменил ее.

Однако в памяти современников образ В.В. Гришаева остался неизменным: порядочный человек, талантливый ученый, честный патриот и гражданин нашей великой Родины.

Литература

1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Odk0GgLKPcY>.
2. Гришаев В.В. История сельскохозяйственных коммун. – Красноярск, 1986. – 136 с.
3. Гришаев В.В. Живые книги с говорящими автографами. – Красноярск, 2014. – 176 с.
4. Сталин И.В. Год великого перелома // Правда. – 1929. – 7 нояб.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ
Презентация выставки из фондов Государственной универсальной
научной библиотеки Красноярского края

Совлук Евгения Викторовна
Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края,
Красноярск, Россия

Статья содержит описание книжной выставки, презентация которой состоялась в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края на II Национальной научной конференции «Гришаевские чтения», посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы В.В. Гришаева. Акцент делается на исследованиях истории аграрной политики России, социально-культурных преобразований в деревне, использовании и сохранении природных комплексов и ресурсов, а также изданиях красноярских исследователей об истории развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: аграрная политика, история аграрного развития Сибири, целина, быт русского крестьянства, природопользование в зарубежных странах.

This paper focuses on the description of the book exhibition presented at the State universal scientific library of Krasnoyarsk region at the II National scientific conference "Grishaev readings", dedicated to the memory of doctor of historical Sciences, Professor, honored worker of Higher school V. V. Grishaev. The emphasis is on research on the history of agricultural policy in Russia, sociocultural transformations in the countryside, the use and careful handling of natural complexes and resources, as well as publications of Krasnoyarsk researchers on the history of agriculture.

Keywords: Agricultural Policy. History of Agricultural Development of Siberia. Virgin Soil. Life of the Russian Peasants. Nature Management in Foreign Countries.

В фондах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края собрана богатая книжная коллекция, посвященная истории аграрной политики России. Читатель может ознакомиться как с трудами, увидевшими свет в XIX в., так и с изданиями XXI в.

В изданиях, выходящих при поддержке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, обычно рассматриваются наиболее глобальные вопросы, относящиеся к общегосударственным проблемам, к макроэкономическим и макросоциальным параметрам. Например, издание 2017 г. – «Уровень жизни населения и аграрное

развитие России в 1900–1940 годах», написанное профессором Нефедовым Сергей Александровичем. Монография посвящена вопросу о динамике уровня жизни в довоенный период. В 2018 г. там же выходят «Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX – начало XX века» – труд Игоря Анатольевича Кузнецова. В ней освящается история научной аграрной мысли от времен традиционного домоводства до работ Фортунатова первых лет XX в. Почти в каждой главе этой монографии выделяются основные идеи и концепции российских агрономов-экономистов: Б.А. Целинского, М. В. Неручева, А.П. Людоговского, В.К. Хлюдзинского, А.Н. Шишкина, А.И. Чупрова, А.И. Скворцова, К.А. Вернера и А.Ф. Фортунатова.

Историко-биографическое направление исследований поддерживается и Российской Академией наук и ее территориальных подразделений, в том числе Сибирского отделения. Этому подтверждением служит книга, созданная Сергеем Алексеевичем Козловым «Российские ученые-аграрники XIX – начала XX века: историко-биографические очерки» и изданная в серии «Экономическая история. Документы, исследования, переводы» в 2019 г. Динамика становления аграрной научной мысли отражена в коллективной монографии «Проекты преобразований аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации» (Новосибирск, 2015). Без всякого сомнения, управление аграрными процессами «сверху вниз» одна из основных тем аграрной истории, поэтому в фондах нашей библиотеки много разнообразных сборников документов, некоторые из них дополняются монографическими исследованиями. Например: «Управленческая элита Российской империи» – это история министерств 1802–1917 гг., в том числе Министерства земледелия. Тему продолжают книги «Земельные органы Сибири в 1920-е гг.». Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.). Из этого тематического ряда выделяется монография Любимовой Галины Владиславовны «Очерки взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой». Она освещает культовые аспекты сельской жизни.

Для поддержки гуманитарных научных исследований и распространения гуманитарных научных знаний в стране был создан Российский гуманитарный фонд ныне Российский фонд фундаментальных исследований. При его финансовом содействии издаётся множество научных исследований. На выставке представлены две книги. Первая – монография Виктора Ивановича Назаренко «Продовольственная безопасность в мире и в России» рассказывает об общемировых вопросах экономической безопасности. Одна из глав посвящена России. Вторая глава раскрывает некоторые аспекты сельскохозяйственной экономики, связанные с общим потреблением зерновых, рисом, масличными, сахарными культурами и корнеплодами, животноводством, мясо-молочными производством. Вторая монография «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке» – это публикация 15 заседаний междисциплинарного теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», регулярно проводившегося в 1992–2000 гг. Фактически это аналитический разбор монографий западных ученых по проблемам крестьянства. Для 1990-х гг., когда

и проходили эти дискуссии, концепции, прописанные в обсуждаемых работах, были неожиданными и непривычными ни для коммунизма, ни для антикоммунизма, царившего в нашей стране в те годы. Необходимо заметить, что данное издание является публикацией по материалам журнала «Отечественная история», где своевременно печатались расшифрованные тексты семинаров, проходивших под руководством известных ученых-аграрников В.П. Данилова и Т. Шанина. Быт крестьян и казаков, несения ими воинской службы в тылу и на фронте, представлены в коллективной монографии «Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект». Также в ней освещаются и гендерные вопросы.

Популярностью у исследователей пользуются репринтные издания. Познакомится с некоторыми трудами авторов XIX- начала XX веков, в том числе и повествующими о зависимости крестьян от общины и мира, о сельском быте и парадигме города и деревни в русской истории, можно открыв выпуски книжной серии «Академия фундаментальных исследований». Тема «проекты о «новой» России» популярна на протяжении всей отечественной истории. В экспозиции представлено репринтное издание трудов ученого-экономиста о крестьянской кооперации Александра Васильевича Чаянова, а их анализ, дан в книге иностранного специалиста-крестьяноведа Яна Дауве ван дер Плуга. Русскоязычное издание его труда увидело свет в 2017 г. при поддержке РАНХиГС. На эту же тему представлены ещё два репринтных издания, впервые опубликованных в конце XIX в., таких авторов, как: экономиста и статистика Виктора Степановича Пругавина «Русская земельная община в трудах ее местных исследователей» и Владимира Павловича Воронцова «К истории общины в России».

Одним из базовых трудов о крестьянстве России в XX в. стал двухтомник Виктора Павловича Данилова, выдающегося исследователя аграрной истории послереволюционной России. Перелистывая страницы этих книг, Вы как будто перелистываете все десятилетия XX в. нашей истории: цифры, анализ архивных и монографических материалов, аргументированные, мастерски сделанные выводы.

Издания, отражающие динамику социально-экономического развития в аграрной истории на рубеже XIX–XX вв., заняли центральное место в экспозиции выставки. В 2010 г. увидела свет книжная серия «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века». В одном из томов под названием «Аграрные проекты» опубликованы документы за период 1861–1917 гг. от проекта общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, до докладов участников II съезда Лиги аграрных реформ 23–26 июня 1917 г. Привлек внимание пользователей библиотеки современный труд, основанный на большом количестве статистической информации, историка Александра Владимировича Островского «Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в.», изданный в 2016 г. Доктор исторических наук Валерий Николаевич Никулин в работе «Крестьянские промыслы на северо-западе России (вторая половина XIX – начало XX века)» раскры-

вает картину смещения в крестьянском быту ремесленного, рабочего и самого крестьянского труда в годично-сезонном цикле. Эксперт РАН, профессор Новосибирского государственного университета, Владислав Геннадьевич Кокоулин в книге «Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)» показывает подчас кровавые моменты периода гражданской войны в России.

Тема голода достаточно широко представлена в последние годы в научных исследованиях специалистов-историков, а также авторов публицистических изданий. Например: фундаментальный труд в трёх томах: «Голод в СССР. 1929–1934 г» выходящий в серии «Россия. XX век. Документы», основанной в 1997 г. академиком А.Н. Яковлевым. Монография доктора исторических наук Анны Владимировны Урядовой «Голод 1920-х гг. в России и Русское зарубежье». В ней показаны отношение и попытки помочь голодающим жителям России эмигрантов. Эта же тема освящается в одной из работ журналистки-публициста Елены Александровны Прудниковой «Битва за хлеб. От продрозверстки до коллективизации», вышедшая в серии «Мифы и правда истории» в 2016 г. В монографии доктора исторических наук, профессора Высшей школы экономики, Михаила Абрамовича Давыдова «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина» (СПб., 2016) анализируется «бедственное» положение крестьянского сословия перед Великой Октябрьской революцией 1917 г.

Темой крестьянских коммун интересовались не только советские историки, но и зарубежные. Например: итальянец историк-советолог Джузеппе Боффа, доцент Казанского государственного университета Дмитрий Иванович Люкшин и французская исследовательница и художник Доминик Дюран пишут в своих книгах о коммунах в историко-философском и социально-бытовом аспектах, об их отрицательных и положительных сторонах.

«Бунт беспощадный» от борьбы с зажиточным крестьянством» 1920-х гг. постепенно сменяется не менее тяжелым десятилетием 1930-х гг. В коллективном труде докторов исторических наук Михаила Алексеевича Безнина и Татьяны Михайловны Димони (профессоров Вологодского государственного педагогического университета) исследуется российская деревня – 1930-х – 1980-х гг. Любопытен в этой книге следующий момент: «капитализация». Авторы утверждают, что с 1930-х по 1980-е гг. в советской деревне вызревал государственный капитализм, формировалась протобуржуазия, подготавливались аграрные управленческое и интеллектуальное сословия, высекались из тверди земной рабочая аристократия и сельскохозяйственный пролетариат, обсуждаются эволюция и прогрессирование госзакупок сельхоз продукции. Эта же тема продолжается в монографии профессора Сергея Георгиевича Кара-Мурзы «Народное хозяйство СССР», 2012 г. По сути, эта книга очередная попытка развенчания мифов о том, что всё было до 1991 г. очень плохо, причем настолько, что потребовалось всё сломать даже ниже, чем до основания, и уже из получившегося «котлована» потом строить-реформировать что новое. Несмотря на то, что это полноценный аналитический труд, в нем встречаются такие данные, что рецен-

зенты приравнивают эту книгу к «белым», которые строятся на первичных, ещё не подвергнутым анализу, данных. 1939 г. Что такое ВДНХ? На это вопрос, достаточно полно и с иллюстрациями, отвечает своей книгой «Восьмое чудо света. ВСХВ-ВДНХ-ВВЦ», доцент факультета искусств МГУ, Ольга Андреевна Зиновьева.

1950-е гг., годы подъема целинных земель. Нужно ли это было? Была ли от этого польза? Какой урон был нанесен почве? За последние 10 лет фонды нашей библиотеки пополнились научными исследованиями, авторефератами, материалами конференций, несколькими монографиями на эту тему. На пример, монография доктора исторических наук, Олега Ивановича Федоренко «Село в условиях развития демократии 1953–1960 гг.». Одна из ее глав посвящена «героической эпопее освоения целины». Также целинной эпопее в прошлом, сегодня посвящают фотокниги и богато иллюстрированные издания. Великолепные фотографии, грамотные тексты, рассказывающие о том или ином аспекте жизни села в прошлом, очень красивые образцы поэзии известных авторов и местных мастеров рифмосложения.

Период новейшей истории не всегда можно представить только сугубо историческими трудами. Текущий момент описывают экономисты, социологи и географы. Первыми опубликованными материалами по вновь актуализирующимся или абсолютно новым темам являются сборники тезисов или полноценных докладов конференций.

«География Сибири в начале XXI века»: в 6 томах – это обобщающее фундаментальное издание. Его выпустил Институт географии имени Виктора Борисовича Сочавы СО РАН. В этом труде достаточно много материала посвящено природопользованию, хозяйственной деятельности населения, земледелию, охотоведению, сохранению окружающей среды, в том числе и на территории Восточной Сибири. В книжном фонде нашей библиотеки представлены материалы: VIII Международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», которая проходила в Омске в 2010 г.; III Международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии», посвященной 80-летию образования ИрГСХА. Она проводилась 2014 г. в Иркутске. Материалы II Всероссийской научной конференции Института истории СО Российской академии наук «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI века» послужили поводом к серии научных трудов «Сибирская деревня: проблемы истории».

В последние годы наиболее актуальные научные и научно-популярные темы издатели объединяют в книжные серии. Например, серия «История сталинизма» уже давно стала и популярной и вошла в классические списки литературы для подготовки специалистов на исторических специальностях в вузах нашей страны. В серии «Научная мысль» большой объем публикаций отражает аграрную тематику. Например, работа, кандидата философских наук, Татьяны Алексеевны Сережко «Народная религиозность в современной крестьянской субкультуре» (подсерия «Религиоведение»), 2017 г.

Вопросы истории сельского хозяйства, быта крестьянства, агротехнологий, земледелия волнуют не только российских, но и зарубежных авторов. В экспозиции представлены некоторые издания. В 2011 г. серия «Из наследия мировой философской мысли: социальная философия» пополнилась репринтным изданием труда Жоржа Сореля «Введение в изучение современного хозяйства», посвященный Европе, а точнее Франции конца XIX – начала XX вв. А в 2015 г. Институт Европы РАН опубликовал результаты исследования «Аграрная Европа в XXI веке». Что интересно, набор вопросов, которые ставили на рубеже XIX–XX вв. и в начале XXI в. не сильно и различаются. Институт США и Канады в 2018 г. опубликовал коллективную монографию «Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития». Работа посвящена послекризисному (2008–2009 гг.) восстановлению и развитию сельского хозяйства в Соединенных Штатах Америки. Институт Дальнего Востока РАН в 2016 г. подготовил очередное информационно-аналитическое издание «Китайской Народной республике: политика, экономика, культура», в котором, в том числе, освещаются вопросы сельского хозяйства.

Кроме экономических, правовых и философских аспектов аграрной истории исследователям интересна и культурно-этнографическая составляющая. Этнографические книги, изданные издательства «Ломоносов» в серии «История. География. Этнография» профессоров, докторов исторических наук Виктора Бердинских и Владимира Безгина «Русские у себя дома» и «Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи». В них собран богатейший «полевой» материал. Книги написаны живым, понятным широкому кругу читателей, языком. Для исследователей представляет интерес книга подготовленная доктором исторических наук Зиной Мухиной «Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.)». Книга известного ученого, сотрудника Российского этнографического музея Изабеллы Иосифовны Шангиной «Русская свадьба: история и традиция», 2017 г. издания. В ней две иллюстративные вклейки, одна цветная с фотографиями и репродукциями литографий и миниатюр из собраний музеев, вторая с чёрно-белыми фотографиями русских крестьянок XX в. В этой книге сравниваются свадьбы всех сословий нашей страны на протяжении веков ее истории. Сборник статей участников конференции «Народный костюм в Сибири», состоявшейся в 2016 г. в Новосибирске дает довольно просторную базу материала для вторичных, аналитических исследований по истории одежды сибиряков. Сборник материалов конференции богато иллюстрирован. На выставке представлено переиздание отдельных глав из книги «Крестьянский вопрос: исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян» адъюнкта Московского университета середины XIX в. Константина Дмитриевича Кавелина. Книга «Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины», изданная в 2016 г. в издательстве «Новое литературное обозрение», не была бы создана без заинтересованности

русской культурой американской исследовательницы, сотрудницы Университета Колорадо Лоры Олсон и ежегодного проводившегося исследования (длившегося более 30 лет) фольклориста, антрополога Светланы Адоньевой. В книгах собранных в экспозиции также исследуются бытовавшие ещё 2004–2005 гг. в центральных областях России в среде сельских женщин обрядовые, песенные, фольклорно-самодеятельные традиции. Книга сибирского писателя Владимира Васильевича Казарезова «Крестьяне в произведениях русских писателей», издана издательством «Достоинство» в 2012 г. Фактически это цитатная антология корифеев российской литературы от Александра Сумарокова, XVIII в. – до Николая Нарышкина (Махотина), конец XX в., с хорошей аналитикой. Автор акцентирует внимание читателей на культурных аспектах и ментальностных характеристиках разных сословий российского общества.

Коллекцию книг по аграрной истории нашей библиотеки украшают труды сотрудников различных университетов и кафедр нашего города и края, а также специалистов соседних регионов. В их числе: труды профессоров Красноярского государственного аграрного университета Николая Васильевича Орловского, Сергея Тихоновича Гайдина, и многих других; труды кандидатов и докторов наук Красноярского государственного педагогического университета: например в 2012 г. вышла монография профессора кафедры физической географии Красноярского государственного педагогического университета Валентины Алексеевны Безруких. Украшают коллекцию краевой библиотеки, также работы доцента Сибирского федерального университета Сергея Алексеевича Сафронова, профессора Владимира Григорьевича Дацышена и других исследователей Сибирского федерального университета. Многие исследователи красноярских университетов регулярно публикуют свои работы в сборниках трудов конференций, которые регулярно проводятся в крае, а их материалы представлены в книжных фондах краевой библиотеки. Без всякого сомнения, принесут пользу многим поколениям историков не только Приенисейского региона доклады и тезисы Сибирского исторического форума, в которых регулярно освещаются вопросы аграрной истории Сибири.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

УДК 9(С)18

***Н.М. ЯДРИНЦЕВ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В СИБИРИ В XVII–XIX ВЕКАХ***

Тихоньких Виктор Петрович
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Республика Хакасия

Для исторической науки представляет интерес отношение сибирских крестьян к окружающей среде обитания с точки зрения экологии и географических условий, которые во многом предопределили психологию природопользования в Сибири, начиная с момента ее заселения. На основе исследовательских материалов Н.М. Ядринцева и других ученых в статье предпринята попытка раскрыть некоторые аспекты использования переселенцами природных богатств региона в XVII – XIX веках. Внимание обращено, прежде всего, на негативные стороны этого процесса, которые по представлению автора освещены в исторической литературе недостаточно. Это не отрицает позитивных черт населения Сибири, которые позволили освоить хозяйственно и культурно огромную территорию от Урала до Аляски и Калифорнии.

Ключевые слова: переселенцы, сибиряк, адаптация, сибирский образ жизни и хозяйствования, ментальность, традиции.

Historical science is interested in the attitude of Siberian peasants to the environment from the point of view of ecology and geographical conditions, which largely predetermined the psychology of natural resources in Siberia, since its settlement. Based on the research materials of N. M. Yadrintsev and other scientists, the article attempts to reveal some aspects of the use of natural resources of the region by immigrants in the XVII – XIX centuries. Attention is paid, first of all, to the negative aspects of this process, which, according to the author, are not sufficiently covered in historical literature. This does not deny the positive features of the population of Siberia, which allowed to develop economically and culturally huge territory from the Urals to Alaska and California.

Keywords: immigrants, Siberian, adaptation, Siberian way of life and management, mentality, traditions.

Русские землепроходцы, проникая в обширные пространства Сибири с холодным климатом, с труднопроходимыми лесами, болотами, лесотундрами, вынуждены были адаптироваться к нетрадиционной для них окружающей при-

родной среде. Суровость и необычность природных условий и новая маргинальная социальная среда изменяли прежние привычки и стереотипы социального поведения и хозяйствования, отношения к земле, лесу и природе в целом. Постепенно утверждались принципы хозяйственной жизни характерные для населения именно этого региона. Опасности экстремальной среды могли быть нейтрализованы только новыми адаптивными традициями, которые требовали времени для их выработки. Процесс выработки адекватных традиций выражался в формировании адаптированной этнической и социальной общности, которая воспроизводила преемственность из поколения в поколение в устойчивую специфику материального производства, социальных отношений и духовности. Под воздействием этих системных факторов менялся характер потомственных старожилов сибирского края и их отношение к природе Сибири [1, с. 26–30]. Традиционная европейская адаптивная культура поведения переселенцев из Европейской России постепенно эволюционировала в адаптированную культуру поведения в Сибири. То есть появляется специфическая сибирская «ментальность» и «менталитет», где объединяется совокупность понятий, включающая в себя жизненные установки, устойчивые формы поведения, эмоции, настроения, имеющие системный характер для культуры поведения и отношения к природе.

Освоение природы Сибири породило сложные и противоречивые процессы, заложив свои особенности и неповторимые черты [2]. Природа давала ресурсы для обеспечения жизни и казалась безгранично богатой, но, одновременно, была враждебной и опасной и с этой опасностью, необходимо было бороться. Необходимость противостояния суровым условиям, когда крестьянам приходилось «отвоевывать» жизненное пространство у окружающей среды, предопределила чрезвычайную устойчивость свойственных сибирякам представлений о том, что «с природой нужно бороться». Размышляя об отсутствии «бережного» и «жалостного» отношения своих земляков к природе, краевед П.Ф. Пирожков с горечью констатирует: «Да и как с ней было не бороться, если и без того малопроизводительный труд населения Сибири иной раз сводился к нулю вследствие засухи, вымочки посевов, осенних и весенних заморозков или вредителей» [3, с. 112–123].

Будучи характерной особенностью традиционного мировоззрения в целом, представления о неисчерпаемости природных ресурсов Сибири долгое время определяли специфику крестьянского отношения к природной среде. Представления о необходимости бороться с природой долгое время сочетались с верой в безграничность и неисчерпаемость природных запасов, что в свою очередь порождало бесконтрольное потребление ее богатств. Специфика природопользования в Сибири определялась двумя основными факторами: кажущимися безграничными богатствами природной среды и ее враждебностью к человеку. Поэтому очень часто «сотрудничество» с природой переходило в беспощадную, в большинстве случаев неоправданную борьбу с ней. Образ Сибири как кладовой неисчерпаемых природных богатств и враждебность природной среды сформировал экологическое сознание и экологическое поведе-

ние, где традиционное бережливое отношение к природе вытеснялось стремлением безудержного ее потребления и даже уничтожения без учета последствий.

Попадая в Сибирь, люди входили в иную неизвестную им социальную общность, приобретали иной социальный статус и становились на определенное время маргиналами. Установки мышления и социального поведения, психика человека претерпевали изменения [4, с. 14–107]. Зарождалась общность населения со своими ценностными ориентациями и смыслами жизни. Сибирский образ жизни неизбежно вел к конструированию сибирской региональной ментальности, путем приобретения новых жизненных правил и обычаев. Однако вновь обретаемые жизненные ценности далеко не всегда были позитивными. Особенно наглядно это проявляется в использовании природных богатств Сибири, которые не отличались бережливостью и рациональностью, что вызывало беспокойство и возмущение Н.М. Ядринцева – одного из ведущих исследователей и патриотов Сибири.

У Н.М. Ядринцева человек выступает активным субъектом по отношению к пассивной природе. Вместе с тем он не может не замечать негативных явлений в эксплуатации природных богатств Сибири. Почти во всех работах Н.М. Ядринцева прослеживается озабоченность состоянием природы края и тревога за ее будущее. Ученый дает нам примеры хищнического отношения населения к окружающей природной среде обитания. Он пишет, что природные богатства новой страны быстро пробудили инстинкты хищничества и веру их безграничного и бесконтрольного использования. Не сдерживаемая «погоня за наживой» привела в XVII столетии к истреблению пушного зверя, прежде всего соболя, как наиболее ценный вид зверя, он истреблялся быстрее всего. После истребления соболя было обращено внимание на золото. Его хищническая добыча в период золотой лихорадки в середине XIX в. быстро истощала относительно доступные месторождения этого драгоценного металла. Если до золотой горячки население от звероловства стало постепенно переходить к земледелию и развитию местной заводской промышленности и на основе этого начала постепенно развиваться культура бережливости, то безудержное стремление добывать золото остановило этот процесс [5, с. 340]. Сибирский крестьянин, пишет Н.М. Ядринцев, о необходимости ограничения в пользовании благами природы, не имел даже понятия.

Возможно, это и чрезмерно жесткая оценка, но сибирская природа крестьянством не «оживлялась» и оно смотрело на природу как на мертвую массу. Окружающая население природная среда не была населена лешими и русалками и другими одухотворенными мифическими существами. Не одухотворенная природа не могла вызвать сакрального к ней отношения и рассматривалась лишь как объект далеко не рациональной эксплуатации. В сознании большей части переселенцев отсутствовала мистика и религиозность. Многие путешественники и исследователи, посещавшие в те годы Сибирь, отмечают, что в домах сибиряков нет богато украшенных икон, не было лампад, а были только восковые свечи. В сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви были деревянные, небогатые, а многие просто убогие. На первое место вышло

потребительское отношение к живой и неживой природе. Поэтому вывод Н.М. Ядринцева весьма категоричен: сознание крестьянства было проникнуто духом предприимчивости и потребления. Для развития производительных сил и выживания это было выгодно. Но жажда наживы вела не только к открытию новых богатств и к их расточительному способу их использования [5, с. 103–105, 112, 114].

Выводы Н.М. Ядринцева совпадают с мнением А.А. Кауфмана (1864–1919), который осуждает сибирское крестьянство не только в чисто потребительском, но и расточительном отношении к природе. Представитель либерального направления А.А. Кауфман считал, что на сибирскую природу пришлый крестьянин смотрит не столько хозяйским оком, сколько потребительски и алчно. О тех же самых проблемах писал П.М. Головачев. Исследуя вопросы природопользования, он указывает на хищнический характер отношения сибирского населения к природе [6, с. 77]. Хищническое отношение к природе Сибири нельзя ограничивать только крестьянством, оно было присуще купцам, промышленникам и мещанам, в широком смысле всему населению. Такое отношение к природе надолго вошло в менталитет сибирского населения, имея проявления даже в наше время.

Особое место здесь занимали леса, бескрайность которых была визуально ощутима более всего, что создавало иллюзию их неисчерпаемости и подкреплялось восприятием природы, особенно в начале заселения Сибири, как абсолютно неисчерпаемого ресурса. Природа представлялась настолько обильной, что, казалась, не было этому обилию ни конца и ни края: «Лесу руби, сколько надо, и не вырубешь, траву коси и не выкосишь, рыбу лови и не выловишь...» [3, с. 112–123].

При заселении Сибири переселенцы не видели надобности оберегать лес, для них лес был препятствием для распашки земли. Поэтому широко использовалась практика выжигания леса для использования освободившейся земли по пашню. Практика выжигания лесов приводила к гибели дикого животного и растительного мира, запасы флоры и фауны в местах поселений быстро оскудевали. Доходило то того, что «крестьянин, возведя избу, не имел возможности приобрести лесу покрыть ее» и «От того мы встречаем в сибирских деревнях дома иногда без крыш» констатирует Н.М. Ядринцев [5, с. 334]. Ради справедливости необходимо отметить, что выше изложенный способ природопользования не был тотальным. Характерной особенностью сибирского таежного земледелия было бережное отношение крестьян к кедру. Проникая по рекам в глухие таежные урочища, русские переселенцы, признав кедр деревом плодовым, «хлебным», строили свои жилища поблизости от таежных кедровников. Вырубая и выжигая лес под пашню, они сохраняли кедровые деревья, которые давали им орехи – предмет дополнительного денежного дохода и лакомства. Как правило, расположенные вблизи от поселков кедровые леса становились собственностью деревенской общины, охранялись от порубок и пожаров. Хотя по замечанию Ф. Нансена коренные жители Сибири, не желая лазать по деревьям,

просто их срубали, а затем собирали шишки, оставляя деревья там же. И добавляет: «Лес... не имеет здесь никакой цены!» [7, с. 126].

Усиление антропогенной нагрузки на природу вызывалась не избыточным населением или развитием промышленности, значительной хозяйственной деятельностью, а психологией хищнического к ней отношения. Наиболее заметно этот процесс шел в местах поселений и промыслов, где он негативно влиял на эффективность хозяйственной деятельности. В этих местах постепенно локально актуализируется развитие бережливых и рациональных взаимодействий человека и природы. Приходит понимание необходимости сохранения лесов вблизи поселений и местах промыслов, где они заметно истощались. Но в удалении от поселений и промыслов, пишет В.И. Матющенко, каких-либо гарантий их сохранения не существовало [8, с. 3]. Он отмечает, что особенности культуры отношения сибирского крестьянства к природе не могли гарантировать сохранения девственной природной среды. В частности, Г.И. Витовтова, исследуя художественные промыслы русского населения Западной Сибири, отмечает, что для резьбы лучшим материалом считалась древесина лиственных пород, особенно липа. К середине XIX в. липовые леса были здесь почти полностью вырублены [9, с. 55–66].

В Сибири, обеспеченной значительным массивом свободных земель и иных природных ресурсов, использовались две формы природопользования: официальная, основанная на государственных законах и основанная на обычном праве, сложившаяся в крестьянской среде. Преобладало индивидуальное крестьянское хозяйство, что также стало одной из основ отношения крестьянства к природе, когда бережное к ней отношение было просто не по силам и невыгодно. Свой хлеб сибирский крестьянин добывал тяжким каждодневным трудом в борьбе с суровым климатом, незнакомыми почвами, при помощи примитивных земледельческих орудий. Но, пишет А.А. Кауфман в работе «Переселение и колонизация», сибиряк до начала массового переселения в начале XX столетия не ведал нужды в земле и размеры своих полей определял возможностью их обработать [10]. В Сибири было много свободной земли и к ней относились, так же как и к лесу, потребительски. Отношение к земле определялось «возможностью безответственного существования». При истощении земельного участка всегда можно было перейти на другое место, уйти от возникших проблем. Сыграла свою роль и низкая плотность населения. В таких условиях, «при наличии свободных пахотных земель и недостатке рабочих рук», крестьяне в значительной своей массе не имели серьезных мотивов в интенсивном использовании своих пашенных участков [11, с. 153].

Как следствие, формирующееся русское сибирское население находилось в постоянном движении, постоянно происходило перераспределение населения в пределах отдельных губерний и между губерниями. По мере накопления средств переселенцы уходили на выселки или отруба, которые иногда становились «началом», «починком», новой деревни. Если переселенцы прибывали относительно большой группой, то они отстраивали свою деревню и замкнутую общину и жили в ней по своим порядкам.

Однако трудоемкость использования новых земельных участков, появление привязанности именно к этому месту обитания, жалость к труду, затраченному на обустройство места жительства, могилы предков, сдерживали стремление к переселению на новые земли. Психология сибирского крестьянства постепенно приобретает тенденцию к оседлости и вынуждает изменять отношение к обрабатываемой им земле. Землепользование эволюционировало в сторону достижения более высокой продуктивности. Если в первой половине XIX в. преобладали заимки с залежным и переложным земледелием, то во второй половине XIX в. господствует залежное и паровое хозяйство, которое основывалось на общинном землепользовании с использованием переделов земли [12, с. 83].

Н. М. Ядринцев отмечал также и положительное влияние переселенцев на земледельческую деятельность местных жителей, подчеркивал пользу того, что на традиции старожилов наслаивались способы природопользования новых переселенцев: «Культурное значение переселенцев для Сибири громадно, заключает он в 1879 г. Они вносят улучшенные приемы хозяйства и орудия, вводят плуги, пользуются навозом для огородов и бахчей, разводят арбузы, строят лучше мельницы, распространяют молотилки и круподранки» [13, с. 115].

Отношение Центра к Сибири было противоречивым. С одной стороны, Сибирь рассматривалась как сырьевой придаток метрополии, что не способствовало решению природоохранных вопросов государственными ведомствами. С другой стороны, удаленность, обширность территории, недостаток лесников и, самое главное, отсутствие бережливого отношения к природе самого населения, делали мероприятия по ее охране не эффективными.

В традиционных формах природопользования не наносило большого ущерба природе, но ее положительные стороны в условиях Сибири либо теряли свою эффективность, либо не могли по-настоящему проявиться по причине низкого уровня развития производительных сил и необходимости обеспечения выживания. Жизнь сибирского крестьянства проходила в тяжелых природных условиях и вырабатывала ментальность, в которой почти не было места развитию природоохранных навыков. Природоохранительная проблематика в самой Сибири приобретает значимость не позже конца 1870-х гг. Однако, по мнению Н.М. Ядринцева, именно «земледельцы претворили чужую страну в русскую землю...». Ему также принадлежат слова, что богатства края, свобода, с которой пользуется население благами природы, благодаря ее раздолью, равноправность населения – это такие преимущества и условия, которые могут дать возможность широко «развернуть силы и способности славянской расы в своей колонии» [5, с. 127, 130].

Жизнь сибиряка зависела от присущих ему индивидуальных качеств и условий разноликостью природы. Имелись самые разные типы социального поведения и идентичности, на которые влияли всевозможные факторы как негативно, так и позитивно. Фундаментальные жизненные ценности определяли модели существования, отношения к природе и взаимодействия с теми, кто соседствует в региональной общности.

Литература

1. Сибирский характер как ценность: коллективная монография /под общ. ред. М.И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Т. 1. – Красноярск, 2004. – 256 с.
2. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. С 1742 по 1823 год. – М., 2011. – 601 с.
3. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. –1994. – № 6. – С. 112–123.
4. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. – СПб.: Питер, 2005. – 266 с.
5. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, и историческом отношении. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – СПб.: Издание И.М. Смирнова, 1892. – 720 с.
6. Головачев П.М. Сибирь: природа, люди, жизнь. – М.: Издание Ю.И. Базановой; Типолитография Товарищества «Кушнерев и К^о», 1902. – 300 с.
7. Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / авториз. пер. с норвеж. А. Ганзен, П. Ганзен; [Послесл. В. Ф. Бурханова]. – Магадан: Кн. изд-во, 1969. – 303 с.
8. Матющенко В.И. Древняя история Сибири: учеб. пособие. – Омск, 1999. – 232 с.
9. Витовтова Г.И. Художественные промыслы русского населения Западной Сибири XIX в. // Культурное наследие Сибири: сб. науч. ст. – Барнаул, 1994. – С. 57–66.
10. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1905. – 349 с.
11. Ахиезер А.С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 72–86.
12. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. (К вопросу об «отсталости» систем полеводства)// Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 81–86.
13. Ядринцев Н.М. Судьба русских переселенцев за Урал // Отечественные записки. – 1879. – № 6. – С. 141–160.

***ВКЛАД В.А. БАЛАНДИНОЙ В АГРОКУЛЬТУРУ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ***

***Погребняк Александр Иванович
Минусинск, Красноярский край, Россия***

В статье предпринимается попытка осветить наименее изученный аспект научной и экспериментальной деятельности В.А. Баландиной в области развития агрокультуры Енисейской губернии.

Ключевые слова: В.А. Баландина, Енисейская губерния, агрокультура, опытное поле, научные и экспериментальные работы, минусинская пшеница, новые сорта плодовых и овощных культур, лекарственные и эфирноносные растения.

The article attempts to highlight the least studied aspect scientific and experimental activity of V.A. Balandina in the field of agricultural development of the Yenisei Province.

Keywords: V.A. Balandina, Yenisei Province, agriculture, experimental field, scientific and experimental works, Minusinsk wheat, new varieties of fruit and vegetable crops, medicinal and essential plants.

Имя Веры Арсеньевны Баландиной историкам и краеведам Красноярского края известно в связи с открытием ею первого сибирского алмаза, изысканием и строительством Черногорских копей и Ачинско-Минусинской железной дороги, основанием г. Черногорска, обширной просветительской деятельностью и благотворительностью в Енисейской губернии [8, с. 8–10; 9, с. 24–25; 10, с. 10–12]. Целью же настоящей статьи является исследование наименее изученного аспекта научной и экспериментальной деятельности В.А. Баландиной в области развития агрокультуры Енисейской губернии.

Начало интересующей нас деятельности относится к 1901 г., когда научные интересы Веры Арсеньевны сосредоточились на почвоведении, химическом анализе плодородия почв на землях Минусинского уезда. Исследования проводились в летний период в собственной химической лаборатории у горы Унюк на берегу Енисея вблизи села Абаканского [4, с. 245]. Организация лаборатории стоила значительных средств. Из Германии в лабораторию поступило по рекомендации профессора Гребэ различное оборудование: приборы, реактивы, весы и т. д. При лаборатории имелась целая библиотека специальной литературы по химии на немецком, французском, английском и русском языках. В том числе полное издание многотомного словаря по химии Вотца, с большим трудом приобретённое Баландиной в Париже, полный комплект журналов Русско-французского общества по химии при Петербургском университете более чем за 30 лет [13, с. 34–35].

Через пару лет чета Баландиных переселилась из Енисейска в Минусинский уезд на Унюк, где основала посёлок, названный по фамилии хозяйки (в советское время его переименовали по имени горы). Здесь у Веры Арсеньевны уже было опытное поле для научных и экспериментальных работ по растениеводству и животноводству. Для обработки почвы применялся плуг Сака, полив производился с помощью болгарского чирика. Хозяйка занималась исследованием пшениц с целью выведения ксерофильного сорта минусинской пшеницы, приспособленной к засушливой зоне, способной переносить перегрев и обезвоживание. Часть собранных образцов нового сорта, посеянных на полях местных крестьян, она отправила на апробацию в Петровско-Разумовскую академию [1, с. 73].

При непосредственном участии В.А. Баландиной был разбит сад, где выращивали китайские яблони и вишни. В этом саду она проводила опыты по акклиматизации уникальных сортов цветов из Европы. В химической лаборатории Вера Арсеньевна исследовала бадан на алкалоид, минералы, привозимые Н.М. Мартьяновым из Минусинского музея, и проводила прочие научные работы [4, с. 245].

Этот посёлок стал первым в Новосёловской волости, который стал освещаться электричеством. Там на террасе правого берега супруги выстроили 4-этажную мельницу, одну из самых производительных в Минусинском уезде, а также вместительные зернохранилища. На одной из почтовых открыток из серии «Достопримечательности Енисейской губернии», запечатлён берег Енисея, где опёршись на жердь изгороди, стоит супруг В.А. Баландиной, а за его спиной виднеется большое здание их мельницы [5]. Баландины баржами отправляли зерно и муку в Красноярск и Минусинск. Для рабочих крупчатного завода в целях обучения они проводили «публичные чтения с демонстрацией световых картин» [16].

Но в феврале 1904 г., в отсутствие хозяйки, всё это богатство погибло во время пожара. Сгорели материалы её лабораторных работ на Бестужевских курсах, Женевской химической лаборатории [4, с. 245]. Вера Арсеньевна планировала переехать в Минусинск, «...заняться там химическими исследованиями, а затем завещать моё дело Минусинскому музею, всё было уничтожено беспощадно» [7].

Несмотря на зловещие предсказания судьбы, строительство и развитие усадьбы Баландиных продолжилось. Это видно из прошения от 27 августа 1908 г. в губернский департамент земельных имуществ Александра Алексеевича Баландина о выделении ему участка земли на длительный срок возле горы Унюк, где расположен его мукомольный завод [17]. Соответственно, с расширением угодий и осуществлением землеустроительных работ, продолжилась в этой местности и экспериментальная деятельность Веры Арсеньевны.

Баландина в процессе своей исследовательской работы поддерживала контакты с Минусинским уездным сельскохозяйственным обществом, образованным в 1905 г. Это было первое общество подобного типа, возникшее не в губернском городе, а в уездном Минусинске. Определяя цели данной организа-

ции, её основатели стремились модернизировать сельское хозяйство в небольшом регионе Российской империи. Газета «Сибирский край», приветствуя местную инициативу, писала следующее: «Чтобы сельскохозяйственные общества принесли должную пользу местному хозяйству, необходимо, чтобы деятельность их распространялась на небольшие отдельные районы, имеющие общие интересы и нужды, и чтобы в состав их вошли сельские хозяева, заинтересованные в их работе, готовые по мере сил и возможностей служить общему делу. Нельзя поэтому не приветствовать возникновения первого такого общества в нашей губернии – Минусинского, поставившего целью содействие соединёнными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности в Минусинском уезде» [14].

В Минусинском городском архиве сохранился текст лекции В.А. Баландиной, озаглавленной следующим образом: «Об аграрном вопросе для Минусинского сельскохозяйственного общества. Минусинск 1917 г». Лекция написана от руки простым карандашом, на 14 листах линованной бумаги. Вопросы, которые волнуют автора, затрагивают наиболее болезненные проблемы аграрного сектора экономики [3].

В специальных агрономических журналах публиковались редкие статьи, где научно доказывалось, что русские крестьяне имеют во владении в среднем земли намного больше, чем их соседи в Европе. Только пользуются они ею настолько устаревшими способами, что урожайность её гораздо ниже, чем в Польше, Германии и других странах. На такие статьи специалистов просто не обращали внимания, а политики написать что-либо подобное не смели: это было бы очень непатриотично. Поэтому «малоземелье русского крестьянства» стало штампом, общим местом в публицистике того времени, очередным расхожим мифом. Все дружно пытались найти выход. Но искали его, естественно, исключительно в одном направлении – экстенсивном, т.е. за счёт территориального расширения крестьянских земельных владений. В своём докладе Вера Арсеньевна отмечала, что правительство использовало Сибирь, как территории с большими незаселёнными площадями и подчёркивала, что в данный период времени необходимо изменить условия переселенческой политики.

«В Сибирь переселилось за последние 20 лет около 4 млн. душ. Вследствие чего размер посевной площади увеличился в два раза, а количество скота в 2,2 раза и, конечно, в будущем для нашей пользы мы должны привлекать к себе переселенцев, но на других условиях, чем делалось это до сих пор» [3, л. 2]. Земли в Сибири много, но большая часть под тундрой, тайгой, непроходимым лесом, а всё, что было приготовлено, уже разобрано бывшими поселенцами. Степные же земли безводны и требуют, равно как и тайга, больших затрат, для приведения их в годное для заселения положение [3, л. 3–4].

«Прирезка земли даст малоземельному крестьянину, только передышку на время, возможность собраться с силами, отдохнуть, исправить своё хозяйство, а там надо будет неустанно улучшать земледелие, чтобы из года в год земля давала больше и больше урожая, чтобы каждая десятина кормила всё больше людей» [3, л. 4].

В.А. Баландина предлагала учиться:

«1) Улучшать обработку, такая наука называется агрокультурой. К агрокультурным задачам относятся также землеустроительные работы. Теперь почти половина крестьян пахут старыми орудиями, четверть крестьянства боронят боронами с деревянными зубьями, земля не удобряется почти совсем, пашни распахиваются вдоль склонов гор, чем не задерживается дождевая и снеговая вода и образуются овраги. По парам пускают пасты скота, который их топчет, земля затвердевает, образуется корка. Такая земля не может быть вспахана глубже, чем на два вершка. Поздняя вспашка является причиной того, что пашню заглушают сорняки, и много ещё других причин, благодаря нашему невежеству, незнанию в области сельского хозяйства понижает урожайность наших хлебов. В среднем урожайность хотя и возросла с 31 пуда с десятины в 1861 г. до 50 пудов с десятины ржи теперь, но всё же она ничтожна по сравнению с другими странами. Так, пшеницы с десятины собирают: в Дании – 195 пудов, Бельгии – 157 пудов, Германии – 90 пудов.

Известно, что для того, чтобы земля не истощалась, её нужно удобрять. Удобрять можно либо навозом, либо особыми веществами, которые питают растения, так называемыми удобрительными порошками. 14 из 100 крестьянских хозяйств могли бы удобрять землю навозом (назьмом), но мы видим как часто этот драгоценный материал бросается под отвал, валяется вокруг деревень без употребления. Что же касается удобрений порошковых, которые бывают трёх родов: 1) фосфатно-кислые, например, жжёные кости, 2) калийные, например, древесная зола и 3) азотнокислые, например, селитра, то у нас они совершенно не употребляются» [3, л. 5–6].

2) Наука о земле – агрономия учит, какие вещества и в каком количестве необходимо прибавлять в землю для искусственного удобрения.

Для того чтобы знать, в какую землю сколько и чего следует прибавить, чтобы получился хороший урожай определённого растения, делают анализ почвы, т.е. узнают из чего почва состоит и прибавляют недостающие вещества. Так делают везде за границей. И через приложение научного опыта помогают земледельцу получать прекрасный урожай, несравнимый с нашим. Профессор Чупров говорит: «Если научить нашего мужика выращивать два колоса вместо одного, то тогда у нас увеличится запас зерна на 700 млн пудов в год». В 1916 г. у помещиков было засеяно 7 млн десятин, у крестьян 60 млн десятин, т. е. засеянная площадь у крестьян была почти в 9 раз больше помещичьей, а количество снятого с неё хлеба только раза в 4 больше [3, л. 6–7].

II. Надо обратить серьёзное внимание на осушение болот, орошение сухих полей, там, где это можно устроить, закреплять летучие пески, бороться с образованием оврагов, чтобы они не разрастались и тому подобное, это называется мелиорацией земли, её улучшением.

III. Надо налаживать для крестьян продажу хлеба и покупку необходимых для крестьян предметов. Для этого много что нужно сделать:

1) провести всюду, где следует хорошие шоссейные и железные дороги, соорудить морские гавани и большой торговый флот;

2) устроить зернохранилища большие, которые называются элеваторами, и поменьше – амбары усовершенствованной постройки, холодильные склады, где продукты хранятся в холоде сколько угодно времени без порчи;

3) нужно установить таможенные договоры с иностранными державами выгодные для обеих сторон и выработать хорошие торговые законы для внутреннего рынка страны;

4) устроить денежный кредит в различных его видах, льготных и вполне доступных для крестьян... [3, л. 8–9].

«Из всего сказанного видно, что мы отстали в отношении сельского хозяйства на 100 лет, а в некоторых других отношениях даже на 150 лет от передовых стран Европы... Мы, русские, связанные по рукам и по ногам опекой прежнего правительства, всё это время спали. Теперь, чтобы наверстать потерянное, чтобы включить себя в семью культурных народов, нам, предоставленным самим себе, нужно, для нашего общего блага учиться и работать, работать и учиться!» [3, л. 10].

Таким образом, можно сделать вывод, что лекция В.А. Баландиной оригинально освещает аграрные проблемы России на пороге революции, автор даёт не только характеристику проблем своего времени, но и предлагает конкретные пути их решения.

В 1925 г. В.А. Баландина побывала на всесоюзном съезде при Госплане, посвящённом лекарственным и лекарственно-техническим растениям. Хорошо зная естественноисторические условия Минусинского края, она решила: «Там этим делом можно заниматься» [1, с. 74]. Летом 1925 г., после лечения в Мацесте, Вера Арсеньевна посетила плантации лекарственных растений и эфирносов в Сухуми, Краснодаре, Саратове, заезжала к И.В. Мичурину в Козлов. В апреле 1926 г. она обратилась в Институт прикладной ботаники в Ленинграде с предложением помочь ей в возрождении культурно-просветительской работы в Сибири [6, с. 210].

В 1927 г. В.А. Баландина стала научным сотрудником Комиссии производительных сил страны при Московском отделении АН СССР, созданной для разведения лекарственных и эфирносовых трав, с целью в дальнейшем начать из них выгонку масел для обеспечения сырьем фармацевтических предприятий. Там ей давали 6-месячные командировки в Хакасию для ведения наблюдения, проведения опытов. Участок – опытное поле в несколько гектаров, после долгих поисков, Вера Арсеньевна выбрала возле Минусинска на берегу Енисея вблизи устья р. Абакан (в районе нынешнего села Подсинее) и назвала «Культурный». Своими наработками по разведению новых сортов ягодных кустов, яблонь, овощных культур она делилась с коллегами и местным населением. При этом она постоянно посылала в Комиссию отчёты о работе [1, с. 78–79].

Сибирское земельное управление в Новосибирске согласилось оказать ей помощь в выделении ссуды в 3 тыс. руб. Помог решить этот вопрос председатель Сибкрайисполкома Р.И. Эйхе, у которого Вера Арсеньевна побывала на приёме [6, с. 210].

Объём работ на участке возрастал. 2 мая 1927 г. в письме к сыну В.А. Баландина писала: «На участке высадили 1000 дичек, 135 прививочных яблочек, 15 слив, 200 малины, 65 смородины, остальные посадки завтра ... Выкопали 15 кустов шиповника, для прививки на будущий год роз» [1, с. 78]. Далее она сообщала, что с Северокавказской станции получена посылка: змееголовник, розмарин, кенаф, кунжут, соя. Местную валериану предполагалось приобрести в Малой Минусе и высадить корзинную и дубильную иву. На сортоиспытании из бахчевых на участке были посажены 8 сортов арбузов и 5 сортов дынь. Уже в следующем году Вера Арсеньевна начала перегонку эфирного масла из богородской травы, полыни и культивирующихся на участке кориандра, аниса, турецкой мяты и фенхеля [1, с. 79]. (Эфирные масла – летучие жидкости сложного состава, вырабатываются растениями и обуславливают их запах. Применяются в парфюмерии, пищевой промышленности и медицине) [15].

Для получения эфирных масел использовался специальный дорогостоящий прибор, выписанный из Тулы на средства Сибкрайсоюза и Сибторга. Эфирные масла, в частности, требовались мыловаренному заводу в Новосибирске. На второй год экспериментатор Баландина обобщила свой опыт в статье, опубликованной в III-м разделе «Краеведение» ежемесячного журнала политики, экономики и краеведения Сибкрайисполкома, 8-й год издаваемом в Новосибирске. «СССР ещё недостаточно исследован в отношении лекарственных и лекарственно-технических растений, но всё же уже установлено, что более 300 таких видов растений встречаются на его территории, из них 63 вида повсеместно, причём в Сибири имеется сверх того ещё 24 вида» [2, с. 98].

Перед Первой мировой войной ежегодный вывоз лексиры из России достигал 32 тыс. т, внутренняя же потребность России в лексире выражалась ежегодно цифрой 7200 т как в необработанном виде, так и в фабричных продуктах, изготавливаемых из этого сырья; из-за границы ввозились преимущественно эфирные масла. Следствием таких условий явилось то очень тяжёлое положение, в каком очутилась Россия с прекращением ввоза лекарств и эфирных масел из Германии. Культурой лекарственных растений создаётся база для организации фармацевтической промышленности, необходимость в которой диктуется проблемой индустриализации страны. Поскольку советское правительство признало необходимым всемерное развитие культуры лекарственных и эфирноносных растений как важную и рентабельную отрасль сельского хозяйства, усилить экспорт лексиры, дающий стране валюту, в 1926, 1928 и 1929 гг. состоялись конференции при Химико-фармацевтическом институте в Москве. Сибирь на этих форумах представлена не была и о ней не упоминалось даже в резолюциях [2, с. 98–99].

Вера Арсеньевна предлагала решить проблему эфирноносных растений путём создания станций для выращивания этих растений в Сибкрае, подобно существующим в европейской части СССР. На первое время хватило бы трёх: около Новосибирска, в Бийско-Барнаульском районе и Минусинско-Хакасском. Они могли бы находиться в ведении Сибкрайземуправления, которое назначит

специалистов на свои опытные поля и откроет их филиалы для этой цели. По мнению В.А. Баландиной, в Томске, Омске, Иркутске такими опытами займутся вузы. Эти станции должны быть включены в сеть европейских станций СССР, дабы деятельность их протекала по более или менее единообразной программе, методам, выработанным в центре на основании результатов интересной, ценной и упорной работы последних лет специалистов на опытных станциях и в научных учреждениях; это даст возможность делать сравнения между однородными растениями в различных частях территории и в будущем районировать СССР в этом отношении. Станции необходимо снабдить соответствующими библиотеками и развернуть популярно-инструкционное издательство по тем культурам, какие будут контрактироваться у крестьян; доставлять средства для этих станций могли бы организации, заинтересованные в их достижениях: Сибкрайсоюз, Сибторг, Сибмедторг и др. [2, с. 99]

К сожалению, недостаток средств не позволил развернуть работы. Употреблялись только те растения, которые наиболее подходили к естественноисторическим условиям Минусинско-Хакасского края и не требовали затрат на парники, орошения, удобрения и прочее. Засевались валериана, наперстянка (дигиталис), ревень тунгусский, алтей, шалфей, ромашка, клещевина (рицинус), анис, кориандр, тмин, Melissa, душица, фенхель (волошский укроп), сарептская горчица, драгоцефалум, иссоп, перечная английская мята [12, с. 22–23].

Посевной материал был получен от Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур в Ленинграде, от Акклиматизационного сада в Киеве, от Ботанического сада при университете в Томске, от Лубенской станции в Полтавской губернии, от Могилёвской, Северо-Кавказской станций, от совхоза «Битца» под Москвой. Имевшие место неудачи носили характер превосходящих обстоятельств, но не были следствием неподходящих климатических и почвенных условий. Поэтому на основании двухлетней работы экспериментатор заключила с полной уверенностью, что Минусинско-Хакасский район – это район будущих культур лекарственных и эфирноносных растений [2, с. 99].

Что касается производства эфирных масел для целей парфюмерии и медицины, то, кроме выгонки из дикорастущей флоры на Алтае, предполагалось поставить пробный завод в Хакасии, т.к. произведённые опыты дали эфирных масел из культивируемых кориандра – 0,9 %, аниса – 1,75 %, дракоцефалума – 0,32 % и дикорастущего тимуса (богородской травы) – 0,56 %. На это дело Сибкрайсоюз в лице мылзавода ассигновал более 10 тыс. руб.; выгонку эфирных масел на заводе собирались производить из богородской травы, кориандра и дракоцефалума; посеvy растений Баландина предлагала произвести на нескольких десятках гектаров, как пробные, по контракции в колхозах и крестьянских хозяйствах [2, с. 99–100].

Первый аппарат хотели заказать там, где они уже делались, по чертежу профессора Б.Н. Рутовского, лучшего специалиста по эфирным маслам в СССР. Для каждой станции собирались приобрести небольшой аппарат с нагрузкой в

2 кг травы, однотипный с аппаратом других опытных станций, вести исследование эфирных масел и культивируемых дикорастущих трав одинаковым методом, при одинаковых условиях ради сопоставления результатов исследований на всех станциях.

На 3-й год производство эфирного масла прекратилось, исчез прибор для его выгонки. Как оказалось, сторож, охранявший в зимнее время участок, кому-то продал прибор, т.к. он оказался эффективным аппаратом для получения высококачественной самогонки [1, с. 80]. Три года проработала Вера Арсеньевна в Хакасии, после её отъезда в Москву участок «Культурный» передали Минусинскому опытному полю, а вскоре там всё пришло в запустение [18, с. 110]. В 1943 г. не стало самой исследовательницы В.А. Баландиной.

О практической значимости её работы в конце 1950-х гг. на страницах газеты «Литература и жизнь» поднял вопрос Л. Константинов. В своей корреспонденции он описал свой разговор с начальником отдела растительного сырья «Союзглавпищепромсырьё» при Госплане СССР С.А. Наумовым [11]. К сожалению, до настоящего времени результаты исследований В.А. Баландиной оказались невостребованными. Минусинское опытное поле и ряд фитоцентров на Алтае и в Томске лишь отдалённо напоминают деятельность В.А. Баландиной, имея целью не столько развитие агрокультуры, сколько извлечение прибыли. Таким образом, В.А. Баландина на своих опытных полях в течение 1901-1929 гг. осуществляла научные и экспериментальные работы по выведению ксерофильного сорта минусинской пшеницы, новых сортов плодовых и овощных культур, лекарственных и эфирноносных растений, чем внесла существенный вклад в развитие агрокультуры Енисейской губернии. Полагаем, что этот опыт внедрения передовых агротехнологий В.А. Баландиной должен быть изучен соответствующими специалистами и для пользы дела внедрён в современных условиях.

Литература

1. Баландина В.А. Воспоминания о пережитом / публ. И. Лалетина, А. Щербакова // Енисей. – 1989. – № 1 (187)(январь-февраль). – С. 73–80.
2. Баландина В.А. К вопросу о культуре лекарственных и душистых растений и производстве эфирных масел в Сибире // Жизнь Сибири. – 1929. – № 5 (78)(май). – С. 98–100.
3. Баландина В.А. Об аграрном вопросе для Минусинского сельскохозяйственного общества. Минусинск 1917 г. // АГМ (Архив города Минусинска). Ф. 56. Оп.1. Д. 15.
4. Вера Арсеньевна Баландина (автобиография). 19 июля 1943 г. // Алексей Александрович Баландин / отв. ред. В.М. Грязнов. – М.: Наука, 1995. – С. 244–251.
5. Вера Арсеньевна Баландина // Потапов И.Ф. Красноярск: история в документах и фотографиях. – Красноярск: Офсет, 2004. – С. 144–145.

6. Гладышевский А.Н. Штрихи к портрету В.А. Баландиной // Мартъяновские краеведческие чтения (1999–2002 гг.): сб. докл. и сообщ. Вып. 2. – Абакан: Март, 2003. – С. 209–211.
7. Енисей. – 1904. – 19 февр.
8. Имена на карте города: информац.-библиогр. справочник. Вып. 3 / Абакан. централизованная библиотеч. система. – Абакан: Бригантина, 2016. – 98 с.
9. Имя в истории Черногорска: библиогр. пособие / Централизованная библиотечная система г. Черногорска; [сост. М.Н. Кузнецова]. – Черногорск, 2014. – 25 с.
10. История и культура Красноярского края. Персоналии : рекомендат. библиографический указатель. Вып. 1 / авт.-сост. В.В. Хорина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2010. 164 с.
11. Константинов Л. Пармские фиалки из Минусинска // Литература и жизнь. – 1959. – 15 марта.
12. Лактионова Е.А. По следам Веры Арсеньевны Баландиной (документально-историческое повествование о жизни и деятельности В.А. Баландиной в Хакасии в советский период по документам государственного архива Республики Хакасии) // Сб. мат-лов V краевед. Межрегион. чтений, проходивших 21–22 февраля 2006 г. в музее г. Черногорска. – Черногорск: [б.и.], 2006. – С. 17–30.
13. Лалетин И.Т. Несостоявшийся ботанический сад // Сб. мат-лов V краевед. Межрегион. чтений, проходивших 21–22 февраля 2006 г. в музее г. Черногорска. – Черногорск: [б.и.], 2006. – С. 30–37.
14. Новое сельскохозяйственное общество в Енисейской губернии // Сибирский край. – 1905. – № 70.
15. Новый энциклопедический словарь. – М.: Бол. Рос. энцикл., 2000. – С. 1411.
16. Прощение А.А. Баландина об организации публичных чтений с демонстрацией световых картин для рабочих крупчатного завода в Минусинском уезде. 10 августа 1901 г. // Кухта С.В. В.А. Баландина – учёный, благотворительница (к 145-летию со дня рождения). – URL: <http://www.rusarchives.ru/state/krasnoyarskiy-kray/gosudarstvennyy-arhiv-krasno-yarskogo-kraya>.
17. Прощение в губернский департамент земельных имуществ Александра Алексеевича Баландина о выделении ему участка земли на длительный срок возле горы Унюк, где расположен его мукомольный завод. 27 августа 1908 г. // АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 96.
18. Шадрин А.А. Аграрные дела Баландиных в Минусинском уезде // Сб/ мат-лов II краевед. межрегион. чтений, проходивших 25–26 февраля 2003 г. в музее г. Черногорска. – Черногорск: [б.и.], 2003. – С. 104–111.

***КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ: ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ОДНОСЕЛЬЧАНАМ***

Павлова Ирина Петровна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Павлов Павел Александрович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Статья посвящена вопросам оказания помощи в крестьянской среде в пореформенный период, как части повседневной жизни. В статье сделан анализ современного состояния научного интереса к теме повседневности и истории крестьянского мира в русистике. Выделены проблемы обнаружения источников, которые позволяют раскрыть вопросы самопомощи в крестьянской общине. Источники являются значительной частью вторичными, поскольку формировались опросами и наблюдениями авторов конца 19го-начала 20го веков. На основании материалов сделаны выводы о том, что поддержка обездоленных осуществлялась на регулярной основе, хотя могла быть и разовой в экстренных случаях. Что также можно рассматривать как часть повседневного мира русского крестьянства.

Ключевые слова: история повседневности, социальная помощь, крестьяне, история России

This article discusses the issues of social assistance to fellow villagers in post-reform period. Modern state of scientific interest to everyday life and history of peasants in Russian studies is analyzed. The problems of discovery of sources are highlighted which make it possible to reveal the issues of mutual aids in peasant community. These are mainly secondary sources because they are based on surveys and observations carried out in 1890s-1900s. It can be concluded that assistance to the downtrodden was provided on regular basis, though, it could be single event in extreme cases. It also can be considered as a part of everyday living of Russian peasants.

Keywords: everyday life, social assistance, peasants, history of Russia.

Понятие повседневности, повседневной жизни, повседневного мира в историческом контексте применительно к крестьянской среде исследуется фрагментарно, что объясняется как трудностями выявления источников, так и относительной новизной самой истории повседневности в русистике.

История крестьянской повседневности начала формироваться в XIX в. (работы А.В. Терещенко, Е.А. Авдеевой, М.И. Забылина и др.). Основой этих работ стали в современном понимании этнографические описания народной жизни, исследования экономического положения крестьянского сословия, в котором упоминались обычаи в сфере социальной поддержки (самопомощи) в

среде крестьян. Во второй половине XIX в. на фоне земского движения появляются работы К.Д. Кавелина, А.А. Риттиха, Н.К. Бржевского, В.В. Тенишева. П.С. Ефименко и др., которые освещали жизненный мир крестьян, рассматривая вопросы правовых обычаев и правосудия («юридического быта»).

В классической работе Д.К. Зеленина «Востоочнославянская этнография», которая впервые была издана на немецком языке в 1927 г. в Германии (публикация на русском языке была сделана в 1991 г.) раздел «Общественная жизнь» начинается с анализа общественных работ (толоки). Автор основывался на исторических изысканиях и наблюдениях, сделанных в белорусских деревнях в 1920-х гг., когда обычаи продолжали следовать дореволюционной традиции.

«История повседневности» как самостоятельный кластер исторического поля стала в российской науке наполняться смыслом в 1980-е гг. Показателем этого интереса стала публикация в 2000-2011 книжной серии «Живая история: Повседневная жизнь человечества» издательства Молодая Гвардия (более ста книг).

Поворот в изучении русской повседневности сделал швейцарский ученый Карстен Гёрке, который в 2003-2005 гг. выпустил трехтомник «Русская повседневность: история в девяти временных картинах от раннего средневековья до современности», материалы которого охватывают период с Древней Руси до современности. В нашем случае интерес представляют материалы 2-го тома «На пути к современности», охватывающего период с 1762 по 1914 гг. Как того требует тема, Гёрке уделяет внимание относительно стабильным эпохам, когда сохранялись устойчивые социальные структуры. Это касается и крестьянства конца XIX – начала XX века, несмотря на то, что период отличался как раз качественными изменениями повседневного мира крестьян, вызванного последствиями отмены крепостного права, медленной, но верной урбанизацией и проч.

Семинар 2010 г. в Блумингтоне по русской повседневности, материалы которого были опубликованы в 2015 г., объединил исследователей повседневности русского мира. Среди тем семинара были вопросы «быта», каждодневной жизни, соотношения частного и публичного в жизни и др. Анализу подверглись: немецкая микроистория (Alltagsgeschichte), регионоведение (local history), история быта как изображение традиционных народных практик.

В университетах в начале XX века вводятся курсы по истории повседневности. В 2012 г. в МГУ под руководством Л.И. Семенниковой были подготовлены учебные пособия по истории российской повседневности (от истоков до середины XIX века и второй половины XIX – начала XXI века. С 2016 г. издается научный журнал «История повседневности» (учредитель – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина). В журнале имеется раздел «Повседневность отдельных социальных групп».

Несмотря на активизацию интереса к истории повседневности, научное понимание этого феномена находится в дискуссионном поле. Используются понятия: перцептивное пространство, коммунитарное общество – община, социальная антропология, соционормативная практика. Соотносятся макро и микро подходы в истории. Н.Л. Пушкарева считает особенность российской исто-

рии повседневности – «отнесение ее к культурологии, почти к этнологии», сведение ее часто к истории быта. Она считает, что «принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании *значимости событийной истории*, показе многообразия «индивидуальных реакций на череду политических событий». Среди множества определений понятия «повседневность» в научной литературе наиболее приемлемым представляется определение П.Н. Кондрашева и К.Н. Любутина о том, что повседневность – это «форма непосредственной человеческой деятельности, представляющая собой совокупность повседневного бытия, то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей трудовых будней и домашнего быта».

Проблема изучения истории повседневной жизни крестьян, ее отдельного элемента – социальной поддержки, как и все темы крестьянской повседневности, слабо обеспечены источниками. Общинная солидарность и круговая порука служили основой социальных связей, которые включали в себя и социальную поддержку. Вторичного характера источники – это работы крестьяноведов.

Особое значение имеют указанные наблюдения и записи Д.К. Зеленина (на материалах Белоруссии): «Если в какой-нибудь семье кормилец долго и тяжело болеет и потому не может вовремя убрать сено или зерно, семья обращается за помощью к общине, т.е. просит ее принять участие в толоке. Обычай требует не отказывать в этих случаях нуждающимся в помощи, хотя за такую работу не следует не платы, ни угощения, а только благодарность». Участвующие в толоке, естественно надеялись в случае нужды получить такую же помощь. Свои «интересы» видела и молодежь в демонстрации умения работать, коллективных состязаниях. В период наблюдений автора толоки сопровождалась угощением от состоятельных людей, устраивались работы в праздничные и выходные дни. Были работы и в варианте отработки по взаимным обязательствам. В первую очередь выполнялись такие работы как вывоз навоза на поля, доставка леса для постройки дома, строительство, кладка печи, косьба и жатва, выкапывание колодца. Среди женских работ: прядение, трепание льна и конопли, рубка капусты и др.

Автор описывает традиции, которые наблюдал, очевидно, в 1920-е гг.: «Каждый приходит на толоку со своим инструментом, с топором, серпом, косой и т. д., и, если надо, с лошадью, телегой. Было правило приглашения на толоку. Перед работами подавался завтрак, днем – обильный обед. Угощение с вином. Непьющие приносят специальную посуду, а которую сливают «свое» вино. Чаще обычай выглядит так: Женщина, которая вина не пьет, приводит к ужину своего мужа или родственника, который становится у нее за спиной и поэтому носит звание «захребетника». На осеннюю рубку капусты собираются девушки. Потом танцы. После праздников могли «случаться» «капустные дети». Иногда работы были за возможность участия в развлечениях.

Особое внимание уделялось и уделяется исследованию традиции и практике нищенства. Принципы круговой поруки и помощи сохранялись у нищих из крестьян. Традиция помощи ближнему распространялась особенно у старо-

обрядцев, вокруг центров жизни которых собирались целые группы нищенствующих.

Одним из направлений социальной поддержки является поддержка сирот и стариков. Эта тема исследована в монографиях В.Б. Безгина. Традиции выполняли роль соционорматики (нормы поведения). «Дети обязаны родителей во всем слушать, покоить и кормить во время болезни и старости», – сообщал о преданиях крестьян житель Орловской губернии в конце XIX в. Стариков-родителей сыновья поочередно брали к себе на жительство, и если те оставались доживать свой век с одним из них, то другие должны были обеспечить их всем необходимым. К тем, кто не радел попечением своих родителей, применяли меры общественного воздействия. Известны случаи, когда волостной суд принуждал непутовых детей к исполнению своих обязанностей, определяя приговором годовую норму натурального довольствия для прокормления стариков.

Обыденным явлением поддержки на селе были займы зерна до нового урожая. Зерно занимали как для посева, так и для пропитания. За исключением ростовщиков, крестьяне давали хлеб в долг без процентов. Возврат обыкновенно производился осенью, когда урожай снят и обмолочен. Заём крестьянами денег друг у друга чаще всего производился без платежа процентов, а лишь за угощение водкой. Такие сделки старались заключать без свидетелей из-за страха того, что присутствие постороннего может иметь неблагоприятные последствия для сторон. «Помочи» использовались в случаях, когда семья не справлялась с хозяйственной задачей: перевозки строительных материалов, срочных строительных работ (после пожаров, при переселениях) в период между полевыми работами. Закончив свои работы, члены общины помогали уборке тем хозяевам, которые не успевали «по маломочности», косили сено, убирали хлеб. Мир выделял участки женским семьям, освобождал их от повинностей. Положение пострадавшей от неурожая семьи рассматривал сельский сход, решения принимались, например, о ежемесячном выделении с каждого хозяйства по снопу или два пострадавшей семье. В случае неурожая откладывали уплату повинностей. Крестьянам погорельцам бесплатно выделялся лес, холст, одежда и др.; проводились работы по огораживанию, денежные ссуды.

Для поддержки оставшихся сирот устанавливали либо «черед» (поочередный переход из дома в дом общинников), либо пристраивали за плату в семьи. Одевали обездоленных «по милосердию». Опекуны назначались только если совершеннолетние члены семьи не справлялись с необходимой поддержкой сироты, либо «разбазаривали» имущество осиротевшего. Община стремилась устроить сирот на подработку: подпасками, подсобниками. Земельный надел «возвращался» сироте, когда он подрастал, либо девушка выходила замуж с собранным приданым.

В начале XX в. начали распространяться постоянные формы призрения в деревнях: нанимали избу и кухарку, продукты для сирот и стариков, продукты собирали по раскладке.

С установлением советской власти социальная защита со стороны государства была распространена только на пролетарское население, точнее, на рабочее

население городов. Что касается крестьянства, то была введена система помощи односельчанам. Декретом СНК от 14 мая 1921 г. образовывались Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. Они должны были создаваться на сельских сходах, и их деятельность обеспечивалась взносами. Таким образом, власть первоначально пошла по пути использования традиций повседневной жизни крестьян, для решения вопросов большинства населения страны.

Литература

1. Безгин В.Б. История российского крестьянства. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2011.
2. Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. – М.: Ломоносовъ, 2017.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991.
4. Ефименко П.С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. – М.: ОГИ, 2009.
5. Павлова И.П. Общественное попечение о старости в дореволюционной России // История российской повседневности: мат-лы 26-й Всерос. науч. конф. – СПб.: Нестор, 2002. – С. 59–72.
6. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы «Анналов» к российской философской школе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4, № 1. – С. 7–21.
7. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира [СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаумаб 1903]. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАРД, 2016.
8. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту [Брянск. Тип. Л.И. Итина и Л. 1907]. – Изд. 2-е. – М.: Либеркльм, 2011.
9. Goehrke Carsten. Russischer Alltag: eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Bd.2. Auf dem Weg in die Moderne. Zürich, Chronos Verlag, 2003.
10. Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015.

**ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В НОРМАХ ОБЫЧНОГО ПРАВА
КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ПРИАНГАРЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX в.**

Андюсев Борис Ермолаевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Основой законопослушания в прошлом служило следование нормам обычного права в своем социуме. В сибирских условиях XVII – начала XX в. в локальных общинах происходила трансформация традиционных русских норм обычного права в общем контексте адаптации. О практике применения обычного права в Сибири говорится в работах дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Однако региональные и локальные роли крестьянского правового творчества в рамках сибирской общины по-прежнему остается недостаточно изученной.

Поэтому мы ставили своей целью изучить вопрос о регулировании отношений собственности на основе норм обычного права в Енисейском Приангарье во второй половине XIX в. Выводы нашего исследования сделаны на методологических подходах микроистории, методом анализа источников личного фонда А.А. Савельева (ГАКК. Ф. 739. Оп. 1. Д. 21.). Архивные источники фонда А.А. Савельева разнородны по информативности и полноте, но исходят из среды старожилов: «приговоры» сельских сходов, общинных судов, содержащих вопросы внесения прошений, опроса свидетелей, межевания земель, вынесения решений, рассмотрения жалоб.

Правовая самобытность крестьян Приенисейской Сибири проявилась в дробной разработанности норм-регуляторов сферы собственности, уклада материальной повседневности, правил ведения хозяйства. О наличии купли земли свидетельствуют десятки документов фонда: купля-продажа пахотной и покосной земли. Основным источником собственности на землю в таежной Пинчугской волости был личный труд крестьян. Здесь общинник предстает воедино в лице домохозяина, собственника и труженика, налогоплательщика, имеющего круг прав и обязанностей. Община крестьян Приангарской Сибири взаимодействовала с ее рядовыми членами на паритетных началах. Пинчугский волостной суд крайне дотошно рассматривал спорные дела, касающиеся не только земельной, но и иной собственности, например мельницы; реализация права собственности касалась пахотной земли, рыбных и охотничьих угодий, урожая, добытого зверя или выловленной рыбы.

В случае возникновения непростых ситуаций судьи искали выход согласно имеющимся прецедентам или привлекали советчиков из наиболее мудрых и знающих стариков. Волостной суд выносил и решения на основе традиций-прецедентов по фактам нарушений местных традиций.

Быт крестьянского населения, сложившийся исторически, объяснял стремление крестьян подчиниться суду односельчан, не имеющего ничего общего с формальным судом, писанным законом, но вполне удовлетворяющий понятиям справедливости. Мы находим в источниках ссылки на «традиции дедов», на «обычай в нашем селении и волости», «так здесь принято», «согласно местным обычаям», «по обычному праву». Практически каждое дело заканчивалось формулировкой «достигнуто миролюбивое соглашение».

Крестьянский мир Приенисейского края на рубеже XIX–XX вв. продолжал сохранять юридические обычаи, выработанные их предками еще в «России» и адаптивно видоизмененные в Сибири.

Ключевые слова: обычное право, микроистория, личный фонд, общество-община, традиции и приспособления, имущественные отношения, волостной суд, «приговор», истец, ответчик, материальный быт, купля-продажа земли, источник собственности, «традиции дедов», «обычай», «так принято», «соглашение», крестьянский мир.

The basis of law-abiding in the past was following the norms of customary law in their society. In the Siberian conditions of the XVII-early XX centuries, the transformation of traditional Russian norms of customary law in the General context of adaptation took place in local communities. The practice of application of customary law in Siberia is described in the works of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. However, the regional and local roles of peasant legal creativity within the Siberian community are still insufficiently studied.

Therefore, we aimed to study the regulation of property relations on the basis of customary law in the Yenisei Angara region in the second half of the XIX century. The Conclusions of our study are made on the methodological approaches of micro-history, by analyzing the sources of the personal Fund of A. A. Savelyev (GACC. F. 739. Op. 1. D. 21.). Archival sources of the A. A. Foundation Savelyev are heterogeneous in information and completeness, but come from among old-timers: "sentences" of rural gatherings, community courts containing questions of petitions, questioning of witnesses, land surveying, making decisions, consideration of complaints.

The legal identity of the peasants of the Yenisei Siberia was manifested in the fractional elaboration of norms-regulators of the sphere of property, the way of material everyday life, the rules of farming. Dozens of documents of the Fund testify to the existence of the purchase of land: purchase and sale of arable and mowed land. The main source of ownership of land in the taiga Pinkovski parish was a personal labor of the peasants. Here the commoner appears together in the person of the householder, the owner and the worker, the taxpayer having a circle of the rights and duties. The community of peasants of Angara Siberia interacted with its ordinary members on a parity basis. Pinchug volost court extremely meticulously considered the disputable cases concerning not only land, but also other property, for example mills; realization of the property right concerned arable land, fish and hunting grounds, a crop, the extracted animal or the caught fish.

In case of difficult situations, the judges sought a way out according to the existing precedents or privekali advisers of the wisest and most knowledgeable old men. The volost court also made decisions on the basis of traditions-precedents on the facts of violations of local traditions.

The way of life of the peasant population, which has developed historically, explained the desire of the peasants to submit to the court of fellow villagers, which has nothing to do with the formal court, written law, but quite satisfying the concepts of justice. We find in sources references to "traditions of grandfathers", to "customs in our settlement and volost", "so it is accepted here", "according to local customs", "according to customary law". Almost every case ended with the phrase "a peace agreement has been reached."

The peasant world of the Yenisei region at the turn of the XIX–XX centuries continued to preserve the legal customs developed by their ancestors in "Russia" and adaptively modified in Siberia.

Keywords: Customary law, microhistory, personal Fund, society-community, traditions and adaptations, property relations, volost court, "verdict", plaintiff, defendant, material life, purchase and sale of land, source of property, "traditions of grandfathers", "customs", "so it is accepted", "agreement", peasant world.

Базовой основой законопослушания в историческом прошлом служило следование нормам обычного права в своем социуме. В них содержались установки социального бытия: нравственность и мораль, взаимоотношение в семье и социуме, отношение к собственности и труду, межпоколенная социализация, обычаи социального регулирования и т. д. Даже в условиях идеальных законов в современном обществе, на уровне повседневности во многом люди руководствуются нормами «традиций предков». Поэтому так важно учитывать степень взаимодействия государственного с обычно-правовыми аналогами в социуме. Это одно из условий преодоления гражданами правового «саботажа», эксцессов и конфликтов.

В сибирских условиях дореволюционного периода XVII – начала XX в. в локальных социумах-общинах происходила трансформация принесенных сюда традиционных русских норм обычного права в общем контексте адаптации. О практике применения обычного права в Сибири можно обнаружить в дореволюционных работах описательного характера К.Д. Кавелина, В.А. Александрова, Д.Е. Лаппо, Н.А. Кострова, А.П. Шапова, Н.М. Ядринцева, Г.Н.Потанина, М.Ф. Кривошапкина, Н.В. Латкина, А.А. Макаренко, М.В. Красноженовой. Так князь Н.А. Костров в 1879 г. в «Юридических обычаях крестьян старожил Томской губернии» описывает важные стороны жизни крестьян, регулируемые на основе обычного права, раскрывает области применения данных норм и их особенность.

В советский период во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг. данную проблему изучали М.М. Громыко, Н.А. Миненко, В.А. Зверев, Л.М. Сабурова. В 1990-2000-х гг. обычное право представлено в работах С.В. Кузнецова, В.В. Безгина, М.В. Дорофеева. Однако региональные и локальные роли крестьян-

янское правовое творчество в рамках сибирской общины по-прежнему остается недостаточно изученной.

Поэтому мы ставили своей целью изучить вопрос о регулировании отношений собственности на основе норм обычного права в Енисейском Приангарье во второй половине XIX в.

Выводы нашего исследования сделаны на методологических подходах микроистории, методом анализа источников личного фонда А.А. Савельева [ГАКК. Ф. 739. Оп. 1. Д. 21]. Будучи в ссылке, он служил секретарем в Пинчугском волостном суде и собирал отпуски судебных дел щепитильно фиксировал все нюансы местного судопроизводства, правовые казусы и судебные решения.

Делопроизводственные архивные источники фонда А.А. Савельева очень разнородны по информативности и полноте, но исходят из среды старожилов: «приговоры» сельских сходов, общинных судов, содержащих вопросы внесения прошений, опроса свидетелей, межевания земель, вынесения решений, расчетов рассмотрения жалоб. Практически каждое дело заканчивалось формулировкой «достигнуто миролюбивое соглашение». Мы находим в источниках ссылки на «традиции дедов», на «обычаи в нашем селении и волости», «так здесь принято», «согласно местным обычаям», «по обычному праву». Газеты «Енисейские губернские ведомости» и «Енисейский листок» за 1890–1892 гг. «со стороны» представляют эти факты как «нарушение законов местными крестьянами ввиду следования местным обычаям», разрешении споров «курьезными» способами.

Правовая самобытность крестьянского населения как России в целом, так и Приенисейской Сибири, системно проявилась в регламентированной и дробной разработанности норм-регуляторов сферы собственности, уклада материальной повседневности, правил ведения хозяйства. Как выше сказано, к «курьезным» можно отнести традиции купли-продажи земли крестьянами (что противоречило законам), выявления приоритетов на основе «права первого» и «захватного права», паевой собственности и пр.

О наличии купли заемли свидетельствует история чадобского крестьянина Б.Х., который «купил эту землю от племенника истца, ... на неопределенное время, как собственность» [1].

Факт купли покосной земли «в количестве 1/16 десятины, которая ранее того была продана ответчиком истцу. А посему волостной суд постановил означенную землю передать истцу». То есть притязания на проданную некогда землю отвергнуты судом [2].

Основным источником собственности на землю в таежной Пинчугской волости все же был личный труд крестьян по расчистке от леса. Когда, например, истец М.С.Л. из деревни Иркиньевской доказал, что спорная «земля была расчищена его дядей отставным солдатом М.Л. ныне умершим», то данную сенокосную расчищенную землю отобрать от ответчика и вернуть истцу [3]. При возникновении спора по совместному пользованию расчищенной земли, суд, доказав общее участие в расчистке, волостной суд обычно выносил решение о разделе земли пополам [4].

Процесс поиска новой земли, ее расчистки и правила пользования изложен подробно в ряде дел так. «Истцы показали, что летом сего года в местности под названием «Мокруша», они нашли землю удобную для сенокоса... в количестве 3/4 десятины. На этой земле они скосили раз сено, предварительно убрав валежник и часть поросли, решив расчистить остальное после уборки хлеба и полей. Но ... ответчик занял ... покос. Волостной суд постановил землю от ответчика отобрать и удовлетворить истцов»[5].

В Приангарье право владения землей наступало не с момента расчистки, а так называемого чертежа; проведением борозды сохой по периметру, что означало, по традиции, ее присвоение. Когда возникла тяжба в деревне Иркинеевой о первенстве чертежа и установить истину невозможно («ни один из собственников не мог показать»), то суд постановил: «разделить чертежи, принадлежащие обеим тяжущимся пополам и между чертежами поставить межи, во избежание возникновения спора»[6].

Как видим, приверженность крестьян обычному праву определялась общинным укладом, традициями аграрного труда, самобытностью традиционного менталитета. В частной практике народного права воплощалось крестьянское представление о справедливости.

Здесь общинник предстает воедино в лице домохозяина, собственника и труженика, налогоплательщика, имеющего круг прав и обязанностей. Община старожилов Приангарской Сибири взаимодействовала с ее рядовыми членами на паритетных началах. Например, когда крестьянину И.Е.Е. из ангарской д. Заимской, в результате неточного наделения землей «была нанесена обида», он подал иск в волостной суд на сельское общество (!) ввиду того, что его «обделили на 1/8 десятины. Сельское общество признало ошибку и просило суд вынести решение: «В будущем 1890 году выдать истцу земли в удвоенном количестве, то есть не 1/8, а 1/4 десятины» в знак *«признания вины общества»* [7]. Аналогичное признание представлений о равенстве юридических прав находим в других судебных решениях. Например, в происшедшей в 1891 г. потраве посевов крестьянина по вине «общества» (*«не обеспечило сохранности покотины вокруг деревни»*), оно возместило домохозяину нанесенный ущерб[8]. Мы видим не только стремление «общества» разрешить конфликт, но и признав вину, компенсировать моральный ущерб.

«Истец крестьянин деревни Заимской Н.Е.С. и ответчик сельское общество деревни Заимской. Истец заявил 2.12.1889 г., что ответчик производя передел, находящихся в их дачах земель, обделили его 1/8 десятины. Ответчики объяснили, что обдел произошел по ошибке, потому суд постановил: в будущем 1890 году выдать истцу землю в удвоенном количестве, то есть не 1/8 десятины, а 1/4 десятины земли. Исполнено в июне 1890 году» [9].

Пинчугский волостной суд крайне дотошно рассматривал и спорные дела, касающиеся не только земельной, но и иной собственности. Интересна обычно-правовая ситуация по совместной покупке мельницы 15 пайщиками, крестьянами деревни Мадуйской. Когда истец из с. Чадобского заявил, что приобрел 16-й пай мельницы, то суд признал, что «истец право пользования мельницей 1 раз через 15 дней» [10].

Представления крестьян-старожилов о функциональном предназначении общины базировались на постулате «пользе традиций» при взаимодействии с внешним миром. В данном случае это дела о реализации права собственности касалось не только пахотной земли, но и рыбных и охотничьих угодий, урожая, добытого зверя или выловленной рыбы. Так в сентябре 1888 г. 35 крестьян с. Чадобского, дд. Климиной, Залидеевой, Пашутиной, Юрохти «и без участия крестьян деревни Гольтявиной разбили общие рыболовные ямы». Тем самым они лишили гольтявинцев рыбного промысла, от которого они получали значительный доход. Пинчугский волостной суд выяснил, что было нарушено не менее семи условий совместного пользования ямами, определил «с поименованных крестьян взыскать 100 рублей в пользу Гольтявинского общества». Однако, ответчики в беседе со стариками поименованных селений, выяснили, что когда-то бытовало неписанное правило «о предупреждении» других общин. Оказалось, что оно «имело место быть». Данный факт стал важным аргументом на повторном заседании и, поэтому, вместо 100 руб. истцы-гольтявинцы получили от ответчиков всего 30 руб. с оговоркой – «за обиду» [11].

Заведомо ясные ситуации разрешались при проверке согласно обычаям равнозначно ущербу или сумме долга. Мы нашли сразу две ситуации на одном листе «савельевских» документов. Так истец показал, что лошади ответчика потравили у него ярицу приблизительно на 4 пуда. При дознании оказалось, что лошади действительно прошли через огород ответчика, и что огород был в *неисправном виде*. Ответчик это подтвердил, а потому суд постановил 4 пуда ярицы взыскать с ответчика в пользу истца. В другом деле истцы крестьяне д. Карабульской, показали, что лошадьми ответчика из села Богучанского потравлено хлеба, им принадлежащего в количестве ржи 20 пудов и овса 5 пудов. Ответчики означенное количество согласились оплатить сполна [12].

В случае возникновения непростых ситуаций судьи искали выход согласно имеющимся прецедентам или привлекали советчиков из наиболее мудрых и знающих стариков. Подобные ситуации затруднений с выплатой долга. Но исход большинства судебных тяжб направлен на достижение «миролюбивого соглашения». В судебных решениях фонда А.А. Савельева есть несколько дел подобного рода.

В первом случае, истец, крестьянин из ссыльных деревни Каменской, показал, что крестьянин-ответчик в разное время забрал у него денег на сумму 47 руб. Ответчик от уплаты отказался из за неимения средств. Волостной суд «*по совету стариков*» в октябре 1879 г. постановил взыскать данную сумму в разные сроки, а именно: 5 руб. к Пасхе следующего 1890 г., 15 руб. к Пасхе 1891 г., 13 руб. 50 коп. к Пасхе 1892 г. и 13 руб. 50 коп. к Пасхе 1893 г. и удовлетворить истца [13]. В наши дни это называется реструктуризацией долга.

Во второй ситуации 1890 г. истец крестьянин из ссыльных деревни Пашутиной просил взыскать 31 руб. с ответчика, поселенческого сына деревни Заледьевской. Выяснилось, что «за неимением средств» нет возможности погасить долг. Было решено, «*как принято здесь*» ответчика «отдать в работу на 6 месяцев, причем в продолжение этого времени он должен работать на истца 3 дня в неделю» [14].

Пинчугский волостной суд выносил и решения на основе традиций-прецедентов по фактам нарушений ангарских традиций. В тексте решения А.А. Савельев зафиксировал интересную традицию: найм на сроковую работу без письменного оформления, так «как в нашей местности принято, по рукоблиту». В данном случае, работник нарушил неписанный договор работы по найму. Решением волостного суда работник был вынужден выплатить хозяину «принятую в селении» сумму в 3 руб. [15].

Весь быт крестьянского населения, сложившийся исторически, объяснял стремление отдельных крестьян подчиниться суду своих односельчан, часто не имеющего ничего общего с формальным судом, писаным законом, но вполне удовлетворяющий совести и понятиям справедливости. К таковым можно отнести ситуацию, при которой домохозяйном с правом участия в сходах имела женщина, «вдова О.К.И. д. Гольтяевской Пинчугской волости Она хозяйство имела свое, так как от мужа унаследовала дом, скот, земли и прочее»[16].

Крестьянский мир Приенисейского края и, особенно, таежных районов Приангарья на рубеже XIX–XX вв. продолжал сохранять юридические обычаи, выработанные их предками еще в «России» и видоизмененные в Сибири. Стремление крестьян подчиниться суду своих односельчан, часто ничего общего, не имеющего с судом формальным, следует объяснить тем, что он вполне удовлетворял нормам народной морали. Исследованные нами юридические ситуации, рассмотренные на основе местных обычаев народного права Пинчугской волости доказывают это вполне. Поэтому материалы фонда замечательного этнографа и знатока обычного права могут быть неоценимы в изучении повседневности общинной и семейной жизни крестьян Сибири, в изучении психологии старожила, живущего по заветам и законам предков.

Литература

1. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.
2. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 39.
3. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 35.
4. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.
5. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 49.
6. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 11-об.
7. ГАКК, Ф. 609., оп. 1., д. 626., л. 11.
8. ГАКК, ф.793., оп. 1., д. 2., лл. 17, 74.
9. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.
10. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
11. ГАКК, Ф.793. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.
12. ГАКК. Ф.793, Оп. 1. Д. 21. Л. 66.
13. ГАКК. Ф.793, Оп. 1. Д. 21. Л. 37.
14. ГАКК. Ф.793, Оп. 1. Д. 21. Л. 68.
15. ГАКК. Ф.793, Оп. 1. Д. 21. Л. 19-об.
16. ГАКК. Ф. Ф.793, Оп. 1. Д. 21. Л. 19-об.

**К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ СТОЛЫПИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ:
СЛУЧАЙ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА**

Гилько Максим Александрович
Красноярская университетская гимназия № 1 «Универс»
Красноярск, Россия

В статье анализируется состояние сельского хозяйства в Енисейской губернии накануне строительства Транссибирской магистрали, в период ее эксплуатации и столыпинского переселения. Выявляются кризисные тенденции хозяйства, особенно в Красноярском уезде.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Красноярский уезд, Транссибирская магистраль, сельское хозяйство, столыпинское переселение, кризис.

The article analyzes the state of agriculture in the Yenisei province on the eve of the construction of the Trans-Siberian Railway, during its operation and the Stolypin's colonization. Crisis trends in the economy are revealed, especially in the Krasnoyarsk district.

Keywords: Yenisei province, Krasnoyarskiy uyezd, Trans-Siberian Railway, agriculture, Stolypin's colonization, crisis.

Распространенное сегодня представление об успешности столыпинских аграрных реформ (в т. ч. в форме крестьянского переселения в Сибирь) нуждается в проверке на основе локальных исследований, которые бы позволили определить специфику аграрных процессов на различных территориях. Цель данной работы — проведение такого исследования на материале Енисейской губернии с фокусом на положении Красноярского уезда.

«Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (1893) дают важные статистические данные по четырем сельскохозяйственным уездам Енисейской губернии (Ачинскому, Канскому, Минусинскому и Красноярскому) в период до начала строительства Транссибирской магистрали. Если по четырем уездам на одно хозяйство в среднем приходилось 13,1 дес. запашки, то в Красноярском уезде – только 12,3 дес. По четырем уездам 39 % запашки находилось под залежами, 33 % – под посевами, 28% – под парами, а в Красноярском уезде доля залежи была наименьшей – лишь 28,2%, а посевов – наибольшей, достигая 37,2% [1, с. 1, 25, 127]. Чистый сбор всех хлебов (в переводе на рожь) на душу населения по четырем уездам был равен 44,4 пуд., а ниже всего этот показатель опускался в Красноярском уезде — до 38,6 пуд. [1, с. 38, 81, 84, 114]. Таким образом, показатели сельскохозяйственного производства в уезде были наименее благоприятными.

Красноярский уезд имел наибольшую плотность населения. Если в среднем по губернии приходилось 1,6 человек на кв. версту, то в уезде – 4,2 человека на кв. версту [Подсчитано по: 2–4, л. 169]. Поэтому в селениях уезда насчитывалось больше дворов, чем в селах других уездов, и сами селения размещались достаточно близко друг к другу [2, с. 86–87; 5, с. 41–45, 114]. Если в среднем по всем четырем земледельческим уездам на мужскую душу приходилось 14,7 дес. земли, из которых было 4,9 дес. пашни, то в Красноярском уезде душевой надел в среднем составлял 12,5 дес. угодий и 4,0 дес. пашни [6, с. 30].

Красноярский уезд в начале 1890-х гг. обладал и спецификой землевладения. Доли крестьянских и городских земель в уезде были наивысшими по отношению ко всей губернии: 27,1% и 34,6% от губернской площади этих земель соответственно. Зато здесь почти не было казенно-оброчных земель и земель под заводами (лишь 1,3%). Мало было и свободных государственных земель (10,6%) [2, с. 72–73]. Можно сделать вывод, что в Красноярском уезде наблюдался дефицит свободных земель.

С началом строительства железной дороги активизировались землеустроительные работы в губернии. За 1893 г. в Красноярском уезде была обследована площадь в 710 тыс. дес. (на 37% больше, чем было измерено в уезде за все прежние годы), но удобными для водворения переселенцев были признаны лишь 37 тыс. дес. [7, с. 58]. В других уездах с большим земельным фондом землеустроительные работы проводились менее интенсивно.

Если до начала столыпинского переселения большинство участков нарезалось на незанятых землях, то большой приток переселенцев заставил выделять им участки на землях старожильческих обществ. По сообщениям чиновников, всего за 1892–1909 гг. на новые участки в губернии было устроено 201 375 переселенцев, на старожильческие земли – 46 666 человек. В Красноярском уезде переселенцы водворялись к старожилам немного чаще, чем это наблюдалось в целом по губернии [8, с. 35; 9, л. 6 об, 10 об.].

За период 1893–1905 гг. в Енисейскую губернию переселилось 119 тыс. человек, за период 1906–1916 гг. – около 220 тыс. Приток переселенцев в Красноярский уезд составлял 6,5 % от всех прибывших в губернию на первом этапе и 11,4 % от общего числа переселенцев на обоих этапах. Переселение внесло свой существенный вклад в увеличение сельского населения Енисейской губернии в 1894–1917 гг. с 456,5 тыс. до 931,8 тыс. человек, или более чем в два раза. Сельское население Красноярского уезда за этот период выросло с 73 тыс. до 103,3 тыс. человек, т. е. увеличилось только на 41,5 % [10, с. 92, 321].

Несмотря на то, что поток переселенцев в Красноярский уезд был относительно небольшим, рост плотности населения в уезде был существенно выше, чем в других уездах. В начале 1890-х гг. в среднем по всем четырем уездам приходилось 6,5 человек на кв. версту заселяемой городской и сельской земли, а в Красноярском уезде – 6,9 человек на кв. версту. В 1917 г. плотность сельского населения в губернии в результате переселения выросла до 9,5 человек на кв. версту, а в Красноярском уезде – до 16,4 человек на кв. версту [5, с. 41; 9, л. 16]. Уплотнение сельского населения не могло не отразиться на производстве зерновых культур, которые составляли основу благосостояния крестьянских семей.

Приток переселенцев в Енисейскую губернию привел к созданию новых переселенческих поселков. В Красноярском уезде за 1893–1905 гг. было создано 47 поселков, а в последующие 11 лет – еще 78 поселков. Анализ размещения всех 994 переселенческих поселков по почвенно-климатическим районам демонстрирует, что в Красноярском уезде поселки возникали в более сложных условиях, чем в других уездах. Если по всей губернии в подтаёжной и таежной зонах было создано 65 % новых поселков, то в Красноярском уезде – уже около 74 % [11, 12]. Несмотря на трудность условий, в Красноярском уезде доля незастроенных участков составляла всего 9 %, и большинство из них находилось в отдаленных от железной дороги волостях [13, л. 1–5].

Приток переселенцев способствовал развитию в губернии сельскохозяйственного производства, однако условия его существования были неблагоприятны, особенно в Красноярском уезде, что подчеркивалось выше. Динамика посевов зерновых в губернии отражена в таблице 1. За 1895–1913 гг. площадь посева пшеницы в губернии увеличилась с 85,6 до 166,6 тыс. дес. За это же время посевы озимой ржи выросли с 65,1 до 184,4 дес. Общая площадь посева трех хлебов выросла почти в два раза — с 226,4 до 430,3 дес.

В 1905–1909 гг. произошло резкое увеличение площади посевов в Красноярском уезде (на 43 %). Этот рост совпадает с первыми годами проведения столыпинской аграрной реформы, когда переселенцы в большей степени являлись покупателями хлеба, чем его производителями. Крестьяне-старожилы отвечали на их растущий спрос увеличением запашки. В результате, к 1914 г. в Красноярском уезде отношение посевной площади к общей территории составляло – 3,7 %, тогда как в остальных уездах — от 2 до 3 % [17, с. 42].

Данные Таблицы № 1 показывают изменение структуры посевов в губернии. Яровая рожь с первого места была вытеснена озимой рожью, посевы которой за 1893–1913 гг. выросли в три раза. Озимая рожь при меньших затратах давала относительно устойчивый урожай. Это было значимым фактором для растущего населения, поэтому доля посевов озимой ржи во всех уездах губернии увеличилась с 28,8 до 42,9 %.

Таблица 1 – Посевная площадь хлебов в 1895—1913 гг., тыс. дес.

Хлеб	Пятилетия / года	Уезд				Губерния
		Красноярский	Канский	Ачинский	Минусинский	
Яровая пшеница	1895–1899	11,9	12,6	16,7	39,8	85,6
	1905–1909	14,7	26,9	21,1	54,1	122
	1913	17,5	47,4	25,7	70,5	166,6
Озимая рожь	1895–1899	6,6	19,9	15,7	11	65,1
	1905–1909	18,7	44,1	21,7	18,4	114,6
	1913	20,4	88	35,4	30,2	184,4
Яровая рожь	1895–1899	13,7	11,8	13,6	33,2	75,7
	1905–1909	12,5	10,5	13,1	35,4	74,1
	1913	9,6	11,8	12,9	42,1	79,3

Хлеб	Пятилетия / года	Уезд				Губерния
		Красноярский	Канский	Ачинский	Минусинский	
Три хлеба в сумме	1895–1899	32,2	44,3	46	84	226,4
	1905–1909	45,9	81,5	55,9	107,9	310,7
	1913	47,5	147,2	74	142,8	430,3

Составлено по: 14, Л. 11 об., 12; 15, с. 5; 16, с. 52–53.

Данные таблицы 2 об урожайности, сборе трех основных хлебов и численности населения в 1895–1913 гг. позволяет прийти к выводу, что в четырех уездах в этот период наблюдалось как падение урожайности, так и сокращение сбора хлебов на душу населения. В указанный период в этих уездах численность населения выросла на 222 %, а сбор хлебов – лишь на 173 %. В каждом уезде соотношение этих двух показателей было аналогичным: в Ачинском – 134 и 94 %, в Канском – 381 и 342 %, в Красноярском – 185 и 118 %, в Минусинском – 202 и 171 %. Значительное расхождение между этими показателями в Красноярском уезде отражает наибольшие трудности в обеспечении населения хлебом.

Таблица 2 – Сбор хлебов и рост населения в Енисейской губернии в 1895–1917 гг.

Года	Ежегодный средний валовой сбор с 1 каз. дес., пуд.			Ежегодный средний валовой сбор трех хлебов, тыс. пуд.	Года	Численность населения, тыс.		
	Ржи		Яровой пшеницы			Города	Уезды	Всего
	Озимой	Яровой						
1895–1899	48	54,3	54,8	11 931,7	1894	48,5	456,5	505
1900–1904	46,9	41,3	40,2	11 826,4	1902	69,5	601	670,5
1905–1909	46,7	45,9	49,8	14 819,6	1906	79,6	646,7	726,3
1912	42	34	35					
1913	43	49	52	20 596	1914	147,2	972	1 119,2

Составлено по: 3; 11, с. 108, 110, 114, 118, 124, 137; 18, с. 16; 19; 20; 21; 22, с. 22.

Еще в 1893 г., по подсчетам властей, во всех семи волостях Красноярского уезда наблюдался излишек хлеба. Если на потребление 69 тыс. населения волостей должно было пойти 160 тыс. четвертей хлеба, то для 20 тыс. населения Красноярска наверняка хватило бы излишка хлеба, достигавшего 137 тыс. четвертей в волостях [4, л. 153 об., 154, 164]. О кризисе земледелия в Красноярском уезде, выражавшемся в его низкой доходности, в сокращении пашни и падении урожайности всех видов хлебов, было заявлено участниками заседания губернского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности уже в

1903 г. [23, с. 9, 14, 25–26]. О том, что сельское хозяйство уезда не в состоянии прокормить город и дает продукцию дороже, чем поставляемая из отдаленного Минусинского уезда, говорилось на заседании красноярской городской думы в 1904 г. [24, л. 124 об.]. В 1913 г. собранного в Красноярском уезде урожая не хватало даже для обеспечения потребностей самого крестьянского населения [25, с. 49]. Одна из причин этих проблем крылась в архаичности методов ведения хозяйства: подсчеты В.А. Степынина показывают, что в Красноярском уезде был самый низкий из всех земледельческих уездов губернии уровень использования усовершенствованных орудий (за исключением сеялок) [26, с. 146–147].

Таким образом, исследователи на рубеже веков отмечали кризисные тенденции в сельском хозяйстве. Нами было показано, что они усилились в 1910-х гг., особенно в Красноярском уезде. Столыпинское переселение в условиях использования экстенсивных источников роста становилось фактором, способствовавшим упадку земледелия.

Строительство железной дороги и переселение не дали Енисейской губернии рыночных преимуществ. За 1898—1900 гг. из Красноярского уезда по железной дороге было отправлено 546 тыс. пуд. хлебных грузов, но за это же время на станцию Красноярск было ввезено 1902,9 тыс. пуд. пшеничной муки, т.е. в 3,5 раза больше вывезенного [27, с. 123, 135]. Ситуация принципиально не изменилась и по прошествии десяти лет: за 1911–1913 гг. с территории уезда было вывезено 880,5 тыс. пуд. хлебных грузов, а доставлено – 4508,3 тыс. пуд., т.е. уже 5 раз больше. Для сравнения, за 1911–1913 гг. из Ачинского уезда было вывезено 4046,1 тыс. пуд. хлебных грузов при ввозе в 1724,1 тыс. пуд., из Канского уезда – 6440 тыс. пуд. при ввозе в 1753,9 тыс. пуд. [28, прил. III, табл. 5–9]. Следует подчеркнуть, что основная часть привозного хлеба потреблялась в Красноярске.

Доля Енисейской губернии в хлебном вывозе в 1913—1914 гг. составляла лишь 5,7% от вывоза четырех сибирских губерний — Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской [28, прил. III, табл. 5–9; 29, с. 11]. Даже в Восточную Сибирь, в Забайкалье, хлеб везли из Западной Сибири, транзитом через Енисейскую губернию. Вывоз хлеба из губернии за Урал был невыгоден из-за введения Челябинского тарифного перелома.

Тот факт, что неблагоприятный для сельскохозяйственной деятельности Красноярский уезд достаточно активно наводнялся переселенцами, очевидно, можно объяснить их стремлением поселиться ближе к губернскому городу для реализации там своей продукции и ухода туда на временные заработки. Красноярск представлял собой емкий и постоянно растущий рынок рабочей силы и сельскохозяйственной продукции, особенно в период своего роста в 1900–1910-х гг. Еще в начале 1890-х гг. 25,2 % хозяйств уезда отпускали своих работников. Это было значительно больше среднего показателя по четырем уездам, который составлял 19,6 % [1, С. 254]. Однако данные процессы требуют отдельного изучения.

Таким образом, Красноярский уезд Енисейской губернии конца 1890-х гг. значительно отличался от остальных земледельческих уездов. На хозяйственную деятельность в нем влияли черты, обусловленные спецификой землепользования и землевладения, природно-климатическими условиями и воздействием губернского города. Все они оказывали скорее негативное воздействие на производительность. Столыпинское аграрное переселение лишь усилило нехватку свободных земель и увеличило плотность населения в уезде.

Несмотря на значительный рост посевных площадей, как в уезде, так и в губернии в целом, сбор зерновых на душу сельского населения снижался. Нарастала нехватка хлеба местного производства в губернии. Это дает основание оценивать ситуацию в сельском хозяйстве в первые годы XX в. как кризисную. Ее преодоление требовало проведения интенсификации сельскохозяйственного производства, но функционирование железной дороги не принесло заметных выгод Енисейской губернии в этом направлении. Красноярский уезд превратился в территорию, население которой не могло существовать без ввоза муки.

Выявление данных процессов в Енисейской губернии с подчеркиванием их остроты в Красноярском уезде позволяет лучше понять влияние Транссибирской магистрали и столыпинского переселения на состояние и динамику сельскохозяйственного производства.

Литература

1. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 4. – Иркутск, 1893.

2. Памятная книжка Енисейской губернии 1891 года с адрес-календарем. – Красноярск, 1892.

3. Памятная книжка Енисейской губернии на 1896 год. – Красноярск, 1896.

4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 5529.

5. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 2. – Иркутск, 1893.

6. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 3. – Иркутск, 1893.

7. Очерк работ по заготовлению переселенческих участков 1893–1899. СПб., 1900.

8. Доклады начальника II отделения Енисейской казенной палаты В.А. Есипова и податных инспекторов Енисейской губернии С.С. Моложавого и И.И. Покровского по вопросам, касающимся податного обложения крестьян старожилов из переселенцев и инородцев и взимания с них окладных сборов. – Красноярск, 1910.

9. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30.

10. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962.
11. Списки населенных пунктов. – Красноярск, 1921.
12. Схематическая карта естественно-исторических районов Енисейской губернии. – Красноярск, 1915.
13. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 255.
14. ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 20.
15. Корнаков Н.П. Енисейская губерния как производительница хлебов и их урожаи за время с 1895 по 1909 год // Справочник Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии. – Красноярск, 1912. – № 2.
16. Состояние полевых, бахчевых и огородных посевов и трав за первую половину летнего периода 1913 года в Енисейской губернии. – Красноярск, 1913.
17. Илимский Д. Материалы к вопросу о производительных силах Сибири. – Томск, 1917.
18. Корнаков Н.П. Енисейская губерния как производительница хлебов и их урожаи за время с 1895 по 1909 год // Справочник Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии. – Красноярск, 1912. – № 3.
19. Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. – Красноярск, 1903.
20. Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. – Красноярск, 1907.
21. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. – Красноярск, 1915.
22. Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1913 год. – Красноярск, 1914.
23. О нуждах сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии. – Красноярск, 1903.
24. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2388.
25. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год. – СПб., 1914.
26. Степынин В.А. Влияние переселений на развитие агротехники в деревне Енисейской губернии в эпоху капитализма // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961.
27. Краткий обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за 1900 год. – Томск, 1902.
28. Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1914 год. Ч. 1. Таблицы. – Красноярск, 1915.
29. Шнейдер А. Условия развития сельского хозяйства Енисейской губернии за период 1890–1917 гг. // Енисейский кооператор. – 1922. – № 12-13.

**ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Кускашев Дмитрий Валерьевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье рассмотрены факторы социального администрирования в деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии, в контексте реформирования системы городского самоуправления во второй половине XIX века. Сделаны выводы относительно обусловленности факторов социального администрирования в деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии, в исследуемом периоде, финансово-бюджетными и фискально-правовыми ограничениями действовавшего законодательства.

Ключевые слова: городское самоуправление, гражданское общество, бюджет, городской голова, «обязательные», «необязательные» расходы, социальное администрирование.

The article considers the factors of social administration in the activities of the city self-government bodies of the Yenisei province, in the context of the reform of the city self-government system in the second half of the XIX century. Conclusions are drawn regarding the conditionality of the factors of social administration in the activities of the city self-government bodies of the Yenisei province, in the studied period, by the financial-budgetary and fiscal-legal restrictions of the existing legislation.

Keywords: city government, civil society, budget, mayor, "mandatory", "optional" expenses, social administration.

К числу важнейших предпосылок формирования факторов социального администрирования в деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии во второй половине XIX века, в условиях генезиса капитализма, необходимо отнести городскую реформу 1870 г., начало которой было положено в июне 1870 г. высочайшим Указом императора Александра II об утверждении Городового положения [1, с. 250].

Городовое положение 1870 г. было введено в городах Енисейской губернии в период с 1870 по 1875 г., когда прошли первые выборы гласных вновь учрежденных городских дум [2].

Факторы социального администрирования в деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии были обусловлены фискально-правовыми и финансово-бюджетными ограничениями действовавшего законодательства.

Согласно Городового положения 1870 г., городские думы имели ограниченные полномочия при формировании муниципальных смет доходов и расходов. В частности, при планировании доходных статей бюджетов, необходимо было учитывать законодательные ограничения максимального предела городских налогов. При распределении бюджетных расходов, первоочередная задача отводилась планированию «обязательных» расходов [3, с. 114–115].

В структуру «обязательных» расходов, согласно статьям 139–140 Городового положения были включены: расходы по обеспечению деятельности аппарата городского самоуправления, полиции, пожарной службы, содержанию муниципальной недвижимости, благоустройства, выплаты долговых и иных обязательств. Кроме того, к их совокупности были включены и расходы по субсидиарному финансированию ряда правительственных учреждений, осуществлявших деятельность по обеспечению реализации функциональных полномочий самоуправления, в частности, губернских по городским делам присутствий, возмещение расходов по отоплению и освещению тюрем, воинской квартирной повинности и т.п. Все эти категории расходов местных бюджетов подлежали полному исполнению [4, с. 287–322].

В 1876 г. в муниципальных бюджетах Енисейской губернии, доля вышеуказанных «обязательных» расходов составляла около 70 %, в том числе расходы на благоустройство города – 18–20 %. Таким образом, свыше половины всех расходов городских бюджетов, в соответствии с действовавшим законодательством, планировалось на цели, не имевшие непосредственного отношения к муниципальным и общественным интересам.

Остаточные средства могли быть распределены в структуре «необязательных», к их числу и относились расходы на социальную сферу: образование, здравоохранение, культуру. Так, в муниципальных бюджетах на 1876 г. их совокупность не превышала 30%. При этом, на культуру средств запланировано не было [5].

Проведенный, в рамках нашего исследования, анализ динамики муниципальных бюджетов региона за первое пореформенное десятилетие, отражает незначительное изменение совокупности «обязательных» расходов, в 1884 г. составивших около 75 %. Отнесенные законодателем к «необязательным», ассигнования на социальную сферу составляли около 23–25 % [6].

В 1892 г. доля «обязательных» расходов местных бюджетов несколько сократилась, составив 65–67 %. Удельный вес «необязательных» расходов соответственно возрос до 30–32 % [7].

К перечню вопросов социального администрирования городского самоуправления, Городовым положением 1870 г. были определены: вопросы создания и развития объектов социальной инфраструктуры, в том числе обеспечение решения проблем социального обеспечения, с целью минимизации остросоциальных проявлений нищеты и бедности [8, л. 135].

Вместе с тем, законодателем, не были конкретно установлены источники финансового и материально-технического обеспечения компетенции социального администрирования органов городского самоуправления, что определяло

данную управленческую сферу как право, а не обязанность. Отсутствие в Сибири земского самоуправления также обуславливало более высокий, для местных муниципалитетов, уровень финансовой нагрузки по структурированию и развитию объектов социальной инфраструктуры.

Вышеуказанные факторы социального администрирования во многом определили управленческую тактику органов городского самоуправления Енисейской губернии по интеграции муниципальных, государственных и общественных интересов, путем создания обществ попечения о начальном образовании, состоявших из представителей городской власти и меценатов, купцов и промышленников, определявшей факторы становления и развития гражданского общества.

Миссия Общества попечения о начальном образовании была нацелена на первоочередное решение вопросов поиска необходимых, для реализации важных социальных проектов, средств, в том числе посредством организации различных благотворительных акций, оказание социальной поддержки детям из малоимущих семей, и обеспечение доступным образовательных услуг для детей независимо от их социально-сословного происхождения [9, с. 30].

Таким образом, факторы социального администрирования в деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии были обусловлены фискально-правовыми и финансово-бюджетными ограничениями действовавшего законодательства. Решение актуальных проблем социального администрирования осуществлялось в рамках взаимодействия муниципальных властей, органов государственной власти, представителей зарождавшегося гражданского общества и частной благотворительности.

Литература

1. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – нач. 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. – Л.: Наука, 1984. – 260 с.
2. Енисейские губернские ведомости. – 1875. – № 24 (14 июня).
3. Кускашев Д.В. Аграрные аспекты бюджетной политики городского самоуправления Енисейской губернии (1870–1892 гг.) // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 2. – С. 114–115.
4. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М.И. Мыш. – СПб.: тип. Лебедева, 1890. – 975 с.
5. Енисейские губернские ведомости. – 1876. – № 19 (8 мая).
6. Енисейские губернские ведомости. – 1884. № 4 (28 янв.); № 5 (4 фев.); № 17 (28 апр.); № 18 (5 мая).
7. Енисейские губернские ведомости. – 1892. – № 10 (7 марта); № 11 (14 марта); № 13 (28 марта); № 14 (4 апр.); 1893. – № 2 (9 янв.); № 3 (16 янв.).
8. ГАКК, ф.595, оп.19, д.1003, л.135.
9. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX века). – Красноярск, 1995. – 157 с.

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ
В СИБИРИ XIX в.***

***Шитова Татьяна Викторовна,
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия***

На современном этапе в Российской Федерации происходят изменения в социально-экономической и политической сферах. Опираясь на исторический опыт можно отметить, что каждое преобразование в государстве, как правило, влечет за собой реформирование правоохранительных органов для обеспечения стабильного правопорядка. Для того чтобы углубить знания и извлечь из этого необходимые уроки, автор, исследует проблемы реорганизации органов полиции, ее структуры и деятельности, а также взаимодействие с государственными органами и органами самоуправления Сибири.

Ключевые слова: Россия, Министерство внутренних дел, Департамент полиции, реформы, министерства, Сибирь.

At the present stage in the Russian Federation, changes are taking place in the socio-economic and political spheres. Based on historical experience, it can be noted that each transformation in the state, as a rule, entails the reform of law enforcement agencies to ensure a stable law and order. In order to deepen knowledge and learn the necessary lessons from this, the author studies the problems of the reorganization of the police organs of its structure and activities, as well as its interaction with state bodies and self-government bodies of Siberia.

Keywords: Russia, Ministry of Internal Affairs, Police Department, Reforms, Ministries, Siberia.

На современном этапе развития органов МВД часто встает вопрос о том, «Какими же были органы полиции в прошлом? Какой деятельностью занимались данные органы, и какие функции были им присущи?». Каждый автор своего труда описывает картину преобразований и модернизации полиции по-разному, тем самым, данный вопрос становится весьма интересным для дальнейшего анализа. Также, исторические события не могут устареть или забыться, так как история страны и сибирской земли очень обширна и интересна для изучения учеными нашего времени.

На протяжении столетий продолжалось становление и развитие органов внутренних дел России на постоянной основе. Данный процесс проходил очень сложно, в нем присутствовал ряд противоречий и особенностей. К сожалению, процесс формирования органов полиции в Сибири происходил намного медленнее, чем в центрах России [1, с. 73].

Постоянные органы полиции начали формироваться только лишь в эпоху правления Петра Великого. Причинами такого длительного процесса становле-

ния данного органа, который должен отвечать за охранные функции в государстве, является состояние и особенности политического и социально-экономического развития страны[2, с. 128]. Так как, основная масса населения – крестьяне – находилась в крепостной зависимости от дворянства, функции полиции выполняли крестьянские общины или дворяне. На Руси преступления совершались не так часто, и именно поэтому не требовалось создание каких-либо отдельных охранительных органов и структур.

С приходом к власти Александра I одной из важных задач стала реорганизация полиции в Сибири. По мнению И.О. Селифонтова, Сибирь из-за своего далекого расстояния от центра России, великого пространства, рассеянности населения по огромной площади и заставило принять меры по изменению полицейских органов.

Власть в руках органов правления на просторах Сибири в начале XIX в. сочеталась с послаблениями, даваемыми генерал-губернаторами. Вся власть была сосредоточена в их руках. Генерал-губернатор окружал себя верными людьми с той целью, чтобы контролировать всю ситуацию в своем владении и оберегать себя от интриг, а также, чтобы нежелательная информация не стала известна верховной власти.

В 1803 г. было образовано единое для всей Сибири генерал-губернаторство с центром в Иркутске, которое возглавил И.О. Селифонтов 23 мая 1803 г. Ему была дана особая инструкция, которая значительно расширяла права сибирского генерал-губернатора. Тем самым, это повлекло за собой бесконтрольность действий со стороны генерал-губернатора. В данной инструкции было прописано право генерал-губернатора назначать и увольнять всех местных чиновников, кроме губернаторов, вице-губернаторов и начальников губернских палат. Многие вопросы были переданы в ведение генерал-губернатора, тем самым давали ему еще больше власти над народом.

В 1804 г. в Сибири было сокращено количество уездов, многолюдные уезды были расширены на комиссарства, где был главным чиновник (комиссар). По мнению генерал-губернатора для устранения недостатков управления необходимо было улучшить устройство земской полиции, так как она была важнейшим инструментом власти в его руках.

В процессе усиления уездного звена местного самоуправления улучшился контроль над населением, но это не сократило волокиту и бюрократический произвол.

В начале XIX в. компетенции генерал-губернатора были вновь расширены, а именно, в 1805 г. ему были предоставлены более широкие полномочия в решении вопросов о наказании нерадивых чиновников, а в 1806 г. он получил право на то, чтобы по своему усмотрению увеличивать штаты чиновников сверх утвержденных.

Большинство мероприятий в данный период времени можно назвать косметическими, они не могли разрешить существующих проблем в функционировании правоохранительной системы.

В марте 1819 г. Генерал-губернатором Сибири стал М.М. Сперанский. Ему лично Александр I поручил осмотреть дела в губерниях, начать подготовку реформы в сфере управления Сибирью и доложить ему о результатах проделанной им работы.

В 1822 г. было принято «Учреждение для управления сибирских губерний» в нем было прописано о разделении Сибири на две части: Западно-Сибирская и Восточно-Сибирская. Разделенные ранее генерал-губернаторства подразделялись на области во главе с военными губернаторами и губернии во главе с гражданскими губернаторами. Губернии и области делились на округа и уезды. В процессе изменений в каждой губернии было создано губернское правление (оно ведало делами полиции). Городовое управление состояло из губернской полиции, думы и городского суда.

Правительство России видело в Сибири лишь место для ссылки, тем самым в сибирских губерниях порой было сосредоточено на обширном пространстве «взрывоопасного материала», происходили выступления приписных крестьян, коренных жителей. Все это требовало срочного совершенствования системы ссылок и усиления полицейского надзора.

В середине XIX в. в Сибири существовала четырехступенчатая система управления: волостное, окружное, губернское, главное. Самой важной структурой власти являлись органы полиции. Больше всего это было заметно на уровне окружном, управлением в них занимался земский исправник, а на городском уровне все правление состояло из органов полиции: городских, полицмейстеров, частных приставов, квартальных надзирателей.

В 1852 г. был издан указ, в котором прописывалось, что советам Главных управлений и главам администраций по всем вопросам Сибири необходимо обращаться в комитет.

В процессе формирования и совершенствования полиции довольно долго велось обсуждение проектов и записок уставов и законов, которые должны были помочь в достижении поставленных целей в данной отрасли. До Сибири не могло дойти множество нововведений из-за ее территориальной удаленности. Для этого руководство страны и назначало новых более опытных и грамотных руководителей для присмотра и управления сибирскими землями.

В процессе реформирования были созданы Семипалатинская, Забайкальская, Амурская и Приморская области. Области возглавляли военные губернаторы, у них в подчинении находились войсковые соединения. Для лучшего функционирования органов управления области и губернии были разделены на округа, которые возглавляли исправники и их верные люди. Далее, округа разделяли на участки и в свое время ими ведали земские заседатели, они в свою очередь выполняли полицейские функции, производили следствие и дознание, а также наблюдали за волостными и сельскими управлениями. В 90-е гг. земских заседателей сменили приставы.

В 80-х – начале 90-х гг. XIX в. организационные мероприятия были направлены на усиление власти полиции над крестьянами и крестьянским самоуправлением. В процессе реформирования управленческой структуры не была проведена одна из наиболее прогрессивных реформ – земская, тем самым сельская полиция по-прежнему работала на принципах, введенных более столетия

тому назад, она представляла собой не столько правоохранительный орган (в отличие от центров России), сколько орган общеадминистративный, обремененный чрезвычайно широким кругом обязанностей. Тем самым можно считать, что реформирование в сфере управления делами полиции не было проведено, как следует.

Подводя итоги, можно сказать, что история становления полиции в Сибири была весьма разнообразна. В процессе анализа мнения ученых и исторических данных автор приходит к мнению о том, что преобразования в Сибири проходили довольно медленно и далеко не всегда успешно, именно поэтому органам власти страны было необходимо усилить контроль и работу над модернизацией деятельности органов полиции. Таким образом, становится очевидным, что полиция играла главную роль в повседневном текущем руководстве всеми вопросами жизнедеятельности региона, занимала ведущее место административно-правоохранительной системе Сибири [3, с. 26].

Литература

1. Мулукаев Р.С. О некоторых особенностях полиции дореволюционной России // Реформы полиции России: история, современность, перспективы: сб. тр. межвуз. науч.-практ. семинара. – М., 2015. – С. 71–76.
2. Румянцев Н.В. Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 126–129.
3. Шитова Т.В. Полиция в административной правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX в.: монография / Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск, 2006. – 152 с.

УДК 330.19

НАШИ КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРЕДКИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рогачев Александр Георгиевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В данной статье рассматриваются проблемы общественной модернизации России в контексте истории моей крестьянской поволжской семьи. Василий Васильевич Гришаев так же родился на пензенской земле в крестьянской семье. Российская историческая модернизация тесно связана с крестьянством, составляющим подавляющее количество населения страны. На этом пути имели место и крупные достижения, и серьезные провалы. Реформа Александра II дала мощное ускорение модернизационным процессам. В 1917 г. происходит совершенно новый цивилизованный разворот на основе коммунистической идеологии.

Ключевые слова: российская модернизация, великая крестьянская реформа 1861 г., пореформенное время, первая и вторая российские революции, коллективизация, кулаки и раскулачивание, Великая Отечественная война, крестьянская семья, православная религия.

This article discusses the problems of social modernization of Russia in the context of the history of my peasant Volga family. Vasily Vasilyevich Grishaev was also born on a Penza land in a peasant family. Russian historical modernization is closely connected with the peasantry, which constitutes the overwhelming majority of the country's population. Major achievements and serious failures took place along this path. The reform of Alexander II gave a powerful acceleration to modernization processes. In 1917, a completely new civilized reversal took place on the basis of communist ideology.

Keywords: Russian modernization, the great peasant reform of 1861, the post-reform period, the first and second Russian revolutions, collectivization, fists and dispossession, the Great Patriotic War, the peasant family, the Orthodox religion

Автор статьи посвятил целый ряд своих научных работ проблемам российской исторической модернизации [1]. Обычно её начало связывают с деятельностью Петра I. Однако петровская модернизация - это лишь один из вариантов отечественного ускоренного развития, имевшего колоссальные издержки материального и человеческого характера. Справедливости ради нужно признать, что серьезным фактором российской модернизации в досоветский период являлась сама монархия, так как все изменения в России производились только «сверху», тогда как влияние «снизу» было слишком опосредованным и противоречивым.

Один из видных русских исследователей и поборников монархизма Л.А. Тихомиров в 1905 г., в книге «Монархическая государственность» подчеркивал, что монархия имеет очевидное превосходство перед демократией, так как она основана на верховной власти идеального принципа. В свою очередь, из-за невозможности единства народной воли верховную власть при демократии отличает шаткость, переменчивость, неосведомленность, капризы и слабость, которые в монархии являются исключением. Демократия, по его мнению, враждебна влиянию нравственной силы [2].

В статье поставлена задача рассмотреть изменения в жизни российских крестьян в контексте российской истории и процесса модернизации на примере одной семьи на хронологическом промежутке в 110 лет. Его первая часть охватывает досоветский период с 1861 по 1917 г., вторая часть – советский период с 1917 г. по 1972 г., когда в стране, праздновали 50-летие образования СССР.

Я посвящаю свои заметки памяти моей матери: Рогачевой (Тюревой) Раисе Алексеевне. На протяжении многих лет я слушал и впитывал в себя её рассказы о наших предках. Эти материнские былины во многом определили гуманитарно-историческую направленность моего образования, а затем и профессиональной деятельности. В этой статье я хочу рассказать о её поволжских дедах и моих прадедах: Тюреве Александре Ивановиче и Звенкине Иване Филипповиче, а так об их ближайших родственниках.

Сам я родился 11 декабря 1949 г. в городе Вольске на берегу великой русской реки Волги. Мамино место рождения – деревня Лопуховка, расположенная в 60-ти километрах от Вольска, которая некогда принадлежала помещику

Лопухову. Теперь от нее остался старый погост, на котором покоятся Тюрёв Александр Иванович и его супруга, моя прабабушка Наталья. Таким образом, жизнь моих предков оказалось тесно связанной с Лопуховкой и Вольском.

Историки, общественные деятели считали, что дубинка крестьянской реформы ударила одним концом по барину, а другим по мужику. Реформа оказалась половинчатой, осторожной, слишком консервативной. Новые сельские общества, созданные для управления крестьянством, не давали возможности социально-активным элементам строить жизнь на основе буржуазных отношений. Не получилось и капиталистического развития помещицтва.

Отмена крепостного права, безусловно, сказалась на Поволжье, в частности, на многонациональной и перенаселенной Саратовской губернии. До крестьянской реформы она испытала наплыв переселенцев из центра России, после которого начался отток избыточного населения в другие регионы страны. Согласно переписи 1897 г. здесь проживало 2405829 человек, из которых две трети считали себя русскими, а всего славян было 83,1 %; 6,92 % – немцами; 5,15 % – мордвой; 3,94 % – татарами [3].

В Вольском уезде, где жили мои предки, славяне составляли 94,61 % населения [4]. Немцы, как правило, жили на левом берегу Волги, чувашаи и татары на правом. Сближению с татарами препятствовали различия в религии. Немцы жили обособленно. А вот с чувашами-христианами сближение оказалось вполне естественным. Так в нашей семье проявилось существенное чувашское этническое влияние.

В пореформенный период в условиях общинного землевладения в наиболее густонаселенных Сердобском, Вольском, Саратовском уездах из-за роста населения шло очень существенное сокращение крестьянских наделов. Крестьянские общества могли приобретать землю, но рост населения явно опережал возможности земельного рынка. Тем более, что он ускорился после проведения земской и судебной реформ, когда в поволжской деревне появились земские агрономы, учителя, врачи. Но рост населения, к сожалению, сопровождался обострением социальных проблем и противоречий.

Несмотря на то, что Саратовская губерния считалась одной из житниц России, многие крестьяне ее перенаселенных деревень жили на грани нищеты и голода. За 50 лет с лишним между 1871 и 1925 гг. губерния 19 раз страдала от голода, в двух из трех случаев причиной этого становилась засуха [5]. Это толкало население на выступления против власти.

По воспоминаниям моей мамы мой прапрадед Иван, спасаясь от рекрутчины, пошел в волжские бурлаки. Он обладал огромной силой, запросто вытаскивал на себе из трюма баржи 10-ти пудовый груз. Его сын, мой прадед Александр Иванович Тюрёв родился примерно в 1870 г., тогда же, как и другой поволжский мальчик, Володя Ульянов. Мой прадед, скорее всего, окончил церковную приходскую школу, так как со временем стал церковным старостой, то есть был человеком грамотным. Володя Ульянов, который вырос в дворянской семье, затем перевернул судьбы всех россиян, в том числе и моих предков. Он читал, переведенный в 1872 г. народником Германом Лопатиным на русский

язык «Капитал» Карла Маркса. Мой прадед, Александр Иванович такие книги не читал.

В юности Александр полюбил девицу Наталью, которую я помню степенной старушкой, какой она была во второй половине 50-х гг. XX в. За острый ум её сын Гриша называл свою мать У. Черчиллем. Молодожены вскоре из соседней деревни Лондона бежали в Лопуховку от преследований некоего Никана, который сильно «приударял» за Натальей.

Гриша родился где-то в 1889 г. и являлся первенцем у семейной пары Александра и Натальи. Он был очень резким, решительным и крутым как кипяток. Попытки обучить его в школе положительных результатов не дали. Семейный анекдот по этому поводу: «Гришенька смотри буквы – м-а-м-а- скажи, что получается: шапка» - бодро ответил юный Гриша.

В первую мировую войну солдат Григорий Тюрёв отличался завидным героизмом и стрелял в австрийцев так, что винтовку приходилось охлаждать в Днестре. Из австрийского плена бежал, когда беглеца поймали, то его подвешивали в наказание за ноги. Мне он запомнился тем, как ловко считал деньги за проданную корову, умело, загибая их в разные стороны. Дед Гриня умер где-то в конце 50-х годов.

Мой прадед Александр Иванович пользовался уважением у сельчан. Однажды, когда помещица решила продать свою землю в Лопуховке «лопуховскому опчеству», его включили в состав крестьянской делегации на встречу с хозяйкой земли. Сложность заключалась в том, что на эту землю претендовал местному богатей Юренко. Члены делегации сняли для барыни номер в Гостином доме в Вольске. А так как пароход, на котором она должна была приехать, сильно запоздал, то Александр Иванович мирно проспал в телеге своей до возвращения из гостиницы всех остальных участников исторического действия. По этой причине он страшно переживал, а жена Наталья над ним постоянно подшучивала. Но, слава Богу, землю для общества купить все - таки удалось.

Вторым моим прадедом был Иван Филиппович Звёнкин. Его отец Филипп по христианской вере являлся безпоповцем – левяком. Однако поповцы и безпоповцы довольно часто «меняли» веру в период женитьбы или замужества, и большого греха в этом не видели. Его мама Екатерина в детстве слушала в церкви императорский указ Александра II 1861 г. об отмене крепостного права.

Иван Филиппович родился примерно в 1880 г. Эпидемия скарлатины унесла его отца и младших братьев. А он полоскал горло керосином и. может быть, благодаря этому и выжил. Когда ему стукнуло десять лет его дядя, братья его отца Филиппа приставили сироту Ивана к сохе - пахать землю. За кривые борозды били в кровь, это были его первые университеты. Грамоту он постигал уже в 77 лет вместе со мной, когда меня отправили в первый класс. Обладал очень острым умом и добрым характером. Некогда не употреблял матерные слова. Эмоции выражал словами «в зенки глаз, собачья морда».

Однажды, когда в дороге порвалась лошадиная упряжь и ее долго чинили, спутник-купец ради развлечения предложил ему царский рубль, чтобы он матерно выругался. Иван ответил: «прости, но я не умею». Где-то в конце XIX ве-

ка Иван по своим левяцким христианским законам стал мужем моей прабабушки Анастасии Ивановны. Она успела ещё меня понянчить. Мама моя говорила, что они тайно и крестили меня по своим заповедям.

Моя бабушка Мария Ивановна стала их единственным ребенком. Так как землю в общине давали только на мужчин, то Иван Филиппович постоянно бурчал за пределами Лопуховки. Он очень красочно рассказывал про обычаи немецких колонистов, завезенных в Поволжье еще Екатериной II. Они посадили нового работника, за стол, подали жареную свинину с хлебом и сказали: «Ешь Иван, много ешь. Кто много ест, тот хорошо работает».

Он рассказывал, что немецкие дети строго воспитывались в трудолюбии. Мальчики собирали камни, из которых затем вместе с отцами выкладывали каменные дорожки. Вдохновленный этим рассказом прадеда, я тоже собрал камни в своем переулке, а потом уже с матерью мы их забетонировали в удобную дорожку во дворе.

Прадед во время своих странствий по Заволжью научился пекарскому делу, эта профессия потом не раз спасала его и семью от смерти в жестокое лихолетье.

Первая русская революция в Саратовской губернии проходила в очень острой форме.

В нашей семье запомнился рассказ Ивана Филипповича о том, что местный жандарм на станции городка Ершов, где осенью 1905 г., высадился из поезда Иван Филиппович, спрашивал у приезжих, к какой они партии принадлежат. Прадед простодушно ответил ему «пекарь я!» В эти времена он отказался от предложения своих дядьев в Вольске пойти бить бастующих учащихся. «В зенки глаз! Идите бейте сами, если есть охота».

Но в бытовые разборки он иногда вмешивался. Как - то Иван шел по Вольску, и увидев, как муж учит по-свойски гулящую жену, предложил добавить ей еще леща за прегрешения. Однако муженек набросился на Ивана. Даже получив отрезвляющий удар, никак не мог угомониться. Так вместе и «дошли» до полицейского участка и где вдвоем оказались в подвале для арестованных. На вопрос одного из сокамерников о причинах его задержания, Иван пошутил, что за фальшивые деньги. Когда сокамерник попросил научить его делать фальшивые деньги Иван сам «поучил», незадачливого сидельца, пока наблюдавший в глазок городской, не сказал «хватит!»

Но в домашних условиях Иван был человеком добрым. Прабабушка Настя рассказывала моей маме: «Нет, Ваня меня никогда не бил! Придет пьяненький, кулаком немного ткнет для порядку – и хватит!». По сравнению с ее отцом это была «тишь да гладь». От пьяного папаши моей прабабушке до замужества приходилось прятаться у соседей. А вся живность он выбрасывал на мороз.

Перед Первой мировой войной Иван с Анастасией и маленькой Марией поселились в Вольске, сняли каменный полуподвал, стали печь хлеб и сдавать его в купеческую лавку. На предложение местного купца Меркулова, взять у него денег и открыть свою торговлю прадед ответил решительным отказом. Перед Первой мировой войной они с супругой накопили около 3 тыс. рублей

для покупки собственного домика. Но Ивана Филипповича призвали на трудовой фронт, так как воинскую службу он не проходил как «одинец», единственный сына у матери. Так он оказался он в Николаеве-на Мурмане (сейчас город Мурманск), куда к нему приехали Анастасия с Марией. По их воспоминаниям в тот период они жили хорошо и сытно.

Первая мировая война и её последствия привели ко Второй российской революции. Прежний путь модернизации окончательно себя исчерпал, по всей стране начались массовые революционные действия.

Автор данной статьи подробно рассказывает в своих публикациях о советской социалистической модернизации в России, в Советском Союзе [1]. Несомненно, она имела огромные социально-культурные достижения. Ценой огромных всенародных усилий удалось победить в Великой Отечественной войне, а затем восстановить и приумножить народное хозяйство. Но цена модернизационных успехов оказалась очень большой. Идея быстрого строительства коммунистического общества оказалась явной утопией и окончательно провалилась в 60-е годы XX в.

Ранней весной 1917 г. после падения самодержавия Иванова родня и все остальные лопуховцы из Мурмана бежали, так как посчитали, что его захватят англичане. Ивана Филипповича отпустили со службы в октябре 1917 г. Он ехал через Петроград уже при большевистской власти. Предприимчивые люди организовывали экскурсии для приезжавших в столицу. Ему запомнились кони на Аничковым мосту. А в Москве – экскурсия в Кремль, Царь-пушка и Царь-колокол. И запомнились ещё убитые люди во рву перед Кремлем, который незадолго до этого взяли штурмом большевики.

У Александра Ивановича Тюрёва, тогда с империалистической войны вернулся сын Григорий, а в 1918 г. красные призвали в свою армию его 19-летнего сына, моего будущего деда Алексея. После того как деникинцы разбили его часть, он вместе с другими земляками бежал в родную Лопуховку. Здесь его вновь призвали на воинскую службу.

Служил Алексей Александрович прожектористом в Петрограде и, видимо, участвовал в подавлении в 1921 г. Кронштадтского мятежа. Тогда, судя по описанию тех событий, прожектора использовались против мятежных кораблей. Так как с участников тех событий брали подписку о неразглашении, то Алексей дома ничего не рассказывал. От сверхсрочной службы в Петрограде отказался и устремился опять домой, где его ждала моя будущая бабушка Мария.

Семьи Тюрёвых и Звенкиных как-то сумела пережить страшный голод 1921–1922 гг. в Поволжье. Но на дороге их сближения стояла расхождения религиозного характера. Путь оказался один, Марии предстояло принять церковное крещение. Она под благовидным предлогом осталась дома, когда родители уехали на ярмарку в соседнее село. Но в церковной купели оказалось недостаточно воды для обряда крещения взрослой девушки. Алексей Александрович побежал к колодцу, от волнения едва сам в него не упал и сильно ушибся. Мария во время таинства крещения сильно простыла и потом долго болела.

Во время венчание в церкви, родня другой претендентки на руку и сердце Алексея Александровича попыталась сорвать проведение обряда, заявляя, что он проводится самовольно без разрешения отца. Но процедура уже совершилась. Когда о венчании сообщили вернувшемуся Ивану Филипповичу – он в своем стиле выразился так: «В зенки глаз. Я бы их в венцах по всей деревне велел провести!». Зять ему нравился, и они всегда жили дружно.

В годы новой экономической политики развитие событий проходило довольно спокойно. Но работали много, отец Иван заставлял вкалывать с фанатизмом. Но накануне 1930 г. прадеда записали в кулаки и лишили права голоса на выборах. Так, как он приютил и воспитывал какого-то подростка, то это расценили эксплуатацию. После этого пьяненький Иван Филиппыч ходил по деревне и кричал: «Вот мой голос!»

Отношения между Иваном и его двоюродным братом Кузьмой ухудшились вначале 1930 г., когда во время масляной недели они по причине общего подпития подрались друг с другом. Воспользовавшись этим, постоялец–двадцатипятилетний от большевистской партии, квартировавший у Ивана с Анастасией, предложил им Кузьму посадить. Хмельной Иван, не вникая в суть вопроса, поставил свою закорючку на написанной постояльцем бумаге. Что там было написано, неизвестно, но утром Ивана и Кузьму арестовали и суд- тройка дал им по десять лет лагерей.

Как красный партизан с боевым стажем Кузьма на Урале с эшелона сбежал. Ивана Филипповича привезли во Владивосток и бросили на работу в угольную шахту. Здесь его нашел земляк, бывший помещик Бахметьев, который на Дальнем Востоке отбывал ранее еще царскую каторгу. Род Бахметьевых оказался очень активным. В нем были великие ученые, каторжники, революционеры. Н.Г. Чернышевский писал в романе «Что делать?» о Рахметове (Бахметьеве) и его подвигах.

Бахметьев принес прадеду мешок сухарей, благодаря которому ему удалось 4 месяца продержаться до того момента как неожиданно пришло распоряжение главы государства М.И. Калинина о его освобождении. Кузьма добрался до калининской приемной, где еще в 1930 г. «дедушка» М.И. Калинин имел возможность «баловать чаем» ходоков.

Иван Филиппович вернулся в Лопуховку, где его встретил секретарь местной партиячейки Тарарам, получивший это прозвище за то, что ходил по деревне и напевал все время «тарарам, тарарам, тарарам». Тарарам забрал у Ивана Филипповича документ об освобождении. Но когда со временем представители «компетентных» органов потребовали от Ивана Филипповича документы, то из-за их отсутствия прадеду, как потенциальному врагу народа добавили еще 5 лет с отбыванием в лагерях и отправили на строительство Беломорканала. Прабабку Анастасию ещё раньше отправили отбывать наказание в город Фрунзе в Киргизию.

Удивительно, но Иван Филипповича и его супруга зла на Тарарамку не держали, он являлся человеком вполне искренним и идейным, плакал при исполнении партийного и государственного гимна «Интернационал».

Перед войной уже в Вольске Тарарамка заходил к ним в гости. Прабабушка выдала ему чистое нижнее белье по причине отсутствия такового у бывшего партийного деятеля. Накормили его, и спать уложили. Из партии Тарарамку кажется уже к этому времени «вычистили» и погиб он, видимо, на фронте в годы войны.

Иван Филиппович свои пять лет на строительстве канала отработал за три года. Жил там неплохо, работал пекарем. Затем опять вернулся домой, но жить в Лопуховке как «врагу народа» ему запретили.

Мой дед Алексей и бабушка Мария (дочь Ивана) еще в 1930 г. сбежали от коллективизации в Туркмению на Каспийское море, где дед рыбачил, а бабушка моя работала на рыбном промысле. Жили в городке на сваях. Через некоторое время они смогли забрать к себе мою маму, которая временно оставалась с дедом Александром Ивановичем и бабушкой Натальей. Мама помнила, как её возили в Вольск в 1930 г., где в это время ломали главный центральный церковный Собор, который сейчас восстановлен.

В 1934 г. на Каспийское море перевезли Ивана Филипповича с его мамой Екатериной, которой было за 80 лет. В 1935 г. ее похоронили недалеко от иранской границы.

В свайном поселке действовал казарменный коммунизм, так как на члена семьи выделялось две с половиной половицы деревянного пола. При трех членах семьи, соответственно, 7,5- половиц и ситцевые занавески с двух сторон. Но жизнь при наличии разнообразной рыбы, хлеба и риса оказалась сытной.

Однако вскоре прадеда как «врага народа» заставили выехать из пограничной зоны. Жизнь в Красноводске по климату не подошла Марии Ивановне, к которой с большим трудом в полуживом состоянии переехала из Фрунзе ее раскулаченная мать Анастасия Ивановна. Все вместе приняли решение ехать обратно на родину и в конце августа 1936 г. прибыли пароходом в Вольск.

Здесь они купили домик с участком в 12 соток. В 1937 г. боясь возможных репрессий, Алексей Александрович, которого как человека грамотного сельчане уговаривали стать председателем колхоза в Лопуховке, уехал рыбаком на Аму-Дарью. Там он пробыл два года, пока вал репрессий стал немного спадать.

Его отец Александр Иванович в 30-е годы пережил собственную трагическую Одиссею. Так как он усердно молился богу и в колхоз он не вступал до 1938 г. то по доносу своего соседа, как религиозный сектант ежегодно арестовывался и препровождался в тюрьму в Вольск. Спасибо начальнику (или начальникам) тюрьмы, что его не расстреляли и не придумали каверзной статьи. Через месяц обычно этого кроткого человека, богобоязненного, моего прадеда очередной начальник отправлял назад в Лопуховку со словами «Пошел дед вон отсюда!». В свои 60 с гаком лет он за день проходил пешком 60 верст до Лопуховки. На следующий год картина повторялась: «Опять тебя дед к нам привезли!» Можно сказать, что неисчерпаемой оказалась доброта русской души даже у советского тюремного начальника.

В 1943 г. Александр Иванович заразился септической ангиной, так ели старое просо из-под снега, зараженное мышами. Все в семье выздоровели, а он скончался, ослабев во время очередного религиозного поста. Его внучка, моя мать Рая, приглашала его в начале 1943 г. в Вольск «Дедушка, приезжай у нас церковь открылась. Эх, внученька, не та это церковь» ответил он.

Иван Филиппович в годы войны работал в Вольске грузчиком на мелко-оптовой базе, возил товары на тележке. Всем там запомнились его слова: «Эх, в zenки глаз, нагрузили на лошадь, мне тут не под силу, а вы на лошадь!».

Зятя Алексея призвали в армию, дочь Мария строчила на машинке «Зингер» по 5 гимнастерок в день. Внучка Рая училась в учительском институте. Держали корову, сажали картошку.

Для деда Ивана покупали хлеб на базаре, так как по скудным карточкам не хватало. Без хлеба он не мог жить и работать. Он окрашивал в железную миску полбулки хлеба, заливал все это постными или скоромными щами и все съедал. Пил квас или шиповниковый отвар. Мы ходили с ним в кино. Помню полнометражный фильм документальный «Визит Хрущева и Булганина в Индию». А еще помню, как мы с ним по пути в это кино упали и искренне смеялись над своим падением.

А так как больше старших мужчин в доме не осталось, прадед с 7 лет стал меня водить лет в баню, потому что из женского отделения меня в 6 лет выставили. Он любил париться и меня повел в парильню, где все было как в густом тумане. Я упал в обморок от жары, прадед переживал сильно. Но все же постепенно приучил меня к парной. Запомнил его подтянутое голое мускулистое тело, без живота, и деревянный кипарисовым крестик на шее.

В 80 лет где-то в конце марта 1960 г. он решил затащить на сеновал тяжелые чугунные трубы, чтобы «не заржавели» и видимо, сильно надорвался. Их потом молодые мужчины вдвоем с трудом снимали. Умер он тихо, спокойно. Попросил чистые носки, лег и как будто уснул. Таким я его увидел, придя из школы. Теперь он покоится вместе с супругой, дочерью, зятем и внучкой (моей мамой) на вольском кладбище. Ему даже не платили никакой пенсии. Он спокойно сообщал интересующимся: «Да года у меня не вышли, не заработал».

Мои поволжские предки не совершили великих деяний, но вся их жизнь как многих миллионов простых людей, попавших в водоворот российской истории и модернизации, стала настоящим подвигом.

Литература

1. См. например, в следующих публикациях: Рогачев А.Г. Альтернативы государственной модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы). – Красноярск, 1997; Рогачев А.Г., Максимов С.В. Динамика и модернизация российских социально политических и экономических процессов 1917–1918 гг. на историческом поле Сибири. – Красноярск, 1999; Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Красноярск, 2008; Рогачев А.Г. Исто-

рический опыт отечественных модернизаций в России V–XXI вв. – Красноярск, 2010; Рогачев А.Г. Исторические модернизации государства и права в России IX–XXI веках. – Красноярск, 2015; Рогачев А.Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015; Рогачев А.Г. Актуальные вопросы отечественной истории: социально-политическое развитие общества и государства от Древней Руси до современной России: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017.

2. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность: репринтное издание. – СПб.: Комплект, 1992. – 667 с.

3. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии 1917 год и Саратове: пер. с англ. – Саратов: Слово, 1995. – С. 19.

4. Там же. – С. 21.

5. Там же. – С. 32.

УДК 94(47)(571)"1889/1917"

***К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ АГРАРНОЙ НАУКИ В СИБИРИ:
О НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ***

Хорина Вера Владимировна

Государственный архив Красноярского края, Красноярск, Россия

В последней четверти XIX века в Енисейской губернии стали повсеместно появляться добровольные научные общества. Одной из самых многочисленных групп таких добровольных объединений были общества сельского хозяйства. Осуществляя первые опыты сбора сельскохозяйственной статистики, принимая меры по обновлению и улучшению фонда посевного материала, пытались внедрять на своих «подведомственных» территориях научные методы селекции и т.д., именно они заложили первые основы аграрной науки в губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, общества сельского хозяйства, Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства, Ачинское сельскохозяйственное общество, Минусинское сельскохозяйственное общество.

In the last quarter of the XIX century in the Yenisei province began to appear everywhere voluntary scientific societies. One of the largest groups of such voluntary associations was the agricultural societies. They conducted the first experiments on the collection of agricultural statistics, took measures to update and improve the seed fund, tried to introduce scientific methods of selection in their "subordinate" territories, etc., and thus they laid the first foundations of agricultural science in the Yenisei province.

Keywords: Yenisei province, societies of agriculture, Krasnoyarsk Department of the Moscow Society of Agriculture, Achinsk agricultural society, Minusinsk agricultural society.

Причиной возникновения (ещё во второй половине XVIII в.) и распространения в XIX веке по всей территории Российской Империи сельскохозяйственных обществ стало то, что сельское хозяйство всегда являлось одной из самых проблемных отраслей экономики страны. Вечная нехватка финансов, медленный технический и технологический прогресс и – как итог – низкая урожайность и полная зависимость от природно-климатических условий в каждом конкретном году являлись, увы, наиболее характерными чертами аграрного развития России.

Правительство упорно «не замечало» такого положения дел вплоть до середины 1890-х годов. Поэтому сельским хозяйством страны была озабочена только наиболее образованная и социально активная общественность в лице крупных и средних помещиков, специалистов по сельскому хозяйству и вообще научной интеллигенции, чиновников, представителей торговой и промышленной буржуазии и т.д. Именно они становились основателями как самых крупных, общероссийских (самый яркий пример – Имп. Вольно-экономическое общество), так и более мелких (губернских, уездных) сельскохозяйственных обществ [1, с. 149].

Региональные общества сельского хозяйства с небольшим районом действия (губерния, позже – уезд) стали впервые возникать в 1830-х гг., а пик их создания пришелся на 1880-е гг. – начало XX в. Особенно массово мелкие сельскохозяйственные общества открывались после катастрофической засухи 1891–1892 гг., когда в стране начался голод, который современники назвали «Великим». Бездействие центрального правительства в те годы вызвало небывалый общественный резонанс: помощь голодающим приобретала характер массового движения, в которое включались частные лица, деятели местного самоуправления, а также и добровольные общества самого различного профиля.

В 1898 г. число сельскохозяйственных обществ в России достигло 300 (в том числе около 170 самостоятельных обществ и 125 отделов) [2, с. 28; 3, с. 41; 4]. Именно они являлись главным проводником идей модернизации сельского хозяйства в стране. Деятельность этих объединений сочетала поддержку и развитие агрономической науки с практической работой по внедрению её последних достижений в сельское хозяйство России. И в условиях весьма малоповоротливой государственной машины Российской Империи такая форма организации лучше всего подходила для оперативного решения многих агрономических задач.

Первым (и самым крупным) сельскохозяйственным обществом в Енисейской губернии стал Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства. Он был открыт группой губернских чиновников, занимавшихся, главным образом, землеустройством и переселением. Своей

задачей Отдел объявил «содействие ... всестороннему развитию и усовершенствованию всех отраслей сельского хозяйства и сельской промышленности в пределах Енисейской губернии». В его Уставе для осуществления этой задачи был обозначен ряд практических мер: «а) периодический сбор своих членов для совещания по вопросам, касающимся местного сельского хозяйства и сельской промышленности; б) распространение теоретических и практических сведений по сельскому хозяйству устройством сельскохозяйственных бесед, публичных чтений, выставок, конкурсов, опытных хуторов, испытаний земледельческих машин, орудий и прочего; в) издание, по мере средств, сочинений, могущих иметь полезное применение в сельском хозяйстве; г) ходатайство о приискании опытных людей для заведования разными частями хозяйства по выписке, покупке и продаже земледельческих машин и орудий, семян, племенного скота посредством сношений с сельскохозяйственными учреждениями и известными хозяйствами в России и за границей ...» и т. д. [5]

В первое десятилетие после своего создания (1889–1899) Отдел занимался, в основном, теоретической разработкой наиболее важных для местного сельского хозяйства вопросов (что выразилось в немалом количестве прочитанных на его собраниях докладов). Так, например, В.И. Крутовский и П.Е. Кулаков провели обследование общего состояния рыбного промысла в Туруханском крае, всё тот же В.М. Крутовский сделал несколько сообщений о возможностях развития в губернии промышленного плодоводства и огородничества (основанных на личном успешном опыте в этой области) и т.д.

В этот же период Отдел попытался организовать работу по рассылке улучшенных семян хлебных злаков и огородных растений по заявкам сельских хозяев основных уездов губернии. С осени 1889 по 1899 г. было разослано более 43 пудов семян (всего 24 сорта) – 50 отдельным хозяевам и 30 общинным хозяйствам [6]. Кроме того, в сентябре 1892 г. Красноярский отдел МОСХ организовал в Красноярске самую первую в губернии сельскохозяйственную выставку, где была представлена как продукция местного животноводства, земледелия, садоводства и огородничества, рыболовства, пчеловодства и т.д., так и изделия губернских фабрик и заводов, а также местных кустарей и ремесленников [7, с. 249–251].

Со второй половины 1899 г. деятельность Отдела, вследствие пополнения его новыми энергичными сотрудниками, оживилась и стала носить гораздо более практический характер. В нём на тот момент состояло уже 244 человека (в т. ч. 2 почётных члена, 78 действительных и 164 членов-корреспондентов) [8, л. 1].

В 1899–1900 гг. Красноярским отделом МОСХ был впервые осуществлён опыт сбора текущей сельскохозяйственной статистики в губернии. Секретарь Отдела Д.М. Головачёв (по месту основной службы – заведующий Красноярской поземельно-устроительной партией) разработал специальный опросный лист, в котором сельские корреспонденты должны были указывать сведения о погоде, об урожае хлебов, трав и огородных растений за определённый период. Листы были разосланы во все сельскохозяйственные районы губернии. В итоге

были получены сведения из 39 волостей 5 уездов (Красноярского, Енисейского, Минусинского, Ачинского и Канского). По бланкам ответили всего 163 респондента (из них 65 % – крестьяне, остальные 35 % – волостные и сельские писари, священники, учителя и лица других званий). Ответы по опросным листам отличались полнотой информации, и Д.М. Головачёв, обработав их, сделал некие выводы о положении сельского хозяйства в губернии летом 1899 г.: урожай зерновых по всем уездам оказался выше среднего в сравнении с известными данными 1889–1892 гг., качество зерна получилось хорошее, но кормовые травы уродились плохо. Эти итоги Головачёв доложил на очередном общем собрании Отдела, акцентировав внимание коллег на том факте, что подобные сведения имеют значение как для агрономической науки в целом, так и для практических целей, особенно в периоды недородов и неурожаев, так как в таком случае есть возможность делать прогнозы на будущее и предвидеть грядущие бедствия [8, л. 3–4].

Присутствующие предложили дополнить опросные бланки сведениями о скотоводстве, ценах на сельскохозяйственную продукцию и рабочие руки. Таким образом, в 1900 г. опросник был довольно значительно дополнен и позволял получить ещё больше полезной информации по сельскохозяйственной статистике губернии. Но, поскольку один Головачёв уже с трудом справлялся с этим потоком сведений, то при Отделе была организована целая статистическая комиссия [9, с. 2–5], которая и продолжила его начинание в последующие годы.

Поскольку сельское население губернии всё чаще жаловалось на вырождение местных хлебов, и в Красноярский отдел МОСХ постоянно поступали новые просьбы о высылке семян, в 1900 г. его правление также создало специальную комиссию, главной задачей которой стало удовлетворение этих запросов. В целях наибольшей эффективности мероприятий по рассылке семян на общем собрании Отдела было решено, во-первых, отправлять их преимущественно только тем хозяевам, которые смогут применить их ответственно и затем распространят среди соседей. Таким корреспондентам вместе с семенами был разослан ряд вопросов, касающихся опытных посевов (о размерах посевной площади, о почвах и методах их обработки, условиях посева, характере всходов, росте и созревании хлебов, урожае улучшенного зерна в сравнении с урожаем соответствующего местного сорта и т.д.), на который они должны были дать развёрнутый ответ. Кроме прочего, их обязали в течение нескольких лет присылать образцы урожая от улучшенного зерна, чтобы можно было чётко проследить его изменения и годность в качестве объекта распространения. Предпочтение же комиссия отдавала семенам северных государств, имеющих климат, схожий с сибирским (чтобы их всхожесть и выживаемость была выше, и чтобы они быстрее акклиматизировались) [9, с. 5–7; 10].

В 1900 г. семена зерновых растений были разосланы 116 хозяевам (в Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский и Енисейский уезды). Практически все они добросовестно заполнили опросные листы и выслали их на адрес Отдела. Многие корреспонденты давали и более подробные разъяснения в прилагаемых к ним письмах, в которых описывали: состояние погоды на

период сева и прорастания зерна, разницу во всхожести и росте присланных семян и семян местных, и т.д. К началу 1901 г. от большинства поступили образцы полученного от посева зерна и образцы колосьев. Семена огородных растений рассылались в Красноярском, Минусинском и Канском уездах и Туруханском крае (всего 52 сорта, в т. ч. фасоль, морковь, капуста и др.). Многих сортов не хватало, так как спрос на них был очень велик. Особенно часто крестьяне запрашивали семена скороспелых редиса, моркови, огурцов, салата, ранней капусты и др. И вообще, в основном, конечно, просили скороспелые сорта [9, с. 8–12].

Кроме того, Красноярский отдел МОСХ в 1899-1900 гг. удовлетворил несколько просьб местных садоводов о присылке им саженцев плодовых деревьев и пытался некоторым из них помочь материально. Так, для красноярского плодОВОДА А.И. Олониченко были выписаны саженцы из-за границы, для М.Г. Никифорова (жителя Минусинского уезда). Отдел «выбил» из департамента земледелия субсидию на расширение его уникального плодового питомника в размере 500 рублей и т.д. [7, с. 114–115, 117].

22 января 1902 г. в Санкт-Петербурге было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в состав которого вошли министр внутренних дел, министр земледелия, министр финансов и другие государственные чиновники. На Совещание было возложено выяснение особых нужд сельскохозяйственной промышленности в губерниях Российской Империи и выработка мер, направленных на её улучшение. Совещание признало, что необходимо организовать опрос мнений по этому вопросу и непосредственно на местах. В итоге для обсуждения проблем сельского хозяйства были привлечены (в числе прочих) и местные сельскохозяйственные общества [11, с. 1–6].

С 9 ноября 1902 г. по 6 февраля 1903 г. Красноярский отдел МОСХ провёл подряд 8 заседаний, на которых прозвучал ряд актуальных докладов по вопросам о нуждах сельского хозяйства в губернии («Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии в сравнении с губерниями земскими» Е.Г. Шольпа, «Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития» Д.М. Головачёва, «О нуждах сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии» В.Т. Волкова и др.). Все доклады сопровождались бурными прениями и дебатами, в результате были выработаны «Заключение Красноярского отдела МОСХ по вопросам о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии» и «Положения, принятые Красноярским отделом МОСХ по вопросам о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии», которые включили в себя разделы: «Нужды агрономические», «Нужды правовые», «Нужды образования», «Нужды финансовые» и «Введение земских учреждений». В них сотрудники Отдела изложили свои соображения по поводу причин упадка сельского хозяйства и ухудшения благосостояния сельского населения Енисейской губернии за последние 25-30 лет и предложили ряд весьма кардинальных мер для решения этих проблем. «Заключение» и «Положения» были переданы в губернский комитет по вопросам о нуждах сельского хозяйства, а все материалы заседаний, тексты докладов и выработанные рекомендации Отдел издал отдельным томом [11].

В дальнейшем в течение нескольких лет Красноярский отдел МОСХ почти не проявлял активности (все его основные сотрудники были слишком заняты на основных местах работы, и к тому же началась Русско-японская война, сильно отвлекавшая внимание общественников). В конце 1910 г. наконец было решено преобразовать Отдел в новое общество. 16 января 1911 г. состоялось самое первое официальное заседание Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли (ВСОСХПиТ), объявившего своей основной задачей «содействие в районе своих действий соединёнными силами своих членов развитию и усовершенствованию торговли, промышленности и сельского хозяйства» [12].

Это Общество поставило во главу угла другую деятельность: главным образом, помощь местным крестьянам в сбыте сельскохозяйственной продукции и организацию кооперативов в губернии. Кроме того, оно участвовало в кампании по снабжению семенами нуждающихся в них после очередного неурожая в 1911 г., продолжило распространение улучшенных семян, а также новейших сельскохозяйственных орудий, осуществляло различные консультации как для отдельных хозяев, так и для сельскохозяйственных артелей и т.д. [7, с. 262–264]

Но при ВСОСХПиТ действовала и комиссия по статистико-экономическому изучению губернии, а на его собраниях обсуждались многие важные вопросы местной экономической жизни, после чего (по результатам дебатов) принимались соответствующие постановления и заключения. Так, например, в 1911–1913 гг. были рассмотрены следующие проблемы: помощь вновь прибывающим переселенцам, перспективы открытия регулярных рейсов по Северному морскому пути, обследование местных кустарных промыслов и выработка рекомендаций по их развитию и т.д.

В январе 1914 г. при ВСОСХПиТ было учреждено торгово-справочное бюро северно-морской транспортировки грузов, задачами которого стали: изучение товарообмена сибирских рынков; сбор и периодическая публикация данных международного рынка в тех отраслях и вопросах товарообмена, в которых более всего заинтересована территория, обслуживаемая Севморпутём; регулярное устройство в Европе передвижных выставок образцов тех товаров, сырья и кустарных изделий, которые могут быть предметом вывоза из Сибири за границу; организация посредничества между сибирскими и зарубежными рынками и т.д. [7, с. 265, 13].

Проблемы транспортировки продукции местного сельского хозяйства в западную часть России и в Европу Северным морским путём активно обсуждались и в Ачинском обществе сельского хозяйства, открытом в 1911 г. Оно сделало основную ставку на развитие кустарного промысла в уезде, – например, на льноводство и производство тканей из льна. Лён, как товар, в этот период был для Енисейской губернии новинкой, крестьянам сложно было его сбывать самостоятельно, но его значение (особенно для хозяйств переселенцев) было довольно велико. К тому же, в отличие от зерна, лён мог выдерживать длительную перевозку и конкурировать на отдалённых рынках. В начале 1915 г. засе-

дание Общества посетил норвежско-российский предприниматель, глава Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли господин Йонас Лид, который официально предложил его правлению на постоянной основе доставлять его компании льняное волокно и коноплю для отправки Северным морским путём в Англию. Кроме того, Й. Лид предложил отправлять туда (в качестве эксперимента) ещё и кедровый орех [14, с. 12–16; 15].

В числе практических мероприятий Ачинского сельскохозяйственного общества также можно упомянуть учреждение им опытного поля (где выращивались лён, конопля, гречиха, овёс, чечевица, просо, подсолнечник, люцерна, популярные огородные растения, проводились испытания по улучшению семян злаковых растений, делались попытки устроить питомник ягодных кустарников – малины, крыжовника, смородины и т. д.), организацию двух ферм по разведению племенного скота и др. [14].

Второе в губернии (и первое уездное) Минусинское сельскохозяйственное общество, основанное в 1905 г., тоже достаточно активно выписывало и раздавало местным крестьянам различные семена улучшенных хлебных и огородных растений для их опытного испытания. Кроме того, начиная с 1912 г., его сотрудники в течение нескольких лет подряд проводили обследование бахчеводства в Минусинском уезде (попутно раздавая всем лицам, желающим заняться посевом трав и выращиванием клубневых овощей и бахчевых культур, специально разработанные и напечатанные листки с наставлениями о том, как делать это правильно).

В августе 1912 и 1913 гг. Общество устраивало в Минусинске выставки бахчеводства и огородничества, в 1913–1914 гг. при нём были созданы и успешно работали комиссии по животноводству, выработке норм размера иногородческого надела и другие [7, с. 267–270].

К 1914 г., помимо уже упомянутых нами, в губернии действовали Енисейское, Верхне-Шалинское, Казачинское, Черемшанское и ещё около двадцати других небольших уездных и волостных сельскохозяйственных обществ [16]. Но так как они создавались, главным образом, для совместного сбыта продукции, производимой местными крестьянами, то их деятельность сложно было бы назвать хоть в какой-то мере научной.

Подводя итоги, отметим, что в начале XX в. общества сельского хозяйства получили в Енисейской губернии широкое распространение и весьма положительное развитие. Они, без всякого сомнения, приносили явную и ощутимую пользу местному сельскому населению, тем самым делая неоценимый вклад в развитие губернской экономики. И именно добровольные сельскохозяйственные общества, в конечном итоге, осуществили самые первые качественные и количественные изменения в местной аграрной отрасли, являясь на территории Енисейской губернии почти единственными (за исключением здесь даже государственной агрономической службы) проводниками модернизации сельского хозяйства, а также, по сути, – и главными «виновниками» зарождения местной сельскохозяйственной науки.

Литература

1. Гуларян А.Б. Взгляды современников на положение сельского хозяйства Российской империи в пореформенное время // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 149–156.
2. Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. – М., 1982. – 92 с.
3. Елина О.Ю. Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России // Историко-биологические исследования. – 2012. – Т. 4, № 3. – С. 34–63.
4. Сельскохозяйственные общества // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 тт. – Т. XXIX. – СПб., 1900. – С. 417.
5. Красноярский отдел Имп. московского общества сельского хозяйства // Памятная книжка Енисейской губернии на 1 января 1898 г. – Красноярск, 1897. – С. 114–116.
6. Скорняков Н. В Обществе сельского хозяйства // Енисей. – 1899. – № 140. – С. 2–3.
7. Хорина В.В. Провинциальная наука: городские музеи и научные общества Енисейской губернии последней четверти XIX – начала XX в. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2018. – 463 с.
8. ГАКК. Ф. 388. Оп. 1. Д. 3.
9. Отчёт о деятельности Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1900 г. – Красноярск, 1901. – 29 с.
10. Енисей. – 1900. – № 37. – С. 2; № 39. – С. 2; № 40. – С. 2; № 41. – С. 1.
11. Тр. Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства. Вып. VI. Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии. – Красноярск, 1903.
12. Преобразование общества Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства // Красноярская мысль. – 1910. – № 15. – С. 3.
13. Итоги деятельности Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли (по отчётам Общества) // Отклики Сибири. – 1914. – № 36. – С. 2.
14. Отчёт Ачинского общества сельского хозяйства. – Ачинск, 1913. – 28 с.
15. Ачинск. В сельскохозяйственном обществе // Отклики Сибири. – 1915. – № 21. – С. 3.
16. Енисейская губерния // Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год. – Петроград, 1916. – С. 588–592.

***ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СИБИРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
В ЭКСПОЗИЦИЯХ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ****

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-09-00329

***Кузнецова Алла Владимировна
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия***

Рассматриваются особенности экспонирования материалов, характеризующих повседневную жизнь сибирских поселений, на примере экспозиций историко-краеведческих музеев крупного города, малого города и поселка городского типа. Сельская и городская повседневность являются неотъемлемой частью всех рассмотренных экспозиций, причем показаны без отрыва от макро-контекста – фоном выступают важные события в стране и мире, оказавшие влияние на восприятие жизни отдельными людьми.

Ключевые слова: повседневная жизнь, музей, музейная экспозиция, Омский государственный историко-краеведческий музей, Куйбышевский музейный комплекс, Муромцевский историко-краеведческий музей, ансамблевый принцип экспонирования, тематический принцип экспонирования.

The features of exhibiting materials characterizing the daily life of Siberian settlements are considered on the example of expositions of local history museums of a large city, a small city and an urban-type settlement. Rural and urban everyday life are an integral part of all the considered expositions, and it is shown without detachment from the macro-context – the background is the important events in the country and the world that have influenced the perception of life by individuals.

Keywords: everyday life, museum, museum exposition, Omsk state historical Museum, Kuibyshev Museum complex, Muromtsevo historical Museum, ensemble exposure method, thematic exposure method.

Музеи в любом типе поселения – крупном или малом городе, поселке городского типа и др. – являются значимой частью культурного пространства. Они не только участвуют в формировании и трансляции образа поселения, но и сами являются частью этого образа. В последние десятилетия все более актуализируются такие функции музея, как формирование общественного сознания, трансляция культурных ценностей, установление взаимопонимания между народами, поколениями, социальными группами, формирование и передача исторической памяти.

В области различных гуманитарных наук начало ХХI вв. характеризуется устойчивым исследовательским интересом к сферам повседневности. Эта тенденция нашла свое отражение и в музеях, уделяющих в экспозициях и выставках все более значительное место именно повседневной тематике. Исследователи отмечают заметный интерес посетителей музеев к таким выставкам, говорят о существовании некоего социального заказа на повседневность [1, с. 83–84]. В условиях быстро меняющейся современной повседневной жизни обращение к повседневности прежних поколений, их материальным и духовным ценностям, позволяет почувствовать себя причастными к непрерывному процессу истории.

По-прежнему дискуссионным является вопрос об определении терминов «повседневность», «повседневная жизнь», и их разграничения с понятием «быт». Ряд исследователей придерживаются точки зрения, что быт – это только часть понятия повседневность. Помимо быта - вещественной стороны, область повседневности включает в себя также осмысление людьми различных событий и явлений внешнего мира, и способы их приспособления к этим событиям [2]. В связи с этим становится понятной сложность представления повседневной жизни в музейной экспозиции: ведь необходимо «наполнить» музейные предметы ценностным содержанием, реконструировать на их основе отношение разных людей и групп к различным явлениям.

Проблема представления повседневной жизни в музейных экспозициях затрагивается рядом современных исследователей, преимущественно в рамках сборников материалов конференций или музейных научных сборников: в частности, Е.К. Костюшева, освещая опыт создания экспозиции, посвященной советской истории, обращается к представлению повседневной жизни в музее в привязке к политическому дискурсу [3]. А.А. Куренышев анализирует возможности и пути показа повседневности в музее в макро- или микроконтексте [4]. А.Д. Манохина обращается к культуре советской повседневности на основе анализа экспозиций музеев Санкт-Петербурга [1].

Цель данной работы заключается в выявлении основных тенденций экспонирования материалов, характеризующих повседневную жизнь сибирских поселений, на примере экспозиций историко-краеведческих музеев поселений различного типа: крупного города – на примере Омска, малого города – на примере Куйбышева Новосибирской области и поселка городского типа - на примере рабочего поселка Муромцево Омской области.

Музейный комплекс г. Куйбышев включает в себя: Краеведческий музей на ул. Коммунистической, экспозиционно-выставочный зал на ул. Папшева и мемориальный дом-музей В.В. Куйбышева на ул. Ленина.

Краеведческий музей с 2002 г. располагается в здании, построенном в 1911 г.: особняке купца М.А. Левака (памятнике истории и культуры регионального значения). В постоянную экспозицию Краеведческого музея входят выставки «Каинск. 1722–1917 гг.», «Наш край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Конюшня купца М.А. Левака», «Кузница» и экспозиция под открытым небом «Дворовое купеческое хозяйство конца ХIХ – начала ХХ вв.».

Принципы комплектования экспозиции преимущественно ансамблевый (когда предметы сгруппированы в ансамбли, воссоздавая интерьер определенной эпохи и т. п.) [5, с. 354] и тематический (когда предметы группируются по отдельным темам) [5, с. 357]. На первом этаже музея освещаются такие темы, как древняя история этих мест – ее отражает комплекс археологических находок эпохи палеолита; история барабинских татар; отдельно представлена коллекция нумизматики. Особый интерес вызывает диорама «Общий вид г. Каинска с Иоанно-Предтеченской церкви, 1905 г.»: заглянув за наличник XIX в., посетитель видит реконструкцию старого Каинска: дома, дороги, элементы хозяйства – коровы, сено, телега.

Достаточно большое место в экспозиции отведено повседневности, как городской, так и сельской, крестьянской. Городская повседневная жизнь представлена с помощью ансамблевого принципа, в виде реконструкции жилого интерьера купеческой комнаты конца XIX – нач. XX в. Такой метод позволяет не просто показать имеющиеся в хранилищах предметы подходящего временного периода, но и создать особую атмосферу, «вдохнуть жизнь» в предметы быта, наделив их особым смысловым значением. Например, этому служат «небрежно» брошенный на подлокотник кресла-качалки плед, старые фотографии на стенах.

Сельская повседневность представлена более 180 предметами крестьянского быта [6]. Здесь группировка предметов тематическая, а не ансамблевая: ряд самоваров, несколько часов на стене, отдельным стендом расположены гончарные предметы. Наиболее обширно представлена тема ткачества, прядения: разнообразные станки, прялки, веретена и другие приспособления, льняные ткани, рушники, одежда. Многочисленны и предметы сельского хозяйства: кочерга, коса, коромысло, ступы, скалки, стиральные доски и др. Отмечу, что, несмотря на значительно большее количество предметов в экспозиции, посвященных сельскому быту, по сравнению с городским, в таком варианте экспозиции гораздо менее выражено наделение материальных предметов ценностным наполнением.

На втором этаже представлена выставка «Наш край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Здесь экспонаты тоже отражают повседневность, но в специфических, экстремальных условиях войны. Среди экспонатов – фронтовые письма, предметы быта, использовавшиеся на фронте, оружие, документальные материалы, фотографии и награды местных жителей – героев войны.

Экспозиции «Конюшня купца Левака М.А.», «Кузница» и экспозиция под открытым небом «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX – начала XX вв.» интересны ансамблевым построением, подлинностью предметов и интерьеров – в том числе, сохранившимися арочными конструкциями стен. В «Кузнице» представлены кузнечный очаг, наковальня, различные инструменты, кузнечный фартук, выкованные изделия конца XIX – начала XX вв. Живой образ создает картина на стене, изображающая кузнеца за работой. В «Конюшне» также представлено множество предметов: упряжь, подковы, хомуты, санки, колеса

телег, и многое другое, дополняется ансамбль картинами с изображением лошадей.

В экспозиционно-выставочном зале размещена экспозиция, посвященная XX веку: «Каинск – Куйбышев. 1914–1991 гг.». Особенности повседневной жизни людей в сложные, переломные моменты истории: в годы Первой Мировой войны, революции, Гражданской войны подчеркнуты с помощью газетных публикаций, фотографий. Значительное место экспозиции занимают предметы советского быта: мебель, одежда, посуда, книги, радиола, часы. «Оживление» экспозиции достигается благодаря добавлению таких элементов, как фотографии советских артистов, закрепленные на зеркале, вышитые салфетки на буфете и тумбочке, висящее на дверце шкафа платье, создающее впечатление, что его только что одевали, и не успели аккуратно повесить. Отдельно расположен «пионерский уголок»: школьные формы девочки и мальчика с пионерскими галстуками, горн и барабан, школьная парта с лежащими на ней рисунками, ручками.

Дом-музей В.В. Куйбышева расположен в историческом здании (1898 г. постройки), в котором в 1912–1913 гг. жил в ожидании суда Валерьян Владимирович. Экспозиция дома-музея В.В. Куйбышева состоит из четырех частей: «В.В. Куйбышев в Каинской ссылке»; «Мемориальная комната В.В. Куйбышева»; «Каинск – город политической ссылки», которая освещает историю ссылки рубежа XIX–XX вв. в Сибирь в целом и в Каинский уезд в частности; «Политические репрессии 1920–1950-х гг.». Первые два раздела экспозиции посвящены жизни В.В. Куйбышева в Каинске, включают предметы быта – мебель, письменные принадлежности, а также бюст Валерьяна Владимировича, выполненный В.В. Телишевым и посмертную маску (автор – М.Г. Манизер). Последние же два раздела экспозиции открылись позднее, в 1989 году, что отражает новые веяния в музеях на фоне начавшейся в стране трансформации. Идея этой экспозиции заключается в попытке объективно отразить тяжелые моменты нашей истории, связанные с революционной борьбой, Гражданской войной и последующие действия советской власти в сфере исполнения наказаний. Здесь тоже присутствуют элементы повседневности – в виде особенностей быта заключенных, ссыльных.

Обратимся к историко-краеведческому музею рабочего поселка Муромцево Омской области. Музей размещается в историческом здании – особняке купца П.М. Ширяева 1907 г. постройки, являющегося памятником истории и культуры регионального значения. Экспозиция посвящена истории Муромцевского района от древности до современности, оформлена, в основном, с помощью тематического принципа. История быта представлена достаточно обширно, в том числе жизнь сибирских татар и русского крестьянства. Мебель, домотканые коврики, салфетки, самовар на столе, фотографии на стенах, украшенные вышитыми рушниками. Представлен также ткацкий станок, женская и мужская одежда, прялка, коллекция веретен. На одной из стен расположены предметы сельского хозяйства, элементы лошадиной упряжи. Несколько стендов занимает выставка стекла и фарфора конца XIX–XX вв. В отличие от Куй-

бышевского музея, где посуда экспонировалась в интерьерном ансамбле, здесь посуда разных временных периодов расположена отдельным комплексом. Зал Воинской славы содержит фотографии героев Великой Отечественной войны, информационные стенды, предметы фронтовой повседневности – в том числе, одежду, каску, котелки, ложку, баян, флягу. Затрагиваются и другие войны XX в.: в Афганистане, Чечне.

Помимо постоянной экспозиции, повседневная жизнь сибирских поселений в Муромцевском музее находит свое отражение и во временных выставках: в сентябре 2019 г. это выставка «Жила-была школа». Среди экспонатов – школьная форма, учебник по арифметике 1900 г. издания, настольный календарь учителя на 1941 год, школьная парта с лежащими на ней тетрадями, учебниками, чернильницей – непроливайкой и шариковыми ручками; полка с учебниками и глобусом; школьный ранец.

Здание Омского государственного историко-краеведческого музея современной постройки – его строительство было закончено в 1984 году [7, с. 12]. Постоянными экспозициями являются «Археология Омского Прииртышья», «Сибирский град Петров» и «Этническая панорама Сибири» (открыта 1 сентября 2019 г.). «Археология Омского Прииртышья» представляет предметы материальной культуры, начиная с каменного века и заканчивая ранним Средневековьем: материалы сгруппированы хронологически, дополнены информационными стендами и реконструкциями. Повседневность иллюстрируют орудия труда, реконструкция ткацкого станка эпохи бронзы, реконструкция полуземлянки раннего Средневековья и интерьера, посуда и другие предметы быта, украшения.

Экспозиция «Сибирский град Петров» разделена на 3 части, по хронологическому принципу. Первый зал посвящен освоению Сибири русскими (охвачен период вт. пол. XVI – к. XVIII в.), здесь к повседневности можно отнести только элементы культуры и быта коренных народов Сибири, в том числе – плащ шамана, реконструкцию культового места народа манси. Второй зал посвящен Омску как административному центру Западной Сибири (период – от начала XIX – до начала XX в.). Здесь интересна реконструкция рабочего кабинета генерал-Губернатора Западной Сибири. Третий зал – «Третий век Омской истории» – иллюстрирует XX – начало XXI в. В этом зале в первую очередь привлекает внимание автомобиль XIX в. «Жорж Ришар». Здесь также много реконструкций – в том числе, реконструкции рабочих кабинетов А.В. Колчака, первого секретаря Омского обкома КПСС С.И. Манякина, А.Н. Туполева. Ярко представлена советская повседневность – отдельная витрина посвящена жизни пионеров – форма, флаг, барабан, все это дополнено информационными стендами и лозунгами. Так же – в застекленных витринах – расположены предметы советского быта: телевизор, катушечный магнитофон, пылесос, и др. Одна из витрин посвящена перестройке, здесь среди прочего представлены джинсы, пиджак, радиотелефон. Еще одной «изюминкой» зала является автомобиль «Москвич» (1940-е – 1950-е гг.).

Интересная особенность рассмотренной экспозиции – представление истории города через призму значимых личностей. Например, присоединение Сибири к России начинается с фигуры Ермака, далее – в витрине, посвященной основанию Омской крепости представлены восковые фигуры И.Д. Бухгольца и Петра I. То же самое относится и к последующим этапам – Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, В.И. Ленин, А.В. Колчак, С.И. Манякин, А.Н. Туполев, С.П. Королев, современный период истории края отмечен фотографиями М.С. Горбачева, В.И. Назарова.

Экспозиция «Этническая панорама Сибири» представляет собой ряд ансамблевых комплексов, освещающих повседневную жизнь живущих в Сибири народов, среди которых русские, украинцы, белорусы, немцы, казахи, и др. Ансамбли красочно и очень «живо» показывают особенности городской и сельской повседневности, включают в себя предметы мебели, промыслов, хозяйственную утварь, одежду, печь, ткацкий станок, колыбель, и многое другое. При этом ансамбли не перегружены, создается впечатление, что предметы «лежат на своих местах», ничего лишнего. Здесь тоже присутствует легкая «небрежность», создающая эффект «обжитого» пространства: брошенные у печки дрова, полотенце на полке с посудой.

Мы рассмотрели экспозиции трех музеев: большого города, малого города и поселка городского типа, и можем сделать некоторые выводы. Сильно выделяется на фоне других экспозиция «Сибирский град Петров» Омского историко-краеведческого музея: здесь повседневность представлена через призму значимых личностей, политиков и ученых, тогда как в Муромцевском и Куйбышевском музеях на первом плане – жизнь «маленьких людей». Также Омский музей интересен наличием большого числа реконструкций. Еще одним заметным отличием является представление предметов, документов и реконструкций преимущественно в стеклянных витринах. По-другому воспринимается новая экспозиция Омского музея - «Этническая панорама Сибири». Она практически полностью состоит из ансамблей, здесь практически нет застекленных витрин, необычна и сама идея этой выставки – чаще всего в сибирских музеях на первом плане представлена история русского населения, здесь же делается акцент на культурное многообразие. Муромцевский музей осуществляет показ элементов повседневной жизни с помощью отдельных бытовых предметов, практически не группируя их в ансамбли, а потому не выходит за рамки показа истории быта. Куйбышевский же музейный комплекс сочетает в себе ансамблевый и тематический метод.

Таким образом, мы видим, что история повседневной жизни является неотъемлемой частью любой экспозиции краеведческого музея, без нее невозможно представить историю города или села. Все рассмотренные музеи в той или иной степени обращаются к сельской и городской повседневности разных временных периодов, ее типичным элементам и чертам, причем повседневность показана без отрыва от макро-контекста – всегда фоном выступают важные события в обществе, стране и мире, оказавшие свое влияние на восприятие жизни отдельными людьми. При формировании экспозиций применяются разнообраз-

ные методы построения, такие как тематический, хронологический, ансамблевый, и их сочетания. По нашему мнению, ансамблевый принцип построения экспозиции является более подходящим для представления повседневной жизни, позволяет добиться «эффекта присутствия».

Литература

1. Манохина А.Д. Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга // Вопросы музеологии. – 2018. – Т. 9, Вып. 1. – С. 83–92.

2. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 29.008.2019).

3. Костюшева Е. К. Советская история в постсоветском музейном пространстве: опыт ГМПОР // ГМПОР: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009: мат-лы науч. конф. – СПб: Норма, 2010. – С. 138–146.

4. Куренышев А.А. История повседневности: историографические и музейно-экспозиционные проблемы // Исторический музей как зеркало перемен. 1991–2011: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (5–6 октября, 2011). – СПб.: Норма, 2012. – С. 10–14.

5. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – М.: Прогресс; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – 436 с.

6. Экспозиции // Официальный сайт МКУК «Музейный комплекс» г. Куйбышева. – URL: <http://museumcomplexnso.ru /index.php/ekspozitsii> (дата обращения: 26.08.2019).

7. Музей и его коллекции: к 130-летию основания Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2008. – 207 с.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

***Карагулян Кристина Гендриковна, Солдатенко Дмитрий Юрьевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия***

В статье приводятся сведения об участниках второго польского восстания, отправленных в ссылку на территорию Енисейской губернии. Благодаря статистическому анализу данных ссыльных выявлены основные черты социального портрета восставших. Авторы делают вывод о формировании польской этно-социальной группы в Енисейской губернии.

Ключевые слова: второе польское восстание, Енисейская губерния, Сибирь, ссылка, политические ссыльные, русско-польские отношения, польский этнос.

The article provides information about the participants of the second Polish uprising, sent in exile to the territory of the Yenisei province. Thanks to the statistical analysis of the data of the exiles, the main features of the social portrait of the rebels were revealed. The authors conclude on the formation of the Polish ethno-social group in the Yenisei province.

Keywords: second Polish uprising, Yenisei province, Siberia, exile, political exiles, Russian-Polish relations, Polish ethnos.

Актуальность темы обусловлена неоднозначностью русско-польских отношений. На протяжении многих веков эти народы были то союзниками, то врагами. Было время, когда в Сибирь ссылали польских патриотов, на каторгу и поселение. На территории Сибири до сих пор проживают потомки поляков. Существует польская диаспора в Сибири, включающая в себя и потомков политических ссыльных второй половины XIX в., одним из направлений ее деятельности изучение истории русско-польских отношений и исторических судеб поляков в Сибири. Историографический обзор темы показал, что «польский вопрос» затрагивался в работах таких исследователей как Л.А. Тихомиров [11, с. 1–8], Е. П. Береговая [5, с. 218], В. Масяржа [9, с. 336]. Особенно стоит отметить труды иркутского историка Б. С. Шостаковича [12, с. 300].

Цель статьи – проанализировать сословный и возрастной составы участников второго польского восстания, а также географию их переселения на территорию Енисейской губернии для комплексного изучения аспектов польской политической ссылки во второй половине XIX в. Хронологические рамки работы – вторая половина XIX в. Нижняя граница определена восстанием 1863 г., а верхняя граница определена 1876 г., так как именно этим годом датируется по-

следние списки ссыльных поляков, подлежащие рассмотрению. Методология работы базируется на исторических методах, а конкретно на источниковедческом методе, который позволил выявить и определить основную фактологическую базу исследования. Для сопоставления фактического материала использовался метод сравнительно-исторического анализа. При использовании статистического метода основное внимание уделялось сопоставлению основных характеристик и показателей. Источниковая база работы – это архивные материалы, посвященные политссыльным, высланным в Енисейскую губернию, представленные списками, переписками между волостными правлениями, прошениями ссыльных.

На территории Царства Польского в 1863 г. вспыхнул мятеж. За участие в данном восстании многие были отправлены на каторгу, на территорию Сибири, с целью осуществления колониальной политики Российского государства. Сводные перечни данных, составленные на архивных документах, политссыльных позволяют нам выявить особенности ссылки на территории Енисейской губернии. Проанализировав данные, представленные в таблице А.1, мы можем сделать вывод, что сословный состав ссыльных разнородный: крестьяне, дворяне, студенты, чиновники, мещане, военные. Но прослеживается тот факт, что одной из основных групп социального состава, участвующего в Январском восстании, являлось дворянство. Оно составляет 48% от общего количества. Это объясняется тем, что польская шляхта желала восстановить Польшу как самостоятельное государство. В Варшаве в 1862 году собралось около трехсот помещиков-землевладельцев, которые составили обращение к императору. Требованиям этого обращения было восстановление Польши в границах 1772 года. Интересы крестьян данный документ не отражал, шляхта ставила свои интересы выше [8, с. 7]. Исходя из этих цифр, можно сделать вывод, что восстание 1863 года носило шляхетский характер, а шляхта активно поддерживала национально-освободительные идеи.

На второй позиции по численности расположилось крестьянство, которое составило 26 % от общего числа. Сюда же можно отнести и мещанство (17%), запись в которое уже была открыта для всех крестьян, при условии выхода из сельского общества. Участие крестьянства в Январском восстании объясняется остротой аграрного вопроса. В ходе мятежа произошел конфликт между крестьянами и шляхтой, который в итоге привел к масштабному крестьянскому движению, охватившему все части Царства Польского.

Студенчество составило 3 % от общего количества. Дело в том, что вдохновленное радикальными идеями народников, оно являло собой одну из наибольших социальных групп восстания [3, с. 3]. Они выступали за решение не только национальных, но и социальных проблем, за активную борьбу с самодержавием – вплоть до вооруженного восстания. Также в восстании принимали участие чиновники, которые разделяли идеи студенчества.

Таким образом, можно сделать вывод, что идеологическая составляющая польской оппозиции делится на два направления: шляхетский, который придерживался умеренных либеральных идей, активно выступал за воссоздание своего государства и студенческий, который ориентировался на радикальные идеи народников, желавший совместить национально-освободительное движение с социальным переворотом. Крестьянство же в свою очередь примкнуло к лагерю студенчества, которым был образован Центральный национальный комитет восставших. Перед восстанием комитет издал декрет о наделении крестьян государственной землей, а также духовенства и частных лиц. Но, впоследствии воздействие этого декрета было существенно снижено вмешательством шляхетского крыла восставших. Январское восстание удалось предотвратить путем решения аграрного вопроса, а именно наделением крестьян землей указом от 19 февраля 1964 года[4, с. 67].

Также можно увидеть по данным, приведённым в таблицах А.2 и А.3, что основными участниками Январского восстания являлись молодые мужчины в возрасте от 17 до 30 лет (47 %). Количество людей в возрасте от 31 до 50 лет было не многим меньше (44 %). Бывали редкие случаи, когда среди восставших встречались люди в возрасте от 50 лет и старше. Также следует отметить, что процент женского участия в польском мятеже ничтожно мал, а с семьей высылали в некоторых случаях.

Политссыльные прибывали в Сибирь с разных уголков Царства Польского. Большая часть ссыльных являлись уроженцами Ковенской, Варшавской и Люблинской губерний (см. Таблица А.4). Такую географию восстания можно объяснить тем, что эти губернии являлись исконно польскими территориями, в них проживало коренное польское население, которое слишком сильно было настроено против нахождения в составе Российской империи. Территории же относящиеся к Литве, Белоруссии и Западной Украины были более лояльными в отношении России. Если говорить о местах водворения ссыльных поляков, то мы видим, что наибольшее количество было отправлено в Канский уезд (30 %). Количество сосланных в Минусинский уезд составило 23 % от общего числа. Также 20 % от рассматриваемого количества ссыльных пришлось на Красноярский уезд. В Енисейском и Ачинском уездах количество было не многим меньше (см. Таблица А.5). Размещение осужденных по уездам осуществлялось по принципу, когда в густонаселенные местности ссыльных направлялось больше, чем в малозаселенные[9, с. 19]. Подобное расселение заключенных ставит колониальную политику государства под сомнение.

В Сибирь за период восстания было сослано всего 18 623 человека. Из них в Западной Сибири было размещено 10 407 человек, в Восточной Сибири 8 199 человек. В Енисейскую губернию во второй половине XIX в. было сослано 3719 человек польского происхождения[11, с. 123]. В качестве положительного примера обустройства в Енисейской губернии можно вспомнить представителя

дворянства Б. И. Дыбовского. Бенедикт Иванович трудился в области зоологии, экологии, географии и этнографии[6, с. 341]. Если говорить о социально неблагонадежных элементах, то они тоже имели место быть. Ярким примером служит Л. С. Ржевский мещанин Варшавской губернии, который был водворен в Канский уезд. Он был осужден за уголовное преступление, но путем махинаций сумел приписать себя к числу политических ссыльных[1, д. 4, л. 16]. На месте водворения занимался террористической деятельностью. В связи с этим отношение сибирского народа к ссыльным было неоднозначным. Население обвиняло местную администрацию в покровительстве полякам. Так же подозревало ссыльных в подготовке восстания. В 1864 г. на территории Сибири повсеместно вспыхивали пожары, в поджогах местное население обвиняло поляков.

Таким образом, проведенное статистическое исследование дало достаточную информацию для выявления основных черт социального портрета восставших. Массовая высылка участников польского национально-освободительного движения на территорию Енисейской губернии привела к тому, что здесь сформировалась особая этносоциальная общность – польская политическая ссылка. Сложился устойчивый контингент польских ссыльных, образовалась польская диаспора, которая сыграла важную роль в социально-культурной адаптации поляков, выработке отношений внутри неё и с внешним миром.

Таблица 1 – Сословный состав польского восстания 1863 г. [1, 2]

Показатель	Дворяне	Студенты	Крестьяне	Мещане	Одnodворцы	Чиновники	Всего
Кол-во человек	31	2	17	11	1	2	64
%	48	3	26	17	1	3	100

Таблица 2 – Возрастной состав польского восстания 1863 г. [1, 2]

Показатель	Возраст, лет			Всего
	17–30	31–50	От 51	
Кол-во человек	30	28	6	64
%	47	44	9	100

Таблица 3 – Половая принадлежность политссыльных на территории Енисейской губернии за польское восстание 1863 г. [1, 2]

Показатель	Мужчины	Женщины	Мужчины с семьей	Всего
Кол-во человек	61	1	2	64
%	95	1	3	100

Таблица 4 – Прежнее место жительства политссыльных
за польское восстание 1863 г. [1, 2]

Показатель	ВГ	ГГ	КГ	ЛГ	Вил Г	Вит Г	Рж Г	Плоц Г	РГ	А Г	Вол Г	Мин Г	Рад Г	Все- го
Кол-во человек	17	2	14	10	4	1	3	2	2	4	2	1	2	64
%	26	3	22	16	6	1	5	3	3	6	3	1	3	100

Примечание: ВГ – Варшавская губерния; ГГ – Гродненская губерния; КГ – Ковенская губерния; ЛГ – Люблинская губерния; ВилГ – Виленская губерния; Вит Г – Витябская губерния; РжГ – Ржевская губерния; ПлоцГ – Плоцкая губерния; РГ – Радомская губерния; АГ – Августовская губерния; ВолГ – Волынская губерния; МинГ – Минская губерния; РадГ – Радомская губерния.

Таблица 5 – Место водворения политссыльных
за польское восстание 1863 г. [1, 2]

Показатель	Енисейский уезд	Канский уезд	Минусинский уезд	Красноярский уезд	Ачинский уезд	Всего
Кол-во человек	10	19	15	13	7	64
%	16	30	23	20	11	100

Литература

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. О. 63. Д. 2, 48,49, 90, 92, 231–231, 25. 1- 190, 4. 1 – 170.
2. МКУ «Енисейский районный архив». Ф. 6. О. 1. Д. 54.
3. Письмо Центрального национального комитета в Варшаве издателям «Колокола» // Колокол. – 1862. – С. 3.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. Ч. 2. Т. 39. – Санкт-Петербург: Изд-во II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1864. – С. 67.
5. Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2007. – 218 с.
6. Бженск Г. Исследования в Сибири Бенедикта Дыбовского. – М.: Наука, 2002. – 350 с.
7. Иванов А.А., Кузнецов С.И. К вопросу о пребывании ссыльных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.) // Сибирская ссылка. – 2017. – № 8 (20). – С. 349–371.

8. Идрисов Р.А. Александр Велепольский и аграрный вопрос в Царстве Польском в XIX веке // Запад-Восток. – 2010. – № 3. – С. 2.

9. Кораблин К. К. Русская ссылка в Сибирь в период с XVI до начала XX столетия // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 18–31.

10. Масярж В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.). – Иркутск, 1995. – 336 с.

11. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. – М.: Наука, 1966. – С. 123.

12. Тихомиров Л.А. Варшава и Вильна в 1863 г. // Северный вестник. – 1897. – № 12. – С. 1–8.

13. Шостакович Б.С. Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – М.: Изд-во ИГУ им. А.А. Жданова, 1973. – 300 с.

СИБИРЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

УДК 398.81: 8-311.6

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

*Лопаткина Роза Станиславовна,
Козулина Наталья Станиславовна*

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматривается присутствие иностранных военных на фронтах Енисейской губернии во время Гражданской войны в России по произведениям художественной литературы. Рассматриваются взаимоотношения данного контингента с различными группами населения внутри страны пребывания: белогвардейцами, красными партизанами и мирными жителями. Для анализа взяты два романа о Гражданской войне в разных областях Сибири.

Ключевые слова: произведения художественной литературы, роман, иностранные войска, Гражданская война, интервенция.

The article considers the presence of foreign military on the fronts of the Yenisei province during the Civil war in Russia by works of fiction. The relations of this contingent with various population groups within the host country are considered: white guards, red partisans and civilians. For the analysis two novels about Civil war in different areas of Siberia are taken.

Keywords: works of fiction, novel, Russian army, Civil war, intervention.

Присутствие иностранного элемента в противоборстве двух основных сил, красных и белых, партизан и колчаковцев, ярко отражено во многих произведениях художественной литературы. Страницы первого советского романа «Два мира» сибирского писателя Владимира Зазубрина переполнены, пестрят представителями иностранной военщины: чехов, румын, венгров, французов, англичан, итальянцев, японцев.

Военное вмешательство других государств во внутренние дела России, расколотой Гражданской войной, автор описывает с разных сторон. Это и непосредственное участие в боевых действиях на территории губернии, и материальная помощь, оказываемая армии Колчака, это и отношение к иностранцам со стороны мирного населения и со стороны воюющих между собой белых и красных, а также отношение самих интервентов к стране и её гражданам.

Писатель иллюстрирует этапы интервенции куплетами частушек, где коллективная память народа создала собирательный образ интервента. Дурная слава шла за чешскими легионерами, оставившими кровавый след на Волге:

Когда чехи Волгу брали,
Вспомни что было.
Комиссары удирали –
Наверное, забыла [1, с. 23].

Эх, заварили чехи кашу,
Провоевали Волгу нашу [1, с. 142].

В Сибири Чехословацкий корпус также отметился карательными операциями против большевиков и сочувствующего им местного населения. В пятой главе романа описываются события на Баерском (по названию села Баер) фронте, где белогвардейцы при поддержке чехословацких и румынских войск сумели нанести партизанам поражение [2, с. 163]. На станции Тайшет стояли чешский и румынский эшелоны. Комендант станции, молодой чех, приказал повесить трёх человек [1, с. 51].

В шестнадцатой главе Зазубрин описывает «жизнь в местах расположения иностранных войск и группы атамана Красильникова», которая «стала опасной самому безобидному, чуждому всякой политики землеробу» [1, с. 118].

Одни иностранные военные поневоле оказались в России и мечтали поскорее вернуться домой в разные европейские страны: Чехию, Румынию, Венгрию и Сербию. Другие – пришли в трудный для страны момент с целью устранения большевизма. Так, в семнадцатой главе книги «Два мира» «партизаны не выдержали соединённого натиска итальянцев, чехов, румын и красильниковцев» [1, с. 123].

Основные противоборствующие силы не желали присутствия чужаков, но у белых не было достаточно ресурсов для борьбы с большевиками, поэтому, получая помощь от иностранцев, они их терпели, рассчитывая получить власть и дальше проводить самостоятельную политику.

Народные же массы, в основной поддержавшие большевиков, ненавидели интервентов и всячески боролись с этой третьей силой.

Помощь интервентов белой армии в Сибири народ остроумно высмеял в популярной частушке о Колчаке:

Костюм английский,
Погон российский,
Табак японский.
Правитель омский.

В 18-й и 19-й главах автор детально описывает содержание поставок в армию Колчака от государств-интервентов. «Начальник хозяйственной части вернулся из Омска как раз вовремя, привёз английское обмундирование на весь полк. N-цы получили шерстяные английские френчи, брюки, теплое бельё, носки, вязаные американские фуфайки, шарфы, шлемы, перчатки и толстые суконные шинели» [1, с. 138]. «N-цы получили армейские подарки – сигареты, какао, рыбные консервы и консервированные сосиски» [1, с. 151].

Народная память отразила в песенном фольклоре и спекулятивную деятельность «разномастных» военных чужих армий:

Русски с русскими воюют,
А чехи сахаром торгуют [1, с. 142].

Иностранные солдаты и офицеры, пользуясь тяжёлым положением страны с обеспечением населения продовольствием и промышленными товарами в условиях войны, развернули масштабные спекуляции и перепродажи. Например, служащие «самого экзотического иностранного подразделения – Итальянского экспедиционного корпуса – торговали всем, за что можно получить деньги, а перед эвакуацией устроили массовую распродажу оружия и армейских запасов» [2, с. 78].

В «Двух мирах» Владимир Зазубрин пишет, что «в каждом японском эшелоне или у любого семёновца цена на сахар ровно в два раза ниже объявленной омским правительством» [1, с. 25], а у чехов белые офицеры могут достать даже апельсины [1, с. 267].

Что касается взаимоотношений представителей иностранных воинских формирований с гражданами России, то они были разными и сложными, подчас крайне запутанными. Представители Антанты – Великобритания, Франция и Италия – поддерживали белое движение в России, участники которого не признавали власть нового режима большевиков.

Американцы же охраняли Транссиб в пользу Верховного правителя адмирала Колчака и поддерживали весьма выгодную для их компаний торговлю с Россией через Владивосток.

Японская армия, принимая участие в интервенции стран Антанты, рассчитывала закрепиться на дальневосточных землях России. Японцы помогали всем противникам советской власти: и белым, и казачьим атаманам, и США.

На страницах художественных произведений сибирских писателей особенно много упоминаний о чешских военных. Присутствие этого 35-40 – тысячного Чехословацкого легиона на территории страны, раздираемой внутренними противоречиями, явилось поворотным пунктом в борьбе между белыми и красными [2, с. 37].

В пятой главе книги Зазубрина колчаковские «офицеры угрюмо молчали», когда «долго чешский капитан говорил о недостатках России», «возражать боялись» [1, с. 51]. На страницах романа представители Чехословацкого корпуса изображены высокомерными, презирающими всё русское, равнодушными и жестокими. Зазубрин описал зверства легионеров, которые местное население до сих пор не забыло. Они вешают железнодорожных служащих, расстреливают жителей мирной деревни, не берут в свой эшелон белогвардейского генерал-майора во время отступления, выталкивают его из вагона на рельсы. «Чехи заторопились домой. С русскими не считались. Отбирали у них паровозы, выкидывали из поездов. Что русские? Красные ведь тоже русские и белые русские. Русские с русскими разберутся. Скорее. Домой.» [1, с. 264].

Тяжелые раздумья Колчака описаны в 34-й главе «Двух миров», где командующий чехословацким корпусом Гайда ехидно бросает правителю: «Да,

ваше превосходительство, уметь управлять кораблём – это ещё не значит уметь управлять всей Россией» [1, с. 265]. Преданный чехами, адмирал в романе размышляет о том, что «чехи на фронт не пойдут, хоть плати им платиной вместо золота, ... достаточно награбили и дорожат свое шкурой, торопятся домой» [1, с. 268].

Однако в действительности всё было сложнее в раскладе сил внутри этого формирования. Среди чешских солдат были сильны и революционные настроения, а долгое вынужденное пребывание в чужой стране способствовало разложению и привело к кризису и подрыву боеспособности корпуса [2, с. 264]. В русле рассматриваемой проблемы интересна и книга «Половодье» сибирского поэта-партизана Петра Поликарповича Петрова о революционных событиях в Иркутске и Красноярске, изданная в 1936 г.

В романе «Половодье» также множество упоминаний о роли чехов в описываемых событиях Гражданской войны в 1918–1919 годах. Один из ярких эпизодов книги – это разоружение чешских частей в Иркутске. «Чехи, волнуясь, стояли в дверях с ружьями на изготовку. Небольшая часть их, выскочившая из задних вагонов, растерянно остановилась между путями. Не зная, что предпринять. Началось разоружение. Чехи неприязненно косились на мадьяр, мадьяры – на чехов» [3, с. 347]. «Чехи мрачно смотрели на народ. Это были уже просто люди, пришибленные, готовые ко всему плохому» [3, с. 348].

Однако эта история еще не закончилась. Через 100 лет неожиданно разгорелась война за память и её интерпретацию. Министерство обороны Чехии решило в рамках проекта «Легион 100» отпраздновать столетие пребывания Чехословацкого легиона на территории России и установить памятники в 58 регионах Российской Федерации [4]. Уже открыт памятник чехословацким легионерам в Красноярске на Троицком кладбище в 2006 году, 5 лет назад обсуждалась установка монумента в г. Канске [5].

Таким образом, страницы художественных произведений помогают нам не забывать о перипетиях отечественной истории, помогают разобраться в драматических событиях столетней давности. Роль чехословацкого корпуса в истории Гражданской войны в России всесторонне изучена и ей дана объективная оценка со стороны общества. За одними представителями корпуса закрепилось название «белочехи», другие становились комиссарами Красной армии.

Литература

1. Зазубрин В. Два мира: роман. – Красноярск: Кн. изд-во, 1983. – (Писатели на берегах Енисея).
2. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. – Красноярск: Версо, 2008. – 416 с.
3. Петров П.П. Половодье: роман. – Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1962. – 395 с.
4. URL: topwar.ru/124529-krovavyu-put-cherez-povolzhe-
5. Воздвигнут ли в Канске памятник чехословацким легионерам? – URL: radio.cz/...vozdvignut...v-kanske-pamyatnik...legioneram.

СИБИРСКИЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ СОВЕТЫ (1920–1929 гг.)

Бакшеев Андрей Иванович

*Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия*

В статье осуществлен анализ государственной политики по укреплению деревенских Советов Сибири в 20-х гг. XX в. Показаны предпосылки политики оживления деятельности деревенских Советов. Сделан вывод о том, что результаты избирательных кампаний свидетельствовали о неспособности большевиков привлечь на свою сторону значительную часть середняков и бедняков. Таким образом, на этом фоне происходит процесс изъятия основных государственных функций у деревенских Советов в пользу партячек.

Ключевые слова: Сибирь, Советы, большевики, крестьянство, кулаки, середняки, бедняки, государственные учреждения.

The article analyzes the state policy to strengthen the village councils of Siberia in the 20s. XX century The background of the policy of revitalizing the activity of village Soviets is shown. It is concluded that the results of the election campaigns indicated the inability of the Bolsheviks to win over a significant part of the middle peasants and the poor. Thus, against this background, the process of taking the main state functions from the village Soviets in favor of the party members is taking place.

Keywords: Siberia, Soviets, Bolsheviks, peasantry, kulaks, middle peasants, poor people, state institutions.

Деревенские Советы представляли собой наиболее многочисленную управленческую структуру. К концу 1920 г. на территории РСФСР их было уже около 100 тысяч. Свою работу они строили на основе Конституции 1918 г. и положении ВЦИК о сельских Советах от 15 февраля 1920 г. Образовывались Советы во всех селениях, имевших не менее 300 жителей. Избиралось по одному депутату от 100 человек. В селениях до 1000 жителей все исполнительные функции сосредотачивались в руках председателя. В Советах более крупных населенных пунктов образовывались исполнительные комитеты. Срок полномочий каждого состава Советов был ограничен тремя месяцами. Избирательных прав лишались лица, использующие наемный труд, бывшие белогвардейцы, священники и т.п.

После окончания гражданской войны в Сибири выборы в Советы, заменившие ревкомы, шли постепенно, по мере укрепления последних. Возглавили эту работу Сиббюро ЦК РКП(б), которое в декабре 1919 г. было преобразовано в высший партийный орган края и Сибревком, созданный 27 августа 1919 г. постановлением ВЦИК «Об организации гражданского управления в Сибири» [1, с. 37]. С весны по октябрь 1920 г. выборы проводились в Западной Сибири и

Енисейской губернии. Активность крестьян на них была низкой. На выборы сельских Советов в 1922 г. явилось только 22,3 % граждан, имевших право голоса. А всего в 1922 г. было переизбрано 120 тыс. сельских Советов и 500 тыс. депутатов. Подавляющее большинство избранных в сельсоветы составляли крестьяне – 94,3 %. В Советах Сибири бедняки занимали 54,7 % депутатских мест, середняки – 44 %, зажиточные – 1,3 % [2, с. 57].

В 1923г. прошли новые выборы. Было переизбрано 80 тыс. сельских Советов и 500 тыс. депутатов. В выборах приняли участие уже 37,2% сельчан. В выборах сельсоветов в Сибири участвовало 31,4% избирателей. Полностью проигнорировали выборы низшие слои деревни. Работе Советов в эти годы была присуща масса недостатков. Становление их как государственных органов шло с трудом. Законодательство постоянно нарушалось, преобладали командные методы, не было достаточного финансирования, грамотных людей, опыта управления. Кое-где сохранялись ревкомы. Это и предопределило низкую активность крестьян в избирательных кампаниях, слабое участие их в работе Советов.

16 октября 1924г. ВЦИК, выполняя решения октябрьского Пленума ЦК РКП(б) по оживлению низовых Советов, принял новое Положение о сельских Советах, значительно расширившее их права. Так, впервые была внесена статья об обязанности Советов контролировать соблюдение советского законодательства о труде, «защищать права крестьян и крестьянок, рабочих и работниц, батраков и батрачек, проживающих в сельских местностях», вести борьбу с кабальными сделками. А в декабре 1924г. ЦИК СССР принял решение «О пере-выборах в советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» [3, с.129].

Для вовлечения трудящихся в советское строительство был увеличен состав деревенских Советов. В местностях, где осенью 1924г. в выборах участвовало до 35% избирателей, выборы проводились заново. В Сибири они были проведены в феврале-марте 1925г. В них приняло участие уже 50,2% сибиряков. В состав деревенских Советов региона было избрано 73% середняков, 20% бедняков, 4% служащих и 5% кулаков [4, с.213-214]. Выборы в сельские Советы, проведенные в ноябре 1924г. и марте 1925г., сопровождались снижением в их составе коммунистов. Курс на оживление Советов, большая свобода выбора повысили активность крестьян и одновременно вскрыли слабые стороны деятельности коммунистов. Их деятельность не связывалась с местной крестьянской жизнью, поэтому авторитет большевиков у крестьян был невелик. Например, партия Жигаловского района Иркутской губернии в период выборов, обсуждала на собраниях вопросы развития сельского хозяйства в Западной Европе, но игнорировала проблемы своего села [5, с. 82].

Следующая избирательная кампания в деревне началась в сентябре 1925г. и завершилась в марте 1926г. Проводилась она в два этапа: сначала – отчеты о работе Советов, затем – выдвижение кандидатов и выборы. Крестьяне проявили большую активность, чем в предыдущих кампаниях. В среднем по РСФСР в выборах сельских Советов приняло участие 47,5% избирателей. Общее число

депутатов достигло 857 тыс. Впервые результаты избирательной кампании специально обсуждались на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926г. Пленум констатировал правильность курса на оживление Советов, но одновременно вскрыл недостатки в их работе, в частности слабую активность бедняков. Он рекомендовал всем организациям и, прежде всего, профсоюзу СХЛР, объединявшему сельских пролетариев, шире привлекать их в избирательные комиссии и выдвигать в Советы.

Важным событием для Сибири стала смена власти. В 1925г. укрепление райисполкомов и сельсоветов позволило ликвидировать Сибревком. В декабре 1925г. в Новониколаевске состоялся Первый Сибирский краевой съезд Советов который избрал Сибирский краевой исполнительный комитет Советов (Сибкрайисполком), ставший высшим Советским органом управления в Сибири [6, с. 214].

Изменение обстановки в деревне к 1926г., выразившееся в росте жилищных слоев и стремлении их иметь большее политическое влияние, заставило государство ужесточить законодательство о выборах в Советы. 28 сентября 1926г. Президиум ЦИК СССР утвердил новую инструкцию о выборах в Советы. С одной стороны, в ней ставилась задача более энергичного вовлечения в Советы трудящихся, с другой – охрана Советов от проникновения туда эксплуататоров. Избирательного права были лишены «лица, прибегающие сейчас к наемному труду в целях извлечения прибыли» (ст.10, п.«а»). Статья 11 определяла «отдельные» категории граждан, которые не могли пользоваться избирательными правами. Среди них земледельцы, применявшие наемный труд в таком объеме, который расширял их хозяйство за пределы трудового (ст.11, п.«а»). В примечаниях указывалось, что основным признаком трудового хозяйства является подсобный характер наемного труда и обязательное участие в повседневной работе всех трудоспособных членов семьи.

Статья 12 расшифровывала критерии подсобного найма. Не лишались избирательных прав «крестьяне – землевладельцы, применяющие в своем хозяйстве наемный труд одного постоянного рабочего при особых обстоятельствах, как то: болезнь, мобилизация, избрание на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства и т. п. на все время данного состояния хозяйства; и земледельцы, нанимающие во время страдной поры на короткий срок не более 2-х человек для уборки хлебов и трав» (ст.12, п.«б»). Выборы проводились открытым голосованием по спискам, предлагаемым общественными, партийными, профессиональными организациями, а также отдельными гражданами.

Работа низового советского аппарата обсуждалось на IV пленуме Сибкрайкома ВКП(б) в декабре 1926г. На нем, в частности, отмечалось, что сельские Советы и исполкомы не отчитываются перед населением, не протестуют против кабальных сделок при найме работников и др. Пленум разработал меры по ликвидации этих недостатков, повышению роли сельских Советов в жизни деревни, оспариваемую в это время сельскими сходами, а также меры по подъему политической активности сельских пролетариев.

Активно прошла выборная кампания 1927 г. Часто на собраниях отводились кандидаты из батраков из-за их несостоятельности. Деревня хотела иметь у власти людей, укрепивших собственное хозяйство, видя в этом залог успеха советской работы. Хотя в то время подобные решения рассматривались как давление кулачества. Так, в информационной сводке Канского ОК ВКП(б) о ходе выборов в Советы за январь 1927г. сообщалось: «В Привольковском сельском Совете общее собрание под влиянием кулачества наметило в Совет зажиточных, приняв решение: «батраков совсем лишить права голоса, так как они птицы перелетные» [7, л. 382].

Инструкция о выборах в Советы 1926г., связавшая ограничение избирательных прав с наймом работников привела к обострению ситуации в деревне. У избиркомов возникли затруднения в толковании ряда статей инструкции. Заместитель председателя СибкрайРКИ Н.И.Банкович в материалах об избирательной кампании 1926/1927г., посланных в НК РКИ РСФСР, сообщал, что на местах не могли решить вопрос, лишать ли права голоса коммунистов, имевших 1–2 постоянных работника, если они сами работают в хозяйстве. В Агинском и Омском округах избиркомы не лишали голоса таких коммунистов, но не отказывали, на этом основании, в избирательном праве и кулакам. В Барабинском округе в связи с избирательной кампанией обследовали ряд партячек. Было выявлено много случаев, когда коммунисты под предлогом занятости на службе, имея по 4–7 трудоспособных в семье, нанимали по 2 работника. Например, в Круглоозерской партийной ячейке из 33 коммунистов 21 использовали наемный труд, из них 15 нанимали сезонных работников, шестеро – держали постоянно по 2 работника [8, л.4]. Предоставление избирательных прав таким коммунистам вызывало недовольство у крестьян, вынужденных отказываться от найма, чтобы не потерять право голоса.

Неоднозначна была и позиция батраков. На многих собраниях они выступали против лишения избирательных прав крестьян, нанимавших работников. «Нас лишают заработка. Мы только около них кормимся, а их лишают, на будущий год они не станут нанимать, куда мы денемся», – говорили батраки [9, лл. 18,19]. Об их увольнении в результате лишения крестьян права голоса свидетельствуют материалы обследования партячек в Ново–Игнашевском, Амонашевском, Рождественском, Абанском, Агинском и других районах Канского округа.

Выборы в сельские Советы зимой 1928/1929г. проходили в условиях ужесточения политики государства в отношении зажиточной части крестьянства и осложнения политической ситуации в деревне. Бюро Сибкрайкома ВКП(б) в своем постановлении от 6 ноября 1928г. о перевыборах Советов вновь потребовало от парторганизаций повысить организованность батрачества, усилить их выдвижение в низовой советский аппарат. Добиваться этого предлагалось через привлечение батраков на собрания бедноты. Профсоюзу СХЛР было поручено активизировать сельских пролетариев, собрать профактив, проинструктировать его и, затем, провести массовые собрания членов союза.

Партийные организации на местах по-разному отнеслись к рекомендации Сибкрайкома ВКП(б) выдвигать сельских пролетариев в Советы. В ряде округов, по требованию партийных организаций менялся состав избиркомов, удалялись «чуждые элементы» и вводились батраки. Такие изменения, например, были сделаны в семи избирательных комиссиях Качугского района Иркутского округа. В тоже время в некоторых округах ограничили формальным принятием постановлений о проведении собраний батраков и их выдвижении, но ничего конкретно не сделали.

Состав сельских избиркомов часто менялся под влиянием посланных окружными комитетами ВКП(б) уполномоченных. К примеру, уполномоченный Ачинского ОК ВКП(б), приехав в Ужурский район, организовал четыре бедняцких и одно батрацкое собрание по выборам, после чего провел довыборы в избиркомы, введя в них батраков. Часть парторганизаций, наоборот, исключала их из состава избиркомов, как непригодных. Такие факты рассматривались как отход от классовой политики и по ним принимались меры. В Томском округе в 1928/1929 гг. в состав избиркомов было избрано 880 человек, в том числе 57 сельхозрабочих, а после проверки итогов выборов состав избиркомов был пересмотрен и численность сельхозрабочих увеличена до 81 человека [10, л. 85].

Активизировал работу и профсоюз СХЛР. Краевой отдел СХЛР провел 40 совещаний с низовым профсоюзным активом относительно перевыборов сельских Советов, направил на места сотрудников краевого отдела для оказания помощи в организации сельских пролетариев, издал и распространил специальную пропагандистскую литературу, плакаты, листовки. Батраки приняли активное участие в составлении списков лишенных избирательных прав, в обсуждении итогов работы предыдущего состава сельских Советов, выступали с критикой. Так, на предвыборном собрании в с.Гороховое Усольского района Иркутского округа батраки признали работу сельсовета неудовлетворительной, отметив в решении, что он не заботился о контроле за выполнением трудовых договоров, о социальном страховании. В с.Тыреть Заларинского района на отчетном собрании сельсовета батраки подвергли критике деятельность председателя, обвинив его в связи с кулаками и игнорировании интересов бедноты. По неполным данным, в Иркутском округе в ходе предвыборной кампании до апреля 1929г. бедняцко-батрацкие собрания признали неудовлетворительной работу 12 сельских Советов. Больше всего было обвинений в игнорировании кабальных сделок, нежелании Советов бороться с кулаками.

Одновременно усилилось сопротивление кулачества. Хозяева препятствовали участию батраков в предвыборных собраниях, даже доходя до террора в отношении активистов. В с.Салбе Ермаковского района Енисейского округа кулаки дважды избивали батрака М.Шляхтова, избранного председателем сельсовета, за что осуждены были на пять лет с высылкой в Нарым. Там же был избит батрак И.Аверьянов. В с.Михайловском Усольского и с.Хайта Качугского района Иркутского округа кулаки сорвали предвыборные собрания. Повсеместным явлением стал отказ от найма из-за боязни лишиться голоса, запрещение работникам посещать предвыборные собрания. В связи с этим Центральная из-

бирательная комиссия 2 января 1929г. приняла специальное решение о привлечении к уголовной ответственности всех, кто будет препятствовать участию сельских пролетариев в избирательной кампании. Батраки в день выборов в Советы освобождались от работы [11].

Однако это не изменило ситуацию. По данным 60 сельсоветов двух районов Новосибирского округа, за период избирательной кампании было выявлено 11 случаев угроз, покушений, избиений сельхозрабочих за проявленную активность. В с.Барлак Каменского района было совершено нападение на батрака – председателя избиркома, в д.Усть-Ине – на батраков – членов избирательных комиссий. В с.Тугус Иркутского округа был убит член избирательной комиссии батрак В.Коробцев. В помещении Никитского сельсовета Омского округа за разоблачение кулаков был убит батрак Н.Сыпайнов [12, л. 19].

Часто противоборство перерастало в драки, что оценивалось как хулиганство. Однако выяснение обстоятельств избиения батраков свидетельствует об ином. Избивая «по пьянке», объясняли так: «За участие в лишении избирательных прав, за самообложение, за выступления на предвыборных собраниях». По сообщению окрпрокурора С.Старикова, в Новосибирском округе 4 декабря 1929г. в д.Сендчанской произошла драка между кулаками и батраками-активистами. В результате был убит бедняк Я.Быков, участники арестованы по статье 58–8 УК. Избивая батраков, кулаки говорили: «Вот вам как поднимать руки в Совете и отбирать у кулаков хлеб». В с.Богородское Вороновского района Омского округа подверглись порке 15 батраков. Беднота на своем собрании приняла решение: «Требовать от суда сурового наказания истязателям батрачества. В этом избиении мы видим классовый поход кулаков против батрачества. Противопоставим этому подходу нашу организованность на перевыборах Советов, явимся в организованном порядке и будем отстаивать своих кандидатов» [13, л. 74].

В конце 1928г. в Омском округе кулаки расправились с батраками, активно участвовавшими в общественной жизни. В связи с этим крайотдел СХЛР провел заседание президиума, на котором было принято решение послать члена президиума М.Броднева в Омск для выявления обстоятельств расправы, выпустить специальное обращение к членам союза, просить прокуратуру немедленно расследовать дело, устроить показательный суд и принять строгие меры к кулачеству. И меры принимались. Используя карательные органы, государство лишало кулаков право голоса, привлекало к уголовной ответственности за «спекуляцию», устраивало показательные суды [14, с. 12].

Результаты избирательной кампании 1929г. свидетельствовали о том, что большевикам не удалось привлечь на свою сторону значительную часть бедняков, а кулаки не смогла повести за собой основную массу крестьянства. О росте политической активности сельхозрабочих Сибири свидетельствуют следующие данные. В 1927г. в выборах в Сибири приняло участие 56,4% всех сельхозрабочих, в 1929г. – 79,2%, а по РСФСР соответственно 52,3 и 69,5%. В Сибири была больше, чем в других районах РСФСР, доля батраков, избранных в состав сельсоветов. В 1927г. они составляли 2,9%, в 1929г. – 7,5 %, а по РСФСР соответст-

венно 2,7 и 5,5% [15, с. 62]. То есть, состав сельсоветов в результате этих выборов значительно обновился и пополнился представителями бедноты.

Таким образом, к концу 1929г. низшие слои деревни имели своих представителей в Советах, но оставались в меньшинстве и, думается, определять политику не могли. Именно поэтому на первом этапе коллективизации многие Советы встали в оппозицию колхозному движению и подлежали переизбранию.

Литература

1. Бакшеев А.И. Опыт и проблемы взаимоотношений советов и партийных организаций Восточной Сибири (1921–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Иркутск. гос. ун-т. – Иркутск, 1992. – 232 с.

2. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. – М., 1968. – 294 с.

3. Бакшеев А.И. Проблемы функционирования советского государственного аппарата Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1(9). – С. 123–131.

4. История Сибири. – М., 1982. – Т.4. – 490 с.

5. Бакшеев А.И., Андренко О.В. Политика ВКП(Б) в отношении крестьянства в период свертывания НЭПа (1928-1929 гг.) // Казачество. – 2018. – № 32 (8). – С. 78-88.

6. Бакшеев А.И. Деятельность Сибирского революционного комитета как высшего органа власти в Сибири // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2015. – № 3 (102). – С. 211–215.

7. ГАНО (П), Ф.2, Оп.1, Д. 680, Л. 382.

8. РЦХИДНИ, Ф. 17, Оп. 69, Д. 114, Л. 4.

9. ЦГА РСФСР, Ф. 406, Оп.11, Д. 959, ЛЛ. 18, 19.

10. ЦДНИТО, Ф.76, Оп.1, Д. 665, Л. 85.

11. Батрак. – 1929. – 4 января.

12. ГАОО, Ф. 50, Оп.1, Д. 694, Л. 19.

13. ГАНО, Ф. 1655, Оп.1, Д. 110, Л. 74.

14. Бакшеев А.И. Социально-психологическое мышление сибирского крестьянства в период НЭПа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. – С. 11-13.

15. Сибирский край: статистический справочник. – Новосибирск, 1930. – 804 с.

***О КАДРАХ ВОЛОСТНЫХ И РАЙОННЫХ ИСПОЛКОМОВ
АЧИНСКОГО ОКРУГА В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «ТРУДОВАЯ ПРАВДА», г. АЧИНСК)***

***Карчаева Татьяна Геннадьевна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия***

На материалах газеты «Трудовая правда» (Восточная Сибирь, г. Ачинск, 1923–1926 гг.) показаны исторические особенности комплектования кадров исполнительных комитетов Советов низового уровня управления. Показаны причины и последствия районирования, проведенного на территории Ачинского округа в контексте кадровой политики на уровне сельсоветов, волисполкомов и райисполкомов, и делегатских собраний.

Ключевые слова: советские кадры, советские служащие, исполкомы, Советы, районирование, Ачинский уезд, Ачинский район, Ачинский округ, Восточная Сибирь.

The article examines the historical features of staffing Executive committees of councils of the grassroots level of management. Data are collected on materials of the newspaper "Trudovaya Pravda" (Eastern Siberia, city Achinsk, from 1923 to 1926). Historical sources have shown the reasons and consequences of zoning carried out on the territory of Achinsk district in the context of personnel policy at the level of village councils, Executive committees and district Executive committees, and delegate meetings.

Keywords: Soviet cadres, Soviet employees, Executive committees, Councils, zoning, Achinsky district, Achinsky district, Achinsky district, Eastern Siberia.

Первые годы советской власти – значимое время в истории реформирования системы государственного управления в России. Согласно конституционному строю РСФСР и СССР сформированные по территориальному признаку местные Советы предоставляли населению участвовать в общественном управлении. Для осуществления исполнительно-распорядительной деятельности Советы формировали собственные аппараты управления – исполнительные комитеты (также – исполкомы), которые одновременно были подконтрольны создавшим их Советам или Съездам Советов, а также соответствующим отделам вышестоящих исполкомов и наркоматам [1, с. 53].

Жители Ачинского уезда Енисейской губернии до проведенного в 1925 г. районирования – централизованной реформы по укрупнению административно-территориальных единиц – участвовали в управлении на местах через сельские Советы (сельсоветы), при которых функционировали волостные исполкомы (волисполкомы), исполнявшие административную работу по нескольким сельсоветам. В ежемесячном журнале НКВД РСФСР «Власть Советов» за 1923–

1924 г. систематически раскрывались недочеты аппаратов управления на местах: несовершенство делопроизводства, трудное транспортное сообщение между населенными пунктами и административными центрами, сложности в подборе кадров, отсутствие финансовой самостоятельности и пр. [2, с. 34] Экономический фактор, заключающийся в экономии бюджетных средств на управление, безоговорочно ложился в основу предлагаемых реформ административного деления, которые были неминуемы в условиях первого десятилетия Советской власти [3, с. 34].

Материалы сибирской провинциальной газеты «Трудовая правда» (г. Ачинск) достаточно подробно характеризуют систему советского управления на уровне Ачинского уезда Енисейской губернии, т. е. до реформы районирования, а также Ачинского округа Сибирского края – после проведенных в конце 1925 г. преобразований.

Одной популярной тем общественного обсуждения на страницах газеты был кадровый вопрос местных Советов и их исполкомов, делегатских собраний.

Контекст «дореформенных» публикаций сводился к критике реализации на местах идеи советского управления за счет недостаточно эффективной работы сельсоветов и волисполкомов по причине пассивности депутатов и делегатов. В заметке новостной ленты за 3 октября 1925 г. основной причиной несостоятельности кадров было объявлено несовершенство избирательных кампаний: «Дадим новых работников! (...). Участникам собраний советского схода должна быть дана полная свобода обсуждения кандидатур, выдвигаемых в Советы. Предстоящие выборы должны дать Советской власти новых политических работников. (...). По итогам делегатских собраний прошлые выборы были неудачные. Крестьянам середнякам нужно дать дорогу! Внимание делегаткам! (...). На 80 % делегатские собрания неграмотны. С программой работы волисполкомы и уик (авт. – уездный исполнительный комитет, также – уисполком) справляются всего на 90 % [4, с. 1]. При этом нормы и сроки представительства в низовые Советы, как считалось, усугубляли кадровый вопрос, поскольку делали советскую систему управления формальным и «показушным» мероприятием [5, с. 2].

Президиум уисполкома на заседании от 30 сентября 1925 г. постановил: «Действия уездного исполнительного комитета считать прекращенными с 15:30 часов 30 сентября и принять функции такового с 1 октября сего года окружной исполнительной комиссией. Вместе с тем всем отделам и учреждениям уездного значения прекратить все свои функции, перейдя на работу в окружном масштабе» [6, с. 4].

В декабрьском номере газеты «Трудовая правда» был опубликован проект нового аппарата райков (районных исполкомов), который расширялся за счет увеличения нормы представительства от Советов: «Вместо прежних трех членов волисполкомов предполагается довести их число от 11 до 21 чел. (в зависимости от населения района). Рабочий платный аппарат (авт. – их труд оплачивался по официальной смете) по-прежнему будет состоять из трех членов

президиума. Остальные члены райисполкомов и оставшихся волисполкомов назначаются для связи райисполкома и волисполкома с населением (...), т. е. привлекаются в работе секций или комиссиях при сельсоветах или рике, а также выполняют отдельные задания своих учреждений» [7, с. 1–2].

Материалы газеты свидетельствуют, что после проведенного реформирования системы советского управления на местах в ответ на произошедшее централизованное новое административно-территориальное деление (районирование), кадры райисполкомов оставались с теми же несовершенствами, что и члены волисполкомов. Регулярной рубрикой газеты был раздел под названием «Недочеты сельсоветов и риков». Названия заметок отражают претензии населения и вышестоящих властей к их работе: «"Хороший" пример. Село Поваренкино, Тюхтетский район», «Без распоряжения ни на шаг. Село Лазаревское», «Бездельность сельсовета. Деревня Макарово, Итатский район», «Ревкомиссия, проснись! Деревня Николаевка, Суловский район» и др. [8, с. 3]

Однако заметки из рубрики «Наши сельсоветы и рики» в 1926 г. отмечали положительные кадровые изменения после реформ, что способствовало лучшему налаживанию их общественной работе: «На пленуме райкома ВКПб был представлен доклад о работе рика Суловского района. Были подмечены достижения: это удовлетворительно проведенная работа по выявлению объектов обложения. Своевременно приняты меры по охране полей от потрав. Пленум одобрил работу по расширению сети больниц и школ...» [9, с. 3]. При этом в данном номере газеты в статье «Волокита» говорилось, что проблемой административных кадров местных исполкомов советов низового уровня все также остается «волокита – одно из наиболее болезненных зол в нашем советском аппарате. Она во всех отделах, по всем специальностям проходит яркой нитью, как след еще буржуазного аппарата...» [10, с. 2].

Таким образом, проведенный анализ газетных статей и заметок за 1923–1926 гг. показал, что кадровый вопрос в Советах и их исполнительных комитетах на низовом уровне был острой проблемой всей системы советского управления. На примере Ачинского уезда и (с конца 1925 г. – Ачинского района) показано то большое внимание, которое общественность уделяла аппарату управления на местах. Реформа «районирования» имела одну из целей усовершенствование системы советской власти и одновременное удешевление местных властных структур. Отдельные рубрики газеты «Трудовая правда» были узкотематическими и проблемными, что способствовало, с одной стороны, определенной систематизации имевшихся недостатков, успешно разрешавшихся и требовавших разрешения, так и доказывало унаследованное с «буржуазных» времен подозрительное отношение к местной власти со стороны населения.

Литература

1. Владимирский М. Ф. Организация советской власти на местах. М.: Гос. изд-во. 1919. 146 с.
2. Болдырев М. К укреплению низового государственного аппарата // Власть Советов. 1923. № 1–2.

3. Кожевников И. Аппараты управления в условиях экономического районирования // Власть Советов. 1923. № 1–2.
4. Новости дня // Трудовая правда. 1925. 3 окт.
5. Итоги делегатских собраний // Трудовая правда. 1925. 3 окт.
6. В окружных учреждениях // Трудовая правда. 1925. 3 окт.
7. Проект нового аппарата РИКов. Норма представительства в низовые Советы // Трудовая правда. 1925. 1 дек.
8. Недочеты сельсоветов и риков // Трудовая правда. 1926. 5 окт. № 2
9. Наши сельсоветы и рики // Трудовая правда. 1926. 4 авг.
10. Волокита // Трудовая правда. 1926. 4 авг.

УДК 93/99:37

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

***Яковлев Александр Леонидович
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия***

Статья раскрывает первые мероприятия советской власти направленные на реорганизацию высшего образования. Показаны основные задачи в области народного образования определенные в трудах Ленина и программных документах большевистской партии. Прослеживается изменение сети высших учебных заведений.

Ключевые слова: В.И. Ленин, высшее образование, народное образование, высшие учебные заведения, молодежь, интеллигенция, декрет, советская власть.

The article reveals the first measures of the Soviet government aimed at the reorganization of higher education. The main tasks in the field of public education are identified in the writings of Lenin and the program documents of the Bolshevik Party. There is a change in the network of higher education institutions.

Keywords: V.I. Lenin, higher education, public education, higher educational institutions, youth, intelligentsia, decree, Soviet power.

От дореволюционной России советское правительство унаследовало 91 высшее учебное заведение, включая высшие женские курсы. В них обучалось 112 тысяч студентов и работало 6655 профессоров и преподавателей [1, л. 78].

Некоторая часть этих учебных заведений возникла по общественной инициативе и содержалась на частные средства и пожертвования, вследствие чего оборудование многих из них и учебные помещения не удовлетворяли запросы высшей школы.

Высшая школа России имела ярко выраженный классовый характер, подавляющее большинство студентов принадлежало к дворянству, купечеству и многочисленному сословию чиновников.

В 1913 г. Владимир Ильич Ленин, в связи с этим писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России» [2, с. 127].

После Октябрьской революции положение изменилось коренным образом, рабочие и крестьяне получили прямую возможность получать как среднее, так и высшее образование.

Основные задачи в области народного образования были определены в трудах Ленина и программных документах большевистской партии. Создать необходимые предпосылки для приобщения к культуре и просвещению широких масс трудящихся, поставить науку и просвещение на службу социалистической революции, направить все дело воспитания и образования подрастающего поколения в соответствии с задачами выработки у него коммунистического мировоззрения – это являлось определяющим началом просветительной политики партии и советского правительства.

Реорганизацию высшего образования в стране приходилось осуществлять в тяжелых условиях экономической разрухи.

В.И. Ленин, оценивая ситуацию в котором находилось высшее образование, указывал на то, что социализм предстоит строить с участием старых специалистов.

В работе «Успехи и трудности советской власти» В.И. Ленин писал: «... от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство – в руках специалистов и в их головах» [3, с. 127].

Основной задачей в области высшего образования являлась подготовка новой советской интеллигенции из рабочей и крестьянской молодежи.

Первым шагом советского правительства на пути к реализации этой задачи являлся декрет от 2-го августа 1918 г., которым было установлено, что «все русские граждане старше 16 лет, без различия пола, национальности, вероисповедания, могут стать студентами, не подвергаясь какому-либо экзамену и не представляя никаких дипломов» [1, л. 84].

Изначально этот декрет не дал притока выходцам из рабочей и крестьянской среды, так как они в этот период в большинстве случаев не имели среднего образования, необходимого для овладения наукой в высшей школе. Эта главнейшая задача была успешно решена в сравнительно короткий срок невиданным в истории народного образования путем: путем организации рабочих факультетов, на которых могли обучаться взрослые люди, обеспеченные государственной стипендией.

Рабочие факультеты (рабфаки) сыграли решающую роль в подготовке трудящейся молодежи для высшей школы в восстановительный период, а также в годы первой и частично второй пятилетки. Со временем рабфаки утратили собственное значение, уступив свое место средней школе.

Сеть высших учебных заведений после Октябрьской революции росла очень быстро. Высшие учебные заведения по инициативе общественности открывались всюду, где была для этого малейшая возможность. В результате уже в 1919 – 1920 учебном году в стране насчитывалось 204 высших учебных заведения, с контингентом учащихся 221,3 тысяч [1, л. 85].

Столь бурное развитие высшего образования в те годы еще не имело под собой необходимой базы, для создания которой требовалось более длительное время и существенные денежные вливания. Высшие учебные заведения, не обеспеченные всем необходимым для нормальной учебной деятельности закрывались. Сеть высших учебных заведений к 1927 – 1928 учебному году состояла из 148 вузов, с контингентом учащихся 168,5 тысяч [1, л. 88].

Таким образом, не смотря на сокращение вузов, наиболее важная часть работы в области реорганизации высшего образования была проведена. Именно в первое десятилетие советской власти, было усилено идейное влияние партии на всю работу вуза. Новые силы, среди которых были преподаватели с марксистско-ленинской закалкой, новое поколение студентов из рабочих и крестьян стали опорой партии в перестройке высшей школы.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9396, Оп.16. Д.15. 121 л.
2. Ленин В.И. К вопросу о политике министерства просвещения // Полное собрание сочинений. - 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1973. - Т. 23 – 376 с.
3. Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти // Полное собрание сочинений. - 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. - Т. 38 – 356 с.

***НАУЧНЫЕ МУЗЕИ В ДОСУГОВЫХ ПРАКТИКАХ ГОРОЖАН
В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

Бершадская Светлана Вячеславовна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматриваются роль и место научных музеев по внедрению в досуговые практики горожан Енисейской губернии идей и практик культурного времяпровождения.

Ключевые слова: Енисейская губерния, досуговые практики, научный музей, культурно-образовательная политика, воспитание «нового советского человека».

This article deals with the role and place of scientific museums in introducing the ideas and practices of cultural pastime into the leisure practices of the Yenisei province town-dwellers.

Keywords: Yenisei province, leisure practices, science museum, cultural and educational policy, education and upbringing of the “new Soviet person”.

Развитие ситуации в сфере культуры современной России переживает сложный и противоречивый период своего развития. В этой связи научный и практический интерес представляет исследование периода начала 1920-х гг., что объясняется не только определенной схожестью современных проблем российского общества, с проблемами свойственными тому периоду, но и с точки зрения влияния радикальных преобразований государства в сфере культуры на развитие культурно-образовательного потенциала российского социума. Рассмотрение общероссийских процессов с учетом региональных особенностей позволяет пополнить историческую науку новыми конкретными фактами и событиями. Взгляд на историческое прошлое провинциальных городов с точки зрения осуществляемой властью культурной политики, целью которой является трансформация общества, дает возможность исследования повседневной жизни людей в переходный период времени и изучения их реакции на осуществляемые государством изменения.

Объектом исследования данной статьи являются досуговые практики городского населения Енисейской губернии. Предметом исследования – формы, содержание и основные тенденции досуговых практик горожан. Задачей исследования является выявление основных тенденций повседневной жизни горожан в результате осуществляемой властью культурно-образовательной политики, а также роли и места научных музеев по внедрению в досуговые практики идей и практик культурного времяпровождения. Данный ход рассуждений исследования базируется на том, что обучение и воспитание «нового советского человека» находились в основе социокультурной политики новой власти. Через лик-

видацию безграмотности и введение обязательного образования [1, 2, 3] решались задачи повышения общей грамотности населения РСФСР, то есть таким образом решались вопросы обучения. В этой связи, проблема ликвидации безграмотности жителей Енисейской губернии являлась для органов местной власти одной из первоочередных. В Отчете о состоянии народного образования Енисейской губернии IV-му Губсъезду Советов [4] указывалось: «...население Енисейской губернии в 1.119208 человек разбросано на территории 2.233939 кв.верст при максимальной плотности в 11 человек на квадратную версту и безграмотность достигающую до 75 проц. всего населения...» Задачи воспитания «нового советского человека» возлагались на учреждения образования и культпросвета, а также средства массовой информации. Определенную роль в процессе воспитания занимали музеи, под которыми принято понимать научно-просветительские или научно-исследовательские учреждения, осуществляющие комплектование, хранение, изучение и популяризацию произведений искусства, предметов истории, науки, быта, промышленности, сельского хозяйства, материалов из жизни великих людей и т. д. [5]. Научные музеи новой советской России соединили в себе функции культурно-просветительских и общественных учреждений урбанистического типа, с помощью которых осуществлялось приобщение городских жителей к новым формам досуговых практик и под влиянием которых шло формирование советского образа жизни. Государство стремилось максимально использовать возможности этих организаций для осуществления культурно-образовательной политики, а также для организации пропаганды и агитации. «Пролетариат Республики хорошо усвоил какое громадное значение имеют политико-просветительские учреждения в его жизни...» указывалось в Отчете о состоянии народного образования Енисейской губернии IV-му Губсъезду Советов [4]. В этом же отчете обращалось внимание и на тяжелое материальное положение местных научных музеев: «В отчетный период за отсутствием средств в научных музеях велась лишь исключительно внутренняя работа, так как в предыдущие годы организовывались научные экскурсии в пределах губернии. Недостаток средств и невозможная зимняя обстановка страшно затрудняли работу даже в помещении и только благодаря особенной любви к делу научных сотрудников в них не заглохла искра жизни» [4].

В 1920-х гг. в Енисейской губернии было 4 научных музея и 3 педагогических, ведущими, согласно оценке того же отчета, являлись музей Приенисейского края в г. Красноярске и музей имени Мартьянова в г. Минусинске.

По сравнению с Минусинским музеем, Государственный музей Приенисейского края, располагавшийся в г. Красноярске на старой Базарной площади [6], занимал небольшое помещение и потому, как отмечалось в Отчете о состоянии народного образования [4], «находится в свернутом состоянии и лишь экспонаты некоторых отделов периодически вынимаются из ящиков и предоставляются для обозрения публики». Однако несмотря на сложные условия существования музея Приенисейского края, сотрудники регулярно организовывали выставки, в числе которых необходимо отметить «этнографическую» и «русского быта». В ноябре 1922 года была открыта выставка «История револю-

ционного движения в Енисейской Губернии», как писала газета «Красноярский рабочий»: «с 1905 года на материалах газет, листовок, прокламаций, брошюр, фотографий и т.д.». Газета также напоминала «всем какое большое значение имеет сосредоточение всех материалов в музее» и призывала общественность: «независимо от ... политических убеждений, представить в распоряжение истпарта и музея, имеющиеся... материалы...», которые предлагались «сдавать завмузеем тов.Тугаринову» [7, с. 2]. В декабре 1923 года газета сообщила о закрытии работавшей в музее выставки археологии и русского быта, «вследствие невозможности отопить восточную часть здания. В настоящее время открыта выставка зоологическая и палеонтологическая (животный мир Приенис. края и кости ископаемых животных)». Газетная заметка свидетельствует не только о призывах к общественности о сохранении исторической памяти родного края и бытовых проблемах научного музея, но также и о том, что посещение музеев прочно вошло в досуговые практики горожан. В то же газетной заметке сообщается о том, что групповые экскурсии проводились «по предварительному соглашению, ввиду тесноты помещения и невозможности пропускать через выставки несколько групп» [8, с. 4]. О приобщении городских жителей к новой форме досуговых практик также свидетельствует заметка в июньском номере газеты за 1924 год о музейной экскурсии «печатников» после которой: «Вечером, в тот же день отправились на Афонтову гору, у подножия которой сейчас производятся археологические раскопки. В живой, увлекательной беседе один из руководителей работ на раскопках, т. Громов рассказал участникам экскурсии о жизни и нравах доисторического человека. Много интересного дала эта экскурсия» [9, с. 3]. Призыв автора заметки: «Почаще бы устраивать их!» может свидетельствовать не только о трансформации культурной жизни городского населения Енисейской губернии под влиянием научных музеев, но и о разнице в доступности культурного времяпровождения между жителями провинции и столичных центров. Свидетельством может являться запись 25 января 1922 года в дневнике тринадцатилетней московской школьницы Иры Даевой: «На этой неделе наш класс два раза был в Историческом музее» [10].

В июле 1924 года газета «Красноярский рабочий» сообщает о начале исследовательской работы сотрудниками музея по поручению российской академии наук. Целями работы первой группы под руководством геолога, отправившейся в Минусинск, являлись собрание «коллекции по геологии верхнего Енисея и его гидрогеологии», а также – «хлебных и огородных вредителей». Вторая группа под руководством директора музея А.Я. Тугаринова отправилась в район верхней Маны «для обследования Баджейских пещер и упавшего зимою в этот район метеорита» [11, с. 6]. 12 октября 1924 года в здании музея состоялось торжественное открытие годовой отчетной выставки. Газета информировала читателей о работе нескольких «витрин» - с образцами геологических изысканий («Между ними горные породы знаменитых Норильских гор, где недавно открыты платиновые залежи.»); «Старый Красноярск» («Здесь ряд фотографий изображают картину старого города.»); раскопок на Афонтовой горе («Были обнаружены остатки палеолитического человека, находка единственная

в России, дающая совершенно иное направление существовавшим до сих пор понятиям о зарождении человека в Азии»); изящных искусств («где сосредоточены образцы прикладного искусства.»); «Суриковский уголок» (Суриков – знаменитый художник, уроженец Красноярска. В уголке собраны многие предметы, принадлежавшие знаменитому художнику, и его карт. «Притча о самарянин»»)» [12, с. 6].

Тогда же в октябре 1924 года коллегией музея было решено организовать краеведческий кружок, задачей которого являлось его – «руководство изучением местного края» [13, с. 4]. Археологический кружок, организованный по инициативе учащихся школы II ступени № 2 в октябре 1923 года, также оказывал огромную помощь музею Приенисейского края. Кружок работал в здании Красноярского Земельного политехникума. В течение 1923-24 учебного года кружок провел около 30 собраний, на которых был заслушан ряд сообщений и рефератов. Летом 1924 года члены кружка приняли участие в раскопках Афонтовой горы и оказали большую помощь при исследовании «руководителям раскопок, особенно по работе с экскурсантами, которых прошло более 1.000 человек. В продолжении лета кружок совершил ряд экскурсий в окрестностях города и собрал большую археологическую коллекцию свыше 1.000 номеров и организовал кабинет по истории первобытной культуры» [14, с. 3]. В феврале 1925 года газета продолжает информировать читателей о деятельности археологического кружка: «15 февраля на общем собрании кружка туруханец Пуссе сделал интересное сообщение об общинной охоте у северных инородцев. С будущей недели при кружке откроется чтение курса «первобытной археологии Сибири». Кружком получено письмо от своего почетного члена – председателя археологической комиссии проф. Городцова. Профессор указывает кружку на то широчайшее поле деятельности, которое открывается перед молодыми археологами Енисейской губернии, на возможность новых мировых открытий в окрестностях Красноярска и на необходимость популяризации научных знаний среди широких масс» [15, с. 5].

Педагогический музей был открыт в г. Красноярске 2 января 1898 года в качестве подвижного музея учебных пособий. На момент создания музей стоял из отдела выдачи, показательного отдела и библиотеки. В апреле 1920 года музей был передан в ведение отдела народного образования Енисейской губернии [16]. Материальное положение музея и его сотрудников было очень тяжелым. Например, в 1924 году Енисейским губоно на нужды музея было выделено 100 рублей. Заработная плата сотрудников музея в этом же году составила от 14 до 30 рублей. Педагогический музей состоял из собрания учебных наглядных пособий и учебных руководств, которыми он снабжал как школы, училища, детские сады и культурно-просветительские учреждения, так и отдельных работников просвещения. Периодически музей устраивал выставки по отдельным отраслям знания. Большая часть экспонатов была приобретена на средства общества «Просвещения», другая часть экспонатов была собрана самим музеем, кое что музей получил в качестве пожертвования от частных лиц. В апрельском номере за 1924 год газета «Красноярский рабочий» информирует читателей:

«Имея 18000 экспонатов – картин, чучел, карт, приборов, коллекций, диапозитивов и проч. и 14000 книг по всевозможным отраслям знаний, музей имеет возможность обслуживать 65 школ города. Все учебные пособия для облегчения разбиты по «уголкам». Так «уголок анатомии человека» имеет человеческий скелет, разборную модель, рисунки, книги, диаграммы и т. д. Жаль только то, что за последнее время музей совершенно не пополняется». Данная заметка в газете также свидетельствует о том, что посещение музея стало одной из практик культурного времяпровождения горожан: «Так за три месяца 1924 года музей посетило 6 389 чел. В год, в среднем посещаемость доходит до 20,000 чел. Экскурсий в 1923 г. было 1040, за тот же год выдано пособий 35522 (с книгами)» [17, с. 3]. Безусловно, нельзя с полной уверенностью говорить о репрезентативности приводимых данных. Однако, то что Советская государственная система создавала модель повседневной жизни городского населения, в которой важное место было отведено научным музеям не вызывает сомнения. Досуговые практики горожан Енисейской губернии находились в русле общероссийских тенденций.

Таким образом, одними из основных достижений начала 1920-х гг., с точки зрения осуществляемой властью культурно-образовательной политики, являются не только повышение общей грамотности населения, но и создание (или сохранение, как в случае с педагогическим музеем в г. Красноярске, существовавшем с 1898 года) сети культурно-досуговых и образовательных учреждений, в том числе научных музеев, роль и место которых по внедрению в досуговые практики горожан идей и практик культурного времяпровождения сложно переоценить. Посещение научных музеев стало одной из тенденций повседневной жизни и оказало влияние на трансформацию культурной жизни городского населения Енисейской губернии.

Литература

1. Декрет СНК РСФСР № 592 «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26.12.1919 URL: <http://istmat.info/node/38891>
2. Постановление Народного Комиссариата Просвещения «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (Инструкция). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38091#043299252934478094>].
3. Декрет СНК РСФСР «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» от 02.09.1921 года. – URL: https://wfi.lomasm.ru/русский.декреты_ссср_1917-1992/декрет_снк_рсфср_от_02.09.1921_о_высших_учебных_заведениях_р.с.ф.с.р._положение.
4. Отчет о состоянии народного образования Енисейской губернии IV-му Губсъезду Советов [<https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=8e1b80a6daa08629592ff594099596a4&viewerType=GUNBKK> (дата обращения 26.09.2019).
5. <https://didacts.ru/termin/muzei.html> (дата обращения 08.10.2019).
6. <http://www.kkkm.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/istoriya-muzeya>.

7. Газета «Красноярский рабочий» № 258 от 14 ноября 1922 года, заметка «Выставка истпарта»
8. Газета «Красноярский рабочий» № 288 от 23 декабря 1923 года, заметка «Музей Приенисейского края»
9. Газета «Красноярский рабочий» № 129 от 11 июня 1924 года, заметка «Экскурсия печатников», подпись: П.М.
10. <http://prozhito.org/notes?date=%221922-01-01%22&diaries=%5B136%5D> дата обращения 10.10.2019
11. Газета «Красноярский рабочий» № 171 от 31 июля 1924 года, заметка «В Музее Приенисейского края»
12. Газета «Красноярский рабочий» № 237 от 18 октября 1924 года, заметка «Идите на выставку! Каждый должен знать свой край»
13. Газета «Красноярский рабочий» № 231 от 11 октября 1924 года, заметка «Кружок краеведения»
14. Газета «Красноярский рабочий» № 8 от 10 января 1925 года, заметка «Изучаем свой край»
15. Газета «Красноярский рабочий» № 42 от 20 февраля 1925 года, заметка «В археологическом кружке»
16. <http://www.kzref.org/komitet-po-delam-arhivov-v2.html?page=5>, дата обращения 26.09.2019
17. Газета «Красноярский рабочий» № 82 от 11 апреля 1924 года, раздел «В помощь школе. Богатства музея», подпись: рабкор А.Фатисов

УДК 908.517

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОРОДЧЕСКОГО ВОПРОСА В СИБИРСКОЙ ПРЕССЕ 1917 г.

***Бармина Екатерина Владимировна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия***

Образ народа является той составляющей культуры, которая содержит в себе большое количество информации. Это аспекты духовной, экономической и в некоторых случаях политической сферы, которые формируются под влиянием разных факторов. Одним из тех источников, который создавал образ одного народа в представлении другого, является периодическая печать. На основании сибирской периодики проанализирован образ коренных народов Сибири в начале XX в. Было выявлено, что представителей данных народов именовали «инородцами» и относились к ним, как к отсталым и неразвитым людям.

Ключевые слова: образ, коренные народы, Сибирь, сибирская периодика, инородцы.

The image of the people is the component of culture, which contains a large amount of information. These are aspects of the spiritual, economic and in some cas-

es political sphere, which are formed under the influence of different factors. One of the sources that created the image of one people in the representation of another is the periodical press. On the basis of Siberian periodicals analyzed the image of the indigenous peoples of Siberia in the early XX century. it was revealed that the representatives of these peoples were called "foreigners" and treated them as backward and undeveloped people.

Keywords: image, indigenous peoples, Siberia, Siberian periodicals, foreigners

Каждый народ имеет свою культуру, традиции, быт, а также неповторимый характер. В период освоения Сибири русские принесли на данную территорию свои культурные ценности и образ жизни, что отразилось на коренном населении. Тенденции развития взаимоотношений русского и инородческого населения нашли свое отражение в разного рода исторических источниках: от воспоминаний и заметок представителей сибирского областничества, до периодических изданий и научных трудов.

В сибирской периодической печати разного уровня всегда отражались наиболее значимые и актуальные проблемы, которые доносили до читателей события не только местного характера, но и общероссийского. В газетах начала XX в. большой пласт информации уделялся установлению советской власти, военным действиям. Но не менее важным всегда оставался инородческий вопрос, который был отражен в следующих аспектах: вопрос автономии коренных народов, проблема вмешательства русского населения в жизнь инородцев, проблема вымирания инородцев, проблема оленеводства и др. Несмотря на такой широкий круг вопросов, который столь ярко отражен в газетах, не менее важным остается вопрос того, как воспринимали коренное население Сибири русские представители разных слоев общества. Рассмотрим более данный вопрос на материалах сибирских газет «Енисейские губернские ведомости» и «Сибирская жизнь» за 1917 г.

Восприятие одной группой людей других является той темой, которая особенно актуальна для современной исторической науки, т.к. невозможно дать однозначного ответа на данный вопрос. Ответ на него будет зависеть от многих факторов, начиная от времени и места, заканчивая источниковой базой, которая используется в работе. Сибирская периодическая печать содержит информацию о том, как относились к представителям коренных народов областники-автономисты. Представители данной группы помимо научных трудов писали многочисленные заметки и статьи в газеты, где поднимали разные вопросы и проблемы жизни сибирских народов. В своей работе «Нужды Сибири» Г.Н. Потанин указывал на то, что «Право культурного и даже национального самоопределения за нерусским населением надо признать, во-первых, в узких интересах самих эти племен, для них необходимо общественное возрождение для своей защиты в борьбе за существование; во-вторых, умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа» [1, с. 267]. Г.Н. Потанин называет коренные народы «племенами», тем самым указывая на их традиционный образ

жизни, в котором, во многом, подразумевается отсталость и неразвитость. Несмотря на то, что данный деятель, казалось бы, поднимает вопрос общественного возрождения и борьбы существования народов, но он не воспринимает их как равными себе – русскому образованному человеку.

Стоит отметить, что во многих источниках, которые содержали упоминания о коренных народах Сибири, их называют инородцами, что само по себе является неприменимым понятием для людей, живших на какой-либо территории задолго до появления других народов. Однако, периодическая печать, которая во многом формировала общественное мнение, называла коренные народы инородцами. Однако были и другие наименования, которые подчеркивали пренебрежительное отношение к этим народам. Так, в одном из февральских выпусков газеты «Сибирская жизнь» под заголовком «Вымирающий край» имеется следующая характеристика инородцев: «До сих пор сибирские газеты пестрили мрачными сообщениями о вымирании целых народностей аборигенов. Около этого вопроса в свое время разгоралась страстная полемика ученых, публицистов, среди которых находились и такие, которые полагали, что сибирские инородцы обречены самой природой на вымирание. К счастью, это единичные голоса. Теперь о вымирании целого района пишут «Сиб.» из Больше-Мамырской вол., Нужнеуд. уезда. «Все глухи к вымиранию населения волости. Вымирают не чукчи, тунгусы и т.п., а настоящие русские люди» [2, л. 2]. Первое, что характеризует отношение к сибирским коренным народам, это их наименование «народностями аборигенов» [2, л. 2]. Это слово применяется исключительно к коренным жителям Сибири, в свою очередь как русские именуются «русские люди». Такое отношение проявляется и во втором моменте данного отрывка, когда автор, словно возмущенно, высказывается, что гибнут ни какие-то там чукчи и тунгусы, а «настоящие русские люди» [2, л. 2]. В этом контексте представителей коренных народов Сибири вообще не считают людей. Их словно сравнивают с животными, смерть которых является чем-то привычным и не вызывает никаких эмоций.

Стоит отметить, что сибирская периодика отражала стремление областников-автономистов, указных выше, предоставить право самостоятельного развития и выбора коренным народам, в число которых входили буряты, киргизы, якуты и алтайцы. Это отражено в обращении к читателям указанной выше газеты под заголовком «Будут добиваться сибиряки областники-автономисты» а) В области инородческого вопроса: «Необходимо предоставить право провинциальной автономии тем из инородческих народностей Сибири, которые пришли уже к сознанию общности своих интересов и имеют налицо культурные силы. Способные организовывать управление и заведывание собственными нуждами и пользами (буряты, киргизы, якуты, алтайцы и татары), если затем этому не будут препятствовать территориальные особенности расселения данной народности» [3, л. 2]. Таким образом, областники-автономисты хотели добиться действительно самых необходимых прав для инородцев, выдвигая идею самоуправления на правах обычного права. Однако здесь может возникнуть закономерный вопрос, почему именно указанным народам – бурятам, якутам, киргизам, алтайцам и татарам – должны были предоставить право автономии, а

другим сибирским коренным народам нет? Каким образом определялся уровень осознанности инородцев, является открытым вопросом не только на страницах газет, но и в политике того периода в целом.

Ответ на поставленный вопрос может быть дан с точки зрения участия данных народов в политической и экономической жизни сибирского региона, а также с точки зрения многочисленности данных народов, на что и обращают внимание областники в своих статьях. Так, например, многие выпуски «Сибирской газеты» содержат информацию об инородческих съездах представителей указанных народов, где происходило обсуждение наиболее значимых вопросов [4]. В одном из выпусков данной газеты имеется заметка одного из областников-автономистов А. В. Адрианова под заглавием «Пробуждение инородческого Алтая», где автор рассказывает о том, что «кроткое, мирное, вполне лояльное инородческое население Алтая, долгие годы испытывавший обиды, насилия и гнет и со стороны Кабинета, и со стороны местных чиновников и миссионеров, и наконец со стороны более сильного культурно и экономически русского населения, расплзавшегося по территории стойбищ алтайцев с наступлением переворота ожило и воспрянуло духом... Как ни бедны алтайцы местными, тронутыми светом образования силами, они сделали тот необходимый шаг, без которого невозможно приобщение к культуре на национальной основе, невозможно развитие народного самосознания. 1 июля алтайцы созвали в Бийске свой инородческий съезд и на нем постановили учредить алтайскую горную думу...» [5, л. 2]. С одной стороны, автор подчеркивает, что алтайцы приняли серьезное решение о создании реально действующего органа власти, что характеризует их как самостоятельный народ, имеющий свои взгляды на будущее. С другой стороны, А. В. Адрианов указывает на отсталость инородцев, считая их лишь немного тронутыми светом образования.

Исходя из приведенных примеров периодической печати начала XX в., восприятие коренного населения Сибири было построено на заметках областников-автономистов и редакторов газет. Первая группа, несмотря на то, что призывала общественность обратиться к вопросам автономии, развития сибирских народов, не считала их равными себе. Их по-прежнему воспринимали как «меньших братьев наших», что создает образ инородцев в качестве неравноправных участников процессов, происходящих в Сибири в тот период.

Литература

1. Потанин Г. Н. Нужды Сибири. Сибирь, ее современное состояние и нужды : сборник статей / под ред. И. С. Мельника. С-П: Издание А. Ф. Девриена, 1908. 294 с.
2. Газета «Сибирская жизнь». №30. Томск, 1917.
3. Газета «Енисейские губернские ведомости». №57, 31 октября. Красноярск, 1917.
4. Газета «Сибирская жизнь». №19, 34, 38, 255. Томск, 1917.
5. Газета «Сибирская жизнь». №255. Томск, 1917.

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

УДК 947:63(571.54)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АГРОТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ПОДГОТОВКА НОВЫХ КАДРОВ ДЛЯ СЕЛА В БУРЯТ-МОНГОЛИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Дамбаев Дмитрий Николаевич

*Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия*

Статья посвящена истории пропаганды агротехнических знаний в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы. Рассматривается деятельность школ крестьянской/колхозной молодежи по распространению сельскохозяйственного просвещения среди местного населения. Особое внимание уделено подготовке руководящих колхозных кадров через сеть районных колхозных школ, механизаторов и специалистов массовых квалификаций животноводства на стационарной и курсовой основе.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные знания, школы крестьянской/колхозной молодежи, районные колхозные школы, руководящие колхозные кадры, механизаторы, массовые профессии сельского хозяйства, Бурят-Монголия.

The article is devoted to the history of propaganda of agrotechnical knowledge in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s and 1930s. The activity of schools of peasant / collective farm youth in the dissemination of agricultural education among the local population is examined. Particular attention is paid to the training of leading collective farm personnel, machine operators, specialists of mass qualifications.

Keywords: agriculture, agricultural knowledge, schools of peasant / collective farm youth, regional collective farm schools, leading collective farm personnel, machine operators, mass agricultural professions, Buryat-Mongolia.

Пропаганда агротехнических знаний и сельскохозяйственного просвещения в Бурят-Монголии на протяжении 1920–1930-х гг. не имела единой организационной формы, видоизменялась, осуществлялась различными путями, но главная цель оставалась неизменной – поднятие сельскохозяйственного производства. Распространением сельскохозяйственных знаний еще в дореволюционное время в регионе начала заниматься с 1911 года агрономическая служба Забайкальской области, которая с этой целью организовала сеть специальных сельскохозяйственных учреждений: агрономические участки, прокатные и случайные пункты, опытно-показательные поля. Последствия революционных собы-

тий и гражданской войны парализовали деятельность агрономической службы по пропаганде сельскохозяйственных знаний. Результаты культурных преобразований в крестьянских хозяйствах практически свелись к нулю.

Центром практической и культурной жизни деревни, как и в дореволюционное время, в 1920-е годы оставались агрономические участки. Но для внедрения в крестьянские хозяйства комплекса агрономических мероприятий, оказания агрономической помощи, поднятия сельскохозяйственной культуры населения требовалась прочная материально-техническая база и необходимый штат агроперсонала, который был представлен в 1923 г. всего 7 агрономами [1, С.65]. Ограниченные финансовые средства и недостаток квалифицированных кадров стали основной причиной слабого развития агрономических мероприятий в Бурят-Монгольской республике.

Проводниками агротехнических знаний в 1920-1930-е гг. стали школы крестьянской (с 1930 г. колхозной) молодежи (ШКМ). В системе школ повышенного типа БМАССР они появились в 1924/1925 учебном году, относились ко второй ступени единой трудовой школы и предназначались для подготовки специалистов и организаторов сельскохозяйственного производства. Как правило, данный вид учебных заведений организовывался на базе культурного участка земли, опытно-показательной станции. При отсутствии такого участка школы сами создавали учебное хозяйство, которое должно было стать агрономически-культурным центром в том или ином районе. С этой точки зрения школы были пропагандистом более культурных форм крестьянского хозяйства. ШКМ сочетали в себе общее, трудовое и политехническое образование. Поступить в них могли дети в возрасте от 12 до 16 лет (в первые годы работы ШКМ – до 18-19 лет). Учащиеся получали общеобразовательные знания в объеме семилетней школы.

Первая ШКМ в республике была открыта в с. Мухоршибирь в 1924 году. К 1925/1926 уч. г. действовало уже 5 ШКМ, 1926/1927 уч. г. – 7 (435 учащихся), 1927/1928 уч. г. – 8 (925 учащихся), 1928/1929 уч. г. – 13 (1251 учащихся). В 1931 году в республике действовало 16 школ колхозной молодежи. ШКМ имели большую популярность, число желающих учиться в них достигало 8-9 чел. на одно место [2, с. 77–123]. Основное внимание на теоретических и практических занятиях уделялось знакомству учащихся с основами животноводства, полеводства, овощеводства, коллективизации и кооперирования хозяйств, изучению сельскохозяйственной техники и т.д. В соответствии с основной ведущей отраслью в районах школам колхозной молодежи было придано сельскохозяйственное направление с обслуживанием местного населения (табл.) [3, л. 307]:

**Школы колхозной молодежи Бурят-Монгольской АССР
в 1930/31 учебном году**

Название ШКМ	Направление ШКМ	Какое население обслуживает
1. Агинская	Животноводческая	Бурятское
2. Табтанайская	Животноводческая	Бурятское

Название ШКМ	Направление ШКМ	Какое население обслуживает
3. Дульдургинская	Полеводческая	Бурятское
4. Хоринская	Животноводческая	Бурятское
5. Кульская	Полеводческая	Русское
6. Мухоршибирская	Полеводческая	Русское, бурятское
7. Селенгинская	Животноводческая	Бурятское
8. Торейская	Полеводческая	Русское
9. Усть-Киранская	Полеводческая	Русское
10. Чикойская	Животноводческая	Бурятское
11. Ключевская	Полеводческая	Русское
12. Илькинская	Животноводческая	Русское, бурятское
13. Баянгольская	Животноводческая	Бурятское
14. Баргузинская	Полеводческая	Русское
15. Кабанская	Полеводческая	Русское
16. Кыренская	Животноводческая	Бурятское

Таблица показывает, что 16 ШКМ республики базировались в основном в наиболее крупных населённых пунктах и районных центрах. 8 ШКМ имели животноводческое направление с обслуживанием бурятского населения; 8 – полеводческое, с обслуживанием русского; 2 – обслуживали русское и бурятское населения. Школа колхозной молодёжи способствовала созданию колхозного актива в деревне, поднятию культурного и агрономического уровня крестьянства, овладению в колхозах новой сельскохозяйственной техникой. Однако масштабы и качество этой подготовки не удовлетворяли потребности сельского хозяйства на тот период. И к 1934 году школы колхозной молодёжи были преобразованы в обычные сельские неполные средние школы (семилетки).

В начале 1930-х гг. на селе происходили коренные преобразования. Процесс коллективизации сельского хозяйства развивался быстрыми темпами. К 1932 г. в колхозы объединились 60,2% крестьянских хозяйств республики, создано более 500 колхозов и 30 машинно-тракторных станций (МТС). Колхозами обрабатывалось 76% посевных площадей. В общественном стаде находилось 57,5% поголовья продуктивного скота. В колхозах было организовано 835 товарных ферм. Началась механизация сельского хозяйства, на колхозных полях в 1931 г. работало 111 тракторов [4, С. 87, 92, 308; 5, С. 218]. В республике действовали различные курсы и семинары по подготовке и переподготовке кадров для аграрного производства.

Особое внимание уделялось подготовке руководящих колхозных кадров. В 1929 году были открыты девятимесячные курсы для председателей колхозов в г. Верхнеудинске. В начале 1930 года по линии Наркомзема организованы полуторамесячные курсы для председателей русских колхозов и трехмесячные курсы для председателей бурятских колхозов (увеличение периода обучения было связано с преодолением языкового барьера в бурятских колхозах). В течение года на этих курсах было обучено 384 руководящих работника и 40 счетоводов [6, С. 54]. Сложившаяся в годы первой пятилетки (1928/29-1932/33 гг.) система подготовки этих колхозных кадров на курсах не давала достаточных

знаний для руководящей хозяйственной работы в колхозе. Курсы были краткосрочными, не имели своей учебно-производственной базы, постоянного состава преподавателей, четких программ и методов работы. Основная масса колхозников, выдвинутых на руководящую работу в бригаду или на ферму, не имела ещё необходимой подготовки. В целях улучшения дела подготовки кадров среднего звена, система их обучения в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) была кардинально изменена. Решением коллегии Наркомзема СССР от 29 июня 1933 г. «О районных колхозных школах» подготовка бригадиров, заведующих фермами, счетоводов была переведена с курсовой системы на стационарную [7, С. 50]. Районные колхозные школы (РКШ) стали основной формой подготовки квалифицированных руководящих кадров. К 1934 г. в Бурят-Монгольской АССР их было 11 [8, а: Л. 119]. РКШ сыграли большую роль в подготовке сельскохозяйственных кадров. Так, 11 РКШ в 1933-1934 гг. прошло обучение 339 бригадиров животноводческих бригад, а в 1935-1936 гг. уже было подготовлено 555 полеводческих бригадиров, 665 бригадиров-животноводов, 527 заведующих фермами, 875 счетоводов [8, б: Л. 120, 120 об.].

Создание сети стационарных РКШ не решало всей проблемы подготовки сельскохозяйственных специалистов. Поэтому, в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) наряду с РКШ продолжала работать и расширяться курсовая сеть по подготовке и переподготовке колхозных кадров. Главная их задача заключалась в том, чтобы повысить квалификацию уже имевшихся кадров, помочь им овладеть новым опытом в агротехнических знаниях.

Стационарные учебные заведения региона стали основной базой проведения курсовой подготовки. В их числе Бурят-Монгольский агропедагогический (с 1931 г.) – Бурят-Монгольский сельскохозяйственный (с 1933 г.) – Бурят-Монгольский зооветеринарный (с 1935 г.) институт, сельскохозяйственные техникумы (Кяхтинский, Селенгинский), Бурят-Монгольская Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа (ВКСХШ), РКШ, и особенно МТС, а также колхозы и совхозы. Через курсовую сеть готовились руководящие колхозные кадры, а также работники различных массовых специальностей.

Развернувшееся колхозное движение поставило вопрос о необходимости подготовки животноводческих кадров массовых профессий. В условиях Бурятии, где животноводство было ведущей отраслью в экономике, данный вопрос занимал особое место в деятельности как хозяйственных, так и партийных органов. Подготовка животноводческих кадров началась одновременно с массовой коллективизацией. В начале практиковалось направление колхозников на продолжительное время в лучшие животноводческие колхозы и совхозы для знакомства с их опытом и изучения форм и методов хозяйствования. В 1931 г. через различные курсы и совещания было подготовлено 6 тыс. животноводов [4, С. 91]. Значительную работу по подготовке животноводческих кадров проводили МТС. Они организовывали курсы, семинары, совещания и т.п., которыми охватывались доярки, конюхи, чабаны и др. работники. На этих курсах сотни колхозников получали элементарные знания по ветеринарии и зоотехнии, что способствовало правильной организации содержания и кормления скота.

Особую роль в развитие сельскохозяйственного просвещения, пропаганде аграрных знаний сыграло республиканское отделение Всесоюзного объединения «Агротехзнание» («АТЗ»). Служба «АТЗ» в годы второй пятилетки занималась подготовкой животноводческих кадров. Работа по системе «Агротехзнание» была развернута с 1935 года и проводилась в двух основных направлениях: во-первых, шла подготовка инструкторских кадров, во-вторых, подготовка животноводческих кадров массовой квалификации без отрыва от производства. К концу 1936 года в республиканском отделении «АТЗ» работало 63 специалиста: плановики, бухгалтера, кассиры, машинистки, техноруки, инструктора, стажеры [8, д: Л. 1-4].

Основная задача «АТЗ» заключалась в организации и проведении краткосрочных двухнедельных курсов для подготовки и переподготовки животноводческих кадров массовой квалификации без отрыва от производства, с целью овладения ими новыми агротехническими приемами в животноводстве. Учебные программы курсов были разработаны с учетом того, чтобы курсанты могли овладеть элементарными знаниями в области зоотехнии и ветеринарии, и рассчитаны на двухнедельный срок обучения. Теоретическая часть курсов была тесно связана практической работой непосредственно на фермах. По окончании курсов обучающиеся проходили испытания, в виде технических экзаменов. После успешной сдачи экзаменов курсанты получали свидетельство. Так появились абсолютно новые специальности – «доярка», «конюх», «скотник», «чабан», «учетчик» и другие. Полученные знания курсанты должны были практиковать на производстве, тем самым исключить падеж молодняка, повысить поголовье скота, его продуктивность и т.д.

К концу 1935 года по линии «Агротехзнание» для колхозов БМАССР было подготовлено 2293 специалиста-животноводов [8, в: Л.6]. С целью пропаганды агротехнических знаний, в Восточно-Сибирском крае, в том числе в Бурят-Монголии, действовали две кино-агитационные бригады (агит-кино бригады), оснащенные всей необходимой техникой, научно-техническими фильмами и кино-лекциями. К августу 1936 года агит-кино бригадой была охвачена аудитория в 14443 человека по всему региону [9, Л.17].

Всего за 1936 год Бурят-Монгольским отделением «Агротехзнание» было подготовлено 8221 человек [8, г: Л.145]. На 1 января 1937 года службой «АТЗ» обучено 34% общего числа работников, занятых в животноводстве. Однако подготовка кадров массовых квалификаций непосредственно на производстве, практиковавшаяся в 1935-1937 гг., не удовлетворяла требований развития животноводства. В конце 1937 года республиканское отделение «Агротехзнание», как и во всей стране, было ликвидировано. Подготовка кадров переводилась на стационарные формы обучения.

Основная задача коллективизации заключалась в организации крупного товарного сельскохозяйственного производства на основе машинной обработки земли. С 1931 года в республике создаются первые машинно-сенокосные станции (МСС) и МТС. К концу первой пятилетки насчитывалось 11 МТС с 238 тракторами, которыми обрабатывались 108 тыс. га из 286 тыс. га посевных

площадей, принадлежащих колхозам. В 1934 году в республику стала поступать более совершенная техника. Прибыла партия мощных гусеничных тракторов марки «ЧТЗ» и «НАТИ», с 1935 года появились комбайны [10, С. 22]. Увеличение числа МТС, массовая постановка современной техники в деревню в годы первых пятилеток проходили в условиях полного отсутствия системы подготовки механизаторских кадров. Недостаток квалифицированных механизаторов приводил к частым простоям и поломкам техники, низкой производительности труда.

До появления МТС не было систематической подготовки трактористов, лишь периодически созывались краткосрочные курсы. С 1933 года подготовка трактористов проводилась на курсах при МТС и в государственных школах механизации. Открыты школы механизаторов, краткосрочные курсы при Татауровской, Илькинской, Селенгинской МТС. Зимой 1934 года на базе Селенгинской МТС начала функционировать республиканская школа трактористов. Срок обучения был рассчитан на 5 месяцев. За 2 года школа подготовила 292 тракториста и 81 машиниста для сложных молотилок и сноповязалок [11, С. 230-231]. В феврале 1936 года школа трактористов была реорганизована в школу комбайнеров и шоферов. Комбайнеры учились 6 месяцев. Одновременно с ними обучались штурвальные (помощники комбайнеров) на 4-месячных курсах. Первый выпуск состоялся летом 1936 года, было подготовлено 84 комбайнера и 22 штурвальных. В январе 1937 года школа выпустила 107 шоферов. В дальнейшем она обучила сотни механизаторов различных профилей. В 1934 году при Кутуликской МТС открыта вторая школа механизаторского всеобуча для подготовки трактористов и бригадиров тракторных бригад. В 1935 году при Тарбагатайской МТС организована школа шоферов. В 1938 году открыты еще две школы подготовки механизаторских кадров с двухгодичным сроком обучения: одна с полеводческим направлением в г. Кяхте, другая – с животноводческим на ст. Гусиное Озеро Селенгинского аймака, численность обучающихся в каждой школе составляла 100 чел. Школы имели расширенную программу обучения, в том числе и по производственной практике.

Таким образом, пропаганда агротехнических знаний и сельскохозяйственного просвещения в Бурят-Монголии в 1920-1930-е годы осуществлялась разными путями. С середины 1920-х годов развитие получили школы крестьянской/колхозной молодежи, призванные воспитать «нового» советского гражданина, способного применить на практике полученные агротехнические знания. Коллективизация сельского хозяйства потребовала значительного количества подготовленных специалистов. Необходимы были руководящие колхозные кадры, подготовка которых в первое время осуществлялась на различных краткосрочных курсах и не давала достаточных знаний для руководящей работы. Поэтому их подготовка частично перешла на стационарную основу. Особое внимание в республике уделялось подготовке животноводческих кадров массовых профессий. Их обучение не имело единой формы и проходило на различных курсах, семинарах и совещаниях. Большую роль в подготовке массовых кадров – животноводов сыграла республиканская служба «Агротехзнание».

Появились новые специальности, такие как «доярка», «конюх», «скотник», «чабан» и др. Механизация сельскохозяйственного производства потребовала квалифицированных кадров механизаторов – трактористов, комбайнеров. Система их подготовки прошла путь от краткосрочных курсов до стационарных учебных заведений. Таким образом, была кардинально изменена профессиональная структура сельского населения.

Литература

1. БМАССР за 10 лет (материалы к докладу правительства БМАССР на 5-й юбилейной сессии ЦИК БМАССР о советском, хозяйственном, социально-культурном строительстве за 1923-1933 г. М. – Иркутск, 1933.
2. Тармаев, Г.А., Дугаров, С.Г. Общее, трудовое и политехническое образование // Бурятия от ликбеза до филиала Академии наук. Улан-Удэ, 1969. С.77-123.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.Р-600. Оп.1. Д.7. Л.307.
4. Зайцева, Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития: монография / Л.А. Зайцева. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011
5. Очерки истории Бурятской организации КПСС / отв. ред. А.У. Хахалов и др. Улан-Удэ, 1970.
6. Янданов, А.Г. Деятельность Бурятской партийной организации по повышению культурно-технического уровня колхозного крестьянства (1929-1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1975.
7. Янданов, А.Г. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Бурятии (1929-1937 гг.) – Улан-Удэ, 1975.
8. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) – а: Ф.Р-691. Оп.1. Д.855. Л.119; б: Ф.Р-691. Оп.1. Д.855. Л. 120, 120 об.; в: Ф.Р-691. Оп.7. Д.4664. Л.6; г: Ф.П-1. Оп. 1. Д. 173. Л. 145; д: Ф.Р-691. Оп.7. Д. 6115. Л.1-4
9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ-ИО). Ф.123. Оп.17. Д.366. Л.17.
10. Зайцева, Л.А. Институт дополнительного профессионального образования и инноваций БГСХА им. В.Р. Филиппова (история формирования системы подготовки и повышения квалификации кадров сельского хозяйства Бурятии (20-е годы XX – нач. XXI в.) / Л.А. Зайцева, А.Е. Карначёв, А.Л. Яковлев. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2008. 224 с.
11. Зайцева, Л.А. Развитие сельского хозяйства Бурятии (1923 – 1985 гг.): историческое исследование: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Л.А. Зайцева. Иркутск, 1997.

**РОЛЬ ОКРУЖНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РАЗВИТИИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРСКОГО КРАЯ
1925–1930 гг.**

Сорокун Павел Владимирович
*Красноярский государственный аграрный университет,
Ачинский филиал, Ачинск, Россия*

В статье анализируется отраслевая деятельность советских органов власти на территории Сибирского края. Особое внимание уделено работе окружных органов советской власти, их значению и роли в развитии сельского хозяйства на территории Сибири. Временные рамки с 1925 г по 1930 г. охватывают период образования новой административно-территориальной единицы – Сибирского края, с организованными окружными органами управления.

Ключевые слова: Местное управление, государство, Сибирский край, сельское хозяйство, история, окружные органы власти, районирование.

The article analyzes the industry activities of the Soviet authorities in the Siberian Territory. Particular attention is paid to the work of the district organs of Soviet power, their significance and role in the development of agriculture in Siberia. Time-frames from 1925 to 1930 cover the period of formation of a new administrative-territorial unit - the Siberian Territory, with organized district governments.

Keywords: local government, state, Siberian Territory, agriculture, history, district authorities, regionalization.

Изучение деятельности региональных органов власти в сфере развития сельского хозяйства приобретает в настоящих условиях все большую актуальность. Особое значение представляет исторический опыт по развитию сельского хозяйства на территории Сибири в советский период времени. Это связано прежде всего с тем, что при советских органах власти были определены основные принципы развития агропромышленного комплекса.

Во второй половине XX века на территории Сибири сформировалась новая административно-территориальная единица - Сибирский край. Он сменил, в свою очередь, прежнее губернское устройство и объединил территорию Сибири. Из бывших губерний (Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Томской, Иркутской), автономной Ойротской области и был учрежден Сибирский край в составе 16 округов. В итоге были сформированы новые территориальные единицы, в состав которых входили: Тарский, Омский, Славгородский, Барабинский, Новониколаевский, Каменский, Барнаульский, Бийский, Томский, Кузнецкий, Ачинский, Красноярский, Минусинский, Канский, Хакасский, Рубцовский округа и Ойротская автономная область. Иркутская губерния про-

существовала до 1926 г. и была затем преобразована в округа: Иркутский, Киренский и Тулунский [1].

В процессе сибирского районирования были образованы новые органы управления, среди которых одним из ведущих являлся Краевой съезд советов Сибири. В ходе работы первого краевого съезда советов Сибири сложил свои полномочия Сибирский революционный комитет, существовавший более 6 лет [2].

Деятельность краевого съезда советов и окружных органов власти в сфере народного хозяйства имела особый интерес, так как от их работы зависело благополучие всего Сибирского края и государства в целом.

Основные функции и задачи по развитию сельского хозяйства были закреплены в Постановлении ВЦИК «О введении в действие положения о Сибирском крае». В данном документе на окружные органы власти возлагалось:

- 1) организация и выполнение землеустроительных работ, руководство посевными кампаниями и мелиоративными работами;
- 2) содействие в организации опытно-показательных полей;
- 3) осуществление планов государственной материально – ссудной помощи сельскому населению;
- 4) наблюдение за правильностью расходования государственных и местных средств подведомственными окружными исполнительными комитетами, учреждениями и предприятиями и за соответствием производимых ими расходов со сметными назначениями в целях недопущения бескредитных расходов;
- 5) рассмотрение и разрешение жалоб на решения районных исполнительных комитетов по делам местных налогов и сборов [3, л.17].

В том же документе в 106 статье отмечалось, что окружные исполнительные комитеты обязаны осуществлять в пределах округа мероприятия по укреплению и развитию сельского хозяйства, помогать трудовому крестьянскому населению в улучшении приемов обработки земли и ведения хозяйства.

Данная работа проводилась в условиях провозглашенного партийным руководством страны курса «лицом к деревне», важной составляющей которого являлось углубление экономических методов регулирования сельской экономики. Так как она обеспечивала натуральными товарами и приносила немалые доходы в бюджет страны.

По мнению С.А. Карлова, крестьянское хозяйство Сибирского края в 1925 – первой половине 1926 гг., вследствие либерализации основных направлений государственной аграрной политики и оказания помощи сельскому хозяйству, интенсивно развивалось [3, л.17].

Значительная часть крестьянства стремилась к передовым способам ведения хозяйства. Так, например, в Сибирском крае, в отличие от невыполненного общегосударственного плана СССР по хлебозакупкам, годовое задание на 1926-1927 гг. в Сибири оказалось перевыполнено на 30,3%. По сравнению с 1925-1926 гг. закупки хлеба в регионе увеличились в 1,5 раза (на 53,9%) [4, с.169]. В целом из Сибири за 1926-1927 гг. вывезли больше на 25% хлебопро-

дуктов [5, с.108]. Это говорит о больших успехах работы окружных органов власти в области сельского хозяйства края.

В отчете Первого съезда советов Сибири 1925 г. было зафиксировано, что окружные органы власти активно посылали в деревню агрономов, ветеринаров, землемеров. При их содействии в крестьянские хозяйства внедряли лучшие приемы обработки почвы и ухода за скотом. Проводилось четкое землеустройство, хозяйства предохранялись от повальных заразных болезней, тем самым, увеличивая и сохраняя крестьянские хозяйства [6, л.44-45].

Особую роль играла восстановление системы агрономической помощи, крестьянским хозяйствам предоставлялись льготы, организовывались сельскохозяйственные курсы, кружки и выставки различных хозяйственных достижений крестьян Сибири [7, с.79].

Нужно отметить, что в целом центральные органы совместно с окружными осуществляли работу на селе. Но она была направлена прежде всего на помощь беднейшему крестьянству и носила ярко выраженный классовый характер.

Главным инструментом классового подхода при реализации развития сельского хозяйства стало налоговое законодательство. Так, например, декреты от 1923 г. «О льготах беднейшему крестьянству по освобождению от уплаты единого сельскохозяйственного налога» [8, с.19] освободили от налога 17 % крестьянских хозяйств. Масштабы налоговых льгот для деревенской бедноты неуклонно расширялись. Уже в 1925-1926 гг. в СССР от налога было полностью освобождено 5,5 млн. бедняцких дворов, или 23,5% всех крестьянских хозяйств, в 1927 г. доля освобожденной от налога бедноты достигла уже 35% от общего числа деревенских домохозяев [9, с. 215].

Нужно отметить, что была и вторая (негативная) сторона, она заключалась в том, что вся тяжесть резко возросшего сельскохозяйственного налога полностью перекладывалась на плечи основной массы середнячества и зажиточного крестьянства, что приводило к снижению производительности в сфере сельского хозяйства.

Бедняки при проведении страхования получали льготы, причем льготы двух видов: в форме полного или частичного освобождения от уплаты окладных сборов и недоимок и в форме выдачи страховых премий. Мало того, принадлежность к группе бедняков давала полную гарантию на возмещение ущерба по страховому случаю, что не всегда удавалось середняцкой массе крестьянства. Все это вызывало справедливые упреки со стороны зажиточного населения и постепенную дестабилизацию в развитии сельского хозяйства [8,с.20].

Так, в 1926 г., начиная с октября, ситуация по хлебозаготовкам в Сибирском крае значительно ухудшилась. Объем хлебных закупок был почти в 2 раза меньше, чем в третьей декаде октября 1926 г

Как отмечал В.А. Ильиных, на 1 января 1928 г. объем хлебных закупок по краю достиг 25,2 млн. пудов, что составляло 30,7% от годового плана, 67,7% от календарного задания и 60,8% от хлебозаготовок первых четырех месяцев кампании 1926-1927 гг. [4,с. 208–210]. Особенно трудно шли закупки в северо-

восточных округах края, где выполнение годового плана в целом составило 19,4 %.

В Красноярском, Кузнецком, Минусинском, Иркутском и Тулунском округах на конец декабря 1928 г. было заготовлено 5,1; 6,0; 6,7; 12,1 и 14,4 % от годового задания. Данные статистики свидетельствуют о том, что во многом Сибирский край со своей заготовительной программой не справлялся. На этот регион возлагались большие надежды в связи со снижением возможностей ряда производящих районов. Сибирский хлеб был особо важен, так как должен был стать источником образования резервов на период весенней распутицы.

Для исправления возникшей ситуации к решению проблемы хлебозаготовок начинали присоединяться партийные органы, перед которыми ЦК ВКП (б) в своей директиве от 14 декабря 1928 г. поставил задачу добиться резкого перелома в заготовках, приняв «организационные мероприятия сверху донизу, направленные на усиление завоза хлеба со стороны крестьянства» [10, с. 108].

В соответствии с указанными в директиве задачами активизировали свою работу по руководству хлебозаготовками краевые сибирские окружные органы власти. Окрисполкомы обязывались добиться решительного перелома в ходе хлебозакупа и принять меры к выполнению его планов. Им же было предложено установить для каждого сельского района, а также для каждого потребительского общества и сельскохозяйственного кооператива твердое задание по сбору зерна на январь-март 1928 г., обеспечивающее выполнение окружной заготовительной программы к 1 апреля в размерах не менее 80% годовой.

Коопцентры оформляли данные твердые задания низовым кооперативам в виде специальных договоров, предусматривающих в случае невыполнения выплату неустойки в повышенном размере. Принимались меры по усилению товароснабжения зернопроизводящих округов за счет городов и нехлебных районов. Распределение товаров по округам должно было осуществляться в зависимости от выполнения заготовительных заданий, а продажа остродефицитных товаров на местах проводилась в первую очередь сдатчикам хлеба [11, л.168-169]. Однако, несмотря на эти меры по усилению заготовок, они оказались неэффективными. По мнению В.А. Ильиных, промтоваров в Сибири по-прежнему не хватало. Денег у крестьян для выплаты сельхозналога и иных платежей было достаточно, поэтому это не только не увеличило, а уменьшило реализацию зерна [4, с. 218–219].

Несмотря на превентивные меры, предпринятые окружными органами и советской властью, в 1930 г. произошло многократное увеличение количества восстаний. Центральные органы власти опасаясь, что волна крестьянского недовольства захлестнет страну, перекладывали всю вину за ситуацию в деревне на окружные и партийные органы власти. Раскулачивание, коллективизация и ликвидация кулачества как класса между тем продолжались. Итогом работы окружных органов власти в Сибири и в государстве в целом стало раскрестьянивание, что привело к окончательному уничтожению общинного менталитета и традиционной крестьянской культуры, наиболее грамотной и трудолюбивой

части деревни и превращение крестьян в государственных сельскохозяйственных наемных рабочих [12, с.33].

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что в 1925-сердине 1926 гг. работа окружных органов власти в сельском хозяйстве имела позитивный характер, сельское хозяйство Сибири интенсивно развивалось. В условиях либерализации экономики все крестьянские хозяйства стремились укрепить своё экономическое положение и перейти в высшие по мощности группы.

Значительная часть крестьянства стремилась к передовым способам ведения хозяйства (особенно середняцко-зажиточные). Сформировалась более четкая социальная структура крестьянства. Хозяйства зажиточной группы играли главную роль в развитии производства. Жизнедеятельность середняцко-зажиточного слоя крестьянства в период 1925-1927 гг. показала свою очевидную полезность для общества. Степень социального расслоения сибирской деревни была незначительной.

Общие показатели развития сельского хозяйства приближались к дореволюционному уровню. Наблюдалось некоторое улучшение жизни крестьян. Тем не менее, мощность крестьянских хозяйств не достигла прежней степени развития. У средне – зажиточных хозяйств она оставалась ниже в среднем в два раза.

Со второй половины 1927-1930 гг. давление государства (налоговое, административно-репрессивное и др.), а также окружных органов власти на частное крестьянское хозяйство с целью изъятия из него средств на нужды индустриализации постоянно усиливалось. В 1928-1929 гг. продолжился процесс превращения крестьянина в зависимого производителя и сдатчика аграрной продукции государству. Активизировалось «раскулачивание крестьянства», что привело к резкому сокращению середняцко–зажиточных хозяйств. В результате снизились объёмы производства сельскохозяйственной товарной продукции и, как следствие, упали темпы роста аграрного сектора экономики, тормозившего развитие всего народного хозяйства страны. Наблюдались тяжелые социальные последствия. Крестьянство сопротивлялось усиливавшемуся давлению государства.

За 20-е гг. XX в. партийно-государственная власть, руководствуясь догматами марксистско-ленинской идеологии, и опираясь на окружные органы власти, подготовила и осуществила коллективизацию сельского хозяйства Сибирского края и всей страны. Однако комплекс мер по привлечению крестьян в коллективные хозяйства, применяемый властями, успеха не имел (контрактация и др.). С 1928 г. в сельском хозяйстве Сибири применялись преимущественно командно-административные методы управления. Окружные органы власти обязаны были выполнять соответствующие директивы, направленные на уничтожение зажиточного крестьянства. Результатом такого руководства явилась потеря большинством крестьян интереса к самостоятельному хозяйствованию. После принятия властью целого ряда мер репрессивного характера в 1929 г. крестьянство начало активно вступать в колхозы.

Литература

1. Енисейский энциклопедический словарь / под. ред. Дроздова Н.И. – Красноярск, 1998. – 735 с.
2. Деятельность Сибревкома [Электронный ресурс] // <http://sibarchives.ru>, дата обращения (10.10.2019г).
3. ГАРФ.Ф.Р-6984.Оп.1.Д.170.Л.17.
4. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921-1928. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 282 с.
5. Гущин, Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму / Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1973. – 520 с.
6. МУ «Архив г. Канска». Ф.Р-3.Оп.1.Д.20.Л.44-45.
7. Карлов С.А. Трансформация крестьянских хозяйств Восточной Сибири в годы нэпа (1921-1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2009. – 223с.
8. Орлова И.В. Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): автореф.. дис. ... кан. ист. наук. – Иркутск, 2007. 28 с.
9. Россия нэповская / под ред. А. Н. Яковлева. – М: Новый Хронограф, 2002. 226 с.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1939. Документы и материалы. Т. 1 / Под ред. В. Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 880 с.
11. ГАНО.Ф.Р. - 47.Оп.5.Д.68. Л.168-169.
12. Сорокун П.В. Деятельность окружных органов советской власти в области развития сельского хозяйства на территории Сибири в первой половине XX в. // Эпоха науки. 2016. № 6. С. 33-35.

УДК 949.084

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 20– 30-е ГОДЫ XX в.

***Терскова Аида Александровна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия***

В статье представлены некоторые особенности политики ликвидации неграмотности, проходившей в 20–30-е годы XX в. на территории Красноярского края. В этот период менялась система подчинения и руководства обучением неграмотных взрослых в селах и городах. Несмотря на все призывы, кампания по ликвидации неграмотности в крае была неудачной, достигнуть запланированных показателей не смогли.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, ликпункты, школы для взрослых.

The article presents some features of the policy of literacy elimination, which took place in the 20-30s of the twentieth century in the Krasnoyarsk territory. During this period, the system of subordination and management of the education of illiterate adults in villages and cities changed. Despite all the calls, the campaign to eliminate illiteracy in the province was unsuccessful, they could not achieve the planned indicators.

Keywords: elimination of illiteracy, educational centers, schools for adults.

С первых дней установления советской власти ликвидация неграмотности рассматривалась ею как важнейшая политическая задача. На эту работу по всей стране были брошены значительные силы. Ликвидация неграмотности, с одной стороны, преследовала просветительскую цель – обучить основную массу населения, поднять уровень культуры. С другой стороны, обучение населения позволяло подготовить квалифицированные кадры для дальнейшего становления индустриального общества. Третья составляющая кампании по ликвидации неграмотности заключалась в том, что она предполагала не только обучение, но и пропаганду новой советской идеологии. Через учебники и буквари шла пропаганда нового советского строя, позволяющая сформировать доверие к Советам, раскрывающая преимущества новой России по сравнению с прежней дореволюционной [1, с. 257].

26 декабря 1919 г. вышел декрет о «Ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В 1920 г. в поддержку этого декрета было издано постановление Енгубревкома, где говорилось, что всем неграмотным гражданам в возрасте от 14 до 50 лет надлежит пройти курс всеобщего обучения. Срок обучения для взрослого населения составлял 8 месяцев без отрыва от производства. В сентябре 1920 г. была создана Сибирская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. С октября 1920 г. этой работой централизованно занимался внешкольный подотдел Красноярского отдела народного образования, а позднее созданный на его основе Сибполитпросвет [2, с. 152].

В 1921 г. в Красноярском крае действовало 763 школы грамоты (или ликпункта), в которых обучалось 30 тыс. человек, половина из которых были красноармейцами. Для подготовки кадров было организовано обучение учителей и внедрена трудовая повинность для всех грамотных людей, с образованием не ниже двуклассного училища [2, с. 152].

В 1924 г. для поддержки движения по ликвидации неграмотности было сформировано общество «Долой неграмотность», его члены создавали вечерние школы для взрослых, которые получили впоследствии название «школ рабочей молодежи». При городских и сельских советах создавались группы для содействия ликвидации неграмотности. Кроме педагогов в обучении населения должны были принимать участие и политпросветительские учреждения, такие как дома культуры, избы-читальни, сельские и колхозные клубы, библиотеки и музеи. Студенты, работники библиотек и изб-читален, технические работники, чиновники привлекались к обучению грамоте взрослого населения. Для расширения сети ликпунктов на предприятиях открывались школы, где рабочие занимались после трудового дня. [2, с. 152].

В селах и деревнях Красноярского края работа по ликвидации неграмотности была возложена на сельские советы. Им помогать должны были партийные органы, учителя, руководители различных общественных организаций и кооперативов. Однако сельсоветы отмечали слабое участие и помощь в ликвидации неграмотности со стороны общественных организаций и населения. Емельяновский сельсовет в протоколе от 4 февраля 1929 г. подчеркивал, что только школа провела перепись неграмотного населения и организовала лотерею в пользу общества «Долой неграмотность», другие организации не участвовали в этой работе [3, л. 14–14 об]. Сельсоветы занимались в основном решением насущных хозяйственных проблем и сбором долгов по разным видам налогов, поэтому не особенно активно следили за ликвидацией неграмотности на местах. Педагоги в сельской местности были перегружены школьной работой. В селах также работали избы-читальни, которые должны были проводить культурно-просветительские мероприятия, организовывать пропаганду, разъяснять наиболее важные политические вопросы, обеспечивать население литературой и газетами. Однако в них часто не хватало квалифицированных работников – избачей, работа изб-читален была во многих населенных пунктах неэффективной. Так в поселке Емельяново отмечалось, что избач не проводит никакой агитационной работы по хлебозаготовительной кампании, тогда как для него эта работа является основной [4, л. 18]. Также негативную оценку давали работе избы-читальни в Сухобузимском районе: «Непригляден вид Шилинской избы-читальни. Окна побиты, ограды нет, кругом грязь. Нет порядка и внутри избы. Избач открывает двери избы-читальни раз в неделю. Но вы не услышите здесь ни доклады, ни беседы, ни громкой читки. Нет книг и газет в колхозных бригадах». Избач не проводил работы по ликвидации неграмотности, антирелигиозной пропаганде [5, л. 15]. Таким образом, единого ответственного органа для ликвидации неграмотности среди взрослого сельского населения на местах не было, эта работа носила общественный характер и была разделена между несколькими организациями.

Работа ликпунктов была наполнена множеством проблем. Первой среди них была нехватка специалистов. «В Сухобузимском районе около тысячи неграмотных и до двух тысяч малограмотных, подлежащих обучению. Отдельные работники школ для взрослых получают зарплату и не работают. На работу подбирают случайных, непроверенных и непригодных людей. Районо, райисполком и крайисполком не обеспокоены этим вопросом» [5, л. 19]. Второй сложностью, с которой сталкивались педагоги и ликвидаторы, – это отсутствие методической литературы и слишком сложное содержание учебников. «Обучение в ликпунктах осложняется трудностью букваря, ликвидатору приходится его переделывать» [3, л. 14]. Третья проблема – негативное отношение населения в селах и деревнях к ликпунктам. Взрослое население посещало школы неохотно. Так Емельяновский сельсовет отмечал, что в 1929 г. посещаемость ликпункта, начавшего свою работу с 1 ноября, составляла 75 % от общего числа неграмотных и малограмотных. Эта цифра была значительно выше, чем прошлогодняя, что давало надежду ликвидаторам и педагогам на выпуск грамотных к весне 1930 г. Члены сельсовета также подчеркивали, что занятия в ликпункте длились три часа для неграмотных взрослых. Однако педагоги школы настаивали, что домашнее задание вводить нельзя, учащиеся вовсе перестанут

посещать школы. А желающие могут заниматься дома самостоятельно [3, л. 14–14 об.; 4, л. 4].

Как способ увеличить посещаемость и улучшить обучение неграмотных односельчан, педагоги предлагали индивидуальные занятия на дому в свободное время. Еще одной мерой для увеличения посещаемости ликпунктов предлагали «на дальнейшее время отделить мужчин от женщин, а то многих из-за этого не пускают на ликпункт» [3, Л. 14 об.]. Также ликвидаторы подчеркивали, что молодежь неохотно обучалась, вместо занятий сидела в коридоре, в класс не заходила. «Молодые люди читают такие стихотворения, от которых уши вянут», – сообщали педагоги [3, Л. 14–14 об.]. Для успеха работы ликпунктов предлагали отделить молодежь от взрослых. Молодые люди составляли значительное число учеников в школах грамоты, потому что особое внимание правительство уделяло обучению парней призывного возраста [4, Л. 18]. Не желающие сидеть на занятиях молодые люди, вероятно, устраивали беспорядки в школе. «Молодежь ходит на ликпункты не заниматься, а баловаться. Ликвидатор один не может справиться с взрослыми парнями. Нужны ликвидаторы мужчины, а не женщины», – отмечали члены сельсовета [3, Л. 14 об.].

Несмотря на все сложности в работе школ грамоты, в 1934 г. были отмечены успехи в ликвидации неграмотности, и была сокращена сеть ликпунктов по всей стране, которые теперь заменили школами для неграмотных и малограмотных. Также предполагались отдельные школы для подростков. В 1936 г. была поставлена задача партией и правительством совершенно ликвидировать неграмотность в стране. Второй чрезвычайный Съезд Советов Красноярского края поддержал это решение, несмотря на то, что Красноярский край отставал от других регионов Советского Союза в этом вопросе [6, С. 37]. Также было закрыто общество «Долой неграмотность» [7, Л. 277]. Вся работа была централизована и передана секции ликвидации неграмотности и малограмотности при Красноярском городском совете. В апреле 1936 г. прошло первое заседание секции. Обучением малограмотных и их выявлением занимались вновь хозяйственные организации, профсоюзы и военный стол [8, Л. 3 об., 6]. В городах края профсоюзы организовывали обучение неграмотных и малограмотных на предприятиях при содействии школ и отделов народного образования. Было принято решение проводить ликбез централизованно за счет государственных средств. В крае было выделено миллион сто тысяч рублей на эти цели [6, С. 37–40].

В связи с централизацией обучения неграмотных была установлена единая форма обучения. Для сельской местности срок обучения неграмотных составлял семь месяцев, по 12 дней в месяц, по 4 часа в день. Общим объемом предполагалось на русский язык – 190 часов, на арифметику – 130. Для малограмотных срок обучения также был семь месяцев, но здесь на русский язык – 145 часов, на арифметику – 125 часов, на географию – 60 часов. Для неграмотных и малограмотных горожан срок обучения был дольше – 10 месяцев, по 10 занятий в месяц, по 3 часа в день [6, С. 37–40].

В 1936 г. школ грамоты в Красноярском крае 897, школ для малограмотных – 690. Неграмотных насчитывалось 45700 человек, из которых допризывников было 1870 [7, Л. 3]. Так в Канском районе выявлено было 1300 неграмотных, а в Притаежных районах края – 3870 неграмотных. Также проверка госор-

ганов установила, что в Ингашском, Пировском, Партизанском и Саянском районах ликвидация неграмотности не проводилась вовсе [6, С. 37-40]. По плану парторганов в крае необходимо было обучить в течение года 55854 человека, среди которых 21574 – неграмотных и 34280 – малограмотных. Для решения этого вопроса к 1 сентября 1936 г. в крае открыто было 415 школ, преимущественно в городах края. Так в Красноярске, Ачинске, Минусинске начали работу 207 школ [6, С.37-40].

По положению о школах для неграмотных и малограмотных учащихся следовало научить читать популярные книги и газеты, самостоятельно писать с соблюдением орфографических требований, решать задачи на арифметические действия, расширить их политический кругозор, дать основные пространственные представления и навыки сознательной ориентировки по географической карте. Преподавателем мог быть человек со средним образованием, в исключительных случаях допускался к преподаванию человек, окончивший неполную среднюю школу и проверенный общественными организациями. Руководство школами осуществляли инструктора-методисты по школам взрослых. Из 50 районов Красноярского края они были только в 21. Как и прежде школы для обучения малограмотных и неграмотных столкнулись с тем, что в них не хватало наглядных пособий, карт, таблиц умножения, букварей [6, С. 37-40].

Борьба за всеобщую грамотность официально считалась завершенной к 1939 – 1940 гг. [1, С. 249]. По состоянию на 1 января 1940 г. в крае числилось неграмотных – 46848 человек, малограмотных – 82684 человека [6, С. 40]. Правительству не удалось до конца решить всех проблем, возникших в процессе всеобщего обучения населения. Вместе с тем к концу второй пятилетки неграмотных среди взрослого населения по статистике оставалось всего 3 – 4 % [2, С. 152]. Дальнейший процесс всеобщего обучения населения Советского Союза был прерван Великой Отечественной войной.

Литература

1. Грущенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидации неграмотности среди взрослых в 1920 – 1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 246-282.
2. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.): монография Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, С.Н. Ценюга и др. Красноярск, 2014. 580 с.
3. ГАКК Ф.265. Оп.1. Д.279.
4. ГАКК Ф.265. Оп.1. Д.377.
5. ГАКК Ф.Р-759. Оп.1. Д.41.
6. Желенкова Н.О. Ликвидация неграмотности в Красноярском крае в 1934 – 1940 гг. // Вопросы науки и образования. 2018. № 15 (27). С. 37-40.
7. ГАКК Ф.Р-1386. Оп.1. Д.45.
8. ГАКК Ф.Р-631. Оп.1. Д. 391.

Д.К. ЧУДИНОВ – СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

***Колесник Эдуард Григорьевич, Тарасов Михаил Георгиевич
Сибирский федеральный университет
Севостьянова Дарья Владимировна,
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия***

Статья посвящена Д.К. Чудинову – выдающемуся ученому-аграрию, видному хозяйственнику, профессиональному революционеру, участнику большевистского подполья в Сибири в годы Гражданской войны. В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать научные взгляды Д.К. Чудинова на проблемы коллективизации. Авторы приходят к выводам, что в специфических условиях Сибири, крестьянство традиционно отдавало предпочтение кооперативным формам хозяйствования, менее жестким чем колхоз и более отвечавшим их частнособственническим интересам. При этом Д.К. Чудинов считал принципиально возможным переход сибирского крестьянства к коллективному хозяйствованию в будущем. Однако даже такой умеренный подход к вопросам кооперации вызвал резкую критику властей. Д.К. Чудинов был обвинен в попытках затормозить ход коллективизации в Сибири, снят с руководящих постов, исключен из партии, а затем арестован и расстрелян. В наше время работы Д.К. Чудинова сохраняют свою актуальность и востребованы историками и учеными-аграриями.

Ключевые слова: сельскохозяйственные науки, кооперация, коллективизация, репрессии, Сибирь.

The article is dedicated to D. K. Chudinov, an outstanding agricultural scientist, a prominent business executive, a professional revolutionary, a member of the Bolshevik underground in Siberia during the Civil War. This paper attempts to analyze the scientific views of D. K. Chudinov on the problems of collectivization. The authors come to the conclusion that in the specific conditions of Siberia, the peasantry traditionally preferred cooperative forms of management, less rigid than the collective farm and more in line with their private property interests. At the same time, D. K. Chudinov considered it fundamentally possible to transfer the Siberian peasantry to collective farming in the future. However, even such a moderate approach to cooperation issues drew sharp criticism from the authorities. D. K. Chudinov was accused of trying to slow down the course of collectivization in Siberia, was removed from leading posts, expelled from the party, and then arrested and executed. In our time, the works of D. K. Chudinov remain relevant and are in demand by historians and agricultural scientists.

Keywords: Agricultural Sciences, cooperation, collectivization, repression, Siberia.

Дмитрий Константинович Чудинов был довольно широко известен в 20-е годы прошлого века в Сибири, да и во всей стране. Развитие народного хозяйства СССР, в том числе, сельского хозяйства, тесно связано с его именем. Профессиональный революционер, активный участник большевистского подполья в Сибири в годы гражданской войны, один из организаторов вооруженного восстания в Иркутске против власти А. В. Колчака. После окончания гражданской войны он работал в Иркутском губернском комитете партии, руководил Сибирским отделом народного образования в Новониколаевске, был членом Президиума Госплана Казахстана, руководил институтом народного хозяйства в Новосибирске. Для большинства руководителей того времени Д. К. Чудинов имел высокий уровень образованности. Он учился в Иркутской учительской семинарии, в Народном университете А. Л. Шанявского в Москве, окончил Московский педагогический институт [1]. Перу Д. К. Чудинова принадлежит целый ряд трудов по вопросам развития народного хозяйства страны, в том числе, в Сибири в 20-е – начале 30-х годов [2, 3, 4, 5]. Его жизнь и деятельность представляют интереснейший материал для всех, кто интересуется отечественной историей того периода. В настоящей статье авторы сосредоточили основное внимание на исследовании взглядов Д. К. Чудинова на проблемы коллективизации, изложенные им на страницах журнала «Жизнь Сибири».

В советское время произведения Д. К. Чудинова были объявлены сначала «неправильными», затем «вредными» и, наконец, «враждебными». В то же время они не подвергались глубокому научному анализу. Этот пробел стал восполняться лишь в последние годы. Одна из таких попыток была предпринята М. Д. Северьяновым, хотя автор больше внимания уделил анализу работ Д. К. Чудинова начала 1920-х гг., посвященных проблемам новой экономической политики [6]. Труды Д. К. Чудинова 1930-х гг. изучены в меньшей степени. В какой-то мере этот пробел был восполнен в совместной работе С. В. Гришаева и Э. Г. Колесника [7], но, по мнению авторов, изучение жизни и деятельности Д. К. Чудинова может и должно быть продолжено.

1929 г. вошел в отечественную историю как «год великого перелома», когда в колхозы, по мнению И. В. Сталина пошли основные массы крестьянства. На деле, к ноябрю 1929 г. в колхозах состояло не более 6–7% крестьянских хозяйств [8, С. 150]. «Перелом» состоял в другом: Сталину и его ближайшему окружению удалось навязать партии и стране свои взгляды, политические решения и методы их реализации, что наглядно выразилось в безудержном форсировании коллективизации. В духе сталинских воззрений были приняты соответствующие решения на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б), которые затем нашли отражение в постановлении ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В этих документах полностью игнорировались настроения крестьянства, его неготовности даже нежелание отказаться от собственного хозяйства, напрямую отвергались установки XV съезда партии о недопустимости и пагубности спешки и насилия при кооперировании деревни. Устанавливались нереальные сроки проведения сплошной коллективизации, а колхозы рассматривались как форма, «переходная к комму-

не» [9, 73–74]. Решить в срок поставленные задачи было невозможно, и тогда в ход пошли испытанные в период «военного коммунизма» методы и средства: демагогические обещания, грубый диктат, угрозы и расправы. «Процесс пошел»: к началу 1930 г. в колхозах числилось свыше 20% крестьянских хозяйств, а к началу марта – более 50% [10, С. 383]. Главным последствием такой политики стало массовое недовольство и протесты крестьян, вплоть до открытых вооруженных выступлений. Только за первые три месяца 1930 г. по стране было зарегистрировано более 2 тысяч таких выступлений [10, С. 117].

В партийной среде реакция на эти события была неоднозначной. Одни бурно приветствовали «успехи» коллективизации, другие молчали, но были и третьи, которые пытались противостоять «чрезвычайщине» в деревне. Среди последних был и Д. К. Чудинов. Он не был активным борцом против сталинизма, скорее, он был противником администрирования и чрезвычайных мер в деятельности партии. Он, как и многие другие, не мог распознать идентичность этих понятий, и в этом была его ошибка и трагедия. Однако «свой талант ученого и организатора направил на смягчение социальных последствий политики «большого скачка» в деревне [6, С. 43–45].

В начала 1930-х гг. в своих трудах Д. К. Чудинов отстаивает последовательность развития кооперативных форм в деревне. Изучая кооперативное движения в 1920-е гг., он подчеркивает, что попытки наладить в первую очередь производственные объединения социалистического типа в большинстве случаев терпели неудачу. Опыт показывал, что подавляющее большинство крестьянства идет в кооперацию «для удовлетворения своих, прежде всего, частных хозяйственных целей, отпочковывая от своего хозяйства те функции, которые наиболее удобно и целесообразно передавать объединенному предприятию» [10, С. 383]. Хотя при этом он и не называл конкретных цифр, известно, насколько он был прав: к концу 1920-х гг. производственные кооперативы в сельском хозяйстве давали лишь 2% всей продукции, в то время как простейшими формами кооперации – снабженческой, сбытовой, кредитной – было охвачено свыше половины крестьянских хозяйств [11, С. 20].

В своих дальнейших работах развивая идею последовательного кооперирования, Д. К. Чудинов обращает особое внимание на обязательный учет специфических условий различных регионов страны. При этом он подробно характеризует особенности Сибири, население которой было крайне неоднородным по своему хозяйственному укладу, социальному и национальному составу, справедливо отмечая, что нельзя ставить в один ряд население земледельческих районов Омского и Новосибирского округов с охотниками и звероловами Севера и кочевниками Ойротии (Горно-Алтайская область) и Бурят-Монголии [12, С. 6]. Хорошо известно, к чему привело игнорирование этих особенностей малых народов Сибири.

Однако, не это было главной «виной» Д. К. Чудинова. Отстаивая свободу форм коллективного хозяйствования на селе, он предлагал прекратить колхозную «гонку» и «игру на процентах», которая дискредитировала саму идею социалистического преобразования сельского хозяйства [12, С. 3]. Кроме того, Д.

К. Чудинов видел в колхозах производственные объединения товарного типа, что противоречило теории прямого продуктообмена между городом и деревней, которой следовал Сталин. В то время такие взгляды квалифицировались как «отход от линии партии», «капитулянтство» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Размышляя над процессом коллективизации, Д. К. Чудинов затрагивал еще одну важную проблему: быть или не быть в деревне коммуне? По-существу, он отвергает эту форму коллективного хозяйствования в деревне. При этом он пытается защитить себя ссылками на известную статью Сталина «Головокружение от успехов», где тот считает коммуну преждевременным явлением, поскольку условия для ее успешного развития «еще не созрели» [14]. Так значит, еще созреют? Тут же Д. К. Чудинов берет в союзники известного специалиста в области сельского хозяйства Н. А. Милютину, который характеризует коммуну как «самопотребляющую» организацию, существующую только для себя, но не работающую и не производящую для всего общества [12, С. 7]. При этом Д. К. Чудинов осторожно замечает, что, возможно, в дальнейшем суть коммуны изменится, но тут же ставит вопрос: где гарантии, «что коммуна в будущем не противопоставит себя государству?» [12, С. 7]. Вывод напрашивался один: коммуна не может считаться приемлемым типом хозяйствования в деревне, тем более, в сибирской деревне, где в то время налицо было поразительное многообразие хозяйственных форм, представляя собой, по словам Д. К. Чудинова, «поразительную лабораторию» для изучения истории их развития [12, С. 6].

Необходимо отметить, что для произведения Д. К. Чудинова всегда были характерны серьезный научный подход к рассматриваемым проблемам, четко выраженная гражданская позиция и смелость взглядов. Все это делало его неординарной личностью, а следовательно, довольно опасной для существующей системы. Выводы были сделаны быстро: буквально через несколько месяцев после выхода ряда его статей по данным вопросам их автор был снят с должности ректора института народного хозяйства и в течение годы перебивался случайными заработками. В 1932 г. его направили на строительство Томмотской культбазы на р. Лене, что по сути было настоящей ссылкой. После 1935 г. последовало типичное, но от этого не менее трагичное развитие событий: исключение из партии, попытка скрыться, арест, расстрел и посмертная реабилитация, последовавшая через 20 лет [7].

Изучение жизни и творчества Д.К. Чудинова дает нам сегодня возможность на опыте прошлого по-новому взглянуть на современные проблемы организации аграрных отношений в Сибири и России.

Литература

1. Рабецкая З. И., Татаринцев В. И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету. Т. 1: Иркутский учительский институт; Восточно-Сибирский педагогический институт народного просвещения; Педагогический факультет ИГУ. Иркутск [Б. и.], 2007. 265 с.

2. Чудинов Д. К. Голод и кризис крестьянского хозяйства // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 17–24.
3. Чудинов Д. К. Кризис социального воспитания и материалистические основы педагогики // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 1. С. 5–10.
4. Чудинов Д. К. Новый учитель идет // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 3. С. 3–7.
5. Новые поселения в Казахстане / ред. Чудинов Д. К. Кызыл-Орда: Изд-во Госплана КаССР, 1929. 234 с.
6. Северьянов М. Д. Нэп и современность. Полемические заметки. Красноярск: КрасГУ. 1991. 238 с.
7. Гришаев С. В., Колесник Э. Г. Д. К. Чудинов: взгляды на некоторые проблемы коллективизации в Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // «XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. «Материалы республиканской научной конференции. Красноярск. 1993. С. 210–214.
8. Данилов В., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: Как это было // Урок дает история. М.: Политиздат, 1989. 453 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. 455 с.
10. Данилов В. Коллективизация // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М.: Политиздат, 1989. 511 с.
11. Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: АПН, 1989. 277 с.
12. Жизнь Сибири. 1930. № 4. С. 6.
13. Правда. 2 марта 1930 г.

УДК 908

У.Т. БЕРЕСТОВ– СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА НА ФОНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Есин Роман Сергеевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматривается нестандартная для 1930-х гг. ситуация. В Красноярском крае, лишенного избирательных прав крестьянина, не только не «раскулачили», но и впоследствии восстановили в правах, не смотря на то, что он не отрицал своего участия в карательном отряде Колчака. Данный случай свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований с целью уточнения статистики «раскулачивания» «лишенцев» и бывших белогвардейцев.

Ключевые слова: коллективизация, «раскулачивание», лишение избирательных прав, У.Т. Берестов.

The article considers a non-standard situation for the 1930s. In the Krasnoyarsk territory, the disenfranchised peasant was not only not "dispossessed", but subsequently restored to his rights, despite the fact that he did not deny his participation in Kolchak's punitive detachment. This case demonstrates the need for further research to clarify the statistics of the "dispossession" of the "disenfranchised" and the former white guards.

Keywords: collectivization, "dispossession", disenfranchisement, U. T. Berestov.

Как известно, в начале 1930-х гг. политике форсированной коллективизации, проводимой сталинским руководством и направленной на организацию сельскохозяйственного производства в коллективное русло, сопутствовало не менее форсированное «раскулачивание».

В ходе «раскулачивания» особое внимание уделялось выявлению участников Гражданской войны, воевавших в составе Белогвардейских армий [1, с. 101]. Так, например, в «Директиве ОГПУ всем ПП ОГПУ о срочном представлении сведений об агентурных разработках по следственным делам // январь 1930 г.», «в связи с постановкой в Центре серьезнейшего политического вопроса — удара по кулаку» запрашивалось «сколько имеется агентурных разработок, организаций, группировок, одиночек по кулацко-белогвардейско-бандитскому элементу» [2, с. 104].

Кроме того в совершенно секретном «Проекте постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса, подготовленном подкомиссией И.Д. Кабакова» от 23 января 1930 г. говорилось, что в «целях уничтожения кулачества как класса, для обеспечения социалистической реконструкции сельского хозяйства признать необходимым принять в отношении кулацких и белогвардейских элементов в деревне, особенно в районах сплошной коллективизации..., такие меры как усиление репрессий во внесудебном порядке в их отношении» [3, с. 118–119].

Как правило, человека лишённого избирательных прав практически наверняка «раскулачивали» и выселяли [4, С. 13], а списки лишённых из села, в свою очередь, составляли основу списков лиц, подлежащих «раскулачиванию» [5, С. 9].

В Красноярском архивном агентстве, хранятся личные дела крестьян, лишённых избирательных прав. Некоторые из них ранее не были исследованы. Так, например, в деле «О лишении избирательных прав У.Т. Берестова», находящемся в фонде Ф.р-1991 «Исполкома Даурского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», состоящем всего из двадцати с небольшим страниц, отражены драматические перипетии судьбы одного из бывших колчаковцев [6].

Устин Трофимович Берестов, родился в семье бедняка, проживавшего в 1930 г. в деревне У-Погромной. Где он родился, где учился, а также другие факты из его биографии не известны. Со слов Устина Трофимовича известно, что в 1917 году он был «замобилизован царским правительством на австрий-

ский фронт», откуда в 1918 г. «был замобилизован правительством Колчака» [7, Л. 2 (обр. стр.)]. В войске Колчака Устин Трофимович был избит и под угрозой смерти вступил в отряд «Каратель» [8, Л. 3]. Впоследствии Берестову У.Т. (с его слов) удалось сбежать из армии Колчака и укрываться у некоего гражданина, а потом перебраться в г. Красноярск [9, Л. 3]. Позже, уже в советское время, за службу Колчаку Устин Трофимович, как он сам сообщает, был репрессирован [10, Л. 2].

Из материалов вышеуказанного дела, известно, что У.Т. Берестова лишил избирательных прав (дата лишения в деле не указана) некий гражданин Амменко, который был сослуживцем гр-на Кравцова Ф.В. Устин Трофимович указывает, что у него с Кравцовым были личные счеты, тем самым, намекая на субъективность Амменко при принятии решения о лишении его избирательных прав [11, Л. 2].

В 1930 г. Берестов У.Т. подал апелляцию [12, Л. 19], в «Северо-Восточный край Иркутский областной Исполнительный комитет Совета рабоче-крестьянских Депутатов», по поводу незаконного лишения избирательных прав принятого в Балахтинском районе [13, Л. 2-6].

История подачи таких жалоб началась в конце 1920-х гг. и имела свои особенности. В 1930 г. этот вопрос регулировался отдельной инструкцией, в которой процедура рассмотрения жалоб лишенцев была приведена в соответствии с пожеланиями региональных исполкомов. В это время городские и районные избирательные комиссии не пересылали жалобы с отказами в восстановлении в правах в вышестоящие избиркомы, если отказали жалобщику. Кроме того, срок рассмотрения жалобы для городских и районных избиркомов (советов) составлял три дня. На рассмотрение жалобы в вышестоящих избиркомах, кроме ВЦИК, отводилась неделя [14, С. 128].

22 марта 1930 г. вышло постановление ЦИК СССР «Об устранении нарушений избирательного законодательства в СССР». Указанные в постановлении меры по устранению нарушений в избирательной сфере, затрагивали процедуры, сопровождавшие процедуру лишения и определяли круг лиц, попадавших в категорию лишенцев. Проверку процесса составления списков лишенцев, документальную обоснованность лишения прав, рассмотрения жалоб, восстановления в правах, осуществляли комиссии, созданные для рассмотрения жалоб и заявлений лишенцев, в соответствии с постановлением ВЦИК от 10.04.1930 г. Внимание проверяющих, впервые с момента возникновения рассматриваемого института, акцентировалось на правильности сопровождавших лишение прав процедур: оформлении личных дел, документальном подтверждении, своевременности рассмотрения жалоб и т.д. [15, С. 127].

В ходе проводимой кампании по борьбе с нарушениями избирательного законодательства были заведены личные дела на лишенцев и проверены списки. Установление жесткого контроля за лицами, лишенными избирательных прав, а также введение постоянного их учета явилось положительным итогом проведенной кампании для административных органов [16, С. 127].

Несмотря на описанные выше усовершенствования и борьбу с нарушениями избирательного законодательства, восстановить избирательные права крестьянскому населению было намного труднее, чем рабочим. Как показывает статистика рабочих восстанавливали в правах в 77% случаев подачи заявлений, тогда как крестьянам удавалось восстановить свои права только в 31,2% случаев [17, Стр. 7].

Прошения крестьянина Берестова У.Т. не были удовлетворены. В 1931 г. ему было отказано в восстановлении избирательных прав как «участнику колчаковских карательных отрядов» [18, Л. 25].

Однако, по материалам дела видно, что органы, занимавшиеся делом Берестова, собирали о нем дополнительные сведения. Так, они запросили информацию о его социальном положении и в деле имеется справка от 1931 г. согласно которой Устин Трофимович признавался бедняком [19, Л. 24], а его хозяйство в том же году составляло: 1 избушку, 1 баню, 1 хлев, 2 лошади, 1 корову, 1 свинью, при наличии в семье 4 едоков [20, Л. 24].

Кроме этого, в деле имеются показания неких Павла и Сергея (фамилии написаны не разборчиво), которые сообщали о том, что Берестов у Колчака занимался подделкой документов и Павел и Сергей, благодаря этому, сбежали из колчаковского войска. Берестов же за это был избит и под угрозой расстрела в 1919-1920 г. вынужден был вступить в отряд Колчака [21, Л. 15].

В 1932 г. в деле Берестова появляется справка о его ударном труде в колхозе [22, Л. 22]. И это несмотря на проведение регулярных «чисток» от «кулацких» элементов и несмотря на то, что одной из мер по ограничению «лишенцев» в правах было увольнение с работы [23, Стр. 8].

Помимо справки об ударном труде Устина Трофимовича в колхозе, в деле прилагается справка о решении комиссии о восстановлении его в правах. [24, Л. 23].

Исследованные документы свидетельствуют о том, что не всегда рядовые бойцы за службу в «белой армии» слепо наказывалась советской властью. В деле Устина Трофимовича Берестова мы видим, что человек, воевавший у Колчака и лишенный избирательных прав не был репрессирован во время пика компании по «ликвидации кулачества как класса» 1930 – 1932 гг., когда «кулацкие» хозяйства, по установленным в 1929 г. признакам были ликвидированы [25, С. 27].

Более того, по истечении двух лет сбора информации уполномоченной на то комиссией, У.Т. Берестов был восстановлен в правах.

Таким образом, можно констатировать, что случай У.Т. Берестова противоречит устоявшимся представлениям о том, что в Красноярском крае каждого лишенца (тем более участника колчаковских карательных отрядов) практически наверняка «раскулачивали» и выселяли.

На наш взгляд требуется проведение более тщательного анализа дел лишенцев в Красноярском крае, который позволит сделать более обоснованные выводы о практике «раскулачивания» крестьян лишенных избирательных прав в данном регионе в 1930-е гг.

Литература

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. сб. / отв. ред. Н.А. Ивницкий. М., 2000. 927 с.
2. Там же.
3. Там же.
4. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск, 2016. 511 с.
5. Красильников С.А. Маргиналы в постреволюционном российском обществе // Вестник РГНФ. 2003. № 4. С.5-14.
6. ГАКК Ф.р-1991. Оп.1. Д.4.
7. Там же. Л.2 (обр. стр.).
8. Там же. Л.3.
9. Там же. Л.3.
10. Там же. Л.2.
11. Там же. Л.2.
12. Там же. Л.19.
13. Там же. Л.2-6.
14. Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в советской России (1918 – 1936 гг.): эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12. С. 117-136.
15. Там же.
16. Там же.
17. Красильников С.А. Маргиналы в постреволюционном российском обществе // Вестник РГНФ. 2003. № 4. С.5-14.
18. ГАКК Ф.р-1991. Оп.1. Д.4. Л. 25.
19. Там же. Л.25.
20. Там же. Л.24.
21. Там же. Л.24.
22. Там же. Л.22.
23. Красильников С.А. Маргиналы в постреволюционном российском обществе // Вестник РГНФ. 2003. № 4. С.5-14.
24. ГАКК Ф.р-1991. Оп.1. Д.4. Л.23.
25. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. 296 с.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1920–1930-е гг.**

Суржко Антон Валерьевич

Сибирский Федеральный Университет, Красноярск, Россия

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые особенности национальной политики, проводимой руководством СССР в 1920–1930-е гг., а также то, как данные особенности отразились на сельском хозяйстве национальных республик. В качестве примеров рассматриваются такие процессы как «советизация» и «коренизация», коллективизация и раскулачивание.

Ключевые слова: этнос, коллективизация, федерализм, сельское хозяйство, титульные нации, СССР, национальная политика, межнациональные отношения.

This article discusses some features of the USSR national policy in 1920-1930s, as well as the impact of these features on the agriculture of national republics. Such processes as "sovietization" and "indigenousization", collectivization and dispossession are considered in the article.

Keywords: ethnos, collectivization, federalism, agriculture, title nations, USSR, national policy, interethnic relations.

Не является секретом то, что СССР являлся многонациональным государством, а потому многие аспекты его развития в той или иной степени были связаны с национальной политикой центрального руководства. В данной статье будет рассмотрен вопрос о том, какое влияние оказывала национальная политика на такой процесс как коллективизация сельского хозяйства в 1920–1930-е гг.

Затрагивая историографию данного вопроса, стоит отметить, что вопрос об особенностях сельского хозяйства в национальных республиках был достаточно широко освещен в советской историографии. Были написаны многотомные работы по истории Бурятии, Дагестана, Татарстана, Якутии, Казахстана и т.д. Однако связи между проводимой национальной политикой и развитием сельского хозяйства в этих работах практически не рассматриваются, поскольку подобная постановка вопроса противоречила официальной государственной идеологии [1]. Современные отечественные исследования на эту тему также не отличаются особым разнообразием.

Для начала следует отметить некоторые особенности советской национальной политики. Во-первых, необходимо учитывать, что в административно-территориальном плане СССР представлял собой этническую федерацию. Такая форма государственного устройства подразумевает, что один или несколько

субъектов федерации образованы по национально-территориальному признаку [2, С.41].

В результате создания СССР право на самоопределение и, соответственно, некий (пусть даже формальный) суверенитет получили нации. Начался процесс создания так называемых титульных наций. Как правило, под титульной нацией подразумевалась та нация, которая дала название территориально-государственному образованию [3, С.185]. Выбрав такой путь развития, советское руководство уже не могло не считаться с особенностями титульных наций, а потому во всех преобразованиях ориентировались не только на экономику и географию региона, но и на «главную» нацию. В том числе это касалось и вопросов сельского хозяйства.

Среди факторов, определявших особенное развитие национальных республик специалисты выделяют слабое развитие промышленности и отсутствие пролетариата, патриархальный уклад и остатки дореволюционных земельных отношений, кочевой и полукочевой образ жизни значительной части населения, сильное влияние кулаков, нойонов и лам, недостаточная организованность бедноты и батрачества, отсутствие подготовленных кадров [4]. Все это объясняется особенностями развития тех народов, которые после революции 1917 г. получили свои государственно-территориальные образования.

Как известно, коллективизация совпала с другим важным процессом этого периода – «советизацией» и «коренизацией», то есть укоренением советской власти в границах национальной административно-территориальной единицы. В регионах, население которых вело преимущественно кочевой образ жизни советская власть проводила политику тотального перевода кочевников к оседлости. Такая политика неизбежна вела к полной перестройке аграрной жизни таких народов, как киргизы, казахи или якуты. При этом стоит понимать, что этот процесс замедлял начавшуюся в конце 1920-х гг. сплошную коллективизацию [5, С.220]. Кроме того, насильственный перевод на оседлое хозяйство вызывал сопротивление как у местных национальных властей, так и у простых жителей. Несмотря на сложности, к концу 1930-х гг. с кочевничеством в СССР было практически полностью покончено [6, С.135].

Одновременно с переходом на оседлый образ жизни встал вопрос о нехватки земель для представителей титульных наций. Большевики придерживались той точки зрения, что русское население, проживающее в национальных республиках «сильно заражено колонизаторской психологией», а потому еще 29 июня 1920 г. было решено «отобрать у переселенцев все земли, самовольно отобранные ими..., оставляя переселенцам участки в размере трудового надела» [7]. Таким образом, передел земельных владений осуществлялся в пользу титульной нации, что привело к ликвидации русских, украинских и других населенных пунктов из не местного населения. Помимо земель коренному населению передавались излишки скота, семян, сельхозинвентаря. При этом, местные народы достаточно быстро почувствовали свое привилегированное положение и если земельные споры решались не в их пользу, то они «пытались истолковать эти решения для разжигания национального антагонизма» [8]. Вероятнее всего наиболее сложные отношения между титульными этносами и рус-

ским населением в этот период сложились именно в «кочевых» регионах [9. С.91].

Стоит учитывать, что кампания «советизации» способствовала развитию культуры титульных наций, хотя политическое руководство СССР рассчитывало лишь на укоренение своей власти. Формула «коренизации» власти была изложена И.В. Сталиным. В докладе на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. он отмечал, что «для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, – необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, права, обычаи, быт нерусских национальностей» [10. С.240-241]. Национальная политика, таким образом, привела к тому, что в сельском хозяйстве этнических республик также произошла «коренизация» - появились «доморощенные» специалисты, уровень образованности которых, значительно превосходил предыдущие поколения.

Неотъемлемым процессом коллективизация являлось раскулачивание, которое также имело место быть и в национальных республиках. В докладе «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных и экономически отсталых районах» к кулакам приравнивались баи (крупные землевладельцы или скотовладельцы в Средней Азии, Казахстане, Якутии, на Алтае и в некоторых других районах в досоветское время), которых предписывалось «заключить и концлагеря, не останавливаясь в отношении особо злостных элементов перед применением высшей меры репрессий» [11]. В определенной степени ликвидация байства улучшило положение дехканства (среднеазиатские крестьяне). Национальные крестьяне из кишлаков и аулов постепенно превращались в опору советской власти. При этом нужно понимать, что на руководящие посты в национальных республиках выдвигались представители бедняков и батраков, которые начинали формировать новую политическую элиту данных регионов.

Несмотря на то, что полностью решить земельный вопрос не удалось: оставались значительное малоземелье, чересполосицы, недостаток воды, сохранялись элементы феодальной и капиталистической эксплуатации – чайрикерство (издольщина), наёмный труд. Но реформы полностью ликвидировали феодальное землевладение, резко ограничили землепользование кулачества, оградили и защитили интересы бедняка и середняка и подготовили почву для социалистического преобразования сельского хозяйства республик Средней Азии на основе коллективизации [12, С. 549].

Таким образом, стоит сделать вывод, что национальная политика СССР (в первую очередь построение этнофедерализма и создание титульных наций) оказали определенное влияние на аграрное развитие страны в 1920-1930-е гг. Учитывая особенности отдельных этносов, руководство страны ориентировалось на них в проведении коллективизации и политике, предшествующей ей. Удалось ликвидировать многовековое кочевничество, а местная знать (баи) была подвержена раскулачиванию. Значительно был поднят интеллектуально-культурный уровень национальных республик, что принесло не мало пользы для их развития (в том числе и аграрного). Возникающие при этом национальные конфликты разрешались преимущественно в пользу коренного местного населения, что накапливало определенные противоречия. Но во что-то серьезное они переросли значительно позже.

Литература

1. Погудин В.И. Социалистические преобразования сельского хозяйства в национальных республиках СССР в советской историографии. Москва, 2011. URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view>.
2. Фарукшин М.Х. Этнофедерализм: российский и зарубежный дискурс // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. № 10. С. 40-51.
3. Кульчицкий С.В. Формирование советских титульных наций (1918-1938) // Codrul Cosminului. – 2014. № 1. С. 181-192.
4. Погудин В.И. Социалистические преобразования сельского хозяйства в национальных республиках СССР в советской историографии. Москва, 2011. URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view>.
5. История Якутской АССР. Т. 3 / А. П. Окладников и др. М., 1963. С. 220.
6. Сеницын Ф.Л. «Погоня за населением»: советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. – 2018. №. 4. С. 126-141.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.92. Л.10.
8. РГАСПИ. Ф.372. Оп.1. Д.810. Л.9.
9. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: нации о национализме в СССР, 1923-1939 гг. М., 2011. 855 с.
10. Сталин И.В. Собрание сочинений. Т.5. М.: Госполитиздат, 1951. 860 с.
11. РГАСПИ. Ф.17. Оп.162. Д.8. Л.94-101.
12. Шерстобитов В.П. Новая экономическая политика в Киргизии, 1921-1925. Илим, 1964. 610 с.

УДК 94(57)

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА)

Гонина Наталья Владимировна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В послевоенный период одной из главных проблем было производство больших объемов сельскохозяйственной продукции не только для обеспечения внутреннего спроса, но и для экспорта. Руководители страны выбрали курс на модернизацию сельского хозяйства, опираясь на научные разработки рубежа веков. Однако способы и сроки реализации проекта не позволили достичь желаемых результатов.

Ключевые слова: модернизация, преобразование природы, сталинизм, биоценоз, природопользование, Ангаро-Енисейский регион

In the post-war period, one of the main problems was the production of large volumes of agricultural products not only to ensure domestic demand but also for export. The country's leaders chose a course towards the modernization of agriculture, relying on scientific developments of the turn of the century. However, the methods and timing of the project did not allow to achieve the desired results.

Keywords: modernization, the transformation of nature, Stalinism, biocenosis, nature management, Krasnoyarsk Region.

В послевоенный период одной из важнейших задач было восстановление народного хозяйства и увеличение производства продукции. Интенсификация сельского хозяйства требовала больших капиталовложений, технического оснащения и опытных специалистов. Такими ресурсами в данный период страна не располагала. Поэтому правительство избрало неожиданный вариант решения задачи, обратившись к трудам В.В. Докучаева, В.Р. Вильямса, К.А. Тимирязева и других ученых конца XIX – начала XX вв.

Основные направления и положения этого пути получили развитие в ряде законов и постановлений. Наиболее известным среди них является Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР».

Планировалось проведение системы мероприятий: устройство полезащитных лесных полос, внедрение травопольных севооборотов, проведение агротехнических работ, сортовой отбор и районирование полевых культур, внесение органических и минеральных удобрений, мелиорация на базе использования вод местного стока. В результате предполагалось предотвращение засухи и получение стабильного повышения урожайности.

Ещё один важный момент, на который следует обратить внимание, – политический. Идея о возможности победы над засухой, получения изобилия, вообще мысль об управлении стихийными природными процессами представлялась, как очередной шаг к построению коммунизма. Именно поэтому постановление от 20 октября 1948 г. вскоре получило название «Великий Сталинский План преобразования природы».

«План» распространялся только на Европейскую часть СССР. Однако его основные положения – травопольная система земледелия, лесополосы, мелиорация – были установлены в планах четвёртой пятилетки и решениях февральского пленума ЦК ВКП (б) 1947 г. для всей страны [1, с.370]. Поэтому они внедрялись повсеместно, в том числе и в Ангаро-Енисейском регионе.

В качестве средства для привлечения общественности применялось и материальное поощрение. Например, трактористам за пахоту с предплужниками повышали зарплату на 10%. За проведение лесопосадок также иногда доплачивали. Основными же методами вовлечения общественности в проведение преобразований в сельском хозяйстве, как и во всех отраслях, оставались агитация и административное принуждение.

Другим важным элементом «Плана» было устройство полевых защитных лесных полос. Лесные полосы признавались одними из важнейших условий обеспечения высокой урожайности сельскохозяйственных культур, преодоления вредного влияния суховея на урожай, улучшение водного режима и ликвидации процессов разрушения почвенного покрова (смыва и выдувания почв) в степных и лесостепных районах.

Лесополосы насаждались по периметру полей, вдоль дорог, по берегам рек и водоразделам. Кроме того, лесопосадками укреплялись пески и овраги, для предотвращения ветровой и водной эрозии. Наиболее важные и протяженные лесополосы строились за счёт казны (государственные лесополосы). В частности, на территории степной части Хакасии и правого берега р. Енисей на период 1951 – 1965 гг. было запланировано строительство государственной лесной полосы. Все остальные должны были устраиваться колхозами, совхозами и местными властями за свой счёт. В январе 1949 г. Сибирский лесотехнический институт организовал под Красноярском показательное лесное хозяйство. Красноярским крайсельхозуправлением были разработаны схемы посадок применительно к местным условиям. Только за 1949 г. лесхозы Красноярского края посадили 500 га леса и заложили питомник на 16 га[2].

В связи с усложнением земледельческих работ и лесонасаждением возникла необходимость в увеличении количества техники и получении специальных устройств (предплужники, луцильники, лесопосадочные машины). В стране началось создание специализированных МТС – лугомелиоративных и лесозащитных. Согласно постановлению Совета Министров от 29 апреля 1952 г. «О мерах помощи сельскому хозяйству Красноярского края», на 1953— 1954 гг. было запланировано организовать в крае 8 лугомелиоративных отрядов при МТС и оборудовать их. Кроме того, в отстающие районы края выделялось 160 единиц тракторов и другой техники. Тем не менее, техническое обеспечение оставалось недостаточным, и большинство работ проводилось вручную.

Одним из важных элементов «Плана» стало развитие садов и зеленых насаждений. В рамках «преобразования природы» был выдвинут лозунг превращения Сибири в край сплошного садоводства. Эти мероприятия встречали довольно широкий отклик среди населения. Особенно широкое распространение садоводство получило в южных районах Красноярского края, где оно приносило доход (например, в Минусинском районе прибыль достигала 2,5 – 3 млн. руб.) [3, с. 71–72].

Реализация мероприятий «Плана», опирающегося на новые принципы природопользования, не могла обойтись без привлечения квалифицированных кадров. Научно-техническая база в Ангаро-Енисейском регионе была развита слабо. Например, в 1947–1950 гг. в Красноярском крае работало всего 3,6 тыс. специалистов сельского хозяйства, из них 1,5 тыс. с высшим и средним образованием. Обеспеченность специалистами в крае составляла 71,6 %, а в Иркутской области – 67,3 % [4].

Согласно постановлению Совета Министров РСФСР «О мерах помощи сельскому хозяйству Красноярского края» от 29 апреля 1952 г. в 1953–1954 гг.

в край направлялось 185 специалистов, из них 70 агрономов, 30 зоотехников, 50 ветеринаров, 30 инженеров, 5 инженеров-землеустроителей.

В 1953 г. начал работу Красноярский сельскохозяйственный институт. В этом же году на лесохозяйственном факультете Сибирского лесотехнического института открылось отделение агроmeliораторов [5].

Важным аспектом «Плана преобразования природы» были мелиорация и устройство искусственных прудов и водоемов в колхозах и совхозах для организации поливных участков [6, с. 25 – 26]. Основное внимание уделялось засушливым зонам, где необходимо было развить оросительные системы. В первую очередь к таким районам относились Хакасия и Минусинская котловина.

Развитие крупных оросительных систем в Хакасии было начато еще в 1945 г. А в 1949 г. закончилось строительство Абаканского канала и Уйбатской оросительной системы площадью в 7 тыс. га. 10 ноября 1950 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по развитию орошаемого земледелия, полезащитного лесонасаждения и сельскохозяйственного водоснабжения в Хакасской автономной области». Программа оросительных работ, по замыслу крайкома и обкома КПСС должна была охватить не только Хакасию, но и смежные с ней Минусинский, Шушенский, Краснотуранский, Идринский, Каратузский, Новоселовский и Усинский районы края. Общая планируемая площадь орошаемых земель составляла 190 тыс. га. Также предполагалось осушить 15 тыс. га болот [7]. Эта система получила название Койбальской. В дальнейшем план мероприятий был расширен. Запланированные масштабы строительства мелиоративных систем намного превышали возможности материально-технического обеспечения и людских ресурсов в Хакасии. В результате постройка Койбальской системы растянулась на долгие годы. В то же время те оросительные системы, которые все-таки были построены, использовались недостаточно. Как показывают статистические данные, орошали преимущественно заливные луга. Полив пашен производился не на полную мощность. Например, фактический полив в Красноярском крае в 1950 г. составил только 63,4% к общей площади земель с оросительной сетью [8, с.84]. Одной из главных причин низкого качества мелиоративных работ было недостаточное техническое обеспечение. В 1953 г. в Красноярском крае имелось 90 единиц мелиоративной и землеройной техники, потребность же составляла 517 единиц [9].

Для осуществления строительства Койбальской системы было запланировано направить в край свыше 100 специалистов различных отраслей сельского хозяйства, переселить в зону работ на добровольных началах 20 тыс. семей колхозников и нанять свыше 800 рабочих. В 1950 г. в район строительства в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР «О мероприятиях по развитию орошаемого земледелия, полезащитного лесонасаждения и сельскохозяйственного водоснабжения в Хакасской автономной области» было переселено 600 семей колхозников из Чувашской и Мордовской АССР. Начиная с 1953 – 1954 гг., в связи с прекращением использования труда заключенных, пришлось выделять часть капиталовложений для найма рабочей силы. При

Абаканском сельскохозяйственном техникуме были открыты гидротехническое и гидромелиоративное отделения. Кроме того, было запланировано в течение 1950-1955 гг. направить в край 200 инженеров-гидротехников и инженеров-механизаторов из числа окончивших центральные вузы. Но реализация этих решений проходила медленно.

В 1953 г. сентябрьский Пленум ЦК ВКП (б) прекратил действие «Плана» [10, с.303 – 345]. Итоги реализации «Плана преобразования природы» в области земледелия были неоднозначными. Травопольные севообороты были введены в 2211 колхозах Красноярского края, а освоены в 20 хозяйствах [11]. В Иркутской области соответственно из 1365 в 20 хозяйствах [12]. Повышения урожайности добиться не удалось.

Как выяснилось впоследствии, ряд мероприятий, проводимых в период реализации плана, был не приемлем для сибирских регионов. В частности, академик ВАСХНИЛ Н.З. Милашенко указывал на нецелесообразность внедрения травопольной системы в степных и лесостепных районах Сибири. Известный советский генетик В.П. Эфроимсон писал, что посевы по стерне в Сибири и Казахстане привели к потере десятков миллионов пудов зерна [13, с.249, 251].

Неудачно развивалась и работа по лесонасаждению. В 1949 г. осенью была проведена проверка посадок Сибирским лесотехническим институтом. Значительная часть саженцев погибла. Среди причин назывались плохая агротехника и отсутствие должного контроля [14].

Таким образом, «План...» содержал научное обоснование, техническое и кадровое обеспечение и имел целью интенсификацию производства. С этих позиций он может быть рассмотрен как элемент политики модернизации. Ряд шагов в дальнейшем дали ожидаемый эффект. Самыми яркими являются работа Красноярского сельскохозяйственного института (аграрного университета) и развитие садоводства в южных районах. Однако создание искусственного биоценоза и получение устойчивых результатов не могли быть достигнуты при таких условиях.

Литература

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. (1917 - 1968). – М., 1968.
2. Красноярский рабочий. – 1949. – 4 января; 1950. – 3 марта.
3. Агропромышленный комплекс Красноярского края (1920 – 1970-е гг.). Документы и материалы. - Красноярск, 1991.
4. ЦДНИ ИО. Ф. 127, оп. 14, д. 630, л. 116
5. ГАКК. Ф.П- 26, оп. 20, д. 506, л. 23, 44; оп. 22, д. 535, л. 82-83.
6. ГАКК. Ф. П-26, оп. 24, д. 43, л. 22 – 25.
7. ГАКК. Ф. П-26, оп. 16, д. 517, л.1; оп. 21, д. 1309, л. 28, 57 – 58, 60.
8. Народное хозяйство Красноярского края. Статистический сборник. - Красноярск, 1967.

9. ГАКК. Ф.П-26, оп. 16, д. 27, л. 11 - 12; оп. 21, д. 1309, л. 62 – 64; оп. 25, д. 2, л. 257.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. – Т. 8.
11. Красноярский рабочий. – 1950. – 19 апр.
12. ЦДНИ ИО. Ф. 127, оп. 27, д. 40, л. 65.
13. Рычков, А.В. Сталинизм и аграрная наука Сибири/А.В. Рычков // XX в. Исторический опыт аграрного освоения Сибири. – Красноярск, 1993.
14. ГАКК. Ф.П- 26, оп. 24, д. 579, л. 101.

УДК 908 (63)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВЕНЬ ИЗ ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ УСТЬ-ИЛИМСКОЙ ГЭС

Самойлов Владимир Сергеевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Статья посвящена проблеме миграции сельского населения из деревень, находившихся в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС, рассмотрены мероприятия по подготовке ложа Усть-Илимского водохранилища.

Ключевые слова: водохранилище, затопление, перенос деревень, выселение, гидроэлектростанция, строительная площадка.

The article is devoted to the problem of rural migration from villages located in the flooding zone of the Ust-Ilimsk hydroelectric station, measures were taken to prepare the bed of the Ust-Ilimsk reservoir.

Keywords: reservoir, flooding, village transfer, eviction, hydroelectric power station, construction site.

В СССР множество городов было затоплено в 1930-1950-х годах во время строительства гидроэлектростанций на реках Обь, Енисей и на Волге. На Ангаре строительство ГЭС началось позже.

Хроника затопления деревень водами Усть-Илимской ГЭС, составленная жителем Железногорска А.С. Бубновым, по некоторым аспектам превосходит "Прощание с Матерой" Валентина Распутина. Районный землеустроитель несколько раз обошел знаменитую илимскую пашню пешком, готовил земляков к переселению, а дома к перевозке или сожжению.

Согласно постановлению Правительства, селяне могли перевезти свои дома, однако согласились на это немногие, и вот почему. Перенос жилого дома без надворных построек обходился в 12 тысяч рублей с небольшим. В то же время стоимость строительства типового жилого дома площадью 40 квадратных метров плюс одна постройка для скота составляла 14 тысяч рублей, а квар-

тира в Железногорске стоила и того меньше. Поэтому только десять процентов землепашцев отважились эвакуировать дома за 100 километров.

Обладая по долгу службы уникальной информацией, Бубнов написал специальный отчет о подготовке зоны водохранилища УИГЭС в Москву, а потом консультировал классика, еще только собиравшего материал для "Прощания". В 74-м году Валентин Распутин ездил по зоне затопления Усть-Илимской ГЭС, тогда писатель и задумал написать "Прощание с Матерой".

В 1953 году Московский институт «Гидропроект» составил схему строительства гидроэлектростанций на Ангаре, Нижнеилимск посетила группа специалистов института для сбора данных, необходимых для составления технического обоснования выбора строительства плотины Усть-Илимской ГЭС.

Усть-Илимское море замахнулось более чем на тридцать населенных пунктов, у каждого из которых была богатейшая история. Например, в Илимске (не путать с Нижнеилимском) находилась сторожевая башня Илимского острога, построенная в 1667 году, а также Казанская церковь, возведенная на два года позже.

В 1960 году все население района было оповещено о предстоящем затоплении долины Илима, то есть практически всех населенных пунктов района. В зону воздействия водохранилища попадали районный центр село Нижнеилимск (648 хозяйств), село Илимск (625 хозяйств), село Шестаково (638 хозяйств) и 58 населенных пунктов, состоящих из 60-10 и менее дворов, в которых проживали колхозники 7 колхозов района. Всего затрагивался водохранилищем 61 поселок, в том числе по Нижнеилимскому району 39, по Усть-Илимскому – 14, по Братскому – 8. Из них не затоплялись, но планировалось переселить по организационно-хозяйственным соображениям деревню Березняки на левом берегу Илима, так как она отрезалась водохранилищем от остальной части района, и деревни Голикова и Аталонова, так как они уже едва сводили концы с концами.

11 населенных пунктов района до затопления просуществовали более 300 лет. Деревня Погодаева – 329 лет (основана в 1645 году), Макарова – 324 года (1649 год), Нижнеилимск – 319 лет (1655 год), по 315 лет просуществовали Прокопьева, Черемнова, Ступина, Коробейникова, 311 лет – Шестакова, 306 лет Оглоблина и 304 года Пушмина.

В 1969 году началось выселение из зоны затопления граждан и снос принадлежавших им строений. По сравнению с Братским водохранилищем в подготовке Усть-Илимского водохранилища произошли большие изменения в организации застройки новых населенных пунктов и переносе строений из зоны затопления. Только 18% общей численности жилых домов было перенесено на новые площадки, по Нижнеилимскому району был перенесен 171 жилой дом гражданам и 192 дома предприятий и организаций, или 12% общего числа домов, подлежащих выносу из зоны затопления. Более 50% населения села Нижнеилимск переселилось в поселок Новая Игирма, 16% выбыло из района, остальные переселились в основном в новый районный центр город Железногорск и часть – в новые поселки леспромхозов. Из села Илимск за пределы района выбыло 17% всего населения, часть пенсионеров переселилась в город Же-

лезногорск, где получили благоустроенные квартиры, остальные переселились со своими предприятиями в поселки Хребтовая и Игирма. Из местного, коренного населения Шестаково в новые поселки совхозов переселилось только 34% всего населения, 30% населения выбыли за пределы района. Находившийся в поселке Шестаково лагерь заключенных УМЗ УВД облисполкома решающего значения для выбора места переселения поселка не имел и мог быть переведен в любое место (впоследствии УМЗ УВД перевели и обеспечили жилплощадью в городе Вихоревка руководящий состав и специалистов лагеря).

Подлежало произвести перезахоронение 3-х гражданских кладбищ (Игирма, Илимск, Шестаково), произвести санитарную очистку территории 39 населенных пунктов с объемом работ более 49 тысяч человекодне.

В связи с тем, что перенесено было не более 10% всех строений, основной способ сноса строений был сжигание на месте. Сжигание строений в массовом порядке хорошо обеззараживало территорию поселков. С целью обеззараживания было проведено хлорирование территорий ферм.

Значительные трудности испытывало население с подготовкой строительной площадки. Все новые поселки размещались на залесенной территории, которую необходимо было раскорчевать и спланировать. Неоперативно, с большими задержками предоставлялся населению и автотранспорт для перевозки строений.

Строительство нового железнодорожного моста через реку Илим и выносимого участка железной дороги было начато в 1970 году. Одновременно было начато строительство жилых домов в городе Железногорске и на станции Средний Илим (Затопляемая). Переселение населения было начато в 1972 году, а перенос и снос строений – в 1974 году. Разборка и вывозка из зоны затопления строений и сооружений так и не была закончена, более 1 километра железнодорожных путей было затоплено, за что заместитель начальника управления ВСЖД, заместитель начальника Братского отделения дороги и начальник дистанции пути были привлечены к ответственности областным комитетом народного контроля. В 1975 году, на 2 года позднее срока, установленного Постановлением Правительства, сданы в эксплуатацию новый железнодорожный мост и выносимый участок железной дороги.

Водохранилище Усть-Илимской ГЭС полностью нарушило дорожную связь в районе. Ко всем поселкам потребовалось строить новые дороги. Отсутствие дорог отрицательно сказалось на ходе строительства совхозов и переселении населения. Водохранилищем был затоплен автомобильный мост через реку Илим.

1974 год явился решающим годом для района завершился многолетний труд многих коллективов предприятий и совхозов по переселению из зоны затопления и организации работы предприятий на новых местах. Большая работа по переселению населения, совхозов, предприятий и организаций своевременно и успешно завершена. Наполнение водохранилища не было задержано ни на один день, первые агрегаты Усть-Илимской ГЭС дали ток досрочно.

15 октября началось наполнение водохранилища Усть-Илимской ГЭС. 18 октября Илим стал выходить из берегов у Симахиной, 15 ноября затопило территорию Нижнеилимска, 20 декабря затопило территорию, где 343 года назад был построен Илимский острог. Переселение населения было закончено в 1976 году с минимальным опережением наполнения водохранилища.

Создание водохранилища оказало существенное влияние на климат и окружающую среду района. По территории района проходит граница вечной мерзлоты, а линзовая мерзлота наблюдалась по всему району. Климат стал мягче, зима теплее, позднее и холоднее стала весна.

Сооружение ГЭС часто сопровождается массовым выселением людей с их исконных земель, чаще всего затопляются лучшие в экономическом, культурно-историческом и экологическом плане земли. Из хозяйственного оборота практически навсегда изымаются огромные территории в поймах рек, где ведется лесное и сельское хозяйство, расположены населенные пункты.

Сегодня трудно сказать, что было бы с колхозниками района, если бы не затопили долину Илима, в связи со строительством Усть-Илимской ГЭС. Начался отток колхозников из деревни в города.

В России накоплен богатый и негативный опыт подобного рода. О масштабах проблемы говорит тот факт, что только при строительстве каскада ГЭС на Ангаре был разрушен быт и уклад почти 200 тысяч человек.

И, тем не менее, Нижнеилимский район, край тайги и ссылок, превратился в современный промышленный регион.

Литература

1. Букин Н.А. Очерки из истории колхоза имени Калинина. Железногорск-Илимский: Поликом-Плюс, 2016. 162 с.
2. Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Иркутск: Иркутская обл. тип. № 1, 2002. 420 с.
3. Рынкс, И.Н. Почвы приангарской лесостепи и их сельскохозяйственное использование. Иркутск, 1959. 63 с.
4. Комаревская, В.П. Развитие и специализация сельского хозяйства Ангаро-Илимской подзоны Иркутской области : Материалы по сельскохозяйственному районированию Иркутской области. Вып. 3. Под ред. проф. В.Н. Шерстобоева. Чита, 1958. 166 с.
5. Ф. Р-30. Районный отдел по подготовке водохранилища Усть-Илимской гидроэлектростанции. Д. 1, 34, 90, 92, 94, 96; Ф-1. Фотофонд.

***СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В РЕШЕНИЯХ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЙКОМА КПСС: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ,
КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА. 1953–1965 гг.***

*Дворецкая Анна Павловна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Для современного осмысления исторического опыта советского государства в аграрном секторе необходимо обратить внимание на проблемы, которые требуют дальнейшего системного анализа в сфере сельскохозяйственного производства и кадровой политике. В статье анализируются документы Красноярского крайкома КПСС за 1953–1965 гг. и обращается внимание на факторы, повлиявшие на проведение преобразований в сельском хозяйстве, такие как развитие крупных государственных хозяйств в ущерб личных подсобных и формирование для них квалифицированных кадров, освоение целинных и залежных земель.

Ключевые слова: 1953–1965 гг., Сибирь, аграрные реформы, аграрное образование, освоение целинных земель.

For a modern understanding of the historical experience of the Soviet state in the agricultural sector, it is necessary to pay attention to problems that require further systematic analysis in the field of agricultural production and personnel policy. The article analyzes the documents of the Krasnoyarsk Regional Committee of the CPSU for 1953–1965. And attention is drawn to the factors that influenced the implementation of reforms in agriculture, such as the development of large state farms to the detriment of personal subsidiary plots and the formation of qualified personnel for them, the development of virgin and fallow lands.

Keywords: 1953–1965, Siberia, agrarian reforms, agrarian education, development of virgin lands.

Замедление темпов развития сельского хозяйства в начале 1950-х гг., особенно зернового производства, потребовало выработки определения нового курса аграрной политики, обеспечивающего подъем сельскохозяйственного производства в стране и регионах [31, с. 129].

В августе 1953 г. на V сессии Верховного Совета СССР была провозглашена новая аграрная политика, подтвержденная сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС. Ее главные положения: изменение системы налогообложения, снижение норм обязательных поставок сельскохозяйственной продукции, снижение колхозникам выплат по денежной задолженности государству за прошлые годы, укрепление села квалифицированными руководителями, механизаторскими и сельскохозяйственными кадрами, изменение практики планирова-

ния сельского хозяйства, увеличение капиталовложений в сельское хозяйство. Все это привело к материальной заинтересованности колхозников и всех работников сельского хозяйства в результатах своего труда [2, л. 221, 228; 3, л. 91, 92, 174, 175].

Так, в 1953 г. колхозники, рабочие и служащие, проживавшие в сельской местности, заплатили на 62 млн. руб. меньше сельхозналога, чем платили до нового закона. С них была также списана недоимка на 12 млн. руб. От разницы в ценах на продукты животноводства их прибыль составила 12 млн. руб., а от значительного снижения норм обязательных поставок они получили большее количество продуктов, которые пошли на улучшение питания и для реализации излишков. Задолженность по продуктивному животноводству была списана с колхозников, рабочих и служащих на 11 млн. руб. [2, л. 221, 222].

Из промышленности и других отраслей народного хозяйства для работы в сельском хозяйстве было направлено 25 тыс. инженеров и техников. Свыше 100 тыс. специалистов сельского хозяйства были передвинуты из управлений и канцелярий непосредственно для работы в колхозах. В штат МТС зачислено 1 250 тыс. человек механизаторов. Возвратились из производства в МТС около 50 тыс. бывших трактористов и комбайнеров [5, л. 24–26].

Проводниками этой политики на селе стали местные партийные органы. Основываясь на решениях сентябрьского Пленума ЦК КПСС, краевой комитет партии в 1953 г. сократил штаты краевых и городских партийных и советских организаций для укомплектования специалистами сельских горкомов и райкомов партии. В крайкоме было сокращено из 149 человек 40, в Хакасском обкоме из 53 – 15, в Красноярском горкоме из 33 – 7 сотрудников. По горкомам партии цифра перекинутых в сельскохозяйственные районы составила в среднем 4–5 человек [4, л. 56].

В короткий срок во всех сельских райкомах КПСС были созданы инструкторские группы во главе с секретарями райкомов для ведения политической работы на селе. Местными органами партии также проводилась агитационно-пропагандистская работы с сельской местности [3, л. 174, 175].

Такие меры, конечно, были краткосрочными и дали недолговременный эффект. Результат от принятых решений наблюдался примерно до 1957–1958 гг. Прирост валовой продукции животноводства по ряду показателей был достигнут в основном за счет увеличения продуктивности личных подсобных хозяйств и колхозов, в растениеводстве – за счет колхозов [27, с. 61, 62; 29, с. 82–85].

Существенно, что в эти годы была заложена основа аграрного образования в Красноярском крае. Постановлением Совмина СССР от 29 апреля 1952 г. был создан Красноярский сельскохозяйственный институт. Он ежегодно должен был принимать 225 человек [28].

Среди поступивших было много сельских школьников, выпускников сельхозтехникума, ребят, успевших поработать, были среди них и участники Великой Отечественной войны. В сентябре 1954 г. работу со студентами начали 9 кафедр: ботаники, химии, иностранного языка, марксизма-ленинизма, физи-

ческой культуры, физики и геодезии, механизации и высшей математики, зоологии, анатомии и физиологии, а также военная кафедра. Занятия со студентами на них вели 33 преподавателя. Хотя большая часть из них являлась совместителями, остепененность составляла более 30 %.

Весной 1958 г. состоялся первый выпуск. Сельскохозяйственное производство края получило первый отряд молодых специалистов: 69 ученых агрономов, 71 ученого зоотехника и 61 инженера-механика. Они были распределены в колхозы и совхозы, на опытные станции и т.д. 1963 г. на дневном и заочном отделениях обучалось более трех тысяч студентов. В педагогическом коллективе было три профессора (П.П. Ипатов, Н.В. Складнев и Н.А. Токовой) и 36 кандидатов наук, среди которых были и выпускники КСХИ.

Результаты ряда научных исследований преподавателей получили широкое признание, а их конструкторские разработки взяты на вооружение заводами по производству сельскохозяйственной техники. В частности, в 1963 году за одну из разработок доцент В.А. Трутень был награжден серебряной медалью ВДНХ [26].

В 1954–1957 гг. в Красноярском крае было принято решение об организации семь новых училищ механизации сельского хозяйства на 240–270 учащихся каждое [6, л. 130].

Агропромышленному комплексу требовались качественно новые, высококвалифицированные, компетентные руководители и специалисты, знающие организацию и технологии ведения больших коллективных хозяйства. По предварительным расчетам уже в 1961–1962 гг. сельскому хозяйству края было необходимо 1 140 инженеров-механиков, 37 100 трактористов и 17 300 комбайнеров. Ежегодно в крае готовилось 60–65 инженеров, 70–80 техников-механиков, 6 200 механизаторов широкого профиля [15, л. 162].

Параллельно принятому ранее курсу интенсификации сельского хозяйства, рассчитанному на долгие годы, были разработаны и чрезвычайные меры, направленные на стремительный подъем сельского хозяйства. На февральском-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС было принято решение об освоении целинных и залежных земель. На последовавшем за ним краевом пленуме была определена площадь требующих освоения земель в размере 500 тыс. га [5, л. 6, 9–12].

К 1960 г. количество освоенных целинных и залежных земель было превышено более чем в два раза и составило 1 млн. 236 тыс. га [19, л. 4–8]

Для этого краю были выделены из бюджета необходимые средства. За 1953–1959 гг. парк тракторов в сельском хозяйстве вырос на две трети, парк комбайнов – почти в два раза; значительно изменился качественный состав тракторного парка и его производственная мощность [25, л. 108, 109].

На освоение целинных и залежных земель направлялись многочисленные отряды квалифицированных и неквалифицированных кадров из центральных районов страны и из городов края: 110 инженеров и техников, 100 учетчиков, 200 шоферов, 220 бригадиров тракторных бригад и их помощников по 500 комбайнеров и трактористов; всего 1630 человек. Так, комсомольской краевой ор-

ганизацией на целину было направлено более 12 тыс. человек [7, л. 135; 10, л. 14].

Целина вырастила целое поколение молодых людей, нашедших дело по душе и преодолевших немалые трудности в бытовом устройстве, которые чаще всего были результатом элементарной неорганизованности [7, л. 197–199].

В Сибири, и в частности в Красноярском крае, в эти годы наблюдался значительный рост сельскохозяйственного производства, опережавший средние показатели по стране. Заготовки зерна в крае за 1953–1960 гг. возросли в 1,9 раза. За эти годы были значительно расширены посевные площади, увеличилось поголовье общественного стада, повысилась его продуктивность [14, л. 47–50, 55; 20, л. 286, 287].

Освоение целины дало положительный, но недолговременный эффект. В первую очередь, он был основан на естественном плодородии вновь поднятых земель. Уже к 1960 г. уменьшилась урожайность зерновых культур и валовый сбор зерна из-за несоблюдения культуры земледелия: на вновь поднятых землях несколько лет подряд сеяли пшеницу по пшенице, при этом истощались гектары ранее плодородных почв, во многих районах края ухудшилось семенное дело, до минимума сокращались пары, на их смену вводили так называемую пропашную систему земледелия, рекомендовали сверххранить сроки посевов. Все это вело к засорению полей, ветровой и водяной эрозии. Огромное количество освоенных земель было вновь заброшено. Кроме того, распашка естественных пастбищ сказалась негативно и на развитии животноводства. До сих пор остается спорным вопрос соразмерности затрат, направленных на поднятие целины, с практической отдачей [16, л. 233, 234; 21, л. 171, 172, 211, 212; 22, л. 35, 36; 24, л. 24].

В результате доля колхозов и совхозов в производстве продукции животноводства резко возросла. Доля же личных подсобных хозяйств с 1959 г. начала все больше уменьшаться. Также идет увеличение поголовья общественного стада и уменьшение поголовья скота в личных подсобных хозяйствах сельчан. Однако они оказались нерентабельными из-за высокой себестоимости продукции, складывающейся из низкой производительности труда рабочих (причем рост заработной платы в совхозах опережал рост производительности труда), текучести кадров, административных методов управления [14, л. 89; 25, л. 108, 109].

Весьма ощутимый удар по сельскому хозяйству был нанесен кампанией под девизом «догнать и перегнать Америку» по производству и продаже продуктов животноводства [11, л. 31, 32, 36–38].

Стремясь выполнить обязательства по сдаче мяса государству колхозники и колхозы, доля которых в заготовках превышала долю совхозов в несколько раз, часто вынуждены были сдавать большую часть скота в счет госпоставок [9, л. 33, 35].

Далеко идущие последствия имела ликвидация в 1958 г. МТС, положительный эффект от деятельности которых снизился из-за методов управления государством

После реорганизации МТС колхозы и совхозы стали собственниками сельхозтехники. Но многообещающая реформа была осуществлена с такой поспешностью, что привела к отрицательным последствиям. Для колхозов это вылилось в подрыв экономики. Немного поднявшись на ноги благодаря повышению закупочных цен, они были вынуждены увеличить капиталовложения в оборудование и инфраструктуру, так как государство обязало колхозы выкупить технику немедленно, без рассрочки, нередко продавая им заведомо негодную технику и не обеспечивая их ремонтной базой и помещениями для ее хранения. Это привело в 1960-е гг. к хронической неисправности машинно-тракторного парка колхозов и совхозов края [3, л. 87, 88; 12, л. 3, 4, 6–8; 23, л. 153–155].

В 1962 г. происходит и перестройка управления сельским хозяйством края. Было образовано 8 территориальных производственных колхозно-совхозных и совхозно-колхозных управлений по руководству сельскохозяйственным производством. В их ведение были переданы совхозы, ветеринарные лечебницы, контрольно-семенные и агрохимические лаборатории, станции по племенной работе и искусственному осеменению животных, инкубаторно-птицеводческие станции, отряды и пункты по защите растений от болезней и вредителей сельскохозяйственных культур [23, л. 117, 120].

В результате этих экспериментов к началу 1960-х гг. происходит явное ухудшение показателей развития аграрного сектора, а к 1963 г. продовольственные проблемы резко возрастают. Одной из главных, но далеко не единственной причиной продовольственного кризиса явились сильные неурожаи 1962–1963 гг. не менее губительными оказались последствия волонтаризма в руководстве сельским хозяйством, вылившиеся в непродуманные акции по реорганизации управления сельским хозяйством, в перекройку посевных площадей и культур, в поиск панацеи, к примеру разведения кукурузы, которую в крае в начале 1960-х гг. сажали везде – как в южных районах, где посевы этой культуры давали в среднем более 200 центнеров силосной массы с каждого гектара и солидно подкрепляли кормовую базу животноводства, так и в северных таежных районах с явным дефицитом тепла, ранними заморозками и урожаем 60–80 центнеров силосной массы с каждого гектара. Огромные негативные последствия имело также безосновательное преследование личных подсобных хозяйств граждан. Печально известны решения 1959–1961 гг. о сокращении приусадебных участков, о запрещении городским жителям иметь в личной собственности скот, о скупке молодняка у населения для пополнения общественного стада [16, л. 153–158, 162–164; 17, л. 68–69; 18, л. 56, 57; 19, л. 4–8; 20, л. 286, 287].

Причины трудностей в развитии этой сферы современные сибирские исследователи аграрного сектора видят в административно-командной системе управления с ее жесткими заданиями, централизованной системой материально-технического снабжения, строгой регламентации деятельности предприятий и организаций. Несмотря на стремление сельских партийных организаций разрешить многие проблемы социального развития села, ощутимых результатов

достигнуто не было прежде всего из-за чрезмерной концентрации партийной власти на краевом и областном уровнях и несовершенства хозяйственного механизма [30, с.104; 1, с. 224].

Литература

1. Гайдин С.Т. Основные тенденции развития сельскохозяйственного производства в Красноярском крае в восстановительный период (1946–1953) // Государственная аграрно-правовая политика в современной России: материалы круглого стола. Красноярск: КрасГАУ, 2017. С. 219–224.

2. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-26. Оп. 25. Д. 28.

3. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 25. Д. 48. Л. 87, 88.

4. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 25. Д. 100.

5. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 26. Д. 18. Л. 6, 9–12.

6. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 26. Д. 45.

7. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 27. Д. 22. Л. 197–199.

8. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 27. Д. 413. Л. 135.

9. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 29. Д. 326. Л. 33, 35

10. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 30. Д. 16. Л. 14.

11. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 30. Д. 24. Л. 31, 32, 36–38.

12. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 31. Д. 13.

13. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 31. Д. 20.

14. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 1. Л. 89.

15. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 2. Л. 47–50, 55.

16. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 33. Д. 2. Л. 153–158, 162–164.

17. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 33. Д. 15. Л. 68–69.

18. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 1. Л. 56, 57.

19. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 13. Л. 4–8.

20. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 26. Л. 286, 287.

21. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 417. Л. 171, 172, 211, 212.

22. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 12. Л. 35, 36.

23. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 35. Д. 26. Л. 153–155.

24. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 59. Л. 24.

25. ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 4187. Л. 108, 109.

26. История Красноярского ГАУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kgau.ru/new/all/history/> (дата обращения: 18.11.2019).

27. Народное хозяйство Красноярского края. Красноярск, 1967. С. 61, 62.

28. Постановление Совмина СССР от 29 апреля 1952 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kgau.ru/new/news/news/2017/postanovlenie.pdf> (дата обращения: 18.11.2019).

29. Сельское хозяйство Красноярского края в 1953–1965 гг.: Информационные материалы. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998. 92 с.

30. Широков О.В. Особенности социально-экономического развития западносибирской деревни в 1954–1965 гг. // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2009. № 9. С. 95–104.

31. Чирков М.С. Предпосылки модернизации сельского хозяйства СССР периода «оттепели» (1953–1964 гг.) // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2013. С. 125–129.

УДК 908.332.1

***ВЛИЯНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
Н.С. ХРУЩЕВА НА РАЗВИТИЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ***

Павлюкевич Руслан Витальевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия.

В тезисах поднимается вопрос об влиянии хрущевских преобразований на развитие красноярской пищевой промышленности. Отмечается, что несмотря на принятую точку зрения об провале преобразований, тем не менее влияния на местное производство продуктов питания, полностью зависящее от местного сельского хозяйства, было незначительным.

Ключевые слова: целина, кукурузная кампания, Красноярский край, пищевая промышленность.

The thesis raises the question of the impact of Khrushchev's reforms on the development of the Krasnoyarsk food industry. It is noted that despite the accepted point of view about the failure of reforms, nevertheless, the impact on local food production, completely dependent on local agriculture, was insignificant.

Keywords: virgin Land, corn campaign, Krasnoyarsk territory, food industry.

После смерти И.В. Сталина сформированная им система управления народным хозяйством не могла функционировать в полной мере более. Данная система, построенная на принципах жесткого централизма и мобилизации имеющихся ресурсов, была рассчитана на быстрый рывок и решение конкретных задач экономического развития советского союза.

Во многом именно благодаря данной системе управления была достигнута быстрая индустриализация страны и обеспечение экономического превосходства СССР в годы Великой Отечественной и мировой войн. При этом сталинская система управления обладала целой плеядой недостатков. В первую очередь это был острый дисбаланс в развитии между отраслями тяжелой промышленностью, и легкой, пищевой промышленностью и сельским хозяйством.

Последнее к тому же было основным донором для осуществления индустриального рывка в тридцатые годы XX в.

В пятидесятые годы перед советским руководством встала новая задача. Уровень развития тяжелой промышленности был на одном из передовых уровней, обгоняя большинство стран Запада, в то время как производство товаров для населения и продуктов питания напротив уступало большинству капиталистических стран. В условиях начавшейся холодной войны, частью которой было и соревнование образов жизни это становилось проблемой. Сталинская система управления была неспособна ее решить.

Поиск выхода из этой ситуации совпал с политической борьбой в верхах страны, победителем из которой стал Н.С. Хрущев. Им был разработан план преобразований всей советской системы управления. Его программа сельскохозяйственных преобразований базировалась на нескольких элементах.

В первую очередь, это была кампания по поднятию целинных и залежных земель. Как заявлял Н.С. Хрущев, это был наиболее быстрый и доступный источник увеличения производства зерна. [1, с. 431.]

Вторым крупным элементом программы стала кампания по массовому выращиванию кукурузы и сверхпрограмма развития животноводства.

В отечественной историографии принято давать в основном негативную оценку данным преобразованиям и считать, что они привели к кризису советского сельского хозяйства. Целинная кампания в связи с авантюризмом ее проведения, эрозией почв свела на нет затраченные на нее усилия. Мероприятия в области животноводства привели к насильственному обобществлению и сокращению поголовья скота, но об результатах кукурузной эпопеи и говорить не приходится.

В тоже время действительно ли в результате данных преобразований начался кризис советского сельского хозяйства. И если да, то применимы ли данные выводы для всей огромной экономической системы СССР.

Помочь в решении данного вопроса может быть анализ влияния сельскохозяйственных преобразований на пищевую промышленность отдельных регионов.

С одной стороны, Красноярский край был затронут всеми элементами сельскохозяйственных преобразований Н.С. Хрущева. С другой стороны, красноярская пищевая промышленность практически полностью зависела от поставок местного сырья. Соответственно кризис в поставках продукции не мог не ударить по производству продуктов питания.

Так к 1963 г. отрасль добилась роста за 5 лет в 143% или 8,6% в год. Производство кондитерских изделий выросло на 15%, макарон -23%, плодово-овощных консервов 20% водочных продуктов -37% виноградного вина -148%, пива-48%, папирос-42%. Рост производительности труда составил 21,4 %, а уровень механизации возрос в 2,5 раза, и схожий рост, хоть и несколько меньший сохранялся вплоть до конца 1960-ых гг. [2]

Конечно же рост производства практически во всех отраслях пищевой промышленности был обеспечен комплексной модернизацией большинства

предприятий отрасли, но без стабильного роста поставок рост производства также не был бы возможным.

Данные показатели свидетельствуют о том, что если в крае и наблюдался провал сельскохозяйственных преобразований Н.С. Хрущева, то он практически никак не повлиял на работу местной пищевой промышленности.

Здесь логичнее следует говорить не сколько о провале или потерях, сколько об упущенных возможностях для развития. Большинство из мероприятий Н.С. Хрущева скорее отвлекали ресурсы от действительно выгодных возможностей, но не вели к реальному кризису.

Литература

1. Н.С. Хрущев строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства в 5 томах. Том 2. М. 1962

2. Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1944, оп. 3, д. 184, с. 30.

УДК 930

ГРАНДИОЗНЫЙ ПРОЕКТ XX ВЕКА

*Горкунова Светлана Ивановна,
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами освоения целинных земель на территории Павлодарской области р. Казахстан

Ключевые слова: целина, первоцелинники, сельское хозяйство, добровольцы, поселенцы, мобилизация, совхоз, хлеб.

Questions connected with problems of the virgin lands adoption in the territory of Pavlodar Region in Republic of Kazakhstan are reviewed in the article.

Key words: virgin lands, first workers in the virgin lands, agriculture, volunteers, settlers, mobilization, state farms, bread.

23 февраля 1954 года состоялся исторический Пленум ЦК КПСС, на котором Н.С. Хрущев предложил план решения одной из важнейших проблем – продовольственной. В постановлении Пленума «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» увязывалось, в первую очередь, увеличение производства зерна с резким расширением посевных площадей.

Почему страна и поддержавшее предложение Н.С. Хрущева правительство взялось за увеличение производства зерна, а не мясомолочной продукции, объяснялось тем, что в стране, пережившей тяжелейшую войну, послевоенную

разруху и выматывающий труд по восстановлению городов и заводов, хлеб был важнейшим продуктом, позволившим выжить населению в военные и послевоенные годы. Хлеб, к тому же, относился к стратегическим запасам страны, его производство обеспечивало гарантию продовольственной безопасности. В послевоенные годы в сельском хозяйстве наблюдалась критическая ситуация. Урожай в 1949-1953 годах на полях союзных республик не рос, а вот численность населения вследствие всплеска рождаемости после войны росла [1].

Специалисты понимали, что есть два пути подъема сельского хозяйства: первый – интенсивный, за счет повышения урожайности зерновых культур на имеющихся полях. И второй – экстенсивный, за счет расширения посевных площадей путем освоения новых земель. Первый путь был длительным и затратным. Зерно требовалось срочно, денег в казне государства, выжившего и победившего в нечеловеческой войне, не было, поэтому и не было альтернативы освоению целинных земель как быстрому и наименее затратному способу наполнения государственных закромов. Тем более, что на территории СССР были земли, на которых никогда не велись сельхозработы – в Казахстане, в Сибири, в Поволжье, на Алтае и др. Эти регионы были слабо заселены, на полях работать было некому. Хлеб же нужен был срочно, и агрономы утверждали, что земля в первые годы даст урожай даже без затрат на удобрения.

Для того чтобы решение Февральского Пленума было претворено в жизнь, государство использовало чрезвычайные агитационные и мобилизационные меры, проверенные и отработанные в годы коллективизации и индустриализации, в военное и послевоенное время. Массовое распространение получила комсомольская мобилизация. В общей сложности на целинные поля был направлен почти 1 млн. человек. Главная ставка делалась на молодежь, на комсомольский энтузиазм, энергию, молодежный романтизм и на то, что молодежь легка на подъем, не успела обзавестись семьями и детьми.

Кто в первую очередь оказывался на целине? Это были молодые мужчины, которые ехали к новой жизни, отслужив в армии. Например, совхоз имени Б. Хмельницкого в Павлодарской области Казахстана начинался с колышка, вбитого первыми целинниками. Первыми почти в голую степь приехали в марте 1954 года 25 демобилизованных воинов Советской Армии. Они поселились в трех полуразрушенных домах бывшего подхоза ОРСа, оборудовали рабочую столовую, открыли магазин. Люди среднего и старшего поколения тоже подлежали мобилизации. На целину ехали квалифицированные рабочие из крупных городов, бросали благоустроенные квартиры, уют, рабочие места. Происходило это потому, что специалисты были бывшими фронтовиками и призыв партии воспринимали как приказ. Например, в тот же совхоз имени Б. Хмельницкого в марте 1955 года прибыл эшелон с целинниками из Ленинграда. 270 посланцев знаменитого Кировского завода укрепили положение первоцелинников, которых в общей сложности стало 330 [2]. Ранней весной 1955 года в совхоз прибыли переселенцы из Украины, 32 семьи.

На освоение целины выехали десятки тысяч специалистов, организаторов сельскохозяйственного производства. В 1954-1955 годы в совхозы было на-

правлено 4,5 тыс. специалистов, а в 1959 году в них трудились около 15 тыс. специалистов с высшим и средним образованием. Всего же за 1953—1958 годы в сельское хозяйство было направлено 266,6 тыс. механизаторских кадров. Одним из самых знаменитых первоцелинников был Михаил Довжик. Он приехал в Казахстан в марте 1954 года в самых первых эшелонах добровольцев-первоцелинников. Тогда была очень популярной песня: «Едем мы, друзья, в дальние края...» Создав сплоченную бригаду, М. Довжик стал одним из новаторов продуктивного использования новой техники в Акмолинской области. За выдающиеся заслуги М. Довжик стал Героем Социалистического труда, избирался в высший законодательный орган — Верховный Совет Казахстана.

Многие молодые люди записывались в добровольцы и ехали на целину самостоятельно. Двигало ими не только желание принести пользу стране, но и возможность заработать и сделать головокружительную карьеру. Так например, первая учительница детей целинников из совхоза «Хмельницкий» Валентина Николаевна Бабичева вспоминала, что стала в 1955 году директором школы в 19 лет.

Освоение целины поддерживалось значительными льготами. Для трудящихся, прибывающих целинников появилась возможность выплачивать значительные премии, работникам совхозов, выполнявшим производственные планы, надбавку за выслугу лет. Целинники обеспечивались бесплатным проездом с имуществом из мест выезда к месту вселения, единовременным денежным пособием на главу семьи в размере 500—1000 рублей и по 150-200 рублей на каждого члена семьи, получали кредит на постройку дома в размере 10 тыс. рублей на 10 лет (из них 35 процентов суммы государство брало на себя) [3].

И отдача в труде была высокой. «Люди растили хлеб на земле – земля растила людей. Целина, образно говоря, дала богатейший урожай тружеников, патриотов и мастеров своего дела» Л.И. Брежнев. В первую целинную весну по плану целинникам из «Хмельницкого» надо было поднять и засеять 9 тысяч гектаров целины. К началу весенних работ совхоз получил 35 тракторов, 15 плугов, 10 сеялок, много другой техники [2]. В хозяйстве создали 4 бригады, со своим первым заданием они с честью справились, вместо запланированных 9 тысяч гектаров засеяли 12544 гектара целины. В 1955 году весь Цурюпинский район, в состав которого входил совхоз «Хмельницкий», перевыполнил план весеннего сева – посевная площадь превысила 145 тысяч гектаров [2].

В первую целинную весну переселенцы намечают выстроить 10 домов из камыша для новоселов. А уже в 1955 году было введено 1800 квадратных метров жилья, построено 15 жилых домов. Но, несмотря на масштабы стройки жилья для переселенцев не хватало. Это было одним из минусов освоения целинных земель, так как на новых землях, подлежащих освоению, не была подготовлена никакая инфраструктура

Другим большим минусом явилось то, что осваивание новых территории требовало больше финансирования, чем развитие обжитых районов. Слишком большой размах мероприятий не дал качественных долгосрочных результатов.

В погоне за показателями распахивались большие территории. Нарушение экологического баланса приводило к тяжелым последствиям: развивалась эрозия почв, выветривался плодородный слой почвы. Вообще же рациональная система земледелия для целины была создана лишь спустя два десятилетия после ее массового освоения. К тому же, распашка миллионов гектаров земли под посевы привела к серьезному сокращению сенокосных и пастбищных угодий. Тысячи гектаров земли изымались для застройки населенных пунктов, и для их инфраструктурного обустройства были отведены значительные площади плодородных земель. В результате был нанесен непоправимый ущерб традиционной отрасли сельского хозяйства – животноводству. Падение уровня развития животноводства, в свою очередь, привело к уменьшению производства в республике мясных и молочных продуктов [3].

Литература

1. Журавлев, С. Целинная эпопея/Журавлев С.//Журнал «Живая история», 20 февраля 2018. – URL: <http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya>.
2. Кандыбаев, И.И., Алимбаев, М.А. Здравствуй, земля целинная...//Литературная карта Павлодарского Прииртышья. – URL: <http://map.pavlodarlibrary.kz/>
3. Кенже Т. Целинная эпопея в Казахстане: что она дала и что отняла? – URL: <https://camonitor.kz/32688-celinnaya-epopeya-v-kazahstane-chto-ona-dala-i-chto-otnyala.html>.

УДК 947:316.24

ПОВЫШЕНИЕ ОПЛАТЫ ТРУДА ТРУЖЕНИКАМ СЕЛА БУРЯТИИ В 1960-1980-е ГОДЫ

***Карначёв Александр Евгеньевич
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Бурятия, Россия***

В 1960–1980-е годы в сельской местности Бурятии происходил динамичный рост денежной оплаты труда сельских тружеников, что в целом отражало проводимую советским правительством политику по сближению уровней жизни между городом и деревней. Оплата труда колхозников и заработная плата рабочих совхозов имели тенденцию к росту.

Ключевые слова: сельскохозяйственный, доход, колхоз, совхоз, оплата труда, повышение, село, труд.

In the 1960s and 1980s, rural Buryatia experienced a dynamic increase in the monetary wages of rural workers, which generally reflected the Soviet government's policy of bringing living standards closer between the city and the countryside. Wages of collective farmers and wages of workers of state farms tended to increase.

Keywords: agricultural, income, collective farm, state farm, wages, increase, village, work.

Основные направления развития сферы материального благосостояния Бурятии совпадали с общесоюзными, но их проявление имело характерную специфику и осложнялось природно-географическими, социально-экономическими особенностями.

Наиболее полным показателем материального благосостояния населения выступает совокупный доход. Для сельского жителя его возрастанию способствовало увеличение оплаты труда в общественном хозяйстве, наравне с повышением доходов от личного подсобного хозяйства и введения ряда выплат и льгот из общественных фондов потребления.

С 1 ноября 1966 г. все колхозы Бурятии перешли на гарантированную ежемесячную оплату труда. Во исполнение Директив XXIV съезда КПСС в 1971-1975 гг. проводились мероприятия по повышению заработной платы рабочих и служащих. В 1971 г. во всех районах РСФСР осуществлено повышение до 70 руб. в месяц минимальной заработной платы рабочих и служащих с одновременным увеличением тарифных ставок трактористам-машинистам предприятий сельского и лесного хозяйства [1, с.388]. С 1966 – 1975 гг. оплата труда колхозников возросла почти в 2 раза [2, с.13].

Доходы колхозников росли более высокими темпами по сравнению с заработной платой рабочих и служащих. Опережающий рост оплаты труда колхозников обеспечивался за счет более быстрого роста денежных доходов колхозников от общественного хозяйства. Уровень реальных доходов колхозников по отношению к реальным доходам рабочих и служащих в расчете на члена семьи повысился с 75% в 1965 г. до 85% в 1976 г. [3, с.487].

В распределении доходов и оплаты труда в колхозах Бурятии в 1960 – 1970-е гг. имелись и существенные недостатки. В ряде колхозов уровень оплаты труда колхозников не обеспечивал необходимой материальной заинтересованности их в развитии общественного хозяйства. Так, средний уровень оплаты на 1 человеко-день в 1967 г. в колхозах Закаменского района составил 2 р. 40 коп., тогда как в совхозе «Торейский» этого же района – 3 р. 60 коп. В колхозах Тункинского района оплата одного человеко-дня составил 2 руб. 90 коп., тогда как в совхозе «Саянский» того же района – 3 руб. 50 коп. [4, л.173-174].

В колхозах Бурятии оплата труда механизаторов, чабанов, доярок немногим уступала заработной плате работников соответствующих отраслей совхозов. В колхозах Мухоршибирского района среднемесячный заработок чабанов в 1976 г. составил 146 рублей, доярок – 145, трактористов и комбайнеров – 152 рубля, а в совхозах соответственно – 155, 145, 165 рублей [5, с.213].

Увеличению денежных доходов населения Бурятии в значительной мере способствовали введение денежной оплаты труда колхозников, ее денатурализация. 1960-1970 гг. явились решающими в абсолютном и относительном увеличении оплаты труда рабочих, служащих и колхозников Бурятии, постепенной ликвидации различий в уровнях денежных доходов населения.

Однако в этой области оставались задачи, которые необходимо было решать. Как показывали расчеты ученых, в восточных районах требовались расходы на 38% выше, чем в южных, и на 26% больше, чем в центральных рай-

онах. С учетом этой специфики в Бурятии к заработной плате был введен коэффициент 1,2, а в ее северных районах – 1,4 [6, с.71].

Вместе с тем, с введением районного коэффициента, соотношение заработной платы рабочих и служащих Бурятии, с одной стороны, и таковой по СССР и РСФСР, с другой, мало изменилось. Если в 1960 г. до введения районных коэффициентов среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Бурятии по отношению к уровню СССР составляла 105,7 %, РСФСР – 102,5 %, то в 1979 г. это соотношение составляло соответственно 110,3 % и 104,7 %. Оплата труда колхозников Бурятии в 1979 г. по отношению к аналогичному общесоюзному показателю составляла 103,1 % [1, с.16].

Введенные районные коэффициенты к заработной плате должны были компенсировать имеющиеся различия в условиях жизни и труда в северных и восточных районах. Однако, как показала практика, эта компенсация была еще недостаточна и поэтому не способствовала в той мере, в какой это задумывалось, привлечению, а тем более закреплению новых рабочих кадров в восточных районах. При этом надо иметь в виду, что выплаты и льготы из общественных фондов потребления на душу населения в Бурятии, были заметно ниже, чем по СССР и РСФСР в среднем. Кроме того, из-за более медленного, чем в европейской части страны, развитие жилищно-бытовой, социально-культурной инфраструктуры республики, разрыв в получаемых выплатах и льготах не сокращался, а, наоборот, увеличивался.

С начала 1980-х годов продолжилась положительная тенденция повышения заработной платы отдельным категориям трудящихся, в том числе и в сельской местности. В 1981 г. по стране были введены ежемесячные надбавки к заработной плате врачам участковых больниц и амбулаторий, расположенных в сельской местности за непрерывную работу свыше трех лет на территориальных участках. [7, с.421].

В соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС осуществлялись основные мероприятия по повышению уровня оплаты труда работников сельского хозяйства. Повышены должностные оклады руководящим работникам, специалистам и служащим совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. В районах Сибири на рабочих и других специалистов сельскохозяйственных предприятий, занятых в животноводстве, распространены и условия выплат надбавок к заработной плате за непрерывный стаж работы в данном хозяйстве. Аналогичные меры также проводились и в колхозах. [8, с.413].

В 1986 г. было завершено по всей стране повышение ставок заработной платы и должностных окладов учителям, преподавателям, мастерам производственного обучения, руководящим и другим педагогическим работникам общеобразовательных школ, средних специальных и профессионально - технических учебных заведений и некоторых других учреждений народного образования. В результате осуществления указанных мероприятий заработная плата учителей, в том числе и в сельской местности возросла более чем на 30% [9, с.440].

Была введена выплата надбавок к заработной плате рабочих и служащих за непрерывный стаж работы на предприятиях, учреждениях и организациях, расположенных в Южных районах Дальнего Востока, Читинской области, Бурятской АССР и Тувинской АССР.

Таким образом, в 1960-1980-е гг. произошли некоторые позитивные сдвиги в изменении уровня жизни сельских жителей. Одной из основных статей денежных доходов населения оставалась оплата труда в общественном хозяйстве. За 20 лет среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственного производства в Бурятии с 1965 по 1987 г. увеличилась с 64 до 212 рублей. Доля оплаты по труду в совокупном доходе семьи сельского жителя колебалась от 80 до 86 %, а семьи колхозника – от 70 до 80 % [10, с.412]. Преобразование колхозов в совхозы позволило перейти к гарантированной оплате труда, а оплата труда колхозников и заработная плата рабочих совхозов сохраняли тенденцию к росту.

Литература

1. Народное хозяйство РСФСР в 1974 г. Статистический ежегодник. М., 1975.
2. Кузнецов В.В. Уровень жизни населения Бурятии в 50-70-е годы XX века. Улан-Удэ, 2002.
3. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1976.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.П-1, Оп. 2, Д. 139, Л.173-174
5. Под знаменем Октября. – Улан-Удэ, 1977.
6. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири. Новосибирск, 1977.
7. Народное хозяйство СССР 1922-1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982.
8. Народное хозяйство СССР в 1983 г. Статистический ежегодник. М., 1984.
9. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
10. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960-1980-е гг. Новосибирск, 1991.

***ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ СКОТА В УПРАВЛЕНИИ
ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ В Г. ЖЕЛЕЗНОГОРСКЕ
(КРАСНОЯРСК-26) В 1960-1965 ГГ.***

Реут Григорий Александрович

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье на основе анализа документов Железногорского городского архива рассматриваются проблемы содержания скота в прикухонных хозяйствах военно-строительных отрядов, дислоцированных в г. Железногорске (Красноярск-26) в период с 1960 по 1965 гг. В центре внимания деятельность органов местной власти по организации ветеринарного контроля за свиноводческими хозяйствами войсковых частей.

Ключевые слова: закрытый город, Железногорск, Красноярск-26, Минсредмаш, военные строители, животноводство, свиноводство, ветеринария

The article based on the analysis of documents Zheleznogorsk city archive deals with the problems of cattle on farms pricegong military construction units stationed in the city of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26) in the period from 1960 to 1965 In the spotlight the activities of local authorities on the organization of veterinary control over pig-breeding farms and military units.

Keywords: Closed city, Zheleznogorsk, Krasnoyarsk-26, Minsredmash, military builders, animal husbandry, pig breeding, veterinary

История развития сибирских закрытых городов Министерства Среднего машиностроения (далее – МСМ) СССР, относится к числу малоизученных тем.

Ряд аспектов истории совхозов УРСов градообразующих предприятий в закрытых городах Сибири освещались в публикациях Реут Г.А. [1], но, в указанных работах проблемы содержания скота в животноводческих хозяйствах военно-строительных частей г. Железногорска (Красноярска-26) не освещались.

В данной статье на основе протоколов заседаний исполнительного комитета городского совета г. Железногорска (далее – ЖГС) и других документов Железногорского городского архива рассматривается ход организации ветнадзора и деятельность главного ветеринарного врача города в 1960–1965-е гг.

В рассматриваемый период в сооружении Горно-химического комбината (далее – ГХК) принимали участие около 60 войсковых частей МСМ СССР (далее – в/ч), находившихся в подчинении Управления военно-строительных отрядов (далее – УВСО). С 1960 года в каждой крупном воинском подразделении УВСО были организованы прикухонные свиноводческие хозяйства [2, Л. 6].

Развитие свиноводства на территории Красноярского края являлось одной из важнейших задач краевого совнархоза в первой половине 1960-х гг. В эти годы отрасль развивалась высокими темпами. Только с 1959 по 1963 г. количе-

ство хозяйств, занимавшихся выращиванием свиней, выросло с 43 до 129 [3, С. 164].

Свиноводческие хозяйства секретного города не учитывались в общем количестве животноводческих предприятий региона, при этом подсобное хозяйство УВСО играло важную роль. Необходимость их создания диктовалась численностью военных строителей. В 1960 г. на объектах ГХК военных строителей насчитывалось более 36 тыс. чел. В 1962 г. – их количество достигло максимума – более 46 тыс. чел., а к 1965 г. снизилось до 19 тыс. человек [4, С. 73].

Прикухонное хозяйство УВСО позволяло дополнительно снабжать контингент мясом, однако, нередко, животные содержались в них с нарушением ветеринарных требований, что приводило к вспышкам опасных заболеваний.

Так, в 1961 г. у свиней прикухонного хозяйства в/ч 25597 была выявлена чума, а в 1962 г. аналогичное заболевание было зафиксировано в в/ч 25762 [5, Л. 42]. Исполком ЖГС потребовал провести вакцинацию всего здорового свинополовья в в/ч УВСО и организовать противочумные карантинные мероприятия [6, Л. 19].

По данным на 19.04.1963 г. в в/ч УВСО функционировало почти полтора десятка свинарников [7, Л. 108]. Из перечня, составленного начальником тыла в/ч 20171, следовало, что город фактически был окружен подсобным хозяйством военных строителей. Поскольку такое соседство могло привести к негативным последствиям, руководством города принимались меры по ликвидации свинарников.

15.04.1963 г. Пленум ГК КПСС обязал горисполком и командование войсковых частей вынести свинарники из черты города.

Во исполнение постановления Пленума ГК и в соответствии с решением Горсовета г. Железногорска от 10.05.1963 г., с территории п. «П[одгорный]» коровники и свинарники были перенесены в специально отведенное место [8, Л. 21].

Однако в 1964 г., по причине несоблюдения ветеринарных норм, не смотря на принятые меры, в прикухонном хозяйстве в/ч УВСО была зафиксирована новая вспышка ящура у свиней. Карантин был наложен не только на территорию свинофермы, но и охватил весь город, близлежащие поселки, территорию совхоза УРСа, включая подсобное хозяйство п/я ДФ-9 (ИТЛ «Полянский») и прикухонные хозяйства войсковых частей [9, Л. 42].

Анализируя ситуацию со вспышкой ящура в 1964 г., руководство города пришло к выводу о том, что свинополовье заболело ящуром «в результате слабого контроля со стороны ветеринарных работников и низкой дисциплины в проведении противоэпизоотических мероприятий» [10, Л. 35].

18.06.1965 г. Исполком ЖГС заслушал доклад врача СЭС М.Е. Шванькова о ветеринарном обследовании скота и птицы, содержащихся в хозяйствах совхоза УРСа и УВСО, а также находящегося в личном содержании граждан.

Участовавший в обсуждении данного вопроса инструктор идеологического отдела горкома КПСС Г.И. Кустомаров, указал на то, что «наблюдавшие-

ся в городе случаи массовых инфекционных заболеваний животных и птицы свидетельствуют о слабой организации работы ветеринарной службы».

Фактически на территории города и поселков функционировали три самостоятельных ветеринарных службы, работавших изолировано друг от друга. В связи с этим Кустомаров предложил создать единую ветеринарную службу. Он раскритиковал деятельность В.А. Олейникова, который «неправильно понимал свои функции» и занимался только лечением и прививками животных «хотя это должен был делать ветфельдшер». По мнению инструктора Горкома на животноводческих свинофермах УВСО ветслужба работала «особенно плохо», наблюдалось «полное антисанитарное состояние», а «забой производился без ведома ветврача». Причиной всех этих недостатков он назвал отсутствие в УВСО вет. врача в течение длительного времени [2, Л. 5].

Сходную точку зрения высказал заместитель председателя исполкома И.М. Павлов. Он отметил, что скот в войсковых частях «содержался без должных условий». Олейников «не вел должной работы по ветобслуживанию скота и птицы» и внес предложение объявить главному вет. врачу города строгий выговор с предупреждением «за плохую организацию вет. надзора».

Оправдываясь, главный вет. врач города ссылаясь на то, что после сдачи в эксплуатацию ветлечебница просуществовала только 5 месяцев и была закрыта, хотя в личном пользовании населения имелся скот. Поскольку штатов для организации службы и места для транспорта в распоряжении В.А. Олейникова не было, то он был вынужден заниматься «только скотом трудящихся, а вет. службами в УВСО, лагерях и совхозах фактически заниматься не мог».

Главный ветврач города так охарактеризовал текущую ситуацию: «до июня 1965 г. условия ветврачам УВСО полностью так и не были созданы. Плохо был организован выгул ... свиньи не видели травы и не выпускались на пастбища. Площадка для забоя не оборудована и не принята СЭС. Ветфельдшер-солдат мне не подчинялся. К моему мнению командование не прислушивалось». Уход за свинопоголовьем оценивался как «очень плохой», «много было слабых животных, имел место падеж молодняка» [2, Л. 6].

Председатель Исполкома ЖГС Б.А. Гедройц обратил внимание на то, что заседание Исполкома по вопросу работы ветеринарной службы созвано уже второй раз, однако главный ветврач города «ни разу не внес своих предложений на исполком горсовета ... и никаких выводов не сделал, ... а положение с ветслужбой в городе чрезвычайное».

В решении, принятом по итогам обсуждения, констатировалось, что ввиду недостаточного санитарно-ветеринарного надзора в хозяйствах УВСО «участились случаи тяжёлых массовых заболеваний животных и птицы, приводивших к падежу или вынужденному забою, что наносило большой ущерб». Фактически работники УВСО «были предоставлены сами себе» и «слабо следили за последними достижениями ветеринарной науки и практики».

Были отмечены и другие недостатки: в прикухонных хозяйствах УВСО не хватало врача и фельдшеров. Забой свиней производился в антисанитарных ус-

ловиях. Собираемые кухонные отходы не проваривались. Все это создавало предпосылки для возникновения инфекционных заболеваний у животных.

В документе основной причиной неудовлетворительного состояния ветеринарной службы города было названо «отсутствие должного руководства и контроля за деятельностью всех ветеринарных специалистов» со стороны главного ветврача города В.А. Олейникова.

На основании анализа ситуации было принято решение: считать главной задачей «регулярное проведение профилактических ветеринарно-санитарных мероприятий под руководством главного ветврача города» [2, Л. 24].

Командиру в/ч 20171 Ф.В. Лобазову предписывалось до 1.08.1965 г. полностью укомплектовать подсобное животноводческое хозяйство УВСО вет. специалистами, выделить помещение для ветеринарного пункта. Начальнику тыла в/ч 20171 Л.И. Брук было указано на «недопустимость игнорирования рекомендаций ветврача гарнизона и нарушение ветеринарно-санитарных правил». Им обоим поручалось «принять неотложные и срочные меры к наведению должного порядка на животноводческих фермах УВСО» [2, Л. 26].

Несмотря на строгие требования местного органа власти, ни неотложные, ни срочные меры «к наведению должного порядка» приняты так и не были.

Через два месяца на заседании Исполкома ЖГС была рассмотрена информация о ходе выполнения решения № 132 от 18.06.1965 г. «Об улучшении ветеринарного обслуживания скота и птицы в хозяйствах совхоза, УВСО и в личном содержании граждан».

Г.И. Кустомаров подчеркнул, что «этот вопрос рассматривался два месяца назад детально», но сделано за прошедшее время было «очень и очень мало». «Порядка в УВСО не наведено. Площадка для забоя скота так и не оборудована». В заключении инструктор ГК КПСС резюмировал, что «Олейников плохо контролирует, а главное плохо руководит» [11, Л. 3].

Главный ветврач города подтвердил, что подготовка к зимнему содержанию скота в УВСО не ведется, кормо-кухня не работает, а ветеринарное обслуживание в УВСО «поставлено слабо, т. к. ветврачей не хватает».

Начальник тыла в/ч 20171 Л.И. Брук заявил, что ветеринарных специалистов в воинских частях УВСО достаточно, а ремонт свинарников и кормо-кухни выполнен на 85%».

Председатель Исполкома ЖГС Б.А. Гедройц, выступая в прениях, сказал о том, что его «удивляет такое спокойное отношение, после двух случаев [заболеваний], какие уже были у нас. Решение принято 2 месяца назад, а Олейников по-прежнему не наладил руководство ветеринарной службой города. За два месяца [он] ни разу не был, ни у И.М. Павлова, ни у меня. Л.И. Брук сказал, что ветеринарных специалистов у них хватает, но тогда тем более не понятно, почему не наведен должный порядок на свинофермах. Надо чтобы СЭС немедленно запретила убой свиней в УВСО, больше мириться с таким безобразием не будем», подчеркнул пред. исполкома [11, Л. 4].

Осенью 1965 г. возникла угроза проникновения ящура в животноводческие хозяйства г. Железнодорожского. 19.11.1965 г. состоялось заседание исполкома

ЖГС, на котором был рассмотрен вопрос «О неотложных мерах по предупреждению заноса ящура на территорию города и поселков». В обсуждении приняли участие работники ветслужб, СЭС, УВСО и УРСа [10, Л. 7].

Исполком ЖГС констатировал, что «некоторые работники и зооветспециалисты совхоза УРСа и УВСО мирятся с наличием болезней скота на фермах и не ведут активной борьбы по их искоренению, крайне недостаточно пропагандируют среди населения и работников животноводства, меры по профилактике и борьбе с заразными болезнями сельскохозяйственных животных [10, Л. 35].

На заседании было отмечено, что «имеется серьезная угроза заноса ящура на территорию города». В целях предупреждения распространения заболевания в хозяйствах совхоза УРСа, УВСО и личного пользования Исполком ЖГС объявил «территорию города, населенные пункты Заозерный, Первомайский, Подгорный, Тартат, подсобное хозяйство УВСО и отделения совхоза УРСа угрожаемыми по заносу в них ящура» [10, Л. 36].

Руководителям совхозов, УВСО и ветслужб было предписано принять «самые серьезные меры по недопущению повторения вспышки ящура» [10, Л. 7].

При исполнении ЖГС была создана чрезвычайная комиссия по борьбе с ящуром во главе с председателем Горисполкома Б.А. Гедройцем [10, Л. 36].

Меры, принятые руководством города и ветеринарной службой, позволили предотвратить повторение энзоотии при возникновении угрозы заноса вируса ящура в 1965 г. [12, С. 216–223]

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что проблемы содержания скота в подсобных (прикухонных) животноводческих хозяйствах войсковых частей Управления военно-строительных отрядов г. Железногорска (Красноярск-26), имевшие место в период с 1960 по 1965 гг., объясняются как объективными, так и субъективными причинами.

С одной стороны массовые заболевания и падеж скота в животноводческих хозяйствах УВСО объяснялись дефицитом специалистов, не соблюдением установленных санитарных норм, отсутствием надлежащего ухода и содержанием животных в плохо приспособленных помещениях.

С другой стороны – низкий уровень санитарно-ветеринарного надзора за содержанием животных прикухонных хозяйств стал следствием того, что главный ветеринарный врач города не контролировал деятельность ветеринарных специалистов животноводческих хозяйств, а работал как рядовой вет. фельдшер, занимаясь лечением и прививками животных.

Вместе с тем, к данной ситуации была вызвана тем, что городская ветлечебница просуществовала менее полугодом и была закрыта, а вместо нее работали три ветеринарные службы, не связанных между собой. Главный ветеринарный врач города не имел транспорта и необходимых штатов для контроля за их работой.

Важную роль в налаживании ветеринарно-санитарного контроля сыграла деятельность местного органа власти в лице Исполкома ЖГС, который при содействии ГК КПСС предпринимал практические действия к повышению роли

главного ветеринарного врача города в организации ветеринарно-санитарного надзора за животноводческими хозяйствами войсковых частей.

Принятые решения способствовали проведению более организованных ветеринарных мероприятий в масштабах всего города и поселков, включая прикухонные животноводческие хозяйства войсковых частей УВСО.

Литература

1. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой: монография / Г.А. Реут; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2012. – 350 с.; Развитие совхоза УРСа в закрытом городе Сибири Железногорске в 1950-1980-х гг. // Международный научно-исследовательский журнал, 2014. № 11-1 (30). С. 101–102; Организация свинооткорма в условиях закрытого города 1954-65-е гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2018. № 1 (7). С. 216–223.

2. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 274.

3. Павлюкевич, Р.В. Создание и развитие Красноярского совнархоза (1957–1965 гг.) Р.В. Павлюкевич; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2016. – 231 с.

4. Реут Г.А. Мобилизация трудовых ресурсов и организация жилищно-гражданского строительства в закрытых городах Сибири / Г.А. Реут; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2014. – 278 с.

5. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 112.

6. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 167.

7. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 196.

8. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 255.

9. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 239.

10. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 283.

11. ЖГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 278.

12. Реут Г.А. Ликвидация вспышки ящура свиней в животноводческих хозяйствах Железногорска (Красноярска-26) в 1964–1965 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1.

О СОСТОЯНИИ ЖИВОТНОВОДСТВА В ТУВЕ В 80-е гг. XX ВЕКА

Доржу Зоя Юрьевна

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Самарина Наталья Геннадьевна

МБОУ «Лицей», Абакан, Россия

Авторы анализируют состояние животноводства в Туве в 80-е годы XX века по результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Отмечено, что животноводство развивалось по экстенсивному пути. Указаны актуальные проблемы, влияющие на эффективность производства животноводческой продукции, показано, что это зависит не только от экономических условий.

Ключевые слова: Тува, экономика, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, поголовье скота

The authors analyze the state of animal husbandry in Tuva in the 80s of the XX century according to the results of the all-Russian agricultural census of 2006. It is noted that animal husbandry developed along an extensive path. Actual problems affecting the efficiency of livestock production are indicated, it is shown that it depends not only on economic conditions.

Keywords: Tuva, economy, agriculture, crop production, livestock, livestock

Основной отраслью экономики Тувы является сельское хозяйство, где в значительно большей степени развита отрасль животноводства, чем растениеводства. Это во многом предопределено тем, что в Туве особенная, горно-котловинная рельефность: горы занимают 82% территории, 18% приходится на равнинные участки. Сельхозугодья занимают $\approx 22,7\%$ территории, в их структуре - пашня $\approx 5\%$, многолетние насаждения $\approx 0,02\%$, сенокосы $\approx 2\%$, пастбища $\approx 89\%$. Это дает предпосылки для развития отрасли животноводства.

В 1980-е гг. в Туве сельхозугодья принадлежали в основном государству (совхозы), но были и личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Начиная с 1985 г. в Туве стали появляться первые кооперативные хозяйства. Анализ статистических данных по развитию животноводства в Туве следует отметить рост поголовья скота в 1980-е гг., особенно таких видов животных, как свиньи, коровы, яки, лошади и верблюды. В то же время отмечается снижение поголовья овец и оленей. Так, если в 1980 г. в республике насчитывалось 936356 овец, то в 1985 г. их численность сократилась до 844785, а в 1990 г. — 839194. Такая тенденция наблюдалась лишь в совхозах и не была характерна для личных подсобных хозяйств населения республики. В них, наоборот, происходит рост поголовья скота, кроме оленей и верблюдов, которые находились в распоряжении государства. Так, в 1980 г. в личных подсобных хозяйствах насчитывалось 40785 овец, в 1985 г. - 56132, а в 1990 г. - уже 89384 овец [1]. Поголовье скота в лич-

ных подсобных хозяйствах росло, несмотря на то, что владельцы частных хозяйств пытались скрыть от властей фактическое количество своего скота, и это было широко распространено в республике. Учитывая это, можно констатировать, что на деле количество мелкого рогатого скота в республике было значительно больше. К тому же, совхозные хозяйства делали упор не на овец, численность которых в рассматриваемые годы убывала, а на более перспективные и выгодные, с точки зрения получения мяса и молока, свиноводство, крупнорогатый скот, коневодство и козоводство.

Пленум ЦК КПСС от 24 мая 1982 года принял постановление «О продовольственной программе СССР на период до 1990 г. и о мерах по ее реализации на период до 1990 г.», ознаменовавшей новый этап аграрной политики, направленный на более глубокий поворот всех отраслей народного хозяйства к решению «проблем дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства и развития агропромышленного комплекса, обеспечения бесперебойного снабжения страны продуктами питания» [2].

Принятая программа была нацелена на достижение высоких конечных результатов, сокращение потерь и повышения качества сельхозпродукции, она предусматривала также социальные, социально-бытовые преобразования, меры по социальному переустройству села, повышению жизненного уровня сельян.

В 1989 г. было введено право граждан на пожизненное наследуемое владение, с 1990 г. земля могла быть передана в собственность фактических пользователей участков для личного подсобного хозяйства (ЛПХ), крестьянского (фермерского) хозяйства (КФХ), коллективного садоводства и животноводства, жилищного и дачного строительства. Участки для выращивания огородных культур могли быть переданы в собственность объединений. Отдельные участки под индивидуальные огороды передавались в собственность только в особых случаях. Участки для индивидуального животноводства, оленеводства и промыслов в собственность не передавались.

С 27 декабря 1991 г. началась приватизация земель, находящихся в пользовании сельскохозяйственных организаций. Государство оставляло за собой право собственности на земли, находящиеся в пользовании сельскохозяйственных предприятий и организаций, занятых селекцией, семеноводством, племенным делом, научной работой и обучением. Приватизация сельскохозяйственных угодий носила социально ориентированный характер, предоставляя права большей части сельского населения. Однако, как показала практика, к моменту передачи земли обрабатывать самостоятельно участок могли далеко не все, так как почти половину собственников составляли пенсионеры.

Земельные участки передавались в собственность как бесплатно, так и за плату. Бесплатно передавались участки в общую собственность коллектива (7-10 га), крестьянским (фермерским) хозяйствам (30-50 га), для индивидуального жилищного строительства и садоводства (от 0,1 до 0,08 га) [3]⁵.

Таким образом, в 1990-е гг. произошло изменение организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций, которые менялись трижды. В период преобразования колхозов и совхозов образовывались в основном об-

щества с ограниченной ответственностью. Кооперативов было очень мало. С середины 1990-х гг. начался процесс формирования сельскохозяйственных производственных кооперативов. Если в начале 1990-х гг. колхозы стали отходить в прошлое, то в конце 1990-х гг. вновь вернулись к ним. В Туве кооперативные хозяйства, по данным Тывастата, появились еще в 1985 г. в таких районах, как Барун-Хемчикский, Улуг-Хемский, Дзун-Хемчикский, Кызыльский. По производственным показателям, они были небольшими и к 1989-1990 гг. практически перестали существовать [1], хотя, начиная с 1991 г., они вновь появились.

В этот период население также стало объединяться в крестьянские хозяйства, которые развивались активными темпами и за период с 1990 по 2000 гг. поголовье скота в них увеличилось на 75 %. С 1992 г. каждый совхоз республики становится коллективным предприятием. В 2002—2003 гг. ситуация вновь изменилась с началом обратного процесса, связанного с преобразованием крупных сельскохозяйственных организаций в малые предприятия. Одновременно шел процесс ликвидации несостоятельных сельскохозяйственных организаций, предприятий, потерявших основную часть работников, часть земли и основные производственные фонды.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, сельхозугодия в Туве использовались неэффективно, только 73 % земель были заняты хозяйствами. В пользовании были 309,6 тыс. гектар, из них организациями — 289,1, крестьянами и частными предпринимателями - 11 тысяч, хозяйствами населения 9,5 тыс. гектар. В ходе переписи выявлено, что 627 хозяйств республики находились практически в заброшенном состоянии.

В связи с этим, уместно будет привести данные динамики развития сельскохозяйственного производства в Туве. Рост поголовья всех видов скота, характерная для 1980-1990 гг., к 2006 г. пошла на убыль. Сказалась сложная социально-экономическая ситуация в 1990-е гг., характерная не только для Тувы, но и всей страны целом, что было вполне ожидаемо, так как государство не субсидировало сельское хозяйство в таком объеме, как это было в 1980-е гг.

Тем не менее, как в прошлые годы, так и сейчас население республики, несмотря на все трудности, связанные с суровым климатом, тяжелым социально-экономическим и финансовым положением, продолжает заниматься традиционной формой хозяйствования. Животноводство в Туве по-прежнему не является прибыльной отраслью, но производить данный вид продукции все-таки выгодно, так как окупает себя. В республике медленно растет поголовье скота. Почему? В поисках ответа на этот вопрос, сошлемся на мнение профессора Всероссийского института аграрных проблем и информатики В.Я. Узуна и выразим свое согласие. По мнению ученого, на незначительный рост животноводства влияют два фактора. Первый фактор связан с дефицитом оборотных средств производства. Если предприятие теряет оборотные средства и не может получить кредиты, то оно не может использовать землю и другие ресурсы, что вынуждает снизить сферу труда. Соответственно уходят работники, еще хуже используются ресурсы. Возникает порочный круг, который ведет к деградации

хозяйства. Поэтому многие не могут получить ссуду из-за неграмотно составленной документации, из-за отсутствия залога.

Второй важнейший фактор связан с процессом труда. Коэффициенты по труду значительно выше коэффициентов по оборотным средствам. Многие ученые и практики полагают, что в сельском хозяйстве страны имеется избышек трудовых ресурсов, но по расчетам Всероссийского института аграрных проблем получается, что труд - это дефицитный ресурс, его не хватает на селе. Это объясняется достаточно просто: труд в сельхозпредприятиях дефицитен относительно земли, его недостаточно для того, чтобы в полной мере использовать остальные ресурсы. Действительно, если численность работников уменьшилась в два раза, то площадь сельхозугодий в России уменьшилась лишь на 15 %, а в Туве — на 12 %. Из-за нехватки трудовых ресурсов соответственно увеличилась нагрузка на одного человека, но при этом сельхозпредприятия не доплачивают своим работникам за более сложный труд [4]⁷.

Следует указать и такие причины низких темпов развития сельскохозяйственного производства, как несогласованность действий районных специалистов, недостаточная их подготовка. В Туве руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства насчитывается 1071 человек, 55 % из которых имеют высшее образование, 36 % - среднее и 9 % работников не имеют специального образования*.

Статистика свидетельствует, что удельный вес валовой продукции сельскохозяйственных предприятий по годам уменьшается, в то время как личных подсобных хозяйств - повышается. Личные хозяйства населения производят продукцию, исходя из своих потребностей, независимо от того, каковы природные условия и на сколько эффективны крупные хозяйства. В регионах с благоприятными природными условиями и объемом производства в крупных хозяйствах больше, и фермерский сектор развивается быстрее, удельный вес личных подсобных хозяйств в этих регионах значительно меньше. В Туве, с неблагоприятными условиями, ситуация обратная.

По данным Всероссийской переписи 2006 г., современные категории хозяйств в Туве представлены сеяскохозхозяйственными организациями, малыми предприятиями, крестьянскими хозяйствами и индивидуальными предпринимателями, фермерскими хозяйствами. Некоммерческие объединения граждан, хозяйства населения, ЛПХ в сельских поселках в совокупности занимают лидирующее место по поголовью скота, и хотя в каждом из этих хозяйств держится относительно небольшое количество скота, получается, что хозяйства берут своим количеством [5].

Для сравнения вспомним, что при плановой экономике в СССР чабан в колхозе не волновался о том, куда сбывать продукцию (мясо, молоко, шерсть). В последующие годы все чаще и чаще стала возникать ситуация с трудностями сбыть собственную произведенную сельскохозяйственную продукцию, что, прежде всего, с отсутствием в республике перерабатывающей базы. И получается, что тот же чабан, особенно проживающий в труднодоступных районах, вынужден работать только на обеспечение себя и своей семьи. Поэтому неред-

ки случаи натурального обмена. Из-за нерешённости бытовых и социально-культурных проблем, трудностей, связанных с сельскохозяйственным трудом, молодёжь практически не желает заниматься традиционными видами хозяйства, всё больше теряя навыки выращивания и ухода за скотом. В республике, особенно в 1990-е гг. отмечался отток населения из села в город. Это привело к тому, что коренное население республики, испокон веков занимавшееся животноводством, практически отошло от него. И на данный момент остро стоит необходимость решения на государственном уровне проблем села, возрождения традиционной формы хозяйствования тувинцев — животноводства.

Литература

1. Динамические ряды. Животноводство. Книга № Я Поголовье скота по всем категориям хозяйств и по районам.
2. Куликов В.И. Забота партии о росте благосостояния народа. М.: Знание, 1983. — URL: <https://www.chitalnya.ru/work/468415> (дата обращения: 20.09.2019)
3. Динамические ряды. Животноводство. Книга № 2. Поголовье скота (рабочие и служащие и прочие группы населения).
4. Узун, В Я. Крупный сельскохозяйственный бизнес в России: тенденции и проблемы развития // Отечественные записки. — 2004. — № 1.
5. Итоги Всероссийской переписи 2006 года // Тувинская правда. — 2008. — 28 февраля.

УДК 94(470)

ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА РАБОТНИКОВ РЕЧНОЙ ОТРАСЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.: ПРОБЛЕМЫ И УСПЕХИ (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА)

*Ахтамов Евгений Александрович
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

В статье рассмотрено такое направление социальной политики Енисейского речного пароходства как обеспечение работников продуктами питания, а также трудности, с которыми сталкивалось пароходство в решении этого вопроса.

Ключевые слова: Енисейское речное пароходство, подсобные хозяйства, колхоз, совхоз, социальная сфера, предприятия, социальная инфраструктура, продукты питания.

The article considers such a direction of the social policy of the Yenisei River Shipping Company as providing workers with food, as well as the difficulties that the shipping company faced in resolving this issue.

Keywords: Yenisei River Shipping Company, subsidiary farms, collective farm, state farm, social sphere, enterprises, social infrastructure, food.

В советский период промышленные предприятия не только выполняли задачи, определенные государственным планом по хозяйственному развитию страны. Крупные предприятия были центрами жизнеустройства, они объединяли работников и их семей в социальную общность, обеспечивавшую различные социальные гарантии.

Социальная сфера крупных предприятий транспорта, в том числе, Енисейского речного пароходства, включала в себя несколько важных направлений: обеспечение работников пароходства жильём, строительство и содержание объектов социальной инфраструктуры: больниц, детских садов, школ, обеспечение работников предприятия продуктами питания.

Деятельность предприятий в социальной сфере была обусловлена существовавшим законодательством. В рассматриваемый период деятельность речных предприятий в социальной сфере регламентировалась такими законами как: Закон Министерства речного флота РСФСР и Министерства здравоохранения РСФСР от 29 мая 1984 г. №63/420, регулировавший медицинское обеспечение работников речного транспорта РСФСР, приказ Министерства речного флота РСФСР от 2 февраля 1965 г. N 15 «Положение о порядке проведения инструктажа и обучения безопасным приемам и методам работы на речном транспорте», постановление Совета министров СССР от 26 августа 1985 г. №812 «Об утверждении устава о дисциплине работников речного транспорта СССР», приказ Министерства речного флота от 2 сентября 1986 г. №49 «О проведении комплексной проверки состояния охраны труда на предприятиях речной отрасли», приказ Министерства речного флота РСФСР №75 от 14 апреля 1987 г. «О мерах по совершенствованию работы с кадрами и предупреждению аварийности на флоте», приказ Минвуза СССР от 18 марта 1968 г. №220 «Об утверждении положения о персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения» и др.

Важным направлением социальной политики Енисейского речного пароходства было обеспечение работников продуктами питания. Для этого пароходством велась работа с подшефными колхозами, содержались подсобные хозяйства [1, с. 115].

Так, в 1988 г. пароходством было заготовлено 108,2 тонн мяса [2, л. 25], как в своих подсобных сельских хозяйствах, так и получено по договорам из подшефных совхозов и личных хозяйствах речников. Стоит отметить, что количество мяса, употребляемого. Так, у работавших в Подтёсовской ремонтно-эксплуатационной базе флота было больше возможностей содержать личное хозяйство, поэтому каждый работник, согласно учету, получил 21,4 кг

мяса. А Красноярской ремонтно-эксплуатационной базой флота, заключавшей с сельхозпредприятиями договора на поставку мяса, было получено 3,6 кг мяса на каждого работника [там же, л. 25].

В марте 1989 г. Пленум ЦК КПСС установил норму обеспечения каждого работника пароходства мясом и молоком в 1990-1995 гг.: 30 килограмм мяса и 50 килограмм молока в год. Достижение плановых показателей потребовало от Енисейского речного пароходства строительства дополнительных помещений в подсобных хозяйствах, заключения новых договоров с колхозами. В результате, 1990 г. Енисейское речное пароходство должно было обеспечить каждого работника 15 килограммами мяса, что в целом по пароходству означало 196 тонн мяса в год [3, л. 24].

В достижении плановых показателей были существенные сложности: в подсобных хозяйствах подразделений пароходства были сложности с кормообеспечением, воспроизводством и сохранностью молодняка. Это требовало от руководства пароходства решения вопросов обеспечения кормами, расширения земельных участков под пашню для собственного кормовоспроизводства, строительства и утепления мест для содержания поголовья скота. В отчетах по обеспечению продуктами питания отмечалось, что в проводимой работе имелись такие недостатки как: договорные отношения с совхозами не содержали серьезных экономических обоснований, недостаточно четко велся контроль за полученным по договорам мясом. Лесосибирский порт медленно осваивал отведенные земельные площадки под строительство подсобного хозяйства, слабо развивались личные подсобные хозяйства работников пароходства, закупки у населения мяса для рабочего снабжения [там же, л. 96].

Достижению плановых показателей способствовало сотрудничество с колхозами и совхозами, которые в обмен на услуги пароходства, поставляли сельскохозяйственную продукцию. По договорам с совхозами и колхозами работали Красноярский речной порт, Красноярская судостроительная верфь, Красноярская ремонтно-эксплуатационная база. Красноярской ремонтно-эксплуатационной базой флота был заключен договор с совхозом «Манский» и с колхозом «50 лет Октября». Так в 1989 г. Красноярская ремонтно-эксплуатационная база флота получила 30 тонн мяса.

Красноярской судовой верфью в 1989 г. были заключены договора с совхозами «Манский партизан», «Красный Октябрь» Манского района и колхозом «Колос» Саянского района. По договорам в течение года работниками судовой верфи было получено 11,8 тонн мяса. С совхозом «Красноярский» был заключен договор по долевному участию в строительстве теплицы по выращиванию огурцов. Красноярский речной порт в 1989 г. заключил договор до 1995 г. с совхозом «Горский» по строительству свинарника на 3000 голов. В 1989 г. порт передал на строительство свинарника 200 тыс. руб. Вклад порта в развитие подшефного совхоза обеспечил получение 25 тонн мяса в 1989 г. В последующем, коллектив должен был получать до 100 тонн мяса [4, л. 54].

Социальная политика Енисейского речного пароходства во второй половине 1980-х гг. была многообразной и предполагала решение различных социально-бытовых вопросов. Во многом благодаря этой деятельности предприятий обеспечивалось выполнение социальных гарантий в социалистическом государстве. Стоит отметить, что, несмотря на отмечаемые недостатки в решении ряда вопросов по обеспечению работников продуктами питания, сложности с достижением плановых показателей, советский опыт являлся положительным, способствовал решению продовольственного вопроса в условиях плановой экономики.

Литература

1. Ахтамов Е.А. Социально-экономические аспекты истории Енисейского речного пароходства (1985-2001 годы): монография; Сибирский федеральный университет. Красноярск : СФУ, 2018. 174 с.
2. КГКУ ГАКК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 121. Л. 25.
3. КГКУ ГАКК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 129. Л. 24.
4. КГКУ ГАКК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 130. Л. 54.

УДК 908

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

***Мезит Людмила Эдгаровна, Ценюга Ирина Николаевна
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия***

В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников преимущественно личного происхождения анализируются проблемы производственной и бытовой повседневности сельского населения нашего региона в годы Великой Отечественной войны

Ключевые слова: повседневная жизнь, Великая Отечественная война, сельские труженики тыла

Based on archival materials and published sources of mainly personal origin, the article analyzes the problems of the production and everyday life of the rural population of our region during the Great Patriotic War

Keywords: everyday life, World War II, rural rear workers

В годы Великой Отечественной войны Красноярский край оставался аграрным регионом. Перед ним встала задача увеличение производства продукции сельского хозяйства, освоение производства новых для края сельскохозяй-

ственных культур, способных восполнить потерю основных житниц страны на Украине, Кубани, Донбассе. На момент начала войны лучшие специалисты, и руководящие кадры Красноярского края массово просились и уходили на фронт. Всего за период войны в военкоматы края было подано 35 343 заявления о добровольном вступлении в армию.

История развития аграрного сектора в военный период получила достаточное полное освещение в работах сибирских аграрников Арутюняна Ю.В., Анискова В.Т. и др. [1;2].

Целью данной статьи является анализ изменений, произошедший в производственной и бытовой повседневности сельских жителей в период военного лихолетья.

С началом войны в сельском хозяйстве страны сложилось катастрофическое положение. Мобилизация мужчин, сельскохозяйственной техники, серьезно ослабили материальную базу колхозов, совхозов. В 1941 г. краевые автобазы отправили в войска 55 автомобилей из 212. К началу 1942 г. число трактористов в крае сократилось наполовину, комбайнеров - на 70%, людей занятых в сельском хозяйстве - на 50% [3; с. 234]. В итоге стала падать урожайность зерновых: с 8,5 центнера с гектара в 1941 г. до 4,5 в 1942 г. План по хлебозаготовкам по сравнению с 1941 г. был выполнен только на 86 %.

Вышеуказанные обстоятельства стали причиной невыполнения в должном объеме обязательных государственных заготовок сельскохозяйственной продукции на всем протяжении войны.

Состояние зернопроизводства в колхозах и совхозах края [4; л. 344]

Основной показатель	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Посевная площадь, тыс. га	1560	1603	1648	1368	1081
Валовый сбор, тыс. ц	18262,3	17642,0	14140,7	9282	7529

Распределение хлеба и других продуктов для личного потребления граждан в военный период производилось исключительно после расчета с государством. Серьезно осложнило ситуацию на селе увеличение обязательного минимума трудодней, определенного Указом СНК от 15.04.1942 г. «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней» отменен 28 октября 1953 г.) и Указ «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы». Реальные доходы, получаемые колхозниками резко упали. В колхозах Эвенкийского автономного округа стоимость трудодней снизилась с 10 руб. 20 коп. в 1941 г. до 7 руб. 78 коп. в 1943г. а в отдельных хозяйствах снижение было еще более значительным [5; л.6-7об]. В 1943 г. колхозники Бирлюсского района получали на трудодни 26 копеек и 635 г зерна. Основными

тружениками были женщины и подростки. Так, в Иланском районе из 94069 трудодней, выработанные колхозниками в 1942-1944 годах, 47176 приходилось на долю женщин, 22878 — выработали престарелые колхозники, 11485 — подростки[20].

Из-за низкой урожайности зерновых в ряде районов края выросла задолженность колхозов перед государством, поэтому возникли проблемы с выдачей хлеба колхозникам. Так в Ермаковском районе в 1943 г. колхозники получили 380 грамм хлеба на трудодень, в результате 75% колхозников оказались под угрозой массового голода. В Козульском районе колхозница Сухаренко, имевшая на иждивении 6 детей, муж с 1941 г. воевал на фронте, в хозяйстве имелась 1 корова, выработала 370 трудодней, на которые получила 1,3 центнера зерна. Всего по Козульскому району имелось 375 колхозных хозяйств, в которых 1675 человек нуждались в продовольственной помощи [6;л.42.76]

По воспоминаниям Шитиковой С.З., работавшей в колхозе Новоселовского района в годы войны: «Колхоз выдавал по 30-40 грамм на трудодень работника. Ежемесячно сдавали на нужды фронта: 150 яиц, 500 рублей военного налога, 32 кг мяса» [7; с.133].

Для населения, проживающего в сельской местности, но не связанных с сельским хозяйством, в т.ч. эвакуированное население, направлялись централизованный фонд хлеба и продовольственных товаров. Для учителей, врачей, инвалидов войны было установлено снабжение хлебом по гарантированным нормам, которые отпускались только по талонам и спискам [8;л.64-64об]. Каждая семья выживала как могла. Попов Иннокентий Никандрович, проживавший в годы войны в с. Маклаково Енисейского района вспоминал: « Жили в войну мы на то, что давало наше личное хозяйство. И то отдавали государству сыр, масло, яйца, мясо, шерсть. Все это собирали агенты, ходившие по дворам. Питались мы тогда плохо. Основным блюдом была картошка, овощи, речная рыба, мясо было очень редко, часто голодали. По три дня бывало ели соль и пили воду. Хлеб давали по 100 граммов в сутки на человека. Трудно было [9с. 353-354]. К труду привлекались от мала до велика. По воспоминаниям Г.А. Ощепковой (урожденной Ивашевой) «Мы не колхозники, но это не важно: было бы желание работать. Работы разные: весной посадка и полив рассады капусты. Табака; сенокос - летом, подгрести за вязальщицами снопов, ворошить зерно - осенью. Подрастали - работали всей семьей. Выращивали табак. Гектар на семью. Пололи, пасынковали, рубили, сушили на вешалах, сдавали государству». Жили впроголодь. Архивы сохранили обращение учительницы Ивановской школы Бухман к директору маслопрома с просьбой получить для ребенка молоко в Ивановском сливном отделении: «Коровы своей я не имею, купить на стороне молока не могу в связи с тем, что молоко сельчане меняют только на вещи. Какие вещи у меня были, мы с ребенком уже проели. Если молока не можете дать, прошу очень разрешения хотя бы на обрат. Ребенок в больнице. Поддержки у меня нет никакой. Заявление писано 03.07.1943».

Основным источником выживания крестьян оставалось личное подсобное хозяйство. Однако с декабря 1941 по 1944 гг. ставка сельхозналога ежегодно

поднималась, что подрывало личное подсобное хозяйство и нередко были случаи, когда сельские жители питались лебедой, свекольной ботвой, жмыхом. Но, не смотря на это, старались собрать посылки на фронт. К Первомайским праздникам 1942 г. колхозницы и колхозники колхоза «Степной пахарь» Курагинского района послали фронтовикам 100 кг домашней украинской колбасы и центнер сдобного печенья. А колхоз имени Карла Маркса отправил 1,5 ц таких посылок. При этом, в начале 1944 г. каждая крестьянская семья в среднем потребляла, по данным В.Т. Анискова, 91 гр. мяса/сала в день, яиц на семью 0,3 шт. [2; с.140]. Более того, так как в личных хозяйствах урожайность, как правило, оказывалась выше, чем в колхозах, крестьянство обязывали «закрывать» за счет отчислений из собственных продовольственных запасов еще и обязательные к выполнению государственные поставки. В условиях, когда общественное животноводство приходило в упадок катастрофическими темпами, в личных подсобных хозяйствах поголовье домашнего скота сохранялось в среднем примерно в тех же показателях [10; л.349].

Существенно изменился порядок оплаты труда в деревне в военный период. Здесь действовал остаточный принцип оплаты трудодней. Распределение натуральных выплат осуществлялось только после окончательного расчета с государством, и было мизерным. Чтобы поддержать колхозников, часть продукции выдавалась авансом, в счет будущей оплаты по трудодням. Как следует из архивных материалов, на один трудодень выдавалось в годы войны от 280 до 1760 граммов хлеба в день [11; л.56]. При этом нормы выдачи дифференцировались не только по районам края, но и в пределах одного района, что вызывало обиду и раздражение у селян.

Существенно усложнило жизнь сельских жителей Постановление комиссариата торговли от 2 июня 1942 г. в соответствии с которым были введены ограничения по снабжению населения мылом, солью, керосином, спичками (не более 400 граммов соли в месяц на человека) [12; л.33]. Восполнить образовавшийся дефицит пыталась потребительская кооперация, однако более половины отпущенных ей фондов использовались не для снабжения сельских тружеников, а на снабжение инвалидов и детей, массово эвакуированных на территорию региона. Люди самостоятельно искали решение проблемы. По воспоминаниям Галины Ермолиной, проживавшей в Хакасии в годы войны, мыло было дефицитным, чаще ходили в баню с самодельным, похожим на холодец, изготовленным из древесной золы» [13; с.35].

В страдную пору на селе уделялось большое внимание организации общественного питания. В Новоселовском районе для обеспечения полеводческих бригад, занятых на весеннем севе в совхозе было организовано общественное трехразовое питание. Нормы отпуска продуктов на одного работающего в день составляли: мясо 300 граммов, жиров 25 грамм, крупа (мука) 150 грамм, овощи 600 грамм, Продукты выделялись совхозом из специального выделенного для этого фонда [14; л.1]. Из воспоминаний Василия Степановича Улюкова, подростком в годы войны работавшего в колхозе «Красный маяк» Канского района: «На стане (бригады) готовили суп из картошки, капусты, свеклы, моркови и не

всегда с мясом. Пили чай, заваренный лесной травой, без сахара. Хлеба давали по 500-700 граммов. Еда была скромная и мы, подростки ощущали голод. В перерывах бегали в лес и ели траву: щавель, пучку, саранки, медунки» [15;с.161].

Несмотря на тяжелые условия труда, систематическое недоедание основных законом жизни на селе было выполнение и перевыполнение дневной нормы. Так, пахари Тюхтетского района Хвощевский, Тихонович выполняли ежедневную норму на 140%. Трактористы Харитонов и Чертоусов вспахивали 42-45 га за смену[3; с 236].

Из-за острого недостатка тягловой силы колхозники в 1942 году стали широко использовать молочный скот для пахотных работ, хотя поголовье крупного рогатого скота в крае сократилось к этому времени на 15% [3;с.239]. В весну 1942 года в Красноярском крае родилось нагорновское движение, которое вызвало широкую волну стахановского подъема в сельском хозяйстве, во многом решило успех проведения весеннего сева, помогло многим колхозам и даже в целом районам выйти передовыми в досрочном окончании весеннего сева с перевыполнением плана. Родиной этого замечательного нагорновского движения явился колхоз «Красный партизан» Листвяговского сельсовета Краснотуранского района. Колхозник этого колхоза тов. Нагорный Валентин Алексеевич, взял обязательство перевыполнять задание на пахоте и довести выработку на однолемешный плуг при сменных лошадях до 4-х гектаров в день. В крае были повсеместно восстановлены звенья высокого урожая, комсомольцы и школьники занимались на приусадебных участках заготовкой семян корнеплодов (моркови, свеклы, турнепса, огурцов и т.п.).

Не менее сложными были бытовые условия на селе в военный период. Система общедоступной медицинской помощи сельских жителей в довоенный период не была создана в крае, в годы войны она еще более осложнилась. Занимались самолечением, только в экстренных случаях обращались в районные больницы. Важнейшим направлением в работе учреждений здравоохранения в этот период была борьба с эпидемическими заболеваниями. Известно, что голод, тяжелые социально-бытовые условия жизни являются причинами роста числа инфекций. В 1944 г. в Большемуртинском районе участились случаи смертей от септической ангины. Крайздравотдел направил врачей для выяснения причин данного явления и установил, что население ряда деревень из-за голода осуществляли сбор колосков в апреле-мае на колхозных полях. Был организован стационар на 50 коек, произошло изъятие зараженного зерна и обмен его на зерно качественное. Эпидемию удалось остановить [16; с.59].

В годы войны сельское население края существенно пополнилось эвакуированными обитателями детских домов, так в 1942 г. были направлены в районы Хакасской автономной области – 405 человек, в Емельяновский, Минусинский, Идринский, Краснотуранский, Новоселовский, Каратузский, Партизанский, Канский районы края – 1011 человек [17; л.13-14]. На селе не было специально оборудованных для детей помещений, мебели и пр. Однако колхозники восприняли заботу детей сиротах, как личную и существенно помогали детским домам. Так в сентябре 1942 года в с. Каратуз прибыл из блокадного Ле-

нинграда детский сад № 26. Пятьдесят мальчишек и девчонок со своими воспитателями, сильно истощенные и больные, поселились в бывшем пионерском клубе в селе Каратузском. Их окружили теплотой и заботой, выделив им кров, одежду и питание, закрепив за детским садом № 26 сенокосный участок и 5 га земельного участка для ведения подсобного хозяйства. Купили двух лошадей и четыре коровы, обеспечили дровами, керосином и мылом [17; л.41-42]. По прибытии в Каратуз детский дом испытывал недостаток мебели, из-за нехватки кроватей, девочки спали по двое, а мальчики на деревянных нарах. Усилиями местных жителей и шефствующих колхозов, удалось обеспечить ребят необходимой мебелью.

Из воспоминаний В.И. Липатовой (Соколенко), в военную пору жившую в Даурском районе нашего края. «Жили очень бедно. Не помню, чтобы у кого были простыни или матрасы, спали на полу. Койка была одна и та на одной ноге. В стену вбиты доски и солома. Шубы шили из овечьих шкур. ...на ногах чулки вязанные холщевые, чирочки сшитые из кожи, скользкие, завязывались шнурком, но зато бегать по жниве было в них легко [18; с. 209]. Как вспоминал Попов Н.И.: «Одевались очень плохо. Носили бродни, одежду шили сами из кулей. Из магазина ничего не получали. Зимнюю одежду тоже делали сами... Мебели не было никакой, если не считать стола да скамейки. Пол был голый, половиков не было. Даже занавесок на окнах и тех не было» [9;с.354]. Отсутствие одежды и обуви в свободной продаже люди пытались компенсировать собственной смекалкой. Например, тапочки изготавливали из хлопчатобумажной ткани, а подошву из деревянной основы. «Я помню вкус желудевого хлеба, щей из конёвника без соли. Помню замерзшие свекольные чернила в плошке и тетради, сшитые из газетных страниц. Я помню, как неутешно плакал, то и дело, падая на скользкой мартовской дороге, потому что лапотки на деревянных колодках скользили по нему самопроизвольно, не починяясь моей воле и заочневшим от ледяной воды ногам. Вернее ноги не слушались меня», вспоминал житель с. Каратузкое С.В. Ключников.

Значительными трудностями в сельской местности сопровождалась заготовка дров. Если граждане были в состоянии собственными усилиями запасти дрова на зиму, то им выделялась деляна из числа закрепленных за колхозом, где и производилась вырубка, распиловка деревьев. Снабжение нетрудоспособных (многодетных) членов сельхозартели лежало на совести руководителей хозяйств. Заготовленные дрова должны были доставляться в деревню после окончания сельскохозяйственных работ и тогда же возникали проблемы с транспортом. Поэтому кража дров стала обычным явлением военной поры [18; с. 209].

Несмотря на полуголодное существование, труженики села регулярно сдавали в Фонд обороны деньги, продукты. В.И. Липатова вспоминала, что в годы войны они с мамой посылали на фронт сушеную картошку. Чистить ее приходилось по ночам. «Порежешь ломтиками, а потом мама ее обдаст водой кипятком и на протвине в русскую печку. Высохшая картошка укладывалась в холщовые мешочки и зашивалась» [18;с.212].

Серьезные изменения произошли и в повседневности сельских подростков. Они сызмальства помогали посильно родителям в личном хозяйстве, занимались сбором дикоросов. В 1942 г. все учащиеся сельских школ были обязаны сдавать государству определенную норму дикоросов (черемши, грибов, орехов и т.п.), заготовку которых вели в свободное от учебы и общественной работы время. Заботами сельских ребят в крае широко развернулся сбор лекарственных трав для госпиталей края [19; с. 325]. Школьники совместно с учителями самоотверженно помогали колхозам и совхозам выполнять государственное задание. Нормы выработки у ребят были наравне со взрослыми. В 1942 г. на сельскохозяйственных работах было занято 193 тысячи учеников. Вместе с учителями они выработали около двух миллионов трудодней, заработали 800 тысяч рублей [19;с.324]. При этом ребята старались хорошо учиться.

В годы войны Красноярский край оставался тыловым регионом, который создав мобилизационную экономику, выполнил оборонный заказ страны, при этом условия жизни, уровень жизни местного населения резко понизился. В военный период были ужесточены основные принципы и механизмы трудовой политики. Однако имело место проявление трудового героизма граждан, в т.ч. несовершеннолетних ребят, озабоченных ответственностью за судьбу страны. Победа действительно досталась советскому народу дорогой ценой. Руки стариков, женщин и детей растили и убирали хлеб, труженики тыла оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищавших Родину от немецких оккупантов. Ощутимо снизился материальный уровень жизни населения края. Имевшиеся в стране централизованные фонды не позволили полностью покрыть потребности граждан в товарах и услугах первой необходимости. Только сочетание мер государственной поддержки и самостоятельных действий населения позволило ослабить существующие трудности.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.,1970.
2. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993.
3. Красноярск-Берлин. Историко-публицистическое, краеведческое издание, посвященное 65 –й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск, 2010.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. П -26. Оп.15. Д.1.
5. ГАКК Ф. П – 1570. Оп.1. Д.47.
6. ГАКК Ф. Р-1386. Оп.4.Д.21.
7. Мы помним... Красноярск, 2005.
8. ГАКК. Ф.Р-1386. Оп.1. Д.866.
9. Красноярский край в истории Отечества. Кн.3. Красноярск, 2000.
10. ГАКК Ф. П- 26. Оп.15. Д.1.

11. ГАКК Ф. П -26. Оп.3. Д.530.
12. ГАКК Ф. П-26. Оп.3. Д.840.
13. Детство, опаленное войной воспоминания. Красноярск, 2011.
14. ГАКК Ф.П-26.Оп.3.Д.557.
15. Все для фронта, все для Победы. Красноярск, 2000
16. Ханенко Б.И. Здоровоохранение Красноярского края. Красноярск, 1991.
17. ГАКК Ф. П-26. Оп.14. Д.457.
18. Устная история: человек в повседневности XX века. Вып.1. Красноярск.2010.
19. Шла война народная. Ратные и трудовые дела красноярцев в воспоминаниях, документах, письмах. Красноярск,1985.
20. Архив Иланского района. Ф. Р-2. Оп. 3. Д.8 // <http://www.ilansk-adm.ru/article/arhiv-ilanskogo-rayona/70-letie-pobedy/ilanskiy-rayon-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>

УДК 908(571.51)

***СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1940-е гг. (НА ПРИМЕРЕ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)***

***Борисенко Екатерина Александровна
Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия***

В статье рассматриваются меры государственной и общественной социальной поддержки инвалидов Великой Отечественной войны. Анализируются создание учреждений для лечения и реабилитации, трудоустройство, и проведение мероприятий для сбора средств в помощь инвалидам и членам их семей.

Ключевые слова: инвалид, группа инвалидности, реабилитация, трудоустройство, обучение, пенсия, месячник.

The key issue of the article is the measures of state and public social support for persons with disabilities of the Great Patriotic War. The author analyzes the creation of institutions for treatment and rehabilitation, employment, and measures to raise funds to help people with disabilities and their families.

Keywords: disabled person, disability group, rehabilitation, employment, training, pension, mesyachnik.

Великая Отечественная война унесла жизни миллионов советских граждан. В Красноярском крае свыше ста тысяч семей не дождалась своих родных с полей сражений. Но война также создала большую группу социально незащищенного населения, которая должна была научиться жить в новых для

себя условиях. Речь идет о тех фронтовиках, у которых война забрала здоровье и способность полноценно трудиться и зарабатывать себе на жизнь. Это инвалиды, остро нуждавшиеся в поддержке государства и общества.

С первых дней войны в госпитали стали поступать раненые солдаты. Тяжелораненые воины, которые более не могли продолжать службу по состоянию здоровья, были комиссованы. В связи с этим государство должно было в кратчайшие сроки наладить сеть медицинских учреждений для лечения и реабилитации раненых, а также организовать социальную поддержку инвалидов. Комиссованные фронтовики возвращались домой, и они нуждались в элементарных предметах быта – белье, одежде, обуви, а также жилье.

По архивным данным известно, что в 1943 г. в Красноярском крае на учете по инвалидности состояло уже 12 тысяч человек [1, с. 130-131]. Соответственно, к концу войны число инвалидов сильно увеличилось. На 1 декабря 1946 г. на учете по краю состояло уже 32355 человек. При этом в Красноярском крае было самое большое количество инвалидов войны по сравнению с другими регионами Восточной Сибири [2, с. 157]. Это было связано с тем фактом, что Красноярский край направил на фронт большее число людей, чем соседние регионы.

Из вышеназванных 32355 человек, большинство были отнесены медицинской комиссией к III группе инвалидности, а именно 22155 человек. Многочисленна была II группа – 9689 человек, при этом нужно учитывать, что со временем определенная часть этой группы пополняла I группу. Наконец, 511 человек были сразу отнесены к I группе [3, л. 16].

В СССР группа инвалидности назначалась в зависимости от трудоспособности индивида. Инвалидность I группы подразумевала полную постоянную или продолжительную нетрудоспособность, либо возможность приспособления индивида к некоторым условиям труда. Группе II инвалидности соответствовала постоянная или продолжительная нетрудоспособность, либо способность заниматься отдельными видами трудовой деятельности в особо организованных индивидуальных условиях труда (специальные цеха, работа на дому, рабочие приспособления и др.). Инвалидность III группы назначалась в случае необходимости перехода на работу другой профессии более низкой квалификации в связи с невозможностью работы на прежней позиции, либо в связи с существенным сокращением объема производственной деятельности, следствием которого являлось снижение квалификации [4, с. 8].

В условиях продолжавшейся войны каждый, кто мог работать, был на счету, к тому же заработная плата позволяла государству снять с себя часть финансовых затрат на полное содержание нетрудоспособных граждан. Поэтому 6 мая 1942 г. вышло Постановление СНК СССР, обязывающее руководителей предприятий, учреждений, организаций предоставлять инвалидам Отечественной войны работу, обеспечивая их всеми необходимыми производственными и бытовыми условиями. Одновременно с этим был подготовлен документ, адресованный комиссованным фронтовикам – приказ от

28 января 1943 г., согласно которому все инвалиды третьей группы, вернувшиеся с фронта, обязывались трудоустроиться в 3-месячный срок. В случае нарушения этого условия они лишались пенсии по инвалидности, а продовольственное снабжение их приравнивалось к нормам третьей категории – иждивенцев. За работающими инвалидами пенсия сохранялась. Эти нормативные документы стимулировали инвалидов к скорейшему трудоустройству.

Инвалиды войны имели специфическую особенность в сравнении с инвалидами довоенного времени. Это были в основном люди молодого и среднего возраста, у которых были повреждения, главным образом, опорно-двигательного аппарата – чаще всего верхних и нижних конечностей. Если до войны инвалиды с дефектами конечностей составляли 8% от всех инвалидов, то в конце войны эта доля возросла до 42% [5, с. 63]. Поэтому перед органами социального обеспечения, в первую очередь, стояла задача трудоустроить инвалидов III группы, на работы, не требующие физической активности.

По данным за 1943 г. известно, что из 12 тысяч инвалидов – 8817 человек было трудоустроено в положенные сроки, а еще около двух тысяч человек проходили обучение. После окончания войны инвалиды также привлекались к работе согласно их ограниченным возможностям. Так, 43 инвалида войны прошли обучение профессии бухгалтеров в Иланской профшколе и были приняты на работу в колхозах [6, с. 1]. В Ужурском районе в 1946 г. вопросом трудоустройства инвалидов занимался райсобес, в результате чего работу получил 61 человек с ограниченными возможностями. Всего за первое полугодие 1947 г. в Красноярском крае были устроены на работу бригадиров, звеньевых, бухгалтеров – 690 инвалидов [7, с. 4].

С инвалидами I и II групп дело обстояло сложнее, поскольку зачастую работодатели не могли предоставить соответствующие условия труда для людей с ограниченными возможностями. Социальная политика СССР тех лет больше внимания уделяла компенсирующим мерам, поддерживавшим жизнедеятельность индивида, нежели мерам, способствующим вовлечению индивида в общественную, трудовую жизнь страны [4, с. 6]. Лишь для некоторых из них был организован надомный труд. А большинство инвалидов, не способных обеспечить себя личным трудом, получали материальную помощь в виде пенсий и пособий как по линии горсобесов и райсобесов, так и по линии общественности городов и районов.

Если говорить о социальной политике, то для поддержки инвалидов уже в военные годы была разработана государственная система обеспечения. В документах 1943 г. упоминается сеть специальных домов инвалидов Великой Отечественной войны, в которых в Красноярском крае находились 2064 человека [1, с. 130-131]. Вероятно, для этих целей были приспособлены уже существующие медицинские учреждения. Очевидно, что для этих же целей были адаптированы действующие «Дома для инвалидов труда». По официальным данным в Красноярском крае они были рассчитаны на 1220 мест. За год туда было направлено 1020 человек, причем на реабилитацию в них

направлялись не только люди, получившие травмы на производстве, но и комиссованные фронтовики [3, л. 37]. Анализ ситуации в первый послевоенный год показал, что имевшихся условий было недостаточно, поскольку востребованность таких учреждений существенно возросла. Поэтому в 1946 г. планировалось создание интернатов для инвалидов с возможностью постоянного проживания и ухода. Планом были утверждено открытие интерната на 350 коек, профшкола-интернат на 50 коек и Дом отдыха. Однако ограниченные условия послевоенных лет сказались и на этой сфере. К 1948 г. были открыты интернат общего типа на 290 коек, Дом отдыха на 50-60 коек, и профшкола на 65 [3, л. 29]. В итоге в 1948 г. в крае работали 8 Домов инвалидов для взрослых, 3 интерната инвалидов войны и труда, хотя и этого количества койко-мест было недостаточно [2, с. 160]. Как правило, уход за инвалидами I и II групп ложился на плечи членов их семей.

В Красноярском крае все вопросы, связанные с помощью инвалидам, в указанный промежуток времени регламентировались решением исполкома крайсовета №459 от 5 апреля 1947 г. Жалобы, поступающие от инвалидов, должны были решаться в первую очередь. Ежемесячно должны были проводиться проверки выплат пенсий и пособий. Краевые предприятия были обязаны выполнять план трудоустройства и производственного обучения инвалидов, а также не допускать необоснованного увольнения или отказа в приеме на работу.

Однако, несмотря на указания, государственная машина периодически давала сбой. Например, пенсия инвалидов Великой Отечественной войны была в среднем в два раза ниже заработной платы трудящихся основных профессий. Существовали проблемы с обеспечением работой и жильем [8, с. 150].

Подобная ситуация складывалась по ряду причин. Далеко не все предприятия и колхозы могли трудоустроить у себя людей с ограниченными возможностями. Например, люди со II группой инвалидности не могли принимать участие в полевых работах. Для них, по возможности, предоставляли места в административных аппаратах колхозов или в учреждениях, если у них имелась соответствующая квалификация или они могли пройти обучение. Но, учитывая, что с конца 1946 г. велись активные работы по сокращению штатов административных аппаратов колхозов в рамках ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели, трудоустроить всех инвалидов на такие работы также не представлялось возможным. Кроме того, в городах и селах края еще не была отлажена система организации домашних работ или в специализированных объединениях инвалидов. Поэтому зачастую инвалиды войны были вынуждены жить только на пенсию по инвалидности.

Народ, выдержавший военные лишения, не мог оставаться равнодушным к согражданам, терпящим нужду, и в особенности к тем, кто был ранен на фронте. К тому же зачастую это были товарищи и соседи, знакомые друг с другом много лет. Поэтому в обществе действовали свои способы поддержки нуждающихся.

В рассматриваемый период проводили несколько разновидностей мероприятий для сбора денег и создания фондов дополнительной помощи нуждающимся категориям населения: организовывали кассы взаимопомощи, проводили воскресники, недели, месячники, декадни, спектакли, концерты для сбора денег, продовольствия, одежды и обуви. В это же время нуждающиеся категории населения бесплатно получали вещи из Северо-Американских Соединенных Штатов. Выдача новой и б/у одежды осуществлялась по спискам, составленным городскими и районными отделами гособеспечения. В Рыбинском районе, например, было решено выдать вещи на 68 семей погибших фронтовиков и на 31 семью инвалидов Великой Отечественной войны [1, с. 197-198]. В рамках месячников осуществлялись и ремонт квартир, заготовка дров, оказывалась прочая физическая помощь [9, л. 23].

Первый такой месячник в крае был проведен в декабре 1945-январе 1946 гг. на основании постановления исполкома крайсовета и бюро крайкома ВКП (б) №39 от 18 октября 1945 г. «О мероприятиях по проведению месячника» [9, л. 5]. В районах было проведено более 200 собраний и бесед. На предприятиях, в колхозах и совхозах были созданы постоянно-действующие комиссии по оказанию материальной помощи. За месячник активистами было собрано 3 707 420 рублей, 1320 ц хлеба, 6198 ц картофеля, 2 324,3 ц овощей, 17334 кг мяса. Нуждающимся была оказана помощь из собранного фонда. Деньгами было выдано 802889 рублей, 589 ц хлеба, 2484 ц картофеля, 1783 ц овощей и 5711 кг мяса [9, л. 1-2]. Кроме выдачи материальной помощи в рамках месячника было отремонтировано 5838 квартир, заготовлено 70225 кубометров дров, закуплено 8303 тонны угля, 90815 ц кормов для скота [9, л. 2]. Отметим, что эта помощь была оказана не только инвалидам или членам их семей, но и другим нуждающимся семьям, оставшимся без кормильцев.

Говорить о том, что благодаря месячнику все эти семьи действительно поправили свое материальное положение и вышли из категории нуждающихся, не приходится, однако такая комплексная помощь позволила снять остроту нужды: починить дома, снабдить углем и дровами, теплой одеждой и обувью, а также продуктами питания на какое-то время.

Таким образом, Великая Отечественная война помимо естественных разрушений и людских потерь имела и другие социальные последствия. Она привела к появлению новой и многочисленной категории инвалидов. Государство не было готово в короткие сроки обеспечить такое количество людей необходимой социальной и материальной поддержкой. Именно поэтому государственным органам пришлось уже в военные годы систематизировать ранее действующее законодательство и адаптировать его к изменившимся условиям.

Для обеспечения людей с ограниченными возможностями средствами к существованию были предприняты меры по их обязательному трудоустройству в тех случаях, если это позволяло здоровье бывшего воина, а также им были выделены пенсии по инвалидности. В то же время решения государственных

органов носили противоречивый характер: нормы, направленные на материальное обеспечение инвалидов, не стимулировали их к труду, а еще больше обособляли от общества.

Дополнительную помощь инвалиды-фронтовики получали благодаря добрососедским отношениям и организованным местной властью акциям для сбора денег, продовольствия и вещей, а также помощи по хозяйству. Однако эти меры не могли компенсировать утраченного здоровья, а также обеспечить комиссованным фронтовикам достойного уровня жизни.

Литература

1. Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия для учащихся старших классов средних школ: в 3-х кн. Кн. 3. 1941-1953 / Гос. архив Красн. кр. – Красноярск: Книжное издательство, 2000. 446 с.

2. Шалак, А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940-1950-е гг.) / А.В. Шалак. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 354 с.

3. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 656.

4. Демьянова, А.В. Социальная политика в сфере защиты прав инвалидов в России [Электронный ресурс]: препринт WP3/2015/09 / А. В. Демьянова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (2 Мб). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 50 с.

5. Альбеева, А.Ю. Правовая политика в отношении инвалидов в советской и постсоветской России (историко-правовое исследование): диссертация ... кандидата Юридических наук: 12.00.01 / Альбеева Анастасия Юрьевна. Самара. 2017. – 248 с.

6. Инвалиды войны // Красноярский рабочий. – 1947. – №154.

7. Работа для инвалидов // Красноярский рабочий. – 1947. – №171.

8. Хаяров, Д.Г. Деятельность органов социального обеспечения по работе с демобилизованными военнослужащими в первые послевоенные годы (исторический аспект) / Д.Г. Хаяров // Интерэкспо Гео-Сибирь. История. Исторические науки. – 2016. –С.148-151.

9. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 658.

***СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОВЕТСКОЙ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ***

***Очирова Валентина Николаевна
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия***

В статье рассматривается советская производственная повседневность на промышленных предприятиях, расположенных в европейской центральной части страны, Сибири, Западной и Восточной Сибири и на Урале в послевоенные годы в отечественной и зарубежной историографии. В целом, исследовательский интерес сфокусирован на анализе количественного и качественного состава рабочего класса, источников его формирования и пополнения, изменений в культурно-техническом уровне и материальных условиях жизни рабочих промышленных предприятий.

Ключевые слова: советская повседневность, современная историография, послевоенный период, промышленные предприятия, Урал, Сибирь, условия труда, заработная плата, советские рабочие

The article deals with the analysis of Russian and foreign historiography on soviet everyday life on industrial plants that situated in the European parts of the country, the Urals, Western and Eastern Siberia during the post-war period. The researchers' accent was made on the analysis of quantitative and qualitative aspects of the working group, the main sources and ways of recruitment, changes in cultural sphere of life and quality of life of the soviet workers.

Keywords: Soviet everyday life, historiography, post war, industrial plants, the Urals, Siberia, working conditions, wage, soviet workers

Две рубежные вехи в истории Советского Союза: май 1945 и март 1953, характеризуются многими исследователями как переломными в общественном настроении. Эти годы знаменуются перестройкой народного хозяйства, переходом предприятий на производство мирной продукции с одновременной реконструкцией, внедрением достижений науки в производство, повышением производительности труда, массовым трудовым героизмом, нашедшим свое отражение в социалистическом соревновании. Это повлекло за собой изменения в образе жизни, в общественном сознании советских людей. Исторические исследования, посвященные поствоенному периоду, в основном рассматривают вопросы развития народного хозяйства в целом и различных ее отраслей в частности; количественный и качественный состав рабочего класса, источники его формирования и пополнения, изменения в культурно-техническом уровне и материальных условиях жизни рабочих [1-3].

В современной историографии последние два десятилетия велись активные исследования, посвященные советской повседневности поствоенного времени. Володина Н.Н. выделяет два основных сюжета повседневности: бытовая, к которой относится личная жизнь, дом, досуг и производственная [4]. Последняя рассматривается историком на примере тюменского завода «Механик». В своих исследованиях Володина Н.Н. рассматривает трудовые будни рабочих завода в 1945-1953 гг., когда предприятие начало возвращаться к рутине послевоенной жизни, к выпуску продукции народного потребления. С переходом к мирной жизни наблюдались и изменения в трудовой повседневности рабочих. Эти изменения касались, прежде всего, состава рабочих и условий труда. Володина Н.Н. отмечает, что в данный период особое внимание уделялось повышению квалификации молодых рабочих, т.к. им не доставало практических умений и навыков для работы. Для этой цели организовывались различные курсы, кружки, стахановские школы, но наиболее значимым было все же практическое обучение «непосредственно у станков, в форме индивидуально-бригадной подготовки» [5]. Что касается условий труда, то автор отмечает ряд проблем, с которыми столкнулись рабочие завода «Механик». Во-первых, это изношенные и требующие капитального ремонта заводские цеха и помещения; во-вторых, преобладание ручного труда в производственном процессе («многие трудоемкие работы не были механизированы», а «транспортировка деталей по цеху... производилась за счет их мускульной силы»); и, в-третьих, изношенность, а порой пришедшее в негодность проработавшее на полную мощь во время войны заводское оборудование. Кроме вышеупомянутых трудностей, автор указывает на «рванный ритм работы», который был обусловлен несвоевременной поставкой сырья и материалов, что в свою очередь приводило к сверхурочным работам к концу месяца, а к началу следующего, соответственно, к простоям. Следствием такой организации и условий труда, по мнению автора, явилась большая текучесть рабочих кадров [6].

Исследованию повседневных проблем советского рабочего в поствоенный период наряду с отечественными историками занимаются и зарубежные исследователи. Среди работ следует отметить труды британского историка Дональда Фильцера. В своих работах он предпринимает попытку реконструировать жизнь советских людей в послевоенный период, рассматривая разные аспекты повседневной жизни рабочих промышленных городов. Анализ уровня и условий жизни горожан был дан на основе данных, полученных благодаря кропотливой работе в Государственных архивах Российской Федерации, а также отчетов Министерства здравоохранения СССР, Статистического управления СССР и других государственных ведомств. Ежегодные отчеты Государственной санитарной инспекции позволяют проследить тенденцию изменений в санитарно-эпидемиологической ситуации в каждом регионе и провести их сравнительно-сопоставительный анализ.

В монографии «Советские рабочие и поздний сталинизм», в одной из глав в обобщенном виде Фильцер Д. дает описание производственной повседневности советских предприятий [7]. Британский историк, как и Володина Н.Н.,

упоминает о проблемах с поставкой сырья и его плохом качестве, об изношенном и постоянно выходящем из строя оборудовании, отсутствии запасных деталей и т.д., что в свою очередь вело к застоям и потере рабочего времени. Но при этом Фильцер Д. считает, что основная причина в сложившейся проблемной ситуации заключалась не только в плохом планировании руководства или в завышенных планах, а в самих рабочих. Дезорганизованность проявлялась в том, что «рабочие проводили значительную часть времени не на рабочем месте – искали запчасти, инструменты, ждали бригадира или мастера, чтобы отремонтировать или настроили оборудование, выверили ошибки в чертежах или дефекты в деталях ...» [8].

Проблемы с трудовой дисциплиной, отношение к труду, мотивация – предмет анализа в работах Темницкого А.Л., Тяжельниковой В.С. [9, 10]. В исследовании Тяжельниковой В.С. со ссылкой на социологическую литературу рассматриваются два типа трудовой этики: традиционный и современный. Согласно данной дифференциации, традиционный или минималистический тип предполагает удовлетворение самых скромных, минимальных потребностей человека в еде, одежде и жилье. Второй тип отличается противоположным отношением, т.е. максимально ориентирован на достижение высоких заработков [11]. Отличительным свойством этики труда в рассматриваемый период были однозначно принудительные меры, но как отмечает Тяжельникова В., «наиболее действенной была опора на сознательность» и многие жили и работали под лозунгом «завод – моя семья» [12].

При исследовании производственной повседневности многие историки уделяют большое внимание жизни молодых трудящихся, которые были молоды, физически выносливы и не обременены семьями и всеми вытекающими отсюда материальными последствиями. Так, в качестве иллюстрации производственной повседневности трудовой молодежи, Фильцер Д. приводит описание отрывка жизни командированных молодых рабочих с минского тракторного завода (МТЗ) на сталинградский тракторный завод (СТЗ) в конце мая 1946 года [13]. Молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет были командированы в СТЗ с целью получения практических навыков для дальнейшей работы в МТЗ. Ввиду несогласованности руководства двух заводов, практиканты остались без рабочей одежды, жилья и практически средств к существованию. Вследствие бедственного положения некоторые из них сбежали с завода, а многие впоследствии были судимы за своевольное оставление рабочего места. Так как в большинстве своем комсомольская организация занималась набором ребят для практики, ее и обвинило руководство МТЗ в случившемся. Фильцер Д. отмечает, что случившееся на СТЗ было крайне экстремальным, но оно было скорее обыденным и повсеместным, нежели исключением в послевоенные годы. Следует отметить, что многие заводы и предприятия находились в крайне сложных материальных условиях, рабочие были необразованны, неопытны, некомпетентны, кроме того они работали в тяжелых условиях за мизерную заработную плату. В монографии Фильцера Д. «Советские рабочие и поздний сталинизм» тщательно исследована производственная повседневность молодого поколения рабочих: в част-

ности особое внимание было уделено условиям найма, обучения и условиям труда, которые значительно отличались от условий, предлагаемым более взрослым и опытным рабочим. Также британский историк исследовал нововведения советского времени – «ФЗО» (фабрично-заводское образование), которые профилировались на обучение квалифицированной рабочей силы для ведущих отраслей народного хозяйства (промышленность, горнодобывающая сфера, строительство), «РУ и ЖУ» (ремесленные училища и железнодорожные училища), ориентированные на подготовку квалифицированных рабочих. В данной работе автор рассматривает взаимодействие учебных заведений с различными организациями, такими как комсомол, партия или местная власть. По первоначальной идее, подчеркивает Фильцер Д., запись на курсы должна была быть организована на добровольной основе, но в связи с возникшими трудностями, были использованы рычаги давления в виде выше указанных представителей общественности и власти. Методы, которыми пытались увещевать молодежь записаться, были разными: от агитационных статей в газетах до вещаний через радио. Если сравнивать качественные показатели, то городская молодежь шла учиться более охотно по сравнению с сельской, что отражалось в перевыполненных плановых показателях. При этом исследователь отмечает, что ввиду плохой инфраструктуры, проблем с предоставлением питания и одеждой, учебные заведения сами отказывались набирать установленное планом количество студентов. Сложнее всего с набором молодежи дела обстояли у угледобывающей промышленности, тяжелой металлургии, в сфере строительства в следующих регионах: Донбасс на Украине, Молотовская (ныне Пермский край), Челябинская и Свердловская области на Урале, угольные и металлургические центры на Кузбассе в Западной Сибири.

Следует отметить, что многие молодые люди были неграмотны, так как война прервала образовательный процесс. Для ликвидации данной проблемы были инициированы школы рабочей молодежи, которые давали возможность получить основное образование. Фильцер Д. предпринимает попытку дать объяснение тому, почему данная благая инициатива столкнулась со многими проблемами, согласно отчетам комсомола в 1952 г. 2/3 из 144 000 молодых людей, задействованным в этой программе в Ленинградской области, не смогли получить базовое 7 классовое образование [14].

В одной из работ британский историк дает свое определение понятию «уровень жизни» – «уровень жизни тесно связан с рядом составляющих, влияющих на жизнь рабочего класса: условия труда, рабочая дисциплина, взаимоотношения на рабочем месте ... и существенную роль здесь играет уровень преступности и состояние здоровья населения» [15]. Фильцер Д. считает, что важно исследовать условия, в которых жили работники, в связи тем, что такие показатели, как заработная плата и розничные цены, не всегда объективно отражали всю картину повседневной жизни. Подробный анализ заработной платы, производства промышленных товаров и продуктов питания дан в статье «Условия жизни советских рабочих промышленных предприятий в послевоенное время 1945-1948 гг.», опубликованной в научном журнале «Europe-Asia

Studies» [16]. В результате сравнения данных за 1940-1953 гг., историк приходит к выводу, что низкие цены и растущая заработная плата не всегда являлись гарантом хорошей жизни рабочего промышленного предприятия.

На фоне отчетов о положительной тенденции роста заработной платы работникам промышленных предприятий, Фильцера Д. занимает вопрос бедственного положения молодых работников. В качестве примера приводятся отчеты и письма профсоюзных организаций о крайне тяжелых условиях жизни вчерашних выпускников училищ. В основном проблема заключалась в ненормированной оплате труда «среднемесячная заработная плата на предприятиях тяжелой промышленности в декабре 1946 г. была примерно 840 рублей; весной 1948г. ... молодые работники на ряде предприятий тяжелой промышленности зарабатывали половину установленной среднемесячной ... или даже меньше 200 рублей» [17]. Вследствие острой нехватки денежных средств, которых не хватало на примитивное питание, молодые люди пропускали работу, сбегали с предприятий, воровали. В данных условиях рост заработной платы, по словам Фильцера Д., было не особо значимым фактором, особенно в исследуемый им период, т.к. за исключением денежных средств имелся ряд других существенных показателей, отражающих уровень жизни рабочих. Кроме острой нехватки еды и промышленных товаров, люди сталкивались со сложностями в плане общественного транспорта, отопления, электричества. «Были проблемы с поставкой электричества ... городским подстанциям не хватало мощностей для одновременного снабжения электричеством объекты промышленности и население ... Многие рабочие были вынуждены идти десятки километров до работы и обратно, т.к. не было общественного транспорта» [18]. Среди сложностей исследователь также указывает на тот факт, что предприятия зачастую не предоставляли медицинскую помощь рабочим, даже при таких серьезных заболеваниях, как тиф, скарлатина, дизентерия [19]. Д. Фильцер указывает, что проблемы были типичны для многих городов.

В рамках исследований производственной повседневности, немаловажным является кадровый вопрос. Данная проблема была затронута в исследованиях Володиной Н.Н., Чайко Е.А., Тяжельниковой В.С., Фильцером Д., Зубковой Е.Ю., где исследователи освещают вопрос обеспеченности предприятий рабочей силой. Существенной причиной текучести кадров было то, что с окончанием войны эвакуированные и мобилизованные рабочие начали самовольно покидать предприятия и возвращаться домой. Кроме того были и письма-обращения, которые сотнями поступали в Приемную председателя Президиума Верховного Совета СССР. Как отмечает Зубкова Е.Ю., только в 1945 г. было зарегистрировано более 200 000 письменных обращений, по содержанию четверть из них относилась к трудовым вопросам, где в основном поднимались проблемы рабочих, эвакуированных вместе с заводами [20]. Критическая ситуация на предприятиях Урала и Сибири, общественное недовольство, дезертирство с предприятий и принятые превентивные меры руководства – все эти злободневные кадровые вопросы рассмотрены в работе Зубковой Е.Ю. [21]. В своих работах Д. Фильцер рассматривает такой роль организации как «Резерв

рабочей силы» в форме фабрично-заводских училищ и ремесленных училищ в наборе, обучении молодых кадров для различных предприятий, начиная от угледобывающей до тяжелой промышленности. Кроме процесса рекрута рассматриваются проблемы и система наказаний, которые были актуальны в послевоенный период [22].

Выводы исследователей о крайне неблагоприятных условиях труда советских рабочих неоспоримы. Кризисная ситуация не возникла сиюминутно и это не только следствие Второй мировой войны. Причины, по которым советские города оказались в столь сложных условиях проживания, исследователи обуславливают довоенными трудностями, с которыми столкнулся народ. При этом следует учитывать тот факт, что после окончания Второй мировой войны тысячи городов и поселков Советского Союза были разрушены, был нанесен значительный ущерб экономическим, человеческим ресурсам. Основной целью, которая стояла перед правительством, было восстановление разрушенного народного хозяйства в кратчайшие сроки. При этом следует принять во внимание вопросы, связанные с ограниченностью ресурсов, сжатые сроки и крайне неблагоприятную обстановку на мировой политической арене. Эти и другие факторы, как безопасность и суверенность страны, в значительной мере влияли на распределение финансовых средств и их инвестирование в регионы страны. При этом, описывая крайне сложные условия труда, большинство исследователей отмечают, что восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны происходило на фоне духовного и эмоционального подъема советского народа. Трудовой энтузиазм в ряде случаев компенсировал недостатки организации производства, нехватку материальных и людских ресурсов, побуждал людей трудиться в полную силу на благо Отечества.

Литература

1. Базаржапов В. Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны / В. Б. Базаржапов; Отв. ред. Б. Б. Батуев. - Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1981. - 256 с.
2. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии (1930-1950 гг.) / Л.А. Зайцева. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – 280 с.
3. Санжиев Г.Л. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917-1981) : Документы и материалы / [Сост. Г. Л. Санжиев и др.]. - Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. - 537 с.
4. Володина Н.Н. Производственная повседневность тюменских рабочих в 1945-1965 гг. : на примере завода "Механик" : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Володина Наталья Николаевна; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. - Тюмень, 2012. - 25 с.
5. Володина Н.Н. Трудовая повседневность рабочих Сибири в послевоенный период (на примере Тюменского завода «Механик») // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 155.
6. Володина Н.Н. Указ. соч.

7. Filtzer, Donald. *Soviet Workers and Late Stalinism. Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge University Press. 2002. 276 p.
8. Там же. С. 214.
9. Темницкий А.Л. Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды // Социологический журнал. 2003. Том № 4. С. 66-85.
10. Тяжелникова В.С. Отношение к труду в советский и постсоветский период [Электронный ресурс]: <https://docviewer.yandex.ru/view/1130000026252070>. (Дата обращения 25.08.2019).
11. Там же.
12. Там же. С. 114.
13. Filtzer D. Указ. соч.
14. Filtzer, Donald. Там же. С. 134.
15. Filtzer, Donald. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers in the Immediate Postwar Period, 1945-1948 // *Europe-Asia Studies* 51, no. 6 (September 1999). P. 1014.
16. Там же.
17. Там же. С. 1024.
18. Там же. С. 1019.
19. Filtzer, Donald. *Soviet Workers and Late Stalinism. Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge University Press. 2002.
20. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия»РОССПЭН, 1999. 229 с.
21. Там же.
22. Filtzer, Donald. *Soviet Workers and Late Stalinism. Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge University Press. 2002. 276 p.

***РОЛЬ КРАСНОЯРСКОЙ КРАЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ» В РАСПРОСТРАНЕНИИ ДОСТИЖЕНИЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ И ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА
В 1947–1991 гг.***

***Селезнев Андрей Валерьевич
Центр социальной помощи семье и детям «Эдельвейс»,
Красноярск, Россия***

Статья посвящена вопросам пропаганды сельскохозяйственных знаний и практического опыта в Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1991 гг.

Ключевые слова: просвещение, лекционная пропаганда, сельскохозяйственные знания, общество «Знание», КПСС, Управление сельского хозяйства Красноярского крайисполкома, Красноярское краевое лекционное бюро.

The article is devoted to the promotion of agricultural knowledge and practical experience in the Krasnoyarsk regional organization of the society "Znanie" in 1947–1991.

Keywords: enlightenment, lecture propaganda, agricultural knowledge, Society "Znanie", Communist Party of the Soviet Union, Agriculture Department of the Krasnoyarsk Territory Executive Committee, Krasnoyarsk Regional Lecture Bureau.

Целью данного исследования является выявление роли Красноярской краевой организации общества «Знание» в распространении достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта, наработанного в отрасли, в 1947–1991 гг. Для этого необходимо решение следующих задач: определить масштаб лекционной деятельности организации по пропаганде сельскохозяйственных знаний и охват этой деятельностью сельского населения Красноярского края, сравнить результаты деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание» по пропаганде сельскохозяйственных знаний и практического опыта передовиков сельскохозяйственного производства с результатами деятельности в этой области других просветительских организаций и учреждений, отраслевой системы повышения квалификации сельскохозяйственных кадров, выявить партийного влияния на масштабы и тематику пропагандистской деятельности организации по распространению сельскохозяйственных знаний и достижений сельского хозяйства в СССР и Красноярском крае.

Актуальность исследования обусловлена как имеющимися лакунами в исторических исследованиях, посвященных пропаганде научных знаний в СССР, так и необходимостью познания исторического опыта по популяризации среди широких масс научного знания, в том числе, разработок советских иссле-

дователей и специалистов сельского хозяйства, применения этого опыта в современных условиях.

Стоит отметить, что вопросы организации и проведения пропаганды сельскохозяйственных знаний в 1947–1991 гг., как Всесоюзным обществом «Знание», так и его Красноярской краевой организацией не нашли должного освещения в научной литературе. В советской историографии пропаганда сельскохозяйственных знаний в основном рассматривалась через призму методологии процесса [1, 2, 3, 4, 5 и др.]. Современные исследователи только приступили к изучению деятельности Всесоюзного общества «Знание» по распространению достижений сельскохозяйственной науки в СССР в 1947–1991 гг. Одной из таких работ является исследование И.В. Кометчикова, посвященное лекционной пропаганде на селе Центрального Нечерноземья в 1945-м – начале 1960-х гг. [6]. Определенный вклад в изучении этой темы внес и автор данной статьи [7]. Зарубежные исследователи сосредоточились в основном на изучении пропаганды научных знаний как феномена советской общественно-политической системы [8].

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, которые основаны на диалектическом и материалистическом понимании истории.

Вопросы пропаганды сельскохозяйственных знаний и распространения передового опыта были всегда приоритетными для общества «Знание» и его Красноярской краевой организации. Однако, стоит отметить, что постоянный рост количества лекций по сельскохозяйственной тематике, которые читали лекторы общества «Знание» в Красноярском крае, сопровождался незначительным удельным весом таких лекций в общем количестве лекций, которые читались лекторами организации в регионе (табл.).

Количество лекций, прочитанных лекторами общества «Знание» в Красноярском крае, в том числе по сельскохозяйственной тематике [9]

Год	Общее кол-во лекций	В том числе по сельскохозяйственной тематике	
		Кол-во	% от общего кол-ва
1948	716	3	0,4
1949	1809	77	4,3
1950	4362	205	4,7
1951	4702	132	2,8
1952	5898	145	2,5
1953	6887	143	2,1
1954	8657	585	6,8
1955	10651	502	4,7
1956	14410	592	4,1
1957	32755	1370	4,2

Год	Общее кол-во лекций	В том числе по сельскохозяйственной тематике	
		Кол-во	% от общего кол-ва
1958	52735	3767	7,1
1959	85059	4862	5,7
1960	159469	12287	7,7
1961	181012	9713	5,4
1962	185749	15907	8,6
1963	168009	11171	6,6
1964	190507	10804	5,7
1965	202598	14810	7,3
1966	172666	10894	6,3
1967	200862	10822	5,4
1968	200455	11460	5,7
1969	191183	12162	6,4
1970	209152	14016	6,7
1971	229962	16860	7,3
1972	246987	15640	6,3
1973	263898	16279	6,2
1974	275392	18696	6,8
1975	307725	20258	6,6
1976	312114	21036	6,7
1977	321875	20673	6,4

Пропаганда сельскохозяйственных знаний в 1948–1964 гг. учитывалась по двум направлениям: сельскохозяйственные знания, опыт передовиков и новаторов сельскохозяйственного производства, а с 1957 года выделялось направление «экономика сельского хозяйства», которое учитывалось в рамках общественно-политической тематики. В 1948–1957 гг. краевое отделение Общества вследствие дефицита квалифицированных кадров не смогло обеспечить большой объем лекционной пропаганды по сельскохозяйственной тематике. В 1952 году лекции по сельскохозяйственной тематике читались в 14 районах Красноярского края. В этих районах лекции были прочитаны в 41 колхозе. В остальных 42 районах члены Общества лекции не читали. За 9 месяцев 1953 года лекции по сельскохозяйственной тематике были прочитаны в 11 районах края, в частности, в 23 колхозах. В остальных 45 районах члены Общества лекции не читали [10, Л. 41]. В четвертом квартале 1953 года из 56 областных, городских и районных организаций Красноярского краевого отделения Общества в пропаганде знаний по сельскохозяйственной тематике приняли участие лишь 19 организаций [11, Л. 52; 12, Л. 9, 10]. При этом из 19 организаций, принявших участие в пропаганде сельскохозяйственных знаний, 17 территориальных подразделений (89,5 %) предпочли читать лекции только о директивах Сентябрьского

плenums ЦК КПСС. Только в двух отделениях (Хакасском областном и Саянском районном) читались лекции о достижениях и открытиях сельскохозяйственной науки. Лекции об опыте передовиков и новаторов читались только в Хакасском областном отделении.

По данным правления краевого отделения Общества, в 1953 году из 180 лекций по сельскохозяйственной тематике (в статистическом отчете за 1953 год указано лишь 143 лекции), прочитанных в Красноярском краевом отделении Общества, 133 лекции (73,8 %) были посвящены информированию о решениях пленума ЦК КПСС от 07.09.1953 «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», 67 лекций (37,2 %) были прочитаны непосредственно по сельскохозяйственной тематике, из которых 2 лекции были об опыте новаторов. Ситуация началась меняться накануне II пленума правления Красноярского краевого отделения Общества в январе – феврале 1954 года. Имеющиеся данные показывают, что более половины прочитанных лекций посвящено непосредственно научным и практическим сельскохозяйственным знаниям [11, Л. 51; 12, Л. 17]. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что лекционная пропаганда сельскохозяйственных знаний в 1948–1953 гг. носила характер пропаганды политических установок государства и Коммунистической партии по вопросам сельского хозяйства. Связано это было, на наш взгляд, с тем, что лекторам было проще получить именно этот лекционный материал, в то время как носители специальных научных знаний были просто не привлечены к этой работе. Отсутствие лекций по практическим знаниям и умениям в области сельского хозяйства связано с тем, что опыт передовиков производства и новаторов в сельском хозяйстве плохо изучался и крайне слабо популяризировался в Красноярском крае.

За период с 1958 по 1961 год количество лекций по вопросам экономики сельского хозяйства возросло в 6,6 раза, передовом опыте – в 15 раз, по растениеводству и другим – в 8 раз, а в целом по всем вопросам сельского хозяйства в 8 раз, т.е. с 1914 лекций в 1957 году до 15884 в 1960 году. В 1960 году Курагинское, Рыбинское, Богградское, Минусинское, Аскизское, Емельяновское и Усть-Абаканское районные отделения добились по признанию краевого правления лучших результатов в пропаганде сельскохозяйственных знаний. В этих отделениях были прочитаны лекции по сельскохозяйственной тематике от 402 лекций в Усть-Абаканском до 1693 в Курагинском отделениях [13, Л. 29].

В 1960-е годы на базе хозяйств создаются школы передового опыта, в организации которых участвуют члены Общества. Такие школы создаются дифференцировано, например, по выращиванию телят подсосным методом, среди доярок, свиноводов, механизаторов и т.д. Широкое распространение в сельском хозяйстве края получила такая форма пропаганды передового опыта, как экономические семинары и экскурсии в передовые хозяйства, где специалисты сельского хозяйства – члены Общества – выступали с докладами или оказывали помощь в подготовке выступлений [13, Л. 30].

В 1960-е годы в пропаганду сельскохозяйственных знаний включаются группы Общества Красноярского НИИ сельского хозяйства (КНИИСХ) и Крас-

ноярского сельскохозяйственного института. Сотрудники КНИИСХ не только читали лекции, но и участвовали в проведении семинаров кукурузоводов и по возделыванию сахарной свеклы, на которых были подготовлены 73 специалиста, получивших по результатам экзаменов звание «Мастер высоких урожаев». В ноябре 1960 года в КНИИСХ был открыт народный университет сельскохозяйственных знаний (ректор – председатель группы КНИИСХ М.А. Залесова). Вся работа университета в этот период строилась на распространении передового опыта выращивания кукурузы. Группа членов Общества при Красноярском сельскохозяйственном институте организовала выступления по телевидению на темы «Пути повышения урожайности сельскохозяйственных культур в Красноярском крае», «Лучшие способы использования органических удобрений в Красноярском крае», «Красноярские фосфориты и их применение в сельском хозяйстве» и другие. С января 1961 года члены группы принимали активное участие в работе Сухобузимского университета сельскохозяйственных знаний [13, Л. 34, 38].

В 1962–1963 гг. в Рыбинском районе в рамках 18 кинолекториев читались лекции на темы «Достижения передовиков сельского хозяйства в возделывании зерновых культур», «Опыт выращивания кормовых культур», «Пути повышения производства мяса и молока в летний период», «Комплексная механизация и последовательная интенсификация – главный путь подъема сельского хозяйства», «Передовые методы уборки урожая», «Стойловое содержание скота», «Передовые методы труда на ремонте сельскохозяйственной техники», «О международном положении», «Труд как средство коммунистического воспитания подрастающего поколения» и другие. В районе также работали 10 радиолекториев, где делились опытом новаторы сельскохозяйственного производства. В эти же годы в 7 совхозах и 10 колхозах района были проведены экономические конференции. Например, в колхозе «Большевик» 12 апреля 1963 года была проведена конференция на тему «Себестоимость сельскохозяйственной продукции и пути ее снижения». Выступили агроном Черных, зоотехник Овчинников, доярка Иванова, свиновод Кобылко, бухгалтер Бутрин. Тем самым, в 1960-е годы наблюдается как увеличение количества лекций по сельскохозяйственной тематике, так и определенная политизация читаемых лекций [14, л. 53].

За 1977–1980 гг. по сельскохозяйственной тематике были прочитаны более 63 тысяч лекций. В них широкое отражение нашли проблемы развития сельскохозяйственного производства, задачи правительства и партии о дальнейшем повышении материального и культурного уровня тружеников села [15, л. 29]. В 1982–1985 гг. читались циклы лекций по продовольственной программе и агропромышленному комплексу [16, Л. 28]. Широкое распространение в крае получили лекции по проблеме «Аграрная политика КПСС на современном этапе». Силами лекторов-аграрников краевого звена в Манском, Балахтинском, Шарыповском, Курагинском, Емельяновском и Березовских районах в 1982–1985 гг. читались циклы лекций по темам «Дальнейшее развитие сельского хозяйства – основа решения Продовольственной программы», «Продовольственная программа – центральная хозяйственная и политическая задача пятилетки»,

«Основные направления реализации Продовольственной программы», «Усиление роли науки в реализации Продовольственной программы» и другие [17, л. 23].

Рост количества лекций по сельскохозяйственной тематике, прочитанных лекторами общества «Знание» в Красноярском крае был связан, как с ростом численности специалистов сельского хозяйства в рядах организации, так и с выходом решений директивных органов КПСС.

Еще одним фактором, оказывающим существенное влияние на количество лекций, которые читали лекторы краевой организации общества «Знание», являлись взаимоотношения с ведомственными системами пропаганды сельскохозяйственных знаний. В 1940–1953-х гг. Управление сельского хозяйства Красноярского крайисполкома и Красноярское краевое лекционное бюро находились в конкурентных отношениях с Красноярской краевой организацией общества «Знание», порой отвлекая специалистов сельского хозяйства от деятельности через общество «Знание» [10, Л. 42; 12, Л. 17, 51, 52; 18, Л. 3, 49; 19, Л. 24; 20, Л. 18]. Создание в конце 1960-х годов ведомственной системы повышения квалификации специалистов сельского хозяйства так же способствовало оттоку специалистов из общества «Знание» и снижению количества лекций, которые читались через Красноярскую краевую организацию общества «Знание» [21, Л. 246, 247].

Тема просветительской деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание», участие организации в распространении сельскохозяйственных знаний и передового опыта требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Из опыта пропаганды сельскохозяйственных знаний: [Сб. ст.] / Оргком. О-ва по распространению полит. и науч. знаний РСФСР. – М.: [б. и.], 1956. – 47 с.
2. Румановский, Я. А. Как мы организуем пропаганду сельскохозяйственных знаний и передового опыта. / Я. А. Румановский; О-во по распространению полит. и науч. знаний Белорус. ССР. – Минск: [б. и.], 1962. – 14 с.
3. Максимихин, В. М. Из опыта работы сельских групп членов Общества Верхне-Уральского районного отделения по пропаганде сельскохозяйственных знаний: (Материал по обмену опытом работы организации Челяб. обл. о-ва) / В. М. Максимихин; Челяб. обл. отд-ние О-ва по распространению полит. и науч. знаний. – Челябинск: [б. и.], 1960. – 7 с.
4. Мейрманов, М. К. Пропаганда сельскохозяйственных знаний – глубокую научность: (Обзорная рецензия) / О-во «Знание» КазССР. Науч.-метод. совет по пропаганде с.-х. знаний. Совет нар. ун-тов. Респ. правл. НТО сельск. хоз-ва. – Алма-Ата: [б. и.], 1973. – 9 с.
5. Пак, Л. Л. Выше уровень пропаганды сельскохозяйственных знаний: (Обзор. рец.) / Л. Л. Пак. – Л.: о-во «Знание» РСФСР. Ленингр. орг., 1983. – 19 с.

6. Кометчиков И.В. Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (45): в 2 ч. Ч. I. С. 80–87.

7. Селезнев, А.В. Пропаганда сельскохозяйственных знаний Красноярским краевым отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в 1949–1954 гг. / А.В. Селезнев // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 4. – С. 76–80.

8. Froggatt M. Science in Propaganda and Popular Culture in the USSR under Khrushchëv (1953–64). Oxford, 2006. 248 p.; Kremontsov N. Stalinist Science. N. J., 1997. 368 p.

9. Составлено автором по: ГАРФ. Ф. Р-9745. Оп. 1. Д. 142. Л. 15, 42, 54; Д. 306. Л. 26, 30, 39; Д. 455. Л. 28, 31, 43, 48; Д. 620. Л. 29, 34, 51; Д. 777, Л. 35; Д. 985. Л. 23, 26, 29; Д. 1035. Л. 21, 22, 26, 34; Ф. А-561. Оп. 1. Д. 24. Л. 31; Д. 73. Л. 28об.; Д. 123. Л. 45; Д. 210. Л. 62; Д. 303, Л. 70; Д. 440. Л. 70; Д. 514. Л. 29; Д. 631. Л. 84; Д. 707. Л. 53; Д. 808. Л. 66; ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 901. Л. 58; Д. 1006. Л. 54; Д. 1075. Л. 60; Д. 1139. Л. 65; Д. 1602. Л. 65; Д. 1703. Л. 41; Статистические данные о работе общества «Знание» РСФСР за ... М.: Знание. за 1969 год. 1970. С. 8; за 1970 год. 1971. С. 22; за 1971. 1972. С. 24; за 1972 год. 1973. С. 23; за 1975 год. 1976. С. 22; за 1976 год. 1977. С. 22; за 1977 год. 1978. С. 20.

10. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 47.

11. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 41.

12. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 45.

13. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 61.

14. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 70.

15. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 154.

16. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 168.

17. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 191.

18. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 5.

19. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 15.

20. ГАКК. Ф. П-2068. Оп. 1. Д. 46.

21. Интервью с Гладчуком Валерием Яковлевичем. // Советское просвещение. Интервью с членами общества «Знание», состоявшими в организации в 1950–1990-е гг.: материалы к научному исследованию на тему «Красноярская краевая организация общества «Знание» (1947–1992 гг.): функционирование и просветительская деятельность» [Электронный ресурс] / сост. и авт. пред. А.В. Селезнев; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2019. – 273 с.

**ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 40-50-х гг. XX в.**

Сентябова Мария Викторовна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Статья посвящена проблеме православия и Русской Православной Церкви в сибирской деревне 1940-х – 1950-х гг. На примере сельских приходов Русской Православной Церкви в Красноярском крае разбираются вопросы влияния государственной власти на повседневную жизнь верующих.

Ключевые слова: История религии в XX веке, Русская Православная Церковь в Сибири, церковь и государство, Красноярск.

In this paper we deal with the problem of The Russian Orthodox Church in 1940s – 1950s. Author investigates methods of religious persecutions realization on the example of Siberian villages. The question of influence of the governmental authorities on daily life of the orthodox parishes is also described in the article.

Key words: The history of religion of XX century, The Russian Orthodox Church in Siberia, Church and state, the Krasnoyarsk.

В результате жесткой антирелигиозной политики, проводимой большевиками к началу 1940-х гг. Русская Православная Церковь (РПЦ) в Советском Союзе находилась в состоянии острого кризиса. На территории Красноярского края не осталось ни одного из действовавших в 1916 г. 329 приходов. Практически все православные храмы, часовни и молитвенные дома были закрыты и переданы в ведение местных Советов. Как минимум 60 недействующих церковных зданий были заняты под ссыпку зерна, 62 переоборудованы под склады, мастерские и другие промышленные и хозяйственные помещения, в 143 разместились избы-читальни, сельские клубы, Дома Культуры и другие культурные, образовательные и административные учреждения. Не менее 35 храмов стояли пустыми и заброшенными, остальные были разобраны или переоборудованы настолько, что полностью потеряли вид церковного здания [1, л. 1–19; 2, л. 1–46].

Однако во время Великой Отечественной войны и в последующие годы многие православные религиозные практики переживают своеобразное возрождение. По свидетельству уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (СД РПЦ) в Красноярском крае многие жители деревень и сел Приенисейской Сибири проводили богослужения и осуществляли различные религиозные обряды. Так, в 1944 г. в некоторых южных районах Красноярского края (Идринский, Курагинский и др.) проводились молебны о дожде, пользующиеся значительной популярностью среди населения. В селах Шарыповского

района отмечаются случаи "обновления икон" (самопроизвольного прояснения изображения на иконах, что в православной традиции считается одним из чудес.), который поклонения которым сопровождалось проведением нелегальных богослужений и сбором пожертвований, в том числе и в фонд обороны. В Назаровском районе некоторые председатели сельских советов обращались в вышестоящие инстанции с просьбами «о посылке им монашек» для проведения богослужений в домах местных жителей. Известны также случаи распространения «религиозных писем», содержащих призывы молиться и переписывать текст письма, чтобы получить «большую радость» и избежать «большого горя» [3, лл. 3 – 4.; 4, л. 32].

Советские власти в лице уполномоченных СД РПЦ вели борьбу с подобными практиками, расценивая их как нелегальную религиозную деятельность и считая более «опасными», чем институциональная религиозность. Для борьбы с «нелегальными» религиозными практиками использовались как прямые меры административного воздействия, так и косвенные методы влияния через епархиальных архиереев и благочинного. Например, когда в 1948 г. были отмечены случаи «обновления» икон в церкви с. Большой Улуй, уполномоченный СД РПЦ провел «переговоры» с благочинным церковью Красноярского края, после чего тот «разоблачил перед верующими авантюру Б-улуйских церковников». Одновременно с регистрации были сняты настоятель церкви и церковный староста [4, л. 32].

В 1946 г., говоря о пользе возрождения Красноярской епархии, уполномоченный отмечает, что, несмотря на рост влияния религии, «открытие церквей привело к резкому сокращению нелегальной работы духовенства в крае» [5, с. 299]. На протяжении 1944 – 1946 г. верующими Красноярского края было подано 72 заявления об открытии церквей, из которых удовлетворено было только 18, т.е. 25 %. По данным, приведенным в отчетах уполномоченного СД РПЦ по Красноярскому краю П.Т. Гусева, за 1946 и 1948 гг., заявления об открытии церквей подавали в основном люди старшего возраста: от 50 до 70% подписавших под заявлениями находились в возрасте старше 50 лет, ещё около 20 – 30% находились в возрастных границах от 30 до 50 лет, и лишь малая часть – от 5 до 20% была младше 30 лет. Большинство из них составляли женщины – от 64 до 79%. Что же касается рода занятий верующих, то в основном заявления об открытии церквей подавали колхозники – от 40 до 53% и домохозяйки – 26 – 40% [6, лл. 18, 31; 4. лл. 2, 18, 31]. Эти цифры показывают, что в конце 1940-х гг. активность в деле возрождения жизни приходов проявляли в основном пожилые женщины, колхозницы и домохозяйки – т.е. люди, чей возраст и образ жизни не предполагал наличие высокого уровня образования. В таких условиях авторитет священнослужителя, более образованного и умудренного опытом, в жизни прихода часто остановился определяющим. Да и церковная дисциплина предписывала главенствующую роль в приходе именно настоятелю [7, с. 353].

Из заявлений, оставшихся без удовлетворения, 19 были отклонены решением исполкома крайсовета, большинство же – 35 заявлений, – были сняты с рассмотрения непосредственно уполномоченным СД РПЦ [5, с. 297]. И если

исполком обычно аргументировал отклонения заявлений фактом невозможности предоставления религиозным обществам церковных зданий, то для уполномоченного, как правило, значимыми оказывались другие аргументы. Помимо повторных заявлений и заявлений, не имеющих 20 подписей (минимальное число верующих, по закону от 8.04 1929 г. «О религиозных объединениях» необходимое для регистрации религиозного общества) подлежали отклонению или снятию с рассмотрения прошения заявителей, «не выражающих мнения групп верующих» или не имеющих «полномочий на ходатайство»: незарегистрированных представителей духовенства, «бывших кулаков и судимых за разные уголовные преступления» и т.д. Например, собранные в 1944 г. селах Назаровского, Ужурского и Березовского района свыше 700 подписей под заявлениями об открытии церквей в соответствующих районах были отклонены, так как их сочли результатом агитационной работы со стороны священнослужителей [3, л. 1; 6, л. 1]. Можно с уверенностью говорить, что контроль над регистрацией религиозных объединений позволял уполномоченным «выдавливаться» из православных обществ «неугодные» элементы.

Тем не менее, часто уполномоченный, следуя установкам СД РПЦ, выступал в интересах верующих. Изменения в количестве действующих на территории края православных церквей, производившие на протяжении второй половины 1940-х гг. показывают, что процесс восстановления религиозной жизни в сибирских деревнях шел достаточно быстрыми темпами. Так, только в Красноярском крае в 1945 г. были открыты церкви в с. Шило Сухобузимского района, с Чебаки Ширинского района, с Большой Улуй Большеулуйского района, с Новая Берёзовка Идринского района, с Кома Новоселовского района, с Сугристовое Манского района и в поселке Ужур. За 1946 г. была открыта церковь в с. Александрово-Ерши Дзержинского района, а за 1947 - церкви в с. Парное Шарыповского района и в с. Большая Сосновка Назаровского района. К середине 1948 г. в крае было официально зарегистрировано 20 православных приходов, из которых 8 размещались в городах (2 – в Красноярске) и 12 – в сельской местности [8, лл. 1об - 5]. При этом в 50 районах Красноярского края действующих церквей не было, что позволяет утверждать, что религиозные потребности населения Красноярского края удовлетворялись не в полной мере, а уровень религиозности был выше, чем демонстрируют официальные данные.

Косвенно этот вывод подтверждает тем, что уполномоченные СД РПЦ в своих отчетах второй половины 1940-х - начала 1950-х гг. приводят факты того, что «люди имеющие и не имеющие духовного сана совершают религиозные требы на дому у верующих и иногда собирают молитвенные собрания». Такие собрания проводились в с. Идра, с. Нарва Манского района, с. Ново-Георгиевка Иланского района, в некоторых селах и деревнях Курагинского района и в других местах [3, лл. 41 - 44].

В 1946 г. отмечены факты, когда в одном из сел священник «окрестил 86 детей, получил 6800 руб. деньгами и воз различных продуктов, но в книгу записал только 300 руб.». В том же году священник церкви с. Александрово-Ерши, зарабатывая на крещении детей до 2-3 тысяч рублей, в книги записывал только

100-200, а часто обходился и вовсе без записей [4, л.6]. В 1955 г. уполномоченный СРДПЦ по Красноярскому краю признавал, что «священники выезжают в села и крестят детей и взрослых на дому верующих. Количество этих крещений нигде не записывается» [9, л. 2].

Однако не смотря на эти факты, к середине 1950-х гг., число действующих православных церквей в Красноярском крае сокращается – с 19 в 1949 г. до 16 в 1955 г., причем сокращение происходит за счет сельских приходов, количество которых сокращается с 12 до 7 [10, л. 108; 8, л. 1об - 5; 4, л. 16]. И это при том, что уполномоченный СД РПЦ в Красноярском крае в этот год не отмечает «какого-либо значительного снижения посещаемости церквей» [9, л. 4].

Причину закрытия приходов Русской Православной Церкви в селах и деревнях Приенисейской Сибири в 1940-х - первой половине 1950-х гг. следует искать прежде всего в экономической сфере. Одним из условий, на которых советская власть признавала существование религиозных организаций и объединений была их экономическая самостоятельность и самокупаемость. Приходы, не способные содержать священнослужителей и церковное здание воспринимались как свидетельство отхода населения от религии и потому подлежали закрытию.

Исследуемый материал показывает нам существенные различия в доходах и расходах религиозных обществ сельских и городских церквей Красноярского края. Сельские приходы, как правило, были гораздо менее доходными по сравнению с городскими. По данным 1946 - 1947 гг., годовой доход сельских церквей Красноярского края колебался от 600 до 8 852 руб. Для городских храмов подобный уровень доходов был характерен, как правило, только в год открытия. Годовой доход действующих на протяжении несколько лет городских храмов в эти же годы колебался в пределах от 20 000 до 50 000 руб. В совокупном доходе Русской Православной Церкви в Красноярском крае доля сельских приходов составляла приблизительно 8% [11, л. 48; 12, л. 104].

На протяжении первой половины 1950-х г. уполномоченный СДРПЦ по Красноярскому краю, неоднократно отмечая случаи финансовой помощи со стороны новосибирского епархиального управления, оказываемой священнослужителям небогатых сельских приходов. Так, например, к 1955 г. денежные дотации в размере от 350 до 500 рублей в месяц выплачивались священникам церковью с. Чебаки Ширинского района, с. Парное Шарыповского района и с. Кома Новоселовского района [9, л. 1]. Этот факт уполномоченный отмечает в своём отчете без каких-либо оценок, как вполне нормальную и допустимую практику.

Однако во второй половине 1950-х гг. отношение кардинально меняется. Не будет ошибкой связать этот контроль с антирелигиозной кампанией властей, развернутой в 1957 – 1958 гг. После вышедшего в конце декабря 1957 г. указа Совета по делам РПЦ о снятии в первом полугодии 1958 г. с учета зарегистрированных, но не действующих по каким-либо причинам храмов, «получение дотаций стало считаться властными структурами однозначным симптомом распада общины и поводом для начала процесса её ликвидации [13, с. 109]. Церкви

после запрещения финансовой помощи фактически оказывались без священнослужителя, что в свою очередь вело к закрытию приходов как не поддерживаемых местным населением. Малая доходность сельских церквей вызывала частую смену священнослужителей в этих религиозных обществах, что, в свою очередь, в 1957-1964 гг. служило поводом для их ликвидации [13, с. 109]. За период конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. в Красноярском крае по причине материальных затруднений были закрыты 5 из 7 действовавших до этого сельских церквей.

Литература

1. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 65. ЛЛ. 1-19.
2. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 107. ЛЛ. 1-46.
3. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 69. ЛЛ. 3 – 4.
4. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 103. Л. 32.
5. Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия для учащихся старших классов. Кн. III. 1941–1953. Красноярск, 2000. 448 с.
6. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 89. ЛЛ. 18, 31.
7. Положение об управлении Русской Православной Церковью // Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Книга 1. М, 1995. 399 с.
8. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 115. ЛЛ. 1об – 5.
9. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
10. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 113. Л. 108; Д. 115, ЛЛ 1 об. – 5; Д. 103. Л. 16.
11. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 48.
12. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 48. Л. 104.
13. Горбатов А.В. Закрытие православных обществ в Сибири: основания, формы, методы. 1958-1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 29. 2009. №4(142). С. 109-112.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В XIX–XX вв.

Гайдин Сергей Тихонович, Бурмакина Галина Александровна
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия

В статье сделана попытка выявить основные этапы складывания и развития рыбной промышленности в бассейне реки Енисей в последние двести лет, в императорской, советской и постсоветской России.

Ключевые слова: рыбный промысел, рыбная промышленность, купеческие рыбопромысловые компании, Казенное пароходство по Енисею, Рыбаксоюз, Туруханский Интегралсоюз, Красноярский рыбохозяйственный трест, Таймырский рыбохозяйственный трест, производственное объединение «Красноярскрыбпром», объединение «Красноярскрыба», Енисейрыбвод.

The article attempts to identify the main stages of the folding and development of the fishing industry in the Yenisei River basin in the last two hundred years, in imperial, Soviet and post-Soviet Russia.

Key words: fishing, fishing industry, merchant fishing companies, State shipping company along the Yenisei, Rybaksoyuz, Turukhansky Integralsoyuz, Krasnoyarsk fisheries trust, Taimyr fisheries trust, production association Krasnoyarskrybprom, association Krasnoyarskryb.

Рыба из водоемов бассейна реки Енисей была одним из традиционных продуктов питания как для коренного аборигенного, так и пришлого русского населения. Но губернатор Томской губернии Хвостов, к которой в начале XIX в. относился Приенисейский регион, побывав в 1805 г. в Туруханском крае, назвал состояние рыбного промысла здесь первобытным, а качество засоленной рыбы очень плохим [1, с. 49-50].

Новый сибирский генерал-губернатор Сперанский М.М., приехавший в Енисейск в августе 1819 г. обратил внимание на то, что в городе, расположенном на великой сибирской реке, в продаже было мало рыбы [2, с. 190].

Первый енисейский губернатор Степанов А.П., возглавлявший губернию с 1822 г. в своей книге дал обстоятельную характеристику богатейших рыбных ресурсов губернии, но при этом сожалел, что рыбы в губернии продается очень мало и только со становлением санного пути ее начинают завозить с Томской губернии [3, с. 88-90, 240].

Дело в том, что вылов ценных пород рыбы для продажи в Енисейске производился в летнее время почти за 300 километров вниз по Енисею от города. Транспортировка рыбы с промыслов против течения реки летом и зимняя доставка на санях обходилась очень дорого. Причем при летней доставке даже со-

леная рыба портилась, что, по мнению енисейского городского лекаря Паскевича, являлось причиной многих заболеваний жителей города [2, с. 170].

Для ускорения доставки рыбы в летний период томский губернатор Хвостов предложил енисейским купцам создать две артели с капиталом в 25 – 30 тыс. рублей и совместно построить два парусных судна грузоподъемностью 4 – 5 тыс. пудов каждое. Но предложение губернатора тогда не нашло отклика среди купечества.

Только в 1863 г., через 58 лет после рекомендаций томского губернатора, рыбопромысловые компании енисейских купцов пустили в эксплуатацию пароходы «Енисей» и «Опыт», использование которых позволило не только ускорить вывоз рыбы потребителям, но и многократно повысить эффективность рыболовного промысла за счет завоза на пески рыбаков и неводов, бочек и соли. Так всего два рейса парохода «Енисей», сделанные компанией Енисейского пароходства в 1864 г., позволили доставить в Енисейск примерно более 3 350 пудов рыбы, что было сопоставимо с объемом годового вывоза с Енисейского Севера на протяжении нескольких предыдущих лет [4, с.89].

Это можно квалифицировать как начало перехода на Енисейском Севере от рыболовного промысла, к складыванию рыбной промышленности на основе рыночных отношений с освоением новых продуктивных водоемов, внедрением новых орудий лова и технологий засолки рыбы, вовлечением в процессы вылова, переработки и транспортировки рыбы коренного и русского населения. По нашим подсчетам, к концу XIX в. в вылове и вывозе рыбы в Енисейской губернии было задействовано 6 частных пароходов. Создание рыбопромышленных компаний во второй половине XIX в. было характерно как для водоемов Обско-го бассейна, так и для о. Байкал.

Конкуренция предпринимателей, занятых в рыбной промышленности, побудила купцов А.А. Баландина и А.И. Кытманова создать в 1904 г. пароходное товарищество «Рефрижератор» для доставки рыбы в замороженном виде на специально оборудованном пароходе «Север» [5].

Вылов и вывоз северной рыбы значительно вырос после того, как учрежденное государством в 1906 г. Казенное пароходство по Енисею стало на регулярной основе отправлять два парохода в рыбопромысловые районы. Это привело к увеличению предпринимателей, занятых в рыбной промышленности и увеличению вывоза рыбы. Пик добычи рыбы на Енисейском Севере в досоветский период пришелся на 1914 г. когда он вплотную приблизился к 154 000 пудов [6, с. 116-120].

Революционные потрясения и гражданская война привели к разрушению рыбной промышленности на Енисейском Севере.

Только в середине 20-х гг. XX в Енисейский губернский промыслово-кооперативный союз рыбаков (Рыбаксоюз) начал восстанавливать рыбную промышленность с организации рыболовецких артелей с переменным составом. Они были подобны тем, которые рыбаки создавали во время путины еще в досоветский период, причем отношения артелей с Рыбаксоюзом фактически строились на тех же принципах, что и с частными купцами-рыбопромышлен-

никами. Рыбаки получали орудия лова, соль и бочки и продавали пойманную рыбу [7]. Тем более что не имели других способов вывоза рыбы, помимо транспортных возможностей промыслово-кооперативного союза.

С марта 1927 г. ответственность за развитие рыбной промышленности на Енисейском Севере была возложена на созданный здесь Туруханский союз интегральных смешанных кооперативов (Интегралсоюз). В ноябре 1928 г. он, взяв на свой баланс артели Рыбаксоюза, вытеснил конкурирующие организации, получил монопольное право на вылов и вывоз рыбы на Енисейском Севере. Интегралсоюз продолжил создание рыболовецких артелей, а затем перешел к организации специализированных рыболовецких колхозов [8].

В результате укрепления материально-технической базы колхозов, принятия мер организационного характера, в 1933 г. в Туруханском районе, Таймырском (Долгано-Ненецком) и Эвенкийском национальных округах, созданных на территории бывшего Туруханского края, удалось выловить более 124 тыс. пудов рыбы, что было сопоставимо с ее максимальным выловом в последние годы существования императорской России [9]. Это дает возможность говорить о восстановлении на Енисейском Севере в годы первой советской пятилетки, разрушенной ранее рыбной промышленности.

В 1936 г., после создания на севере рыболовецких, оленеводческих и промысловых колхозов, союзы интегральных кооперативов в районах проживания коренных малочисленных народов России была расформированы. К вылову рыбы на Енисейском Севере в начале 30-х гг. подключилась, созданная здесь Рыбная контора Главного управления Северного морского пути, которая, в первую очередь, отвечала за обеспечение рыбой лагерного контингента и наемных работников на строительстве Норильского комбината. Но она, не имея достаточных мощностей, постоянно срывала запланированные поставки продукции населению Красноярского края.

Так как промысловые водоемы Енисейского Севера были закреплены за Рыбной конторой ГУСМП, то руководство края осенью 1936 г. приняло решение о создании собственного Рыбохозяйственного треста, с закреплением за ним водоемов 32 административных районов Красноярского края и планом производства более 5 тыс. ц свежей, соленой, копченой и замороженной рыбы в год. В основу организации промысловой деятельности Рыбохозяйственный трест положил создание специализированных рыбзаводов, отвечавших, за вылов и первичную переработку рыбы. Накануне Великой Отечественной войны таких заводов было уже более десяти, они заключали договоры на вылов рыбы с моторно-рыбными станциями и колхозами. К изучению рыбопромысловых возможностей крупных водоемов, трест привлек сотрудников Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства [10].

После того как Рыбохозяйственному тресту была передана часть промысловых угодий, эксплуатируемых ранее Рыбной конторой, плановые задания треста по вылову рыбы в 1940 г. были доведены до 45 тыс. ц. Тем более, что новым потребителем рыбы, стали создаваемые в крае звероводческие фермы черно-бурых лис. Несмотря на проблемы организационного, кадрового и фи-

нансового характера, Рыбохозяйственному тресту за указанный год удалось выловить 43 тыс. ц рыбы. Соответственно, плановые органы края увеличили план вылова на 1941 г. до 50 тыс. ц [11]. Но в январе 1941 г. государство, которое создавало стратегические запасы накануне ожидаемой войны, потребовало, от всех рыбозаготовительных организаций, в том числе, принадлежавших промышленным и транспортным предприятиям Красноярского края доведения и вылова рыбы до 90 тыс. ц [12].

Новый этап в развитии рыбной промышленности Красноярского края был связан с принятием в январе 1942 г. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», когда плановые задания вылова рыбы, по сравнению с предвоенными были увеличены до 300 тыс. ц. Оккупация немецко-фашистскими войсками сельскохозяйственных территорий и рыбопромышленных водоемов европейской части страны, заставила государство задействовать все имеющиеся источники производства продовольствия.

Для обеспечения рабочей силой заготовки рыбы на Енисейском Севере сюда в 1942 г. было завезено более 22 тысяч перемещенного населения Прибалтийских республик и других регионов страны. Значительная часть из них оказалась в специально созданных рыболовецких колхозах на территории Таймырского национального округа. До конца войны на Енисейском Севере были созданы самостоятельный Таймырский рыбопромышленный трест, Таймырский и Туруханский рыбколхозсоюзы, 5 новых рыбзаводов и 12 моторно-рыболовных станций, развернуто строительство Усть-Портовского консервного завода. Несмотря на огромные трудности за годы войны на Енисейском Севере было выловлено около 141750 ц рыбы [13].

Развитие на севере рыбной промышленности можно назвать трагедией подвига, так как работа шла в экстремальных климатических условиях, здесь не было в достаточном количестве жилья, рыболовного инвентаря, веревок, бочек, соли и много другого. Получаемая рыбная продукция помогла стране выдержать 1942 и 1943 гг., но она обходилась очень дорого. И как в популярной песне могла быть оправдана словами: «Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим...». К тому же рыбопромысловые ресурсы рек Енисейского Севера за эти годы были сильно истощены. Но после коренного перелома в Великой Отечественной войне, когда стране стали возвращаться оккупированные территории и рыбопромысловые водоемы, вылов рыбы на Енисейском Севере начали сворачивать и упростили процедуру выезда на материк завезенного на север населения.

В послевоенный период Красноярский и Таймырский рыбопромышленные тресты были объединены в Красноярский государственный рыбопромышленный трест. Со временем он был преобразован в производственное объединение «Красноярскрыбпром». В рыбном промысле теперь стало принимать участие более ста второстепенных рыбозаготовительных организаций создан-

ных управлениями рабочего снабжения промышленных и транспортных предприятий для продовольственного обеспечения их коллективов.

До предприятий рыбной промышленности края на первую послевоенную пятилетку был доведен годовой план вылова рыбы на уровне 50 тыс. ц, что было сопоставимо с объемом вылова, первоначально запланированного на последний предвоенный год. В этот пятилетний период должно было произойти восстановление, а затем и развитие рыбной промышленности края. Красноярский государственный рыбопромышленный трест должен был обеспечить поставки рыбы Дудинскому, Усть-Портовскому рыбоконсервным заводам и Красноярской рыбоперевалочной базе, которая отвечала за снабжение ей потребителей, занесенным в специальный реестр [14].

В послевоенное десятилетие в крае вылавливалось от 60 до 76 тыс. ц рыбы в год, причем основной объем вылова рыбы приходился на Енисейский Север. Невысокая рыбопродуктивность северных водоемов не позволяла постоянно увеличивать объемы вылова. В результате за 10 послевоенных лет удалось восстановить и даже превысить уловы довоенного времени, но затем стало очевидным, что возможности дальнейшего увеличения добычи рыбы на экстенсивной основе уже практически исчерпана [15]. Поэтому руководство Красноярскрыбпрома стало предпринимать меры по охране ценных пород рыб и организации в крае прудового рыбоводства.

После создания в крае в середине 60-х гг. искусственных водохранилищ и гидроморей, Красноярскрыбпромом начал работы по их зарыблению. В результате во второй половине 60-х гг. вылов рыбы в крае составил 61–62 тыс. ц в год, что ненамного превышало довоенный и послевоенный уровень вылова. В 70-е гг. его удалось довести только до 65–67 тыс. ц в год [16]. Специалисты утверждают, что одной из причин, сдерживавших увеличение вылова рыбы, были низкие закупочные цены на рыбу, не относящуюся к ценным породам.

Но, несмотря на относительно высокий вылов рыбы в крае, рыбозаготовительные организации не могли обеспечивать рыбной продукцией, растущий спрос населения. Поэтому в 1977 г. было создано производственно-сбытовое объединение «Красноярскрыба». В свою очередь, в последующие годы оно открыло фирменные магазины «Океан» во всех городах Красноярского края. Уже в 1988 г. объединение довело продажу рыбной продукции до 18 кг на душу населения, что было неплохим показателем качества питания жителей края. Но, как оказалось, было дешевле завозить океаническую рыбу с Тихого и Атлантического океанов, чем доставлять ее с севера Красноярского края [17].

В начале 80-х гг. Министерство рыбной промышленности РСФСР согласилось с аргументами руководства Красноярскрыбпрома и Енисейрыбвода о перепромысле рыбных ресурсов и снизило плановые задания по вылову рыбы в Красноярском крае.

Специалисты рыбной промышленности достаточно высоко оценивали развитие рыбной промышленности Красноярского края. Они отмечали, что, несмотря на проблемы и недостатки, деятельность рыбной промышленности имела системный характер, промысел рыбы в крае велся с высокой степенью ин-

тенсивности и был близок к максимально возможной величине изъятия рыбы из водоемов без подрыва способности рыбных ресурсов к естественному возобновлению [18, с. 346].

После перехода страны к рыночным отношениям, судя по материалам средств массовой информации, рыбная промышленность Красноярского края прекратила свое существование. В крае были закрыты 12 рыбозаводов, работавших на сырье, произведенном в Енисейском рыбохозяйственном районе. По данным ФГУ «Енисейрыбвод» за 2007 г. вылов рыбы в транспортно доступных водоемах енисейского бассейна края вели 246 пользователей, 96 из которых имели статус юридического лица. Общий улов за год составил 1954 т., из которого более 40 % дало водохранилище Красноярской ГЭС. Но квоты на промышленный вылов в 2007 г. были освоены менее чем на треть. Более 60 % улова составили окунь и плотва.

Несмотря на относительно небольшой объем вылова рыбы, запрет вылова ценных пород рыбы и вселение в водоемы молоди этих пород, в водоемах края наблюдается снижение промысловых запасов нельмы, муксуна, чира, ряпушки, сига-пыжьяна, тугуна и некоторых других пород рыб. Состояние водоемов Норило–Пясинской системы оценивается как «напряженное» или «депрессивное» [19].

По мнению аудиторов Счетной палаты Красноярского края, высказанном на ее заседании в октябре 2016 г., состояние рыбохозяйственного комплекса края характеризуется низкой организацией промысла, снижением общего вылова и переориентацией промысла на вылов ценных видов рыб. Объемы добычи рыбы в крае в 2016 г. по сравнению с 1995 г. сократились в три раза. В крае отсутствует программа развития отрасли, не проводятся исследования рыбопродуктивности водоемов и утрачивается опыт ведения хозяйства на систематической основе [20].

Анализ архивных материалов и результатов исследований за последние двести лет показывает, что развитие рыбного промысла на основе использования пароходов для вылова и вывоза рыбы привело к формированию в низовьях Енисея рыбной промышленности, работающей на основе рыночных отношений. Но она была разрушена в годы гражданской войны. Рыбную промышленность в бассейне Енисея в советский период восстанавливали сначала на кооперативной, а затем колхозной основе, но на восстановление ее до довоенного уровня 1914 г., понадобилось много времени. Тяжелым испытанием для отрасли стала Великая Отечественная война, когда от поставок рыбы из водоемов Енисейского бассейна зависел исход военных действий.

В послевоенный период, работники рыбной промышленности края, опираясь на результаты обследования водоемов, осваивали имеющиеся рыбные ресурсы, создавали рыбообразные хозяйства, расширяли ассортимент рыбной продукции. В отрасли было много проблем и просчетов, но, тем не менее, происходило ее поступательное развитие. Переход к рыночным отношениям создал ситуацию, которую, со временем, не исключено придется решать в интересах потребителей.

Литература

1. Хвостов В.С. О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги до Иркутской губернии. С.-Пб. Императорская Академия наук, 1809. – 107 с. с 49-50
2. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594 – 1893 год. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 888 с. с. 190
3. Степанов А.П. Енисейская губерния. Часть 1. СПб: Типографии Конрада Вингибера, 1835. с 88 – 90, 240
2. Кытманов А.И. с 170
4. Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. – СПб., 1865. – С. 89.
5. ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 60. Л. 6., 32.
6. Тюрин В.П. Рыбное хозяйство // Сельское и лесное хозяйство Красноярского округа / под ред. И.С. Дмитриева, В.П. Косованова. – Красноярск, 1927. – С. 116–120.
7. ГАКК. Ф. Р–1137. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
8. ГАКК. Ф. Р–1137. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
9. ГАКК. Ф. Р–1137. Оп. 1. Д. 14. Л., 150.
10. ГАКК. Ф. Р–2121. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.
11. ГАКК. Ф. П–26. Оп. 3. Д. 165. Л. 30, 31.
12. ГАКК. Ф. П–26. Оп. 3. Д. 164. Л. 37.
13. Посчитано по: ГАКК. Ф. П–35. Оп. 12. Д. 18. Л. 3. ГАКК. Ф. П–28. Оп. 19. Д. 16. Л. 5
14. ГАКК. Ф. Р–1441. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.
15. ГАКК. Ф. Р–2274. Оп. 1. Д. 6. Л. 31; Д. 7. Л. 5; Д. 8. Л. 6, 14; Д. 9. Л. 6, 21; Д. 10. Л. 10.
16. ГАКК. Ф. Р–2274. Оп. 1. Д. 90. Л. 13.
17. ГАКК. Ф. Р–1441. Оп. 1. Д. 1476. Л. 34, 37.
18. Ковалев А.В. Оценка рыбных запасов Красноярского края // Проблемы рационального использования и охраны природных ресурсов Центральной Сибири. Вып. 4. – Красноярск, 2003. – С. 346.
19. Рыбные ресурсы Красноярского края. <http://www.protown.ru/russia/obl/articles/2626.html>
20. В Красноярском крае из рек уходит рыба. https://krsk.aif.ru/money/v_krasnoyarskom_krae_iz_rek_uhodit_ryba

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 347

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

***Сторожева Анна Николаевна, Дадаян Елена Владимировна
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия***

В данной статье раскрывается исторический аспект возникновения юридических лиц. Исследуется англо-саксонская и романо-германская правовые системы по моменту возникновения юридических лиц. Анализируется опыт различных стран Германии, Англии, США и др.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, организационно-правовая форма, юридическое лицо, корпорации, участники, управление.

This article reveals the historical aspect of the emergence of legal entities. Studied Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal system at the time of the emergence of legal entities. Analyzes the experiences of different countries Germany, England, USA, etc.

Keyword: limited liability company, legal form, legal entity, corporations, participants, management.

Эпоха перестройки и постепенного перехода на новые условия хозяйствования с середины 80-х годов объективно вызвали возрождение отечественного налогообложения, что логически привело к созданию в СССР налоговых органов. Но лишь после августовских событий 1991 года была осуществлена широкомасштабная комплексная налоговая реформа, подготовлены и приняты основополагающие налоговые законы, которым суждено было подготовить принципиально новый этап, начавшийся 1 января 1999 года с вступлением в силу I части Налогового кодекса РФ.

Налоговые органы Красноярского края начинают свой путь с 1990 года, когда вместо управлений, отделов и инспекций госдоходов в системе Минфина СССР были образованы государственные налоговые инспекции по республикам, краям, областям, городам и районам. В их числе была и Государственная налоговая инспекция по Красноярскому краю.

21 ноября 1991 Указом Президента России была создана самостоятельная Государственная налоговая служба Российской Федерации, с этого дня налоговая служба в РСФСР приобретает статус самостоятельной государственной структуры. В декабре 1998 года Государственная налоговая

служба Российской Федерации была преобразована в Министерство Российской Федерации по налогам и сборам.

Сегодня по статистическим данным Федеральной налоговой службы одной из востребованных форм юридических лиц являются общество с ограниченной ответственностью. Поэтому предметом исследования явилась эта форма юридических лиц. Рассмотрим в данной статье на примере зарубежного и отечественного опыта аспекты возникновения данных обществ. Начнем с периода Античности и Средних веков, где началом являлись однородность профессиональной деятельности и общность из социального статуса. Как отмечает Красильникова Т.К. «именно в средневековых корпорациях появилась разветвленная система регламентации, определяющая характер как отношений, возникающих между членами профессионального сообщества, так и отношений с их органами власти. Объединялись различного рода материальные средства для достижения хозяйственных целей (профессиональные объединения)». Так же по мнению автора «эти виды объединений отличались солидарной ответственностью участников, которая была основана на их совместной деятельности и на определенных правилах внутренней жизни и обычаях делового оборота». Если главная цель корпораций в период феодализма носила некоммерческий характер и заключалась в сословно-правовой регламентации производственной, общественной и личной жизни их членов, в охране сословных прав и привилегий, то основной целью торговых компаний нового времени было, напротив, производство прибыли и распределение ее между вкладчиками. Важнейшим фактором развития корпорации в любую историческую эпоху становился принцип взаимной заинтересованности своих членов друг в друге, как в совместном труде, так и в совместном извлечении прибыли из капитала, присущих данной форме организации [1, с. 39].

С точки зрения правовых основ. В этот период создание компании завершалось договором (соглашением); произошло объединение и обособление имущества участников, участниками получено право принятия самостоятельных решений, право свободного личного участия в компании любых лиц; введена ограниченная ответственность участников; компания получила право выработать свой устав при условии, что он не будет противоречить закону; у участников появилась возможность брать на откуп государственные доходы и управлять ими по договору; доля участия стала самостоятельным объектом права и могла отчуждаться, признавалась недвижимым имуществом; произошло признание правоспособности компании (сложился порядок их создания: с разрешения государственной власти) и признания законными; крупные компании обрели обширные связи с государственной властью и становились монополистами; участники перестали отвечать по обязательствам компании; появилась возможность привлекать дополнительные вклады пропорционально их долям; в компании появились высшие органы управления и исполнения; государство могло стать учредителем; компании стали создаваться и с целью защиты от проникновения

на рынок иностранных купцов; появилось ограничение процедуры вхождения в участники компании.

Таким образом, античность и средневековые заложили правовые основы корпоративных отношений, учитывая тенденции времени [2, с. 25].

В период колониальных кампаний участники компаний имели главным образом имущественные права, «появился контрольный орган в лице, как правило, двух главных участников, в обязанности которого входили ревизия всех хозяйственных операций и проверка общей отчетности» [3].

А.А. Петросян отмечает, что «в качестве обязательного условия создания акционерных обществ, предусматривалась подписка (при оплате не менее 1/4) на весь уставной капитал и разрешение на отчуждение акций только после оплаты 2/3 их стоимости; впервые появилось понятие «учредитель»» [4, с. 110-120].

А.В. Габов пишет, что «во Франции новая разновидность корпорации – товарищество с ограниченной ответственностью была введена в 1863 году». Появилась диспозитивность всех видов акционерных обществ, и уменьшился государственный контроль за их внутренней организацией и деятельностью. О.В. Гутников отмечает, что «законы 1884 и 1893 годов снизили минимальный размер уставного капитала и минимальную стоимость одной акции, запретили выпуск акций до их полной оплаты, ввели в обращение акции на предъявителя» [5].

В США до середины XIX века существовало правило о разрешительном способе возникновения корпорации. В.П. Капыш отмечает, что «разрешения выдавали законодательные органы штатов, другим способом было утверждение устава акционерного общества федеральными органами. Постепенно разрешительный порядок создания акционерных обществ был заменен на регистрационный. В 1890 году был принят антитрестовский закон Шермана, первым заложивший основы антимонопольного законодательства» [2, с. 25].

Отметим, что в Германии участие работников в управлении предприятием регулируется законом от 1976 года. Право работников на участие в управлении предприятием было подтверждено судебным решением Конституционного суда ФРГ от 1979 года, который в решении указал, что участие работников в управлении предприятием имеет задачу смягчить систему принятия решений, связанную с подчинением работников управленческой и организаторской власти в крупных предприятиях.

Закон предписывал обязательное участие работников и их представителей в совете директоров юридических лиц, учрежденных также и в форме общества с ограниченной ответственностью, имеющего не менее 500-2000 работников (в зависимости от вида деятельности Общества). Работники, в свою очередь, занимали половину мест в совете директоров, из которых 2 или 3 места выделялись членам профсоюза. Дольщики обладали также половиной мест в совете директоров. Представители обеих сторон имели по одному голосу каждый. Председатель совета директоров имел всегда два голоса. Он избирался 2/3 от общего количества дольщиков. Если же этого не происходило, участники выбирали председателя, а представители работников - его заместителя.

Сегодня, закон от 2004 года о выделении в наблюдательном совете трети общего количества мест для работников, устанавливает обязательное учреждение совета директоров, в том числе и для обществ с ограниченной ответственностью. Совет директоров должен на треть состоять из представителей работников [4, с. 110-120].

Сегодня, необходимо отметить влияние норм права Европейского союза на право вышеуказанных государств, что привело к реформам 2000-х годов, особенно в Германии, в целях повышения конкурентноспособности этих стран [3].

Сравнивая континентальную Европу со странами англо-саксонской правовой системы необходимо отметить, что в США и Англии ООО не применялись длительное время как юридические лица. Там были широко распространены акционерные общества, в то время как в России и Германии наблюдалась обратная ситуация. Причиной данного явления выступает то, что изучаемые страны практически не имели колоний, которые предоставили бы возможность накопить богатство и сконцентрировать капитал на своей территории. М.Г. Громова полагает, что «их материальная мощь уступала на определенный период Англии и другим странам. По этой причине акционерные общества, которые создаются для оборота довольно большой массы капитала, в Англии и США возникли позднее и долго оставались редким явлением» [6].

Исторический анализ стадий формирования корпоративных отношений на примере ряда государств позволил выявить наиболее существенные признаки корпорации - искусственной личности, мотивы, аргументы, цели создания и деятельности. А также отметить ключевые моменты функционирования корпорации, подлежащие правовому регулированию.

Видится, что усложняющаяся структура субъектного и объектного состава корпоративных отношений создает предпосылки к укреплению системы защиты права каждого участника в балансе с правом самой корпорации на существование. Вырисовывается тенденция следования идее большинства, целевой целесообразности существования корпорации, что приводит к введению процедуры принудительного исключения из числа участников, злоупотреблению данным правом.

Для большинства участников участие приносит основной или дополнительный доход. При этом право голоса участник не имеет или не пользуется этим правом, особенно это касается участия в юридическом лице в форме акционерного общества (пассивное участие). Такое участие основано лишь на имущественной составляющей и подобно вложению в банковский сектор, не позволяет говорить о предпринимательской составляющей.

Если говорим о социальной ответственности корпорации, корпоративное право каждого участника во всех его аспектах обязано подлежать качественной государственной защите, которая возможна при наличии актуальных сведений о деятельности Общества и его участниках. Актуальность сведений достигается государственной регистрацией [7], а движение капитала – государственным контролем движения имущества внутри компании.

Институт государственной регистрации, институт двухуровневого контроля и прочие институты в России сегодня уже существуют. Однако, количество арбитражных споров растет в геометрической прогрессии [8, с.65], что говорит о малой и недостаточной их эффективности.

На наш взгляд, основные, всем известные причины: слабая изученность природы организационно-правовых форм юридического лица, в том числе в форме общества с ограниченной ответственностью, непрозрачность деятельности корпораций, низкая детализированность законодательства.

Ввиду социальной распространенности обществ с ограниченной ответственностью и значимости предпринимательской деятельности в жизнедеятельности граждан, налицо недостаточный контроль государства за деятельностью обществ, в юрисдикцию которого входит защита прав каждого участника, а также отсутствие государственного аудита финансовой деятельности общества, ведение которого на данном этапе предоставлено самим участникам общества ввиду статуса непубличности общества.

Удобство организационно-правовой формы «общество с ограниченной ответственностью» заключается не только в простоте формального управления обществом и возможности самостоятельного предоставления отчетности о деятельности общества контролирующим органам государства, а прежде всего - в возможности «ограниченной ответственности» участия в предпринимательской деятельности. В России сегодня, «ограниченная ответственность» претерпевает некую трансформацию, преодолевая рамки «отсутствия ответственности» как таковой. На наш взгляд, с этого начинается основное различие обществ России.

Шагая через всю историю возникновения, становления феномена «юридическое лицо», Россия пришла в настоящее время со слабыми правовыми основами в области корпоративного права. И это есть пробел. Однако, двадцатилетний опыт существования обществ с ограниченной ответственностью в России, позволил наработать собственный потенциал, благодаря которому общество с ограниченной ответственностью приобретает национальные черты. Сегодня законодательство вводит новые институты регулирования деятельности корпораций в России. При этом параллельно пытается понять природу корпорации и залечить пробел.

Литература

1. Красильникова Т.К. Корпорация как модель самоорганизации общества: отечественный и зарубежный опыт // Юрист. - 2016. - № 9. - С. 39.
2. Капыш В.П. Законодательное регулирование статуса корпоративных организаций (исторический анализ). // Закон и право. - 2016. - № 2. - С. 25.
3. Юридические лица в гражданском праве зарубежных стран: Монография / отв. ред. Н.Г. Семилютина. М.: ИНФРА, - 2015. // СПС Консультант Плюс.

4. Петросян А.А. Общества с ограниченной ответственностью в Германии: история возникновения и развития. // Вестник Московского университета им. М.В. Ломоносова. - 2012. - С. 110-120. // <https://elibrary.ru> (дата обращения 9.09.2019).

5. Габов А.В., Гутников О.В., Доронина Н.Г. и др. Юридические лица в российском гражданском праве: Монография. В 3 т. Общие положения о юридических лицах. Т. 1. / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: ИНФРА, - 2015. // СПС Консультант Плюс.

6. Громова М.Г. Правовой статус обществ с ограниченной ответственностью в Российской Федерации и Федеративной Республики Германии. // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. - № 3. // <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 02.10.2018).

7. Панов А.А. И как теперь арбитрам верить сведениям из ЕГРЮЛ? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 30.06.2017 № 305-ЭС17-2741. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 8. - С. 22-27.

8. Главное управление организационно-правового обеспечения деятельности судов Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Обзор судебной статистики о деятельности Арбитражных судов в 2014 году. // Российская юстиция. - 2016. - № 1. - С. 65.

9. <https://www.nalog.ru/rn24> (дата обращения 15.08.2019)

УДК 346.7

***О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
«РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И РЕГУЛИРОВАНИЕ
РЫНКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, СЫРЬЯ
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ»***

***Курбатова Светлана Михайловна,
Красноярский государственный аграрный университет, Россия***

Сельское хозяйство, являясь одной из ведущих системообразующих сфер экономики Красноярского края, формирует агропродовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность региона, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий. Это обуславливает важность надлежащего правового регулирования вопросов, входящих в данную область. Одним из таких источников правового регулирования являются государственные программы, например, государственная программа Красноярского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».

Ключевые слова: государственная программа, Красноярский край, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс.

Agriculture, being one of the leading backbone sectors of the economy of the Krasnoyarsk region, forms the agri-food market, food and economic security of the region, labor and settlement potential of rural areas. This leads to the importance of proper legal regulation of issues in this area. One of these sources of legal regulation are state programs, for example, the state program of the Krasnoyarsk region «Development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food».

Keywords: state program, Krasnoyarsk region, agriculture, agro-industrial complex.

Сельское хозяйство, являясь одним из основных направлений в экономике Красноярского края, формирует базовую отрасль агропромышленного комплекса Красноярского края (далее по тексту – АПК Кк) и, как следствие, имеет существенное значение для агропродовольственного рынка данного региона, продовольственной и экономической безопасности края, трудового потенциала и развития его сельских территорий.

Эта роль сельского хозяйства для экономики региона, а также сложносоставной процесс формирования и развития АПК Кк, включающий в себя разнообразный спектр направлений, требующий централизованного управления и контроля, обуславливает необходимость комплексного подхода к данному вопросу, одним из аспектов которого выступает его надлежащее правовое регулирование, которое должно соответствовать приоритетным направлениям государственной политики развития сельского хозяйства вообще [3].

В связи с этим, хотелось бы выделить постановление Правительства Красноярского края от 30 сентября 2013 года № 506-п «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (с изменениями на 30 июля 2019 года) [1] (далее по тексту – Государственная программа), так как именно данный документ определяет цели, задачи и направления развития сельского хозяйства (а вместе с ним и пищевой и перерабатывающей промышленности), определяет финансовые источники, содержит механизмы реализации мероприятий, закрепленных госпрограммой, и показатели ожидаемых результатов.

В числе иных, подобного рода основополагающих документов, можно назвать приоритетный национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса» в 2006 - 2007 г.г. и Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков развития сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 - 2012 годы, утвержденную Постановлением Правительства РФ от 14.07.2007 № 446, на смену которым и пришла рассматриваемая Государственная программа, которая основана на положениях ФЗ от 29.12.2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», Государст-

венной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р, а также на нормах Закона Красноярского края от 21.02.2006 № 17-4487 «О государственной поддержке субъектов агропромышленного комплекса края».

Исходя из положений Государственной программы, можно говорить о приоритетах трех уровней.

К приоритетам первого уровня относится развитие:

- скотоводства (производство молока и мяса, племенное животноводство, обеспечение эпизоотического благополучия территории края);
- растениеводства (поддержка элитного семеноводства, развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения).

Приоритеты второго уровня направлены на обеспечение эпизоотического благополучия территории края посредством развития подотраслей сельского хозяйства, включая овощеводство, свиноводство, птицеводство.

Приоритетами третьего уровня является повышение:

- занятости и сохранение трудовых ресурсов;
- кадрового обеспечения АПК;
- качества жизни населения,
- поддержка малых форм хозяйствования;
- устойчивости развития сельских территорий;
- конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции региона на внутреннем и внешнем рынке (посредством ранжирования кредитования и страхования, проведения технической и технологической модернизации, увеличения инвестиций).

Применительно к приоритетам, хотелось бы отметить особенно, что процесс внедрения и использования инновационных технологий и ориентиров современного постиндустриального общества есть залог его успеха. Особенно это актуально для аграрных образовательных учреждений, так как перспективы развития аграрной науки неразрывно связаны с возможностью обеспечить подъем сельскохозяйственного производства, а для этого необходима четкая стратегия развития каждого конкретного образовательного учреждения, которая бы была направлена на взаимодействие с конкретными субъектами агропромышленного комплекса, являющимися конечными «заказчиками» образовательных кадров аграрных образовательных учреждений.

Приоритеты обусловили цель госпрограммы, которая, в силу комплексного характера первых, включает два аспекта:

- повышение конкурентоспособности продукции сельскохозяйственного назначения, производимой в Красноярском крае, в контексте усиления его продовольственной безопасности;

- развитие сельских территорий, включая рынок труда и уровень жизни их населения и другие его элементы.

Реализации цели должны способствовать задачи, определенные Госпрограммой, например, такие как:

- развитие процесса производства сельскохозяйственной продукции региона;

- повышение ее конкурентоспособности;

- внедрение и расширение использования инновационных технологий;

- поддержка и дальнейшее развитие малых форм хозяйствования на селе;

- содействие эффективности региональной политики по повышению уровня доходов сельского населения;

- концентрация усилий по обеспечению стабильного состояния эпизоотического благополучия территории края;

- повышение инвестиционной привлекательности агропромышленного комплекса вообще и его сельскохозяйственного сектора, в частности;

- усиление механизма по поддержанию финансовой устойчивости субъектов агропромышленного комплекса;

- укрепление кадрового потенциала агропромышленного комплекса региона и его конкурентоспособности, в том числе и посредством взаимодействия и выстраивания партнерских отношений с образовательными учреждениями края, а особенно с учреждениями, готовящих специалистов в области агропромышленного комплекса;

- стимулирование ведения на территории края садоводства и огородничества;

- обеспечение эффективного и прозрачного управления финансовыми и материальными ресурсами в сфере АПК Кк вообще и непосредственно в его сельскохозяйственной отрасли.

Отдельной задачей должно стать выстраивание взаимодействия с органами власти, в том числе и с правоохранительными органами, учитывая количество и разнообразие преступных деяний, совершающихся в данной области, и различных проблемах, с которыми сталкиваются правоохранители в процессе расследования преступлений [2].

В результате надлежащей реализации государственной программы к 2030 году рассчитано, что удельный вес региональной сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме их ресурсов (с учетом переходящих запасов) составит:

- зерна - 99,9% (2014 г. - 99,8%);

- картофеля - 99,9% (2014 г. - 99,9%);

- мяса и мясопродуктов - 90,0% (2014 г. - 56,9%);

- молока и молокопродуктов - 90,1% (2014 г. - 81,8%).

Достижение планируемых результатов позволит обеспечить питание населения края по рациональным нормам и, таким образом, приблизиться к решению основных вопросов, определенных Доктриной продовольственной

безопасности Российской Федерации, определившей основной целью продовольственной безопасности в России необходимость обеспечения населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией.

Литература

1. Постановление Правительства Красноярского края от 30 сентября 2013 года № 506-п «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (с изменениями на 30 июля 2019 года) // СПС Консультант Плюс.

2. Бертовский, Л.В. О некоторых проблемах, возникающих при работе с объектами на месте их обнаружения / Л.В. Бертовский // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 367-372.

3. Трашкова, С.М. Нормативные правовые основы приоритетных направлений государственной политики развития сельского хозяйства / С.М. Трашкова // Актуальные вопросы развития территорий: теоретические и прикладные аспекты: сб. научн. статей. Пермь, 2016. С. 98-99.

УДК 242.1

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фастович Галина Геннадьевна

***Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия***

В статье рассматриваются вопросы функционирования государственного механизма в современной России. Автор приходит к выводу, что система деятельности всех сфер государственных органов способствует эффективной деятельности государственного механизма, среди которых особое место занимает сфера агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: эффективность, государственный механизм, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, модернизация.

The article discusses the functioning of the state mechanism in modern Russia. The author comes to the conclusion that the system of activity of all spheres of state bodies contributes to the effective activity of the state mechanism, among which the agricultural sector occupies a special place.

Key words: efficiency, state mechanism, agribusiness, agriculture, modernization.

Российская Федерация в настоящее время переживает эпоху модернизации во всех сферах государственного регулирования. Роль государства является ключевой в регулировании таких сфер, как развитие сельскохозяйственной инфраструктуры, ведение научно-исследовательских и проектных работ, сфера образования и повышения квалификации, а также внешнеторговые отношения. Система государственного регулирования и поддержки цен и доходов сельскохозяйственных производителей должны быть направлена на поддержание эффективного производства и выступать в качестве мотива для продуктивной деятельности, всецело применяющей достижения научно-технического прогресса [1].

Современное сельскохозяйственное производство пребывает в непосредственной зависимости от климатических факторов и тесно связано с природными и биологическими процессами. Также обнаруживается взаимосвязь между сельскохозяйственным производством и вовлеченностью животных, растений, почв, человека в данный процесс. По назначению и составу оборотного и основного капитала сельскохозяйственное производство выступает как сложная форма хозяйственной деятельности человека. АПК современной России характеризуется наличием ряда специфических уникальных черт и свойств, присущих исключительно данному виду хозяйственной деятельности человека. В условиях современной экономики рыночного типа данные свойства получают специфическое звучание. При недостаточном государственном регулировании и наличии свободной конкуренции эти особенности проявляются во всех хозяйственных процессах. В результате, в нашей стране не только признана важность государственного регулирования сельскохозяйственной сферы экономики, но и разработаны и внедрены законодательные нормы, закрепляющие своими положениями эффективные программы и направления развития данной сферы. При этом речь идет о развитии не только отдельных сфер сельского хозяйства, но и всех отраслей хозяйственной деятельности и факторов проживания человека.

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что в настоящий период времени в качестве основы аграрной политики государства выступает, в первую очередь, четкое осознание того, что аграрный сектор экономики играет особую роль в жизни общества. Продукция сельскохозяйственного сектора во всем мире выступает не просто в качестве обычного товара, а в качестве одного из стратегических товаров, поскольку именно данная продукция является одной из ключевых для того, чтобы общество не только могло нормально существовать, но и развиваться. Именно в силу вышесказанного поддержка сельского хозяйства представляет собой одну из наиболее важных задач государства.

Так, в процессе формирования системы государственного регулирования сельскохозяйственной отрасли экономики, в качестве ключевой задачи государства можно назвать нахождение оптимального сочетания рыночного и государственного начал для того, чтобы была возможность достижения основной цели развития общества [2, с. 33].

Принимая во внимание тот факт, что вектор государственной поддержки сельскохозяйственного сектора лежит в направлении регионального уровня, необходимо помнить об усилении значения мер регулирования сельскохозяйственного производства в регионах РФ. В соответствии с мнением исследователей и политиков, реформы, имеющие место в данной сфере, тормозятся именно на уровне регионов. Что касается масштабов государственной поддержки данного сектора в РФ, то они на настоящий момент незначительны, если сравнивать с зарубежными государствами, причем данный факт является одним из аргументов в пользу того, что необходимо решать проблемы эффективной работы весьма ограниченных ассигнований бюджета в сельскохозяйственный комплекс регионов.

В ходе производства сельскохозяйственных товаров человеческая деятельность непосредственно связана с природными условиями, неподвластными ему, не зависящими от него по объективным причинам. По этой причине получение прибыли и окупаемость затрат связаны с повышенным риском. Значительное отличие сельскохозяйственной деятельности от подавляющего большинства других секторов экономики состоит в том, что оно характеризуется как менее эффективное и продуктивное. Сельскохозяйственное производство приносит хозяйствующим субъектам меньшую прибыль. В связи с этим малодоходное сельскохозяйственное производство не может без внешней поддержки полноценно участвовать в межотраслевой конкуренции.

В сельском хозяйстве достижения научно-технического прогресса внедряются несколько медленнее, чем в промышленном секторе экономики.

Сельское хозяйство характеризуется некоторой статичностью и консервативностью. В связи с этим оно не может реагировать оперативно на меняющиеся требования и условия рыночной среды. Например, при росте спроса, сельскохозяйственное производство не в состоянии достаточно оперативно отреагировать на этот вызов среды. В деле роста сельскохозяйственного производства существует комплекс ограничений по повышению темпов. Значительно увеличить площадь земель, обрабатываемых хозяйствующим субъектом, достаточно сложно. При этом увеличение инвестиций также не всегда помогает. Причина состоит в естественной ограниченности сельскохозяйственных территорий. Что касается животноводческой отрасли, складывается подобная ситуация. Рост поголовья скота может быть осуществлен только в достаточно длительный период.

По причине консервативности и инертности сельское хозяйство не имеет возможности быстро перестроиться и при падении спроса на продовольствие. Затруднительно, например, увеличить или сократить производство и площади сельскохозяйственных культур, если уже состоялись посевные работы. В связи с этим в современных условиях поддержка государства и систематическое государственное вмешательство необходимы сельскому хозяйству.

С учетом важности и характерных особенностей сельскохозяйственного производства в рамках государства формируются теоретические и научно-практические принципы и параметры, установлены закономерности и

необходимость государственного регламентирования агропромышленного комплекса. Данные принципы широко применяются в аграрной политике государства на современном этапе. В большинстве развитых стран государство осуществляет стабильную и постоянную поддержку сельского хозяйства посредством многообразных приемов и действий, в число которых входит перераспределение средств из промышленного сектора экономики. Благодаря этому население страны обеспечивается продовольствием, открываются широкие возможности экспорта сельскохозяйственной продукции.

В России сельское хозяйство имеет целый комплекс особенностей, которые формируют ряд негативных тенденций для отечественного производителя. Большинство производителей сельскохозяйственной продукции не могут в настоящее время приобретать современную технику, а также не могут выделить финансовые средства на поддержание функционирующей техники в полноценно рабочем состоянии. От падения уровня механизации наша страна ежегодно теряет порядка 30 % (более 100 млрд. рублей) урожая сельскохозяйственного производства. Важнейшие факторы, оказывающие негативное воздействие на рост затрат, это – нарушение технологии возделывания и несоблюдение сроков проведения посева озимых и яровых культур. В результате недостатка зерноуборочных комбайнов происходит существенное увеличение сроков уборки сельскохозяйственных культур в целом ряде из регионов.

Следовательно, даже при воздействии благоприятных экономических и природных условий современное сельскохозяйственное производство не может увеличить и стабилизировать производство профильной продукции без государственной поддержки и помощи. Если будет сохранено подобное положение в данной сфере, агропромышленный комплекс не сможет обеспечивать необходимый уровень продовольственной независимости и самообеспечения государственных потребностей в продуктах питания должного качества.

На сегодняшний день отмечается восстановление многофилиального банка – Россельхозбанка, который специализируется на работе с хозяйствующими субъектами, задействованными в агропромышленном комплексе России. На базе Россельхозбанка предполагается развитие отечественной кредитно-финансовой системы для нужд национального агропромышленного комплекса. Россельхозбанк имеет обширные возможности для того, чтобы принять функции государственного финансового агента, который специализируется на работе с хозяйствующими субъектами, задействованными в агропромышленном комплексе России [3].

Существенным фактором создания конкурентных условий и диверсификации финансового посредничества выступает в настоящее время содействие становлению кредитной кооперации, которая показала свою эффективность во всем мире.

Для производителей сельскохозяйственной продукции с 1991 года в нашей стране функционирует система льготного налогообложения.

Эффективность выделяемых на поддержку сельскохозяйственного производства бюджетных средств детерминируется достижением заданных целей и задач. Но при этом необходимо отметить, что состояние агропромышленной сферы нашей страны в настоящее время может быть охарактеризовано как требующее повышенного внимания.

Хотя, в современных реалиях даже умеренные налоги в сельском хозяйстве не могут оказывать стимулирующего влияния на экономику из-за незначительных показателей рентабельности и убыточности сельскохозяйственного производства. Помимо этого, получение налогов, которые не обеспечены реальными источниками, оказывает определенное дестабилизирующее воздействие на экономическое развитие предприятий, задействованных в сельскохозяйственном производстве.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие меры по улучшению регулирования деятельности АПК в современной России:

- социальной сфере – формирование благоприятных условий для обустройства сельского развития и сельских территорий, преодоление отличий, существующих между качеством жизни городского и сельского населения;
- в экономической области – развитие устойчивого и продуктивного сельскохозяйственного производства;
- в экологической сфере – улучшение среды обитания человека, изготовление экологически чистых продуктов питания.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Консультант плюс
2. Петриков А.В. Экономическая политика в АПК. // Экономист, № 7, 2008, с.31-39.
3. Федеральный закон от 25 июля 2011 года № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования».

***К ВОПРОСУ О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
В СФЕРЕ АПК СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

Фастович Галина Геннадьевна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматриваются вопросы о реализации мер государственной поддержки отечественных сельхоз производителей. Автор статьи анализирует указанные меры, с точки зрения нормативно-правового регулирования. Указанные меры в целом способствуют эффективной деятельности агропромышленного комплекса Российской Федерации.

Ключевые слова: эффективность, меры государственной поддержки, агропромышленный комплекс, субсидии, государство.

The article discusses the implementation of government support measures for domestic agricultural producers. The author of the article analyzes these measures from the point of view of legal regulation. These measures generally contribute to the efficient operation of the agro-industrial complex of the Russian Federation.

Keywords: efficiency, state support measures, agriculture, subsidies, state.

Проблема развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия является весьма актуальной. С одной стороны, имеет место постоянный рост цен на горюче-смазочные материалы, энергоносители, корма, а с другой, мясокомбинаты, молокозаводы и другие перерабатывающие предприятия стремятся снизить закупочные цены и зачастую вынуждают сельхозпроизводителей продавать мясо, молоко и другую продукцию фактически по себестоимости [2, с. 43]. В мерах государственной поддержки аграрного сектора экономики, повышения конкурентоспособности агропромышленного производства и обеспечения продовольственной безопасности России важная роль отводится реализации «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2017– 2021 гг.». Переход на инновационный путь развития сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности России возможны только при условии усиления роли государства в развитии этого важнейшего сектора экономики [1, с. 52]. Первым шагом должно стать обновление правовой базы, интенсивное проведение племенной и селекционной работы, введение государственного заказа на производимую отечественную продукцию по гарантированным рентабельным ценам. В соответствии с государственной программой развития АПК на 2013–2020 гг. можно обозначить следующие актуальные экономические инструменты, которые должны помочь предприятиям в реализации направлений развития экономики сельского хозяйства:

1. Прямое субсидирование за счет средств федерального бюджета и софинансирование из бюджетов субъектов РФ. Этот инструмент должен быть ориентирован, прежде всего, на получение селекционных достижений сельскохозяйственных культур, успехов в животноводстве и птицеводстве. Кроме этого, должна быть предусмотрена значительная компенсация затрат сельхозпроизводителей на приобретение материально-технических ресурсов, минеральных удобрений и т.д. Особое внимание при этом необходимо обратить на возможность компенсировать затраты на страхование посевов этих предприятий. Конечно, развитие бизнеса этих предприятий невозможно без субсидирования уплаты процентов по кредитам.

2. Возможность осуществления прямых финансовых вложений. Это позволит провести различного рода мелиоративные работы по улучшению качества земель сельхозпроизводителей. Кроме этого, возможно будет направить средства на развитие инфраструктуры АПК, а также обратить внимание на социальное развитие сельских территорий.

3. Чтобы решить проблемы отрасли нужно обеспечить доступ сельхозпроизводителей к кредитным ресурсам. На наш взгляд, для эффективного поддержания сельского хозяйства при помощи банковского кредитования необходимо решить четыре блока проблем:

– Ограниченность ресурсов средних банков для осуществления кредитования сельского хозяйства. Только крупные банки с государственным участием могут позволить себе осуществлять кредитно-финансовую поддержку сельского производства. Большинство региональных и муниципальных банков лишены масштабной ресурсной и капитальной подпитки, а ведь именно эти кредитные учреждения должны работать с сельскохозяйственными товаропроизводителями и другими представителями агропромышленного комплекса;

– Низкий уровень развития сельскохозяйственных кредитных институтов. Недостаточно развита система сельских кредитных кооперативов, институтов развития аграрной сферы, а также федерального и региональных гарантийных и залоговых фондов. В основном, функционал этих важных учреждений по отраслевым направлениям возложен на коммерческие банки. [5, с. 24-27];

– Проблема хеджирования рисков. Комбинированное страхование, которое включает в себя комплекс защиты от различных рисков в АПК, является достаточно дорогим. По этой причине многие сельхозпроизводители не имеют возможности воспользоваться услугами страховщиков, а страховые компании не видят перспектив в снижении цен на свои продукты, так как велика вероятность наступления страхового случая;

– Проблема создания и реализации государственных программ. Несмотря на то, что на данный момент активно реализуется «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг.» [3], только один из ее пунктов имеет непосредственное отношение к банковскому кредитованию (докапитализация АО «Россельхозбанка»). Ответственность за решение этих проблем лежит не только на банковском и агропромышленном секторе, а на всех

секторах экономики так или иначе связанных с сельским хозяйством. Только при координированных действиях поставленные Минэкономразвития цели по производству продукции сельского хозяйства будут достигнуты.

Федеральным законом № 264-ФЗ (ст. 8) предусмотрена разработка государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на пятилетний период. Проанализируем, какие программы и правомерные действия приведены в данном законе.

Часть новых программ поддержки, включаемых в закон, предусматривает поддержку не в виде субсидий, а в виде бюджетного кредита (согласно программы поддержки кредитных и обслуживающих кооперативов, начинающих фермеров). Таким образом для сельхозпроизводителей актуализируется необходимость вести прибыльную деятельность, чтобы погасить кредитные обязательства и начать получать чистую прибыль и развивать свою деятельность дальше. Принятие закона будет требовать не только расходов, но позволит получить в бюджет значительные доходы (ввозные пошлины на импортируемый сахар, тарифные квоты на импортируемое мясо, специальные пошлины на зерно, квотирование экспорта удобрений). Таким образом, чистые расходы бюджета, связанные с введением закона в действие, окажутся в целом невелики, но окажут эффективное воздействие на сферу агропромышленного сектора в целом.

Литература

1. Алиева З.Б. Развитие регионального лизинга как фактор материально – технического обеспечения АПК в условиях финансового кризиса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №3 (60), 2010. С.50 - 55.
2. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление : учеб. пособие для Вузов. – М.: Юнити-Дана, 2016.- 255с.
3. Госпрограмма развития АПК на 2013–2020 годы. URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm>.
4. Проблемы современного аграрного кредитования в России/ О.У. Авис. – Журнал: Деньги и кредит. № 4. Издательство: Центральный банк Российской Федерации. Москва, 2012.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

Дергач Екатерина Сергеевна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье описываются современные проблемы сельского хозяйства и их пути решения направленные на развития импортозамещения, а в дальнейшем и экспорта российской сельскохозяйственной продукции (мясной и молочной продукции, овощей открытого и закрытого грунта, плодово-ягодной продукции).

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные товары, агропромышленный комплекс, крестьянское (фермерское) хозяйство, импорт, экспорт, государственные программы, льготное кредитование, лизинг.

The article describes the current problems of agriculture and their solutions to the development of import substitution, and in the future, the export of Russian agricultural products (meat and dairy products, vegetables, open and closed ground, fruit and berry products).

Keywords: agriculture, agricultural products, agriculture, peasant (farm) economy, import, export, government programs, soft loans, leasing.

Сельское хозяйство России представляет собой особо важную часть экономики страны, которая направлена на обеспечение потребности населения в продуктах питания и сырье.

В настоящее время положения экономики сельского хозяйства в России является нестабильным, но с каждым годом государство стремится к импортозамещению сельскохозяйственных товаров. Необходимо найти пути решения для наиболее видимого результата в продовольственной отрасли в следующих вопросах:

- в полной реализации замещения сельскохозяйственных товаров;
- развития экспортного потенциала;
- а также сформировать источники сельскохозяйственного производства

таким образом, чтобы Россия стала самодостаточным государством и экономически развитой страной.

На сегодняшний день существуют государственные программы, такие как: «Комплексное развитие сельских территорий», которая направлена на социальную сферу жизни человека (обеспечение доступным и комфортным жильем сельского населения, развитие кадрового потенциала, развития инфраструктуры на сельских территориях), «Госпрограмма развития сельского хозяйства на 2013-2020 года» направлена на получение результата (увеличение урожайности растениеводства, поголовья скота), «Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017-2025 года» направлена на раз-

вития научно-технической деятельности (привлечение инвестиций в агропромышленный комплекс (далее АПК), создание и внедрение новых технологий производства, совершенствование системы подготовки и дополнительного образования кадров для АПК, ориентированной на быструю адаптацию к требованиям научно-технического прогресса). Каждый год подводятся итоги проделанной работы в национальном докладе о ходе и результатах реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в котором отражается общий результат за прошедший год. Проблемы сельского хозяйства остаются и их необходимо решать. Проблемы сельского хозяйства можно разделить на 3 класса:

- экономические;
- климатические;
- социальные [1].

Проблемы, связанные с финансово-кредитной системой сельского хозяйства наиболее актуальная тема. Фермер больше вкладывает в производство, нежели получает от этого прибыль. Невозможно без поддержки государства организовать высокорентабельное сельхозпроизводство и стать конкурентоспособной единицей на мировом уровне.

В связи с устаревшей сельскохозяйственной техникой и ее постепенной изношенностью, а также подорожанием материалов на горюче-смазочные и специальные жидкости, низкой производительностью еще пока работающих машин, нынешние условия труда не позволяют российским аграриям полноценно работать и выходить на новый уровень. Для решения данной проблемы, необходимо увеличить объем финансирования на обновления парка сельскохозяйственной техники совместно с этим реализовать программу по утилизации старой сельхозтехники, которая подразумевала бы под собой денежную компенсацию за сдачу устаревшей сельхозтехники при покупке новой сельхозтехники, как например, происходит с утилизацией легковых автомобилей в нашей стране.

Помимо знаний и умений фермера в сельскохозяйственной деятельности проект бизнес-плана воплотить в реальность без стартового капитала очень трудно. Существуют государственные гранты на создания и развития крестьянского (фермерского) хозяйства, но не каждый начинающий фермер может получить этот грант, поэтому необходимо обеспечить полноценный доступ к льготному кредитованию сельскохозяйственных товаропроизводителей, субсидированию лизинга путем увеличения лимитов бюджетных средств, тем самым давая толчок в развития крестьянских (фермерских) хозяйств.

Случается так, что в одном регионе при одних и тех же климатических условиях одни хозяйства процветают, другие же, наоборот, находятся на грани банкротства. Эта проблема касается области знаний и компетентности управления, выбора территории, а также мониторинга земель на протяжении нескольких десятков лет. На территории России только 30% земель находятся в полосе

относительно благоприятного и предсказуемого климата при котором возможно ведение сельского хозяйства без риска.

Социальный фактор играет немаловажную роль в развитии сельского хозяйства, во многих деревнях, поселках отсутствует возможность привлечения и обучения молодых специалистов, что приводит к миграции жителей и вымиранию целых поселков и сел. В результате чего вымирает сельское хозяйство в регионах, так как оно является единственным источником дохода для большинства жителей. Большинство АПК не заинтересованы в улучшении социальных условий жителей, действуя исключительно в корыстных целях, руководство АПК вкладывает все только в производство, забывая об условиях жизни сотрудников и развития села. Государство же выделяет денежные средства только на самые необходимые нужды сельского поселения. Для осведомленности и понимания возможности развития агробизнеса необходимо разработать и ввести мероприятия по развитию комплексной системы консультирования всех категорий сельхозпроизводителей во всех субъектах и муниципальных районах страны, включающие оказания услуг по следующим направлениям: получения государственной поддержки, юридических консультаций, экономики и организации производства, бизнес-планированию и маркетингу в АПК, всевозможных инновационных технологий производства и переработки продукции АПК, включая вопрос экологии [2, с. 92].

Россия – это огромная плодородная страна, которая может и должна вновь начать кормить себя сама. Пусть в нынешних непростых политических и экономических условиях говорить об экспорте сложно, но, располагая объемными знаниями, богатыми природными ресурсами и большой рабочей силой, Россия просто обязана быть независимой от большинства импортных поставок сельскохозяйственной продукции (мясной и молочной продукции, овощей открытого и закрытого грунта, плодово-ягодной продукции). На сегодняшний день именно государственное регулирование и поддержка АПК являются основополагающим моментом решения существующих проблем. Для эффективной деятельности и планомерного развития АПК необходимо формирование программы государственной поддержки сектора с целью привлечения инвестиций. При грамотном подходе все проблемы решаемы, но для этого потребуются длительное время и планомерное решение всей совокупности проблем.

Литература

1. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Государственные программы. – URL: <http://mcx.ru/activity/state-support/programs>.
2. Котлярова Е.Г., Чуева Т.И. Государственное регулирование АПК в России // Наука и образование: Сохраняя прошлое, создаем будущее: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2017. С. 90-93.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

***Курбатова Светлана Михайловна, Айснер Лариса Юрьевна
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия***

В статье отмечена значимость цифровизации для экономики вообще и развития агропромышленного комплекса, и рассмотрен ряд аспектов цифровизации технологии обучения и необходимость внедрения этого процесса в деятельность образовательных учреждений для подготовки кадров новой формации для агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровые технологии, образовательное учреждение, агропромышленный комплекс.

The article noted the importance of digitalization for the economy in General and the development of agriculture, and considered a number of aspects of the digitalization of learning technologies and the need to implement this process in the activity of educational institutions for training specialists of a new formation for agriculture.

Keywords: digital literacy, digital technologies, educational institution, agro-industrial complex.

В своем обращении к Федеральному Собранию в конце 2016 года Президент России Владимир Путин заявил о потребности в своих, российских, передовых разработках и научных решениях, направленных на развитие экономики и социальных отраслей. Было сказано о необходимости сосредоточиться на, так называемых, «сквозных» технологиях - цифровых технологиях, с мощным технологическим потенциалом, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни [1]. В развитие высказанных Президентом РФ идей, 28 июля 2017 года была утверждена правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на повышение конкурентоспособности страны, качества жизни граждан и призванная обеспечить экономический рост и национальный суверенитет [2].

Учитывая роль и значение сельского хозяйства и агропромышленного комплекса для развития данных направлений, изучение вопросов, связанных с его цифровизацией вообще, а в области осуществления образовательной деятельности посредством предоставления соответствующих услуг аграрными образовательными учреждениями, в частности, является актуальным для современной России, а конкретно – для ее отдельных регионов.

Современное высшее образование вообще, а в сфере подготовки кадров для агропромышленного комплекса, в частности, с учетом стоящих перед ним

целей, должно охватывать собой целый ряд направлений, решать комплекс задач. И если подготовка обучающихся как будущих профессиональных кадров в сфере агропромышленного комплекса — это его основная задача, то на сегодняшний день следует понимать и принимать, что обучение их цифровой грамотности также возлагается на учреждения высшего образования.

Суть цифровой грамотности не только в том, чтобы научить студентов пользоваться новейшими технологиями вообще; прежде всего, она подразумевает развитие навыков выбора оптимальных для каждого конкретного контекста инструментов, позволяющих углубить результаты обучения и творчески решать проблемы. При этом следует учитывать целый ряд особенностей, таких как: тип образовательного учреждения, направление подготовки и многое другое, например, специфику подготовки кадров новой формации для агропромышленного комплекса, который представляет собой крупнейший межотраслевой комплекс, состоящий из нескольких отраслей экономики, направленных на производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получения из него продукции, доводимой до конечного потребителя.

Так, цифровая грамотность в сфере образования представляет собой новую категорию компетенций и оказывает влияние на структуру учебных программ, профессиональное развитие преподавателей и предназначенные для обучающихся услуги и ресурсы. Поскольку цифровая грамотность включает множество элементов, руководству вуза необходимо заручиться поддержкой всего учебного заведения и способствовать развитию этих компетенций у всех заинтересованных сторон. Существующие концепции помогают вузам при оценке текущей квалификации персонала, выявлении областей роста и разработке стратегий по внедрению методов повышения цифровой грамотности.

Информационно-образовательная среда — это программно-телекоммуникационная среда, обеспечивающая едиными технологическими средствами ведение учебного процесса, его информационную поддержку и документирование в системе Интернет любому числу обучаемых, независимо от их профессиональной специализации и уровня образования.

Цифровая грамотность — это способность использовать и создавать контент на основе цифровых технологий, включая поиск и обмен информацией, ответы на вопросы, взаимодействие с другими людьми и компьютерное программирование.

Участниками информационно-образовательной среды любого учебного заведения являются, в первую очередь, обучающиеся, для обучения которых и создано образовательное учреждение. Преподаватели также наравне с обучающимися являются участниками данной информационно-образовательной среды, будучи организаторами собственно учебного процесса. Также неотъемлемой частью информационно-образовательной среды вуза является технический персонал, обеспечивающий надёжное функционирование и развитие информационно-образовательной среды образовательного учреждения. И, наконец, руководство образовательного учреждения (на всех уровнях), которое ставит задачи, обеспечивает и контролирует их своевременное выполнение.

При этом необходим учет специфики конкретного образовательного учреждения для построения максимально эффективной по результативности системы такой цифровизации, например, аграрных университетов, учитывая роль и значение аграрного сектора для национальной экономики в целом.

Комплексный подход в формировании стратегии развития образовательного учреждения, с учетом внедрения и использования инновационных технологий и ориентиров современного постиндустриального общества [4], есть залог его успеха. Особенно это актуально для аграрных образовательных учреждений, так как перспективы развития аграрной науки неразрывно связаны с возможностью обеспечить подъем сельскохозяйственного производства, а для этого необходима четкая стратегия развития каждого конкретного образовательного учреждения, отмечает д.э.н., профессор, ректор ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ, Н.И. Пыжикова [5].

«Цифровое образование и наука – это будущее цифрового поколения молодежи, с которой вузы работают уже сегодня. Использование в обучении технологии обработки больших данных, искусственного интеллекта, персонализации перестает быть предметом академической дисциплины и становится содержанием реальных проектов, образовательных сервисов и платформ. Развитие электронного обучения и дистанционных технологий с разнообразием электронных сервисов, активным формированием информационно-образовательной среды должны стать неотъемлемой частью образовательного маркетинга аграрных вузов. Так, в Омском ГАУ акцент сделан на специальные проекты, реализуемые в дистанционной форме: «Университет, открытый региону», «Информационно консультационный центр», создан центр по внедрению разработок в области ГИС-технологий, запущен процесс интеграции онлайн-курсов в образовательную среду. Главным достижением в области развития информационно-коммуникационных технологий и совершенствования цифровых компетенций сотрудников университета является введение в эксплуатацию ИТ-центра коллективного пользования ФГБОУ ВО Омский ГАУ. В Центре оборудованы специализированные аудитории, в которых располагается парк из автоматизированных рабочих мест различной конфигурации. Современные персональные компьютеры позволяют работать с различным программным обеспечением с повышенными техническими требованиями к аппаратной части ПК. Центр оснащен коворкинг-зоной для организации учебного процесса разной направленности в едином рабочем пространстве» [6].

В Красноярском государственном аграрном университете активно развивается электронная информационно-образовательная среда (далее ЭИОС). Составными элементами ЭИОС выступают: официальный сайт университета; корпоративная почта; ЭОР – база электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК) дисциплин; учебно-методические указания; учебное видео; система электронно-дистанционного обучения LMS Moodle, обеспечивающая пользователям ЭИОС доступ к базе электронных курсов, средств тестирования, интерактивных дидактических инструментов обучения; система проведения вебинаров и видеоконференций Mirapolis VR; электронная библиотека универси-

тета, обеспечивающая доступ (в том числе авторизованный к полнотекстовым документам) к информационным ресурсам; Информационная система управления учебным процессом 1С: Университет-ПРОФ [7].

Результатом реализации этих направлений, на основе систематичного, комплексного и поэтапного внедрения, становится улучшение качества информационно-образовательной среды, что повышает возможности ведения учебного процесса и его информационной поддержки, а также повышение цифровой грамотности обучающихся как вообще, так и в конкретных направлениях аграрного сектора, в частности.

Таким образом, в качестве общего вывода можно отметить следующее, касающееся цифровой грамотности вообще [3]: обучающиеся должны понимать и принимать цифровую среду, а для этого цифровая грамотность должна быть частью и образовательного процесса, и его результата, что не позволяет ограничивать ее восприятие только как приобретение отдельных технических навыков. Образовательные учреждения несут ответственность за процесс цифровизации своих обучающихся – за превращение их в активных «цифровых граждан», а также за обучение их ответственному и надлежащему использованию технологий, включая, помимо прочего, этикет сетевого общения, цифровые права и обязанности в условиях смешанного и онлайн-обучения; при этом данное направление деятельности образовательных учреждений должно отражать их специфику.

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию. 01.12.2016 [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.
2. Бертовский Л.В. Цифровое судопроизводство: проблемы становления // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практич. конф. Симферопль, 2018. С. 173–178.
3. Повышение цифровой грамотности [Электронный ресурс]. – URL: <http://er.educause.edu/articles/2016/3/from-written-to-digital-the-new-literacy>. (дата обращения - 28.02.2019).
4. Ориентиры высшего образования постиндустриального общества / В.В. Лунев [и др.] // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 1 (35). С. 76-80.
5. Пыжикова Н.И. Роль вузовской науки в реализации государственной аграрной политики // Государственная аграрно-правовая политика в современной России: материалы круглого стола. Красноярск, 2017. С. 35–44.
6. Шумакова О.В., Мозжерина Т.Г., Комарова С.Ю. Подготовка кадров будущего в условиях цифровизации экономики // Инновационное развитие. 2018. № 9 (26). С. 143-146.
7. URL: <http://www.kgau.ru/new/all>.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
СРЕДЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА
(КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)**

***Соколова Ирина Алексеевна, Шадрин Виктор Константинович
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия***

В статье рассматриваются некоторые особенности формирования предпринимательской среды малых форм хозяйствования в аграрном секторе Красноярского края. Ориентация хозяйственной деятельности малых и средних организаций на прорывные направления сталкивается с рядом проблем: климат, обеспеченность техникой, качество трудовых ресурсов и др.

Ключевые слова: землевладение, предприниматель, малое и среднее предпринимательств, аграрный бизнес, урожайность, трактор, комбайн.

The article discusses some features of the formation of the entrepreneurial environment of small forms of economic management in the agricultural sector of the Krasnoyarsk region. The orientation of the economic activity of small and medium-sized organizations to breakthrough areas faces a number of problems: climate, technology security, quality of labor, etc.

Keywords: land ownership, entrepreneur, small and medium enterprises, agricultural business, productivity, tractor, combine.

Ситуация с реформированием аграрного сектора в России сложилась таким образом, что проведенная «младореформаторами» приватизация земель, привела к глубокому расслоению землепользователей.

В результате, по оценке Forbes, двадцать землевладельцев контролируют в России 7,9 млн га стоимостью 471,6 млрд рублей (эти земли расположены в самых благодатных по многим показателям регионах, но, в первую очередь, по географическим и природно-климатическим условиям).

Факторы, влияющие на развитие малого и среднего предпринимательства, можно разделить на объективные (которые мало зависят от воли предпринимателя, его желания) и субъективные. К объективным факторам относим плотность населения, территориальный фактор, потенциал региона, отраслевая структура региона. Предприниматель может лишь приспособливаться к этим факторам, оценивая и прогнозируя направления их развития и адаптируясь к их изменению.

К субъективным факторам можно отнести криминогенный риск, административные барьеры для предпринимателя, конкурентное окружение и другие. Эти факторы предприниматель имеет возможность изменять или влиять на них.

Действуя в конкурентной среде, субъекты предпринимательства стремятся обеспечить себе конкурентную устойчивость – успешно воздействовать на

соперников и выдерживать встречное воздействие на них самих. А если учесть, что в условиях рыночной системы конкуренция сильна практически во всех нишах рынка, то препятствий на пути к финансовой независимости (хотя бы от банка, в котором начинающий предприниматель занимает деньги под проценты на развитие бизнеса), более, чем достаточно.

Малое предприятие – это фирма, которая не доминирует в своей области, а хозяин – независимый владелец, осуществляющий руководство малым числом подчиненных в сравнении с другими фирмами той же отрасли.

Микро предприятия относятся к очень небольшому бизнесу, часто включают единоличного собственника (редко двух собственников), а также сферу семейного бизнеса. Большинство микро предприятий имеет ограниченный капитал, обладает ограниченными техническими и бизнес-навыками. При этом большинство микро предприятий демонстрирует жизнеспособность малого предпринимательства.

Средние предприятия подразумевают трудноопределяемую категорию малого предпринимательства, поскольку проходят по границе малых и крупных предприятий. Как правило, под средним предприятием понимают предприятие, которое управляется менеджером, находящимся под контролем собственников-акционеров. Подпадают под верхнюю границу предельных значений, установленных для малого предпринимательства [1].

Структура сектора малых форм хозяйствования в настоящее время в РФ и в СФО и Красноярском крае такова: на 90–98 % это микро предприятия. Возлагать на них ответственность за подготовку к переходу на пятый и далее технологические уклады нельзя. Эксперты отмечают, что средние и даже крупные предприятия ждут стабильности, и не готовы к рывку «в прорывном направлении».

Возможности развития предпринимательства в стране зависят от экономического положения регионов, уровня развития рынка как среды существования предпринимателей, а также поступательным осуществлением экономических реформ, обеспечивающих возможность доступа предпринимателей ко всем видам ресурсов, необходимых для осуществления и развития предпринимательства.

Всемирный банк, в рамках проекта «Ведение бизнеса» (Doing Business), ежегодно публикует отчет, в котором приводится рейтинг 190 государств мира по оценке условий ведения бизнеса.

За годы существования проекта (с 2005 г.), изменялось число индикаторов, уточнялась их формулировка, совершенствовалась методика, но сущность результата исследования оставалась неизменной – выявление «слабых звеньев» в организации предпринимательства (бизнеса) страны, региона и мира. Общее представление об условиях благоприятности предпринимательской среды или легкости ведения бизнеса, можно получить из таблицы 1.

Таблица 1 – Изменение условий благоприятного ведения бизнеса в России

Год	Рейтинг	Страна	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	№9	№10
			Регистрация предприятий	Получение Разрешений на строительство	Подключение к системе электроснабжения	Регистрация собственности	Кредитование	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля	Обеспечение Исполнения контрактов	Ликвидация предприятия
2019	31	Россия	12	48	12	12	22	57	53	99	18	55
2018	35	Россия	28	115	10	12	29	51	52	100	18	54
2017	40	Россия	26	115	30	9	44	53	45	140	12	51
2016	51	Россия	41	119	29	8	42	66	47	170	5	51

Составлено авторами.

Наиболее затратными остаются процедуры получение разрешений на строительство (было 192,9 дня в 2014 г, в 2017 – 155 дней), регистрация собственности, ухудшились условия защиты инвесторов, обеспечение исполнения контрактов и ликвидации предприятия [2].

Характеристика благоприятной предпринимательской среды была бы неполной, если в нее не входит расчет индекса экономической свободы, который по 12 параметрам, которые разбиты на четыре группы:

- верховенство закона: право собственности, свобода от коррупции, эффективность судебной системы;
- участие правительства: фискальная свобода, налоговое бремя, расходы правительства;
- регулирование: свобода предпринимательства, свобода труда, монетарная свобода;
- открытые рынки: свобода торговли, свобода инвестиций, финансовая свобода.

Каждая из двенадцати «экономических свобод» в этих категориях оценивается по шкале от 0 до 100. Общая оценка страны определяется путем усреднения этих двенадцати экономических свобод с равным весом для каждой из них.

Каждый компонент одинаково важен и страны, выбирая направления реформирования национальной экономики, ориентируются на показатели, имеющие самую низкую оценку - это факторы, сдерживающие экономический рост.

До 2019 года Росстат не публиковал данные о вкладе малого и среднего предпринимательства (МСП) в ВВП, анализ проводился по доле МСП в валовой добавленной стоимости. Согласно этим данным доля МСП в экономике РФ в 2014 году составила 19%, в 2015 – 19,9%, в 2016 – 21,6%, в 2017 – 21,9% или около 20 трлн рублей. В развитых странах доля МСП в ВВП составляет 50–60 % [3].

В настоящее время аграрный бизнес стоит перед выбором: путь, предлагаемый Минсельхозом России основанный на «преемственности», обеспечение роста производства любой ценой и неизменность существующих механизмов и инструментов поддержки. Этот вариант потребует фронтальной бюджетной поддержки, расширяющейся по объемам и направлениям, усиления политики протекционизма. В результате увеличится производство неконкурентной продукции и обострится проблема реализации продукции для сельхозпроизводителей.

Другой путь, более сложный – *концентрация на прорывных направлениях*. Политика государства, направленная на рост производства при выборе этого варианта развития, должна реализовываться на модернизированном производстве, с использованием новейших технологий, современной техники и квалифицированной рабочей силы.

На примере аграрного сектора Красноярского края можно оценить готовность отрасли ко второму варианту развития и степень благоприятствования предпринимательской среды малым формам хозяйствования.

1. Географическая среда и природно-климатические условия.

С вступлением России в ВТО, по условиям которого надо было значительно ограничить прямую государственную поддержку аграриям, в нормотворчество и документооборот вошли категории «территория с неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства». Для таких территорий государству разрешено оказывать прямую поддержку в рамках региональных программ, считается, что эта помощь не искажает рынок, а «подтягивает этих производителей до нормального уровня». За счет средств поддержки государство компенсирует предпринимателю дополнительные расходы, связанные с неблагоприятными условиями хозяйствования: на мелиорацию, ирригацию, средства защиты, новые технологии и оборудование и прочее. Мировая практика показывает, что США, страны ЕС, Япония широко пользуются этим способом.

По критериям ВТО статус территорий с неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства получило 23 субъекта РФ. При сумме господдержки в 2013 году в 9 млрд дол к 2018 году должно было быть 4,4 млрд дол, хотя реально в 2010-2012 гг. она составляла 1,2 – 1,9 млрд дол.

Проведенная в России в 2015 году оценка условий ведения сельского хозяйства по географическим и климатическим характеристикам, по качеству почв, а также по социальным и демографическим показателям, признала полностью непригодными для сельского хозяйства Камчатский край, Магаданскую и Мурманскую области, Чукотский и Ямало-Ненецкий округа, а 58 субъектов, по тем или иным причинам, были признаны неблагоприятными для ведения сельского хозяйства и среди них Красноярский и Алтайский края.

Несмотря на то, что Россия считается страной с холодным климатом и коротким летом, не нужно забывать, что именно у нашей страны - крупнейшие в мире черноземные территории. В свою очередь, наш климат - действительно, не самый теплый, способствует сведению к минимуму нанесения вреда сель-

скохозяйственным культурам со стороны животных и насекомых, которые насе- ляют тропики.

Территория Красноярского края - 2 366 797 км² (13% территории России), в силу географического положения состоит из четырех климатических зон: от «условно непригодных» для ведения сельского хозяйства до «абсолютно не- пригодных». Общая характеристика климата: экстроконтинентальный, относи- тельно сухой, холодный климат, распространение многолетней мерзлоты, пре- обладание горного рельефа. Со всей территории края к ведению сельского хо- зяйства по природному потенциалу пригодна незначительная площадь Минусинской котловины, климат которой позволяет выращивать овощи, фруктовые и ягодные культуры.

Если рассматривать территорию края с позиций природных условий для жизни населения, то на примере средней урожайности зерновых культур по климатическим зонам края видна существенная разница (табл.2).

Таблица 2 - Урожайность зерновых по климатическим зонам Краснояр- ского края (по сельскохозяйственным организациям)

Показатель	2015	2016
	Зерновые в весе после доработки с убранный площади	
Средняя урожайность по РФ, ц/га	23,9	26,8
Красноярский край, ц/га:		
Восточная зона	19,4	21,3
Западная зона	29,1	28,0
Центральная зона	20,6	20,7
Южная зона	13,5	15,1
Северная зона	13,0	14,1

Источник: Агропромышленный комплекс Красноярского края в 2016 году. – Красноярск, 2017. – С.102–103.

Спрос на сельхозпродукцию устойчиво растет, согласно данным Faostat потребление продовольствия за период с 1993 по 2013 год выросло на 10% (на 4% в странах ЕС и на 20% в менее развитых странах). Прогноз Продовольст- венной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) на 2026 год таков: по- требление мяса птицы возрастет на 12%, говядины - на 10%, свинины - на 8%, баранины и молока – на 20% [4].

Расширения санкций и применение контрсанкций, выявляют слабые зве- нья в национальной экономике и показывают, что уже наступило время пере- мен. Чтобы обеспечить создание в базовых отраслях экономики, прежде всего, в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе высоко- производительного экспортно-ориентированного сектора, без структурных из- менений в экономике, невозможно.

Современное состояние аграрного сектора – результат применения раз- личных вариантов построения инновационной экономики. Вариант «догоняю- щей» экономики осложнен тем, что в нем допускается применение не самых совершенных технологий, которые ведут к отставанию Другой вариант – «опе-

режающий», предполагает модернизацию АПК на основе освоения нано-, био- и информационно-коммуникационных технологий.

2. Важная составляющая – *техническое обеспечение процесса производства*. В аграрном секторе в этой сфере давно назрели, но пока не решены проблемы: износ техники, сверхнормативная нагрузка на единицу техники, недостаточное количество техники и пр.

Если в 2013 году ежегодное сокращение парка тракторов и зерноуборочных комбайнов составляло в среднем 6%, то в 2018 сокращение парка тракторов произошло на 2,7%.

Обеспеченность тракторами за год увеличилась лишь в двух федеральных округах - Северо-Кавказском (на 0,4% до 3,57 штуки) и Уральском (на 2,1% до 3,05 штуки). При этом в Южном федеральном округе на 1 тыс. га приходилось 3,57 тракторов (на 1,4% меньше 2017-го), в Центре - 3,27 тракторов (-1,7%), в Поволжье - 2,66 (-4,9%), в Сибири -2,22 (-3,2%), а на Дальнем Востоке - 2,45 тракторов (-7%) [5].

Среди регионов максимальный объем пашни на одну машину приходится в Хакасии - 950 га, Бурятии - 851 га, Амурской области - 807 га, Оренбургской и Иркутской областях - 769 га и 632 га соответственно. В европейской части России нагрузка на единицу техники меньше: Краснодарском крае один трактор обрабатывает в среднем 168 га, в Ростовской области - 316 га, в Белгородской, Воронежской, Липецкой, Курской областях - 283-363 га.

Тракторов за год стало меньше в стране на 3% (до 236,7 тыс. штук), зерноуборочных комбайнов - на 2,8% (до 57,6 тыс.), кормоуборочных - на 4,4% (до 12,6 тыс.), сеялок - на 5,6% (до 82,8 тыс.). Особенно остра проблема в Сибири, так как количество и состояние техники не позволяет аграриям собрать весь урожай в короткий уборочный период до наступления холодов.

Ежегодно в стране сельхозтоваропроизводители теряют не менее 12% урожая совокупно, в силу выхода за рамки агротехнических сроков уборки.

В настоящий момент на российских полях работает в три-четыре раза меньше техники, чем требуется. Например, доля тракторов, срок эксплуатации которых составляет более 10 лет, превышает 60 %, зерноуборочных комбайнов - 45%. Данная тенденция характерна для всех регионов страны, в том числе и для субъектов Сибирского федерального округа. В Сибири доля тракторов, срок эксплуатации которых составляет более 10 лет, оценивается в 69%, зерноуборочных комбайнов - в 51%.

Таблица 3 – Обеспеченность сельскохозяйственных организаций Красноярского края тракторами и комбайнами (на конец года, без микропредприятий)

Показатель	2014	215	2016	2017	2018
Приходится тракторов на 1000 га пашни, шт.	3	2	2	2	2
Нагрузка пашни на один трактор, га	386	407	424	432	437
Приходится комбайнов на 1000 га посевов, шт.:					
зерноуборочных	3	3	3	3	3
картофелеуборочных	16	19	18	15	14
Приходится посевов на один комбайн, га:					
зерноуборочный	343	356	369	381	353
картофелеуборочный	62	54	56	65	72

Источник: Красноярский край в цифрах 2018. – Красноярск, 2019. – С. 78.

Если, например, в Германии на 1 тыс. гектаров пашни приходится 65 тракторов и 11,5 комбайнов, в США - 25,9 и 17,9, а в Беларуси - 9,3 и 5, то в России этот показатель составляет лишь 3,1 и 2 соответственно. При этом нагрузка на один трактор в России - 327 га, в США - 38 га, во Франции - 14 га. На один зерноуборочный комбайн в России в среднем приходится 378,5 га, в США - 63 га, во Франции - 53 га. В итоге в странах ЕС собирают зерна около 70 ц/га, в России - около 20 ц/га.

3. *Качество и доступность трудовых ресурсов* - одно из основных условий успешной предпринимательской деятельности.

Средняя плотность населения по России – 8,57 чел/ км², в азиатской части – 3 чел/ км², а в Красноярском крае - 1.21 чел/ км² (2019 г.).

Доля сельского населения в среднем по России составляет 26%, но по регионам она колеблется от 71% до 5% . В Красноярском крае сельское население в 1970 году составляло 38,0% населения края (953,6 тыс.чел.), а в 2018 году – 22,6% (650,4 тыс. чел.) [6].

Численность занятых в сельском хозяйстве сократилась за десять лет с 11 до 9% всех занятых в экономике.

Сельское хозяйство России - преимущественно мужская отрасль, доля женщин составляет только 38%. Гендерный сдвиг вызван тем, что после перехода к рынку более успешно развивалось земледелие – производство зерновых и подсолнечника. Эти отрасли отличаются высоким уровнем механизации и преимущественно мужской занятостью. Трудоемкое молочное животноводство с преобладанием женского труда не вышло из кризиса, что привело к сокращению занятости женщин в этом секторе. Кроме того, с середины 2000-х годов в сельской местности сокращаются учреждения социальной сферы, в которых также преимущественно работали женщины.

Но основная гендерная проблема – очень высокий, более 11 лет разрыв в ожидаемой продолжительности жизни сельских женщин и мужчин. Анализ распределения численности мужчин и женщин в Красноярском крае по возрастным группам показывает, что если в целом по краю на 1000 мужчин приходится 1031 женщина, то, начиная с возраста 50-59 лет, число женщин на 1000 мужчин стремительно нарастает (старше 70 лет – более, чем в 2 раза).

Эта категория населения должна быть обеспечена доступным и качественным здравоохранением, развитой системой социальной защиты и прочими условиями жизнеобеспечения. В противном случае, представительницы этой части сельского населения, неудовлетворенные качеством жизни в сельской местности, могут выступить инициаторами миграции в город для более молодых групп – своих детей и внуков. Для формирования необходимого резерва трудовых ресурсов следует уделить внимание несельскохозяйственным видам предпринимательства, народным ремеслам.

Литература

1. Дудин М. Основы предпринимательства. Учебное пособие / С.П. Бараненко, М. Н. Дудин, Н. В. Лясников. М.:2018.-С.9.
2. Результаты национального рейтинга состояния инвестиционного климата в Красноярском крае(2014-2017 гг)// https://asi.ru/regions/rating/index_old/ (дата обращения 5.08.2019)
3. <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5948c59a794758389cfd7>(дата обращения 1.11.2019)
4. «Регионы России.. 2018» http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения 23.05.2019)
5. Красноярский краевой статистический ежегодник. .2018.- С.38-39.
6. Красноярский край в цифрах2018.//Красноярск.-2019.-с.19.

УДК 631.171

РОЛЬ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Дергач Екатерина Сергеевна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

В статье описывается значимость ГИС-технологий в развитии сельскохозяйственной отрасли предприятия.

Ключевые слова: управленческое решение, предприятие, агропромышленный комплекс, хозяйство, геоинформационные технологии, MapInfo Professional, атрибутивные таблицы, база данных.

The article describes the importance of GIS technologies in the development of the agricultural sector of the enterprise.

Keywords: management decision, enterprise, agro-industrial complex, economy, geoinformation technologies, MapInfo Professional, attribute tables, database.

Одним из наиболее перспективных направлений повышения эффективности в управлении сельскохозяйственным предприятием и развитием сельского хозяйства является использование информационных систем на базе геоинформационных технологий (далее ГИС-технологии). ГИС-технологии облегчают работу в принятии управленческого решения и управлении сельскохозяйственного предприятия, а именно позволяют решать такие задачи как:

- замер полей с помощью высокоточного GPS-оборудования;
- ведение паспортов полей с привязкой к году урожая;
- управление, создание, изменения структуры посевных площадей и севооборотов в векторной электронной карте;
- обработка результатов полевых измерений, данных дистанционного зондирования;
- расчеты по векторной электронной карте;
- анализ потребности в сельхозтехнике и оборудовании;
- контроль перемещений транспорта и техники с помощью навигации;
- анализ состояния почвенного слоя и посевов по каждому рабочему участку;
- расчет количества необходимого удобрения для территории;
- прогноз на основании анализа событий, происходящих с объектами мониторинга;
- формирование статистических и пользовательских отчетов и справок.

Использование ГИС-технологий в агропромышленном комплексе является свидетельством прогресса в современном мире. Функционирование ГИС-технологий в сельскохозяйственной отрасли обеспечивается за счет объединения разнovidной информации в единую пространственную систему базы данных. На сегодняшний день существуют векторные электронные (цифровые) карты, используемые сельскохозяйственными предприятиями, которые содержат в себе не только отображение границ полей, но и всевозможную информацию в отображении слоев данной карты (космические снимки, слои гидрографии, улично-дорожные сети, населенные пункты, рельеф местности) и вспомогательные атрибутивные таблицы данных, характеризующие структурные составляющие хозяйства. Атрибутивные таблицы данных могут в себе содержать сведения о микроклимате, мезорельефе, крутизне склонов, подверженности водной и ветровой эрозии, уровне грунтовых вод, содержании питательных веществ в почве, кислотности почвы, используемые севообороты, возделываемые культуры по полям и их урожайность, объемы внесения удобрений.

На сегодняшний день внедрение мощных ГИС-технологий для управления предприятий (хозяйств) в Красноярском крае не осуществлялось, но хозяйство «Огурское» в Балахтинском районе Красноярского края воспользовалось программным обеспечением на базе инструментальной геоинформационной системы MapInfo Professional, которая была разработана в конце 80-х годов 20-го века фирмой Mapping Information Systems Corporation в Соединенных Штатах Америки. Специалист хозяйства «Огурское» в данной программе, выбирая различные земельные участки и использовав программный блок расчета продуктивности путем активации соответствующей кнопки,

получал оценку продуктивности всех участков хозяйства по ряду сельскохозяйственных культур. Информация продуктивности отображалась в виде карт, таблиц, графиков. Данная программа применялась лишь для анализа данных, а в последующем для принятия управленческого решения [1].

Обработка, анализ данных и мониторинг используемые в управлении предприятия в сельскохозяйственном производстве на первоначальном этапе развития хозяйства, совхоза с помощью геоинформационных систем обеспечивают необходимый уровень функциональных возможностей.

Особенно важно применение ГИС-технологий в управлении сельскохозяйственным производством в регионах с рискованным климатом и почвенным плодородием. Для данных территорий необходим постоянный надзор за природными явлениями и условиями произрастающих культур, проведением агротехнических и агрохимических мероприятий.

Таким образом, двигателем прогресса любого агропромышленного комплекса служат инновационные технологии, для развития которых требуется государственное финансирование и соответствующая научно-образовательная база. Дефицит компетентных специалистов в сфере современного испытательного оборудования существенно тормозит развитие отраслей агрокомплекса, препятствуя внедрению новых, высокоэффективных и продуктивных средств производства. Необходимо производить работу по привлечению молодых перспективных специалистов к изучению и обучению в сфере информационных технологий сельского хозяйства, а также разработать и представить проект на рассмотрение Правительству Российской Федерации по активному внедрению инновационных систем в сельскохозяйственное производство.

Литература

1. Потанин В.Г., Алейников А.Ф., Вычислительные технологии. Становление и перспективы геоинформационных систем в сельском хозяйстве. Краснообск, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-i-perspektivy-geoinformatsionnyh-sistem-v-selskom-hozyaystve>

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

УДК 947

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Дацышен Владимир Григорьевич
Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный
педагогический университет, Красноярск, Россия

Статья посвящена проблемам изучения китайской деревни и крестьянского хозяйства в русском китаеведении. В работе отмечены проблемы отечественной науки, высказано мнение о недостаточности внимания к данным вопросам. В числе крупных достижений отмечены работы И.И. Захарова, Е.Е. Яшнова и Н.И. Тяпкиной.

Ключевые слова: Российское китаеведение, китайская деревня, изучение крестьянского хозяйства.

The article is devoted to the problems of studying the Chinese countryside and peasant farming in Russian Sinology. The paper notes the problems of domestic science, the opinion is expressed about the lack of attention to these issues. Among the major achievements, the works of I.I. Zakharova, E.E. Yashnova and N.I. Tyapkina.

Keywords: Russian Sinology, chinese village, study of peasant farming.

Изучение деревни и крестьянского хозяйства в Китае является основой для изучения Китая. Это ключ к пониманию не просто традиционного общества, а бесконечного крестьянского частновладельческого мира, каковым был Китай.

Четрехсотлетний период истории русско-китайских отношений дал немало примеров, когда возникали проблемы из-за непонимания специфики китайских поземельных отношений. В поземельные отношения вступали еще члены Российской духовной миссии в Пекине, и в случае судебных тяжб по поземельным вопросам они терпели неудачи. Российские власти, как и другие иностранные державы, терпели неудачи при реализации своей политики, так как не учитывали специфику деревенской организации китайских крестьян. Это хорошо видно при рассмотрении событий строительства КВЖД и оккупации Маньчжурии в конце XIX начале XX вв.

Проблемам китайской деревни и крестьянского хозяйства в российском китаеведении уделялось мало внимания. Поземельные отношения и организа-

ция сельского сообщества не были в числе приоритетных вопросов для русских китаеведов.

В 1920-х гг. выдающийся русский ученый Евгений Евгеньевич Яшнов свою работу «Китайское и русское крестьянское хозяйство на Дальнем Востоке» начинал со слов: «Два соседа – русский и китайский крестьянин – уже давно живут рядом, плечо к плечу, и очень мало знают друг о друге... Для обеих сторон настало время понять друг-друга» [1]. В конце 1940-х гг. известный советский экономист-китаевед Евгений Федорович Ковалев писал: «Что касается советской литературы, то за годы войны в ней появились лишь отдельные статьи, трактующие об аграрных отношениях в Китае» [2]. Вообще этот исследователь во вводном историографическом обзоре не указал не одной русскоязычной публикации. Во вводной части работы советского исследователя А.С. Мугрузина, посвящённой проблемам аграрных отношений в Китае, отмечается: «Аграрные отношения в Китае... недостаточно изучены...» [3].

Несмотря на указанные проблемы, вклад русских ученых в изучение китайской древности и крестьянского хозяйства все же был значительным. Уже в середине XIX в. известность получили работы бывшего члена Пекинской миссии Ивана Ильича Захарова (1816-1885) «Поземельная собственность в Китае». Этот синолог-маньчжурист стал консулом в Кульдже, а затем профессором Санкт-Петербургского университета. Профессор И.И. Захаров получил признание как первый в Европе исследователь истории экономики Китая [4].

Русская экспансия в Маньчжурии, начавшаяся в конце XIX в., вызвала необходимость изучать китайское крестьянство. Особенно это было актуально для попавших под русскую власть территорий Ляодуна. В числе первых исследователей деревни и поземельных отношений здесь был Б.Л. Громбчевский. В архиве сохранилась «Памятная записка» этого известного военного исследователя, занимавшего высокую должность в администрации Русской Квантунской области, военному министру, датированная февралем 1899 г. [5]. Б.Л. Громбчевский писал о суммах поземельных налогов, натуральных повинностях и прочих повинностях, выполнявших различными категориями земледельческого населения Цинского Китая.

В начале XX в. Маньчжурию, в том числе и сельскую округу, изучали студенты Восточного института. В журнале «Известия Восточного института» были опубликованы «Экскурсия для изучения Инкоу» К. Дмитриева [6], «Альчужаское фудутунство» Новикова [7], «Материалы для исследования Бутхаскаго фудутунства» С. Горянова [8], «Хуланьчэнское фудутунство» В. А. Церерина [9]. Результатом поисковой работы в Маньчжурии в начале XX в. стала обобщающая публикация профессора Восточного института А.В. Рудакова «Материалы по истории китайской культуры...» [10].

Заметный вклад в дело изучения истории Северо-Восточного Китая внесли офицеры Генерального штаба в Приамурском военном округе, с центром в Хабаровске. Во время военной оккупации Маньчжурии русскими войсками в начале XX в. в разные районы региона были отправлены небольшие военно-исследовательские экспедиции. Часть работ офицеров были изданы Штабом

Приамурского военного округа в Хабаровске в серии «Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии». Были опубликованы описание Хуланьского фудутунства[11], «Гириное фудутунство» полковника Лисовского[12], «Чан-чунь-фу и фудутунство Бодунэ» капитана Тихменева[13], описания других районов[14]. Степень проработанности разных вопросов в работах офицеров была разной, но в целом, издания Штаба Приамурского военного округа подняли на более высокий уровень общую степень изученности истории Северной Маньчжурии Цинского периода.

Кроме Северо-Восточного Китая, русские военные исследователи[15] и дипломаты [16] активно изучали еще один регион, где так же встречались китайские крестьянские хозяйства - Синьцзян. В качестве примера можно привести «Военно-статистические сведения об Илийском крае...» Дюгаева [17].

Из последних работ по данной проблеме русских ученых до революции можно назвать исследование преподавателя юридических наук в Восточном институте Николая Ивановича Кохановского «Землевладение и земледелие в Китае»[18]. Автор, не будучи китаеведом, выполнил обобщающее исследование на основе полевых материалов и документов, собранных и переведенных русскими и европейскими китаистами.

После Победы советской власти в России, русская эмиграция в Маньчжурии успешно начала развивать науку и образование в Харбине.

Русский ученый-востоковед Евгений Евгеньевич Яшнов (1881-1943), опираясь на китайские материалы, в том числе данные обследования китайской деревни и сельского хозяйства, получил известность не только благодаря работам по отдельным научно-практическим вопросам, но и собственной теорией развития общества. Исследователи пишут: «Евгений Евгеньевич Яшнов выделяется из числа наиболее ярких представителей научной школы харбинских ориенталистов – экономистов и аграрников. В дореволюционной России он был известен как русский поэт... В 1919-1921 гг. он жил и печатался во Владивостоке. Эмигрировав в Маньчжурию (в Харбин), Яшнов устроился на службу в Экономическое бюро КВЖД... он написал и издал более ста исследовательских и статистических работ, охватывавших практически все области экономики и сельского хозяйства Китая и его регионов. Труды Е. Яшнова... «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии»... «Особенности истории и хозяйства Китая»... вызывают восхищение и у востоковедов... Многие годы в отечественной историографии его работы замалчивались... Е. Яшнов по своим идейным убеждениям не был марксистом. Он не принял советскую власть» [19]. Среди других работ Е.Е. Яшнова необходимо назвать изданную в 1928 г. в Харбине монографию «Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы». В 1928 г. «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии» Е.Е. Яшнова было удостоено награды Русского Географического общества. Труды Е.Е. Яшнова постоянно печатались на страницах журнала «Вестник Маньчжурии» [20].

Известный синолог Э.С. Кульпин так оценивает достижения харбинского синоведа: «Практически первая фундаментальная попытка дать анализ китай-

ской цивилизации, опираясь на социоестественные факторы, была осуществлена Е.Е. Яшновым. После ряда фундаментальных работ, посвященных сельскому хозяйству Китая начала XX в., он пришел к целостному объяснению развития китайского общества»[21]. Выводы советских ученых не потеряли актуальности и сегодня: «Творческое наследие Е.Е. Яшнова, на наш взгляд, совершенно незаслуженно забытое на полвека, в наши дни как бы переживает новое рождение. Многие его положения остаются актуальными до сегодняшнего дня, отдельные идеи, например, идея циклов, только сейчас начинает серьезно и обстоятельно разрабатываться...» [22].

Китайскую деревню изучали другие русские ученые в Харбине, например Н.К. Федосеев[23]. В 1920-х гг. несколько работ по праву опубликовал в Харбине профессор В.А. Рязановский («Основные начала земельного, горного и лесного права» (1928), «Современное гражданское право Китая» и др.). Учеником и последователем профессора С.М. Широкогорова стал выдающийся китайский исследователь Фэй Сяотун – автор известного исследования «Китайская деревня глазами этнографа».

Актуальной проблема китайской деревни и крестьянского хозяйства была, казалось бы, и для советского китаеведения. В 1923 г. Политуправление 5-й Краснознаменной армии в Чите издало книжку «Китай. Политико-экономические и географические очерки»[24] тиражом в 3 тыс. экземпляров. Вторая глава, посвященная деревне, городу и демографическим проблемам, называется «Полунатуральное хозяйство Китая». Далее идет глава «Старый Китай, его нравы, религия, история». Авторы утверждали: «Благодаря особенностям земельного строя, в китайской деревне не было – до последнего времени... слишком острой внутренней борьбы между многоземельными и малоземельными крестьянами... В жизни китайской деревни поразительнейшими, единственно-важными событиями являлись стихийные природные явления и бедствия» [25].

Среди организаторов советского востоковедения был воспитанник Лазаревского восточного института и Петербургского университета Николай Михайлович Попов-Татива. Этот ученый занимался вопросами Китая, в 1927 г. в журнале «Новый Восток» он опубликовал статью «К вопросу о количестве крестьянских дворов в Китае».

В целом, в СССР в 1920-1930-х гг. мало внимания уделялось китайской деревне. Например, в 3-м номере журнала «Проблемы Китая» за 1930 г. была дана «Краткая информация о работе Научно-исследовательского Института по Китаю (с января 1928 по май 1930 г.)», в которой говорилось, что НИИ был создан с целью: «1. изучения опыта и уроков Великой китайской революции 1925-1927 гг. и прошлых массовых революционных движений (тайпинское восстание, боксерское восстание, революция 1911 г. и др.); 2. изучения текущей экономики, рабоче-крестьянского массового движения и текущих проблем китайской революции; 3. с целью помощи учебной работе КУТК и 4. помощи общественным организациям и учреждениям в деле понимания китайской революции и др. вопросов, касающихся Китая» [26].

Если кто и занимался проблемами китайской деревни, то это были люди не знакомые с китайскими реалиями, не работающие с китайскими первоисточниками. Например, в НИИ по Китаю при КУТК была открыта аспирантура. Журнал «Проблемы Китая» дал следующую информацию: «В целях подготовки высококвалифицированных кадров для марксистско-ленинского китаеведения и теоретически подготовленных кадров для работы в Китае с осени 1929 г. в Институте была создана аспирантура... В течение первой половины 1929 г. для этой группы были организованы подготовительные семинары по китаеведческим дисциплинам — по экономике Китая под руководством т. Мадьяра и по истории Китая — под рук. т. Якобсона.

Справедливости ради, необходимо отметить, что в фондах российских архивов хранятся черные материалы некоторых советских китаеведов, занимавшихся изучением китайской деревни во время своей работы в качестве советников при гоминдановских военных властях на юге Китая. Однако эти исследования не были обобщены и опубликованы.

Лишь в позднесоветский период в отечественной историографии появились обобщающие и посвященные китайской деревне и крестьянскому хозяйству. В их числе особое место заняла монография Н.И. Тяпкиной «Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX в.)» [27].

Таким образом, в отечественной историографии наблюдалась противоречивая картина изучения китайской деревни и крестьянского хозяйства. Этим вопросам уделялось явно недостаточно внимания, многие работы по разным причинам не были закончены и введены в научный оборот. При этом уже в 1920-х гг. русские ученые в эмиграции внесли большой вклад в мировую науку, советские же исследователи долгое время были ограничены в средствах и возможностях комплексного изучения китайской деревни и крестьянского хозяйства.

Литература

1. Яшнов Е.Е. Китайское и русское крестьянское хозяйство на Дальнем Востоке (опыт сравнительной характеристики) // Вестник Маньчжурии. Под ред. И Ли-чуна и Е.Г. Лиманова. — Харбин. — 1926. - №9. С. 1.
2. Ковалев Е.. Аренда и арендные отношения в Китае. — М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1947. С. 4.
3. Мугрузин А.С. Аграрные отношения в Китае в 20-40-х годах XX века. — М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1970. — 236 с. С. 3.
4. Захаров И.И. Историческое обозрение народонаселения в Китае // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. - СПб., 1852; Захаров И.И. Поземельная собственность в Китае // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. II. - СПб., 1853.
5. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1897. Л. 127.
6. Известия Восточного института. Т. VII. — Владивосток, 1903. С. 95-100.

7. Известия Восточного института. Т.Х. – Владивосток, 1904. С. 95-100.
8. Известия Восточного института. Т.VIII. – Владивосток, 1903. С. 7.
9. Известия Восточного института. Т.III. – Владивосток, 1902. С. 28.
10. Рудаков А. Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции (1644-1902). Т. I. – Владивосток, 1903.
11. Любов. Хуланьское фудутунство. - Хабаровск, 1903.
12. Лисовский. Гиринокое фудутунство (Западная часть). - Хабаровск, 1903.
13. Тихменев. Чан-чунь-фу и фудутунство Бодунэ. - Хабаровск, 1903.
14. Богаевский. Сан-Синское фудутунство. - Хабаровск, 1903; Дуров. Цицикарское фудутунство. - Хабаровск, 1903; фон-Загель. Восточная часть Гиринского фудутунства. – Хабаровск, 1903; Ижицкий. Мэргэньское фудутунство. - Хабаровск, 1902; Карликов. Нингутское фудутунство. - Хабаровск, 1903; Лишин. Хуньчунское фудутунство. - Хабаровск, 1903; Мельгунов. Бутханское фудутунство. - Хабаровск, 1903.
15. Куропаткин А.Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб.: ИРГО, 1879. 435 с.; Костенко Л.Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк. - СПб., 1887; Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. – СПб., 1888; [Громбчевский] Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г. старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области, поручика Б.Л. Громбчевского. – Н. Маргелан: Тип. Ферган. обл. правл.
16. Петровский Н. Отчет консула в Кашгаре 1885 // Сборник материалов по Азии. Т. XII. - СПб., 1886.
17. Штаба Туркестанского военного округа. Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом. Вып. XXVII. – Ташкент, 1901.
18. Кохановский Н.И. Землевладение и земледелие в Китае. – Владивосток, 1909.
19. Белоглазов Г.П. Теория эволюции аграрного строя Китая и Маньчжурии в трудах Е. Е. Яшнова (20-е годы XX в.) // Россия и АТР. – 1998. - №4. С. 64.
20. Яшнов Е.Е. История и народное хозяйство Китая (К теории исторических кризисов в Китае) // Вестник Маньчжурии. – 1929. - №9. №10; Яшнов Е.Е. Источники познания населения и крестьянского хозяйства Китая // Вестник Маньчжурии. – Харбин. – 1929. - №10; Яшнов Е.Е. Китайское и русское крестьянское хозяйство на Дальнем Востоке (опыт сравнительной характеристики) // Вестник Маньчжурии. Под ред. И Ли-чуна и Е.Г. Лиманова. – Харбин. – 1926. - №9. С. 1-13.; Яшнов Е.Е. История и народное хозяйство Китая (К теории исторических кризисов в Китае) // Вестник Маньчжурии. – 1929. - №9, №10; Яшнов Е.Е. Основы быта китайской деревни // Вестник Маньчжурии. – 1930. - №7, №8; Яшнов Е.Е. «Дискуссия об азиатском способе производства» // Библиографический сборник. Том II (V). Обзор литературы по китаеведению. Под ред. Н.В. Устрялова. – Харбин, 1932.

21. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 27.
22. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 30.
23. Федосеев Н.К. Кооперация в китайской деревне // Библиографический сборник. Том II (V). Обзор литературы по китаеведению. Под ред. Н.В. Устрялова. – Харбин, 1932.
24. Китай. Политико-экономические и географические очерки. – Чита, 1923.
25. Китай. Политико-экономические и географические очерки. – Чита, 1923. С.53-54.
26. Проблемы Китая. Записки Института / НИИ по Китаю при Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. №3. – М., 1930.
27. Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: «Наука» Главная редакция Восточной литературы, 1984. С. 233.

УДК 947

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР

Карпова Ирина Георгиевна

***Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия***

В статье проанализированы работы зарубежных исследователей Т. Шанина, Л. Виолы, М.Б. Таугера, С.М. Коткина, П.Р. Грегори и др., которые рассматривают изменения в советской деревне, произошедшие в период проведения коллективизации сельского хозяйства. Главное внимание в работах зарубежных историков и экономистов уделено вопросам сопротивления крестьян нововведения, раскулачиванию; коллективизация рассматривается как необходимость, нужная для устранения внутренних противоречий. В единичных работах, например С.М. Коткина, М.Б. Таугера дается более взвешенная оценка коллективизации.

Ключевые слова: зарубежная историография, коллективизация, Советский Союз, колхоз, деревня, советское крестьянство, И.В. Сталин.

The article provides an analysis of the scientific works of foreign researches who study the changes in the Soviet village during the process of collectivization. Foreign historians and economists study such issues as peasants' resistance to novations in the village caused by the kolkhoz system development, dekulakization. Collectivization in the works of foreign researches is considered as a necessity that is sought for solving the inner conflict. Some of the authors such as S.M. Kotkin, M.B. Tauger provide more reasonable evaluation of collectivization.

Key words: foreign historiography, collectivization, the Soviet Union, a kolkhoz, a village, the Soviet peasantry, J. Stalin.

История Советского Союза вызывала и по сей день вызывает интерес зарубежных исследователей в силу своей непохожести, отличности от истории других крупных держав. Как указывает М. Дэвид-Факс в статье «Семь подходов к феномену советской системы: разные взгляды на первую половину «краткого» XX века» в сборнике «Американская русистика», интерес к исследованию СССР то угасал, то появлялся вновь [1]. Но период модернизации Советского государства в конце 1920-х – в 1930-е годы всегда был в фокусе внимания зарубежных историков, советологов, экономистов. Такой интерес вызван не только значимыми качественными и количественными изменениями в промышленном и аграрном секторах народного хозяйства, но и личностью И.В. Сталина, человека, который руководил страной в период проведения модернизации. Многие зарубежные исследователи, изучая преобразования 1920–1930-х годов в СССР, оперируют понятием «сталинизм», освещая те или иные события через призму личности И.В. Сталина.

Зарубежные исследователи, занимающиеся изучением советского общества в 20-30-е годы XX века, рассматривают изменения в советской деревне, вызванные коллективизацией, последствия которой даже по прошествии времени всё ещё вызывают неподдельный интерес исследователей, а её итоги и результаты оцениваются неоднозначно. Анализируя архивные сведения, данные статистических сборников и периодической печати, ученые воссоздают картину жизни советского крестьянства, рассматривают достижения и неудачи советской деревни в период проведения коллективизации, изучают влияние колхозной системы на быт и хозяйственную деятельность советских крестьян.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных изучению советской деревни в период создания системы колхозов на территории страны, круг освещаемых проблем зарубежными исследователями достаточно ограничен. Основное внимание ученых уделено крестьянскому сопротивлению проводимой политике коллективизации, голоду начала 1930-х годов, раскулачиванию, а также определению причин осуществления коллективизации в советской деревне, анализу альтернативных путей развития аграрного сектора.

Изучение коллективизация получила уже в период своего проведения. Работы как отечественных, так и зарубежных исследователей, изданные в первой трети XX века носят описательный характер, они не дают конкретных оценок преобразованиям, которые предпринимались для модернизации сельского хозяйства в СССР в 1920-е – 1930-е годы. Так, в работе А.Л. Стронг «Современное фермерское хозяйство – советский стиль» нет анализа новой системы хозяйствования, однако подчеркивается необходимость реконструкции села, его технического перевооружения с целью быстрее преодоления примитивных способов ведения хозяйства и привнесения согласованности в деятельность промышленного и аграрного комплексов страны [2].

С 1960-х годов начинается период плодотворной деятельности зарубежных исследователей в изучении истории Советского Союза, в целом, и коллекти-

визации в частности. Этому во многом способствовала научная и исследовательская деятельность Т. Шанина, профессора Манчестерского университета, который большую часть своей жизни посвятил изучению сущностных характеристик крестьянства. Особенность научного подхода к изучению крестьянского общества Т. Шаниным заключается в его междисциплинарности, работе на «стыке» социологии с историей, философией, экономикой и политической наукой [3]. В своих работах Т. Шанин определяет крестьянство, рассматривает различные аспекты его жизни и деятельности в советский и постсоветский периоды [4].

Коллективизация, в интерпретации известного зарубежного специалиста, занимающегося исследованием жизни советских крестьян в 1930-е годы, Л. Виолы – это попытка «катапультировать аграрную страну в современность» [5, с. 102]. В своих работах автор акцентирует внимание на формах сопротивления крестьянства новому режиму [5]. Результатом колхозного строительства, согласно Л. Виоле, стал «застой сельского хозяйства», что сделало аграрный комплекс уязвимым местом экономики страны [5]. Похожей точки зрения придерживается П.Р. Грегори, американский экономист, профессор Хьюстонского университета. Он критикует политику советского правительства, проводимую в сельском хозяйстве, указывая, что её результатом стало «превращение плодородных земель в пустоши и появление необходимости импортировать зерно», «уменьшение численности скота, вследствие уничтожения его крестьянами, с целью не сдавать в колхозы». П.Р. Грегори отмечает, что, несмотря на рост промышленности, в сельском хозяйстве наблюдался застой и коллективизация оценивается им как смертельный удар, нанесенный сельскому хозяйству страны, после которого оно так и не смогло оправиться [6, с.10, 13-14; 7].

М. Малия также отмечает больше негативные последствия при оценке коллективизации. Он обосновывает свою точку зрения тем, что в итоге всех преобразований исчезла традиционная российская деревня, не получив ничего взамен – техника принадлежала МТС, колхозы управлялись назначенными лицами и т.д. М. Малия отмечает, что единственной уступкой крестьянству стало разрешение иметь личные подсобные участки. Анализируя социальную и бытовую стороны жизни крестьянства, М. Малия настаивает на том, что в образе жизни советского крестьянства ничего не поменялось – один магазин, школа с единственной классной комнатой и т.д. В итоге, он характеризует колхозную систему «роковой катастрофой» [8, с.225].

Однако, не все зарубежные исследователи столь категоричны в своих оценках коллективизации. Экономист М. Харрисон соотносит результаты коллективизации с успехом Советского Союза в Великой Отечественной войне. Он подчеркивает, что «благодаря колхозной системе продукты могли перераспределяться между селом, городом и армией» [9, с. 558].

Весомый вклад в исследование Советского Союза внес советолог, профессор истории Принстонского университета, С.М. Коткин. Он освещает все значимые события начала XX века в СССР, в том числе и коллективизацию, через призму личности И.В. Сталина. В целом негативно оценивая результаты

коллективизации, С.М. Коткин особо подчеркивает, что все принятые И.В. Сталиным решения, в том числе и создание крупных коллективных хозяйств, были продиктованы его действительной верой в идеологию партии. Коллективизация, по оценке С.М. Коткина, была необходимостью, нужной для устранения внутреннего противоречия, которое существовало в стране – в городах успешно строилась социалистическая система, в то время как в деревне развивались мелкие индивидуальные хозяйства, что было признаком капиталистической системы, дальнейшее развитие частных хозяйств противоречило официальной идеологии правящей партии. Как указывает автор, основная цель коллективизации – искоренение капитализма в деревне была достигнута – вместо многочисленных мелких индивидуальных хозяйств, сельское хозяйство получило крупные предприятия по совместной обработке земли [10-11].

М.Б. Таугер, профессор истории университета Западной Вирджинии, при оценке коллективизации, голода начала 1930-х годов, подчеркивает важность и необходимость тщательного изучения и анализа всех фактов и данных, для корректной и объективной интерпретации тех или иных событий. Коллективизация сельского хозяйства, по мнению М.Б. Таугера, была может и не благом для оветской деревни, но изучая её результаты, он приходит к выводу, что это была модернизация, необходимая для аграрного комплекса страны, хотя и проведенная с некоторыми перегибами и ошибками [12-13].

Экономические итоги коллективизации подводятся Р.У. Дэвисом, Я. Ширмером, Г. Хантером. Р.У. Дэвис в статье «Сталинизм и экономические реформы» отмечает, что в результате перехода к колхозной системе ведения хозяйства, разрешению держать личное подсобное хозяйство с правом продажи излишков на свободном рынке советская экономика оформилась в некую смесь центральных командных начал и денежной экономики [14].

Я. Ширмер и Г. Хантер изучая советскую экономику в период проведения модернизации сельского хозяйства задаются вопросом о том, действительно ли коллективизация способствовала подъёму сельскохозяйственного производства. Подробно изучая и сопоставляя данные 1930 – 1940-х годов по показателям урожая зерновых, технических культур и животноводства (основываясь на показателях официальной статистики СССР этих лет, данных, полученных Н. Ясным и данных, приведенных Д.Г. Джонсоном и А. Каганом) исследователи приходят к выводу, что коллективизация, возможно, на этом этапе была не так необходима. На основе этого вывода они предлагают альтернативный план повышения производства и товарности сельского хозяйства, но в условиях дальнейшего развития частного сектора [15].

Таким образом, основное внимание зарубежных исследователей, при освещении коллективизации сельского хозяйства, уделяется изучению нескольких основных проблем, среди которых необходимость проведения коллективизации, сопротивление крестьян изменениям в деревне, голод начала 1930-х годов. Почти не освещаются перемены в бытовой и культурной жизни крестьянства. Во всех работах, в большей или меньшей степени, красной нитью проходит идея ненужности коллективизации, отмечается её якобы разрушительный

характер, что, конечно, противоречит выводам отечественных исследователей. Обладая большей источниковой базой, изучая значительно более широкий круг вопросов, связанных с коллективизацией, советские и российские ученые, признавая недочеты и перегибы политики коллективизации, отмечают и положительный её вклад в развитие советской деревни. Среди наиболее значимых и значительных изменений нужно отметить повышение уровня грамотности населения, улучшение санитарных условий жизни, механизацию сельского хозяйства, использование удобрений, внедрение мероприятий по улучшению состояния почвы и повышению качества и количества урожая, появление новых профессий и т.д.

Литература

1. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – 376 с. [Электронный ресурс]
2. Strong A. L. Modern Farming - Soviet Style [Электронный ресурс] / A.L. Strong. - New York: International Publishers, 1930. – 32p.
3. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России/ Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. – М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 592с.
4. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе [Электронный ресурс] /Т. Шанин // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 267-274. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/19017801.html>.
5. Виола Л. Коллективизация как Гражданская война [Текст]/ Л. Виола // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 790 с.
6. Грегори П. Нужен ли был Сталин? [Текст] / П. Грегори // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 790 с.
7. Грегори П., Чжоу К. Как Китай выиграл, а Россия проиграла [Электронный ресурс] / П. Грегори, К. Чжоу // Экономическая политика. – № 1, 2001. – С. 106-121. Коткин С.М. Stalin [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: [https://archive.org/details/stephen-kotkin-waiting-for-hitler-audio/2017-10-27+-+Stephen+Kotkin+-+FT+Alphachat+\(Stalin's+Economics\).mp3](https://archive.org/details/stephen-kotkin-waiting-for-hitler-audio/2017-10-27+-+Stephen+Kotkin+-+FT+Alphachat+(Stalin's+Economics).mp3) (Дата обращения: 12.08.2019)
8. Малиа М. Советская трагедия: история социализма в России. 1917 – 1991 / Пер. с англ. – М. : РОССПЭН, 2002. – 584 с. Kotkin Stephen M. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Stephen_Kotkin (Дата обращения: 01.10.2019)

9. Харрисон М. Сталинизм и экономика военного времени [Текст]/ М. Харрисон // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 790 с. Kotkin Stephen M. [Электронный ресурс]. – URL: <http://stephenkotkin.com> (дата обращения: 01.10.2019)
10. Stephen Kotkin Stalin: Waiting for Hitler, 1929 – 1941 [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cNmVGTLMg2o> (Дата обращения: 01.10.2019)
11. Stephen Kotkin Joseph Stalin: Waiting for Hitler (Part 1) [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.hoover.org/research/why-does-joseph-stalin-matter> (Дата обращения: 01.10.2019)
12. Tauger M.B. Soviet Peasants and Collectivization, 1930-1939: Resistance and adaptation Collectivization [Электронный ресурс] // Rural Adaptation in Russia / edited by Stephen K. Wegren. – London and NY: Taylor and Francis Group, 2005. – С. 65-94.
13. Tauger M.B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931-1933 [Электронный ресурс]// The Carl Beck Papers in Russian and European Studies. Number 1506, 2001. – P. 1-65.
14. Дэвис У.Э. Сталинизм и экономические реформы [Текст]/ У.Э. Дэвис // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунаучной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С. 464-468.
15. Ширмер Я., Хантер Г. Негодные основы. Советская экономическая политика. 1928–1940. Принстон, 1992. XVI + 339 с. [Текст] / Я. Ширмер, Г. Хантер // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 751 с.

УДК 93/99 (517.3)

УЧАСТИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОСВОЕНИИ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ МОНГОЛИИ

*Зайцева Любовь Алексеевна, Даваажав Баяртогтох
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия*

В статье на примере освоения целинных земель в Монголии рассматривается советско – монгольское сотрудничество в области сельского хозяйства. Приведены примеры безвозмездной помощи СССР Монголии, подчеркивается, что обеспечение населения хлебом собственного производства и создание прочной кормовой базы – это основные причины освоения целины. Учитывая опыт освоения целины в Казахстане, советские специалисты разработали агро-

технические основы освоения целинных земель в Монголии. За 1959 – 1961 гг. было поднято 400000 га целины, со 2-ой половины 70-х годов начинается новый этап в освоении целины. С освоением целинных земель с помощью СССР была решена проблема обеспечения страны собственным зерном, земледелие становится самостоятельной отраслью сельского хозяйства.

Ключевые слова: Монголия, Советский Союз, целина, госхоз, земледелие, освоение, сельскохозяйственные машины, специалист.

In the article the Soviet and Mongolian cooperation in the sphere of agriculture is depicted on the example of the virgin lands reclamation.

The article provides examples of the non-repayable aid that the USSR lent to Mongolia. It underlines that the main reasons for virgin lands reclamation were providing the population with bread of own production and creation of solid forage supply. Based on the Kazakhstan experience in the virgin lands reclamation the Soviet specialists designed the agrotechnical principals for the wild lands reclamation in Mongolia. During the period from 1959 till 1961 about 400 000 ha of the virgin lands in Mongolia were reclaimed, and since the second half of 1970th a new round of this process began. Thanks to the wild lands reclamation and assistance of the USSR in it such a problem as the provision with own grain was solved in Mongolia. Since that time agriculture became an independent branch of farming.

Keywords: Mongolia, the Soviet Union, virgin lands, state farm, agriculture, reclamation, agricultural machinery, a specialist

Сотрудничество между Монголией и Россией, начинавшееся в XIX веке в области ветеринарии и образования, успешно продолжалось в советский период. Помощь и поддержка Советского Союза играли существенную роль в становлении экономики страны. Изучение истории сотрудничества между МНР и СССР рассматривается в работах советских и российских историков, экономистов, дипломатических представителей: Дугарова В.Д., Сагаева Н.Ц., Чимитдоржиева Ш.Б., Гатауллиной Л.М. и Грайворонского В.В. и других [1]. Советские историки Голых А.В. и Рошин С.К. посвятили работы изучению сотрудничества Советского Союза и МНР в освоении целинных и залежных земель [2]. В данной статье использованы документы Государственного Центрального Архива Монголии (ГЦАМ) и Центрального Архива Монгольской Народно-Революционной партии (ЦАМНРП), где приведены данные о деятельности сельскохозяйственной экспедиции МСХ СССР, госхозов, совхозов, сельскохозяйственных объединений, отчеты и рекомендации советских специалистов, работавших в МНР.

В решении данного вопроса важным стало изучение опыта освоения целинных земель, анализ помощи Советского Союза Монголии во 2-ой половине XX века. Освоение целинных земель в Монголии с технической и финансовой помощью Советского Союза позволило решить зерновую проблему в Монголии. Анализ целинного опыта позволяет учесть не только положительное, но и извлечь уроки. В основу изучения истории освоения

целины легли исследования Монгольской комплексной сельскохозяйственной экспедиций АН СССР (1947-1952 гг.). Решающим моментом в развитии земледелия МНР явился 1942 год Монгольское правительство, стремясь оказать всемерную помощь советскому народу, приняло меры по использованию местных ресурсов для удовлетворения потребностей страны в муке и фураже собственного производства, планируя расширить производство различных круп. В 1942 году центр опытно-агрономической работы из Гоби переносится в северную Хангайско-Хэнтэйскую зону. Кабинетом земледелия Комитета наук под руководством В.Ф. Шубина изучал элементы агротехнического комплекса, обеспечивающего получение высоких и устойчивых урожаев основных полевых культур. Наряду с агротехникой важным разделом в работе было создание озимого клина, испытание и подбор многолетних кормовых трав, освоение культуры табака, сахарной свеклы, махорки, льна, конопли, подсолнечника, горчицы и др. Кабинет земледелия был впоследствии в 1963 г. преобразован в НИИ земледелия МНР. Дальнейшее развитие земледелия получило в годы первой (1948-1952 гг.) и второй пятилеток (1953-1957 гг.), однако производство зерна на душу населения оставалось все еще недостаточным. В 1959 г. из Советского Союза в МНР было завезено свыше 70 тыс. т муки. Анализ опыта работы опытных станции позволил прийти к выводу, что земледелие в Монголии способно обеспечить внутренние потребности страны в зерновых и овощных продуктах, расширить кормовую базу за счет зерново-фуражных кормов для животноводства. Для освоения целины вполне подходил бассейн Орхона и Сэлэнги на севере Монголии, котловина больших озёр на западе и Восточно-Монгольская равнина на востоке, которые были земледельческими районами в Монголии [3, л.2, 179].

В феврале 1959 года ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли решение о дальнейшем развитии земледелия в Монголии для обеспечения населения хлебом собственного производства и создания прочной кормовой базы для животноводства [4, л.292]. III Пленум ЦК МНРП (март 1959 г.) конкретизировал это решение и поставил задачу освоить в 1959-1961 гг. 300000 га целины из 1783000 га, пригодных для пахоты земель, выявленных во время сельскохозяйственных экспедиций с помощью советских специалистов. В 1959 г. между правительствами СССР и МНР было подписано соглашение, в котором определялась дата командировки в МНР экспедиции сроком до 10 месяцев для выявления и отбора целинных земель.

Экспедиция была обеспечена автотранспортом, инструментами, лагерным оборудованием и полностью финансировалась СССР. Планом МСХ МНР предусматривалось выявить и отобрать целинные земли на площади 361,1 тыс. гектаров, в том числе: а) для существующих госхозов – 230 тыс. га; б) для новых госхозов -131,1 тыс. га (из них 99,3 тыс. га для госхозов, организованных в 1959 г.) [5, л.2].

В целях максимального расширения посевов зерновых в северной части Монголии, где были наиболее удобные земли, Совет Министров МНР определил провести здесь сплошное обследование земель, независимо от того, в чьем

пользовании они находились. Юридическое оформление прирезок земель госхозам было возложено на отдел землеустройства МСХ МНР. Из общей площади целины, предназначенной для новых госхозов, экспедицией было отобрано 272212 гектаров [6, л.86]. Учитывая опыт освоения целинных и залежных земель в Казахстане, где природные условия были схожи с монгольскими, советские специалисты МСХ СССР разработали агротехнические основы освоения целины [7, л.310]. Кроме того, были учтены результаты исследований советской сельскохозяйственной экспедиции, научные идеи советских ученых: Т.Д. Лысенко, Н.Д. Беспалова, В.Ф. Шубина, а также местный опыт. В рекомендации была дана краткая характеристика почвенно-климатических условий, способов обработки целинных земель впервые и в последующие годы их использования, размещение сельскохозяйственных культур по природным зонам страны, агротехнические основы семеноводства, давалась характеристика по результатам внедрения рекомендуемых агроприемов.

Наступление на целину началось весной 1959 г. В результате большой организационной работы партийных, государственных и хозяйственных органов, а также помощи СССР, в 1959-1961 гг. было поднято около 400000 га целинных земель и в основном была решена проблема обеспечения страны собственным зерном [8, с.74]. По соглашениям, подписанным между СССР и МНР 15 мая 1957 г. и 10 февраля 1959 г., из СССР было ввезено в МНР в 1958-1960 гг. более 2400 тракторов, 3000 грузовых машин, 400 дизельных станций, более 900 комбайнов и другой сельскохозяйственной техники [9, с.65]. В 1960 г. в республике было вспахано 423 тыс. га, из которых занято под посевы 62,8 % и оставлено под пары 37,2 % [10, с. 64]. В 1960 г. было собрано 256,5 тыс. т или 16 млн. пудов зерновых, то есть на 83,5 % больше по сравнению с 1959 г. [11, с.66].

По протоколу № 193 от 22 июля 1961 г. Правительство СССР оказало дополнительную помощь в выявлении и отборе целинных земель, пригодных для возделывания зерновых и других культур, а также сенокосных угодий.

В 1959-1960 гг. за счет освоения целинных земель были расширены посевные площади госхозов и при финансово - технической помощи Советского Союза и созданы новые земледелие становится самостоятельной отраслью сельского хозяйства [12].

С 1959 года первое время в целинных госхозах работали советские трактористы, комбайнеры и специалисты. В 1960-1961 гг. вышли постановления № 286, 367/250 Совета министров МНР, согласно которым монгольские работники должны были прикрепляться к приглашенным специалистам из социалистических стран [13, л.81].

XI Пленум ЦК МНРП 1976 г. определил конкретные задачи по освоению целинных земель. Началось второе наступление на целину. На основе решений партии и исходя из растущей потребности страны в продуктах земледелия, народно-хозяйственным планом на VI пятилетку (1976-1980 гг.) было намечено освоить при технико-экономической помощи Советского Союза 230 тыс. гектаров целинных земель. МСХ СССР приняло все необходимые меры по осуществлению своевременной поставки в МНР техники и оборудования для освоения

целинных земель. В 1976 - 1980 гг. в сельское хозяйство Монголии было вложено 1,9 млрд тугриков, из которых в земледелие - свыше 1 млрд тугриков, по линии кредита в течение 1971-1978 гг. поставлено свыше 5000 тракторов и комбайнов, свыше 4500 автомобилей [14, с. 103]. В соответствии с советско-монгольским соглашением от 27 мая 1976 г. в пяти госхозах: Найрамдал, Номгон, Нухурлул, Атар, Чандган тал - было построено под ключ силами и на средства Советского Союза - школы, детские сады, больницы, магазины; а 4 хозяйствах - Залуучууд, Бургалтай, Баянхараат, Магсаржав – силами монгольских строительных организации при техническом содействии СССР все социальные объекты. Во всех целинных госхозах, организованных в 1977 г., проживали около 4000 человек, из них 830 механизаторов и 720 животноводов [15, л. 54,58].

В 1978-1980 гг. в целинных госхозах Залуучууд, Баянхараат, Бургалтай, Магсаржав, Атар, Найрамдал, Номгон, Нухурлул, Чандган тал были введены в эксплуатацию: школа, интернат, столовая, жилые дома, общежития, комбинат бытового обслуживания, баня с прачечной, молочная ферма, детский сад-ясли, водозаборные сооружения, инженерные сети, электролинии, гараж, котельная, хозяйственный склад, откормочная площадка, картофелехранилище, благоустроенные дороги, хлебопекарня, медпункт, магазин, гостиница, очистные сооружения, ремонтная мастерская, ветеринарный пункт, клуб и контора. 14 декабря 1970 г. был передан дар советского народа монгольскому народу к 50 - летию Монгольской народной революции комплекс объектов Алтанбулакского госхоза. В число объектов входили: жилые дома на 64 квартиры, школа - интернат, столовая, детский сад, баня, мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, ветеринарный пункт, овощехранилище на 350 т, отопительная и водопроводная системы. Кроме этого, были построены 63 помещения для скота, 63 буровых колодца, 6 пунктов по очистке и хранению семян [16, с.142]. В результате помощи СССР, самоотверженного труда работников сельского хозяйства в МНР на 2 года раньше было поднято более 272 тыс. га целинных земель. По призыву Монгольского союза революционной молодежи на освоение целины прибыли сотни молодых рабочих и специалистов. В 1976-1978 гг. было освоено в западных аймаках 53,6 тыс. га целинных земель, на которых выращено и заготовлено кормов в объеме 139 тыс. т [17, л. 75].

В МНР был взят курс на развитие в строящихся госхозах интенсивного сельского хозяйства. Так, в 1977-1979 гг. среднегодовое производство валовой продукции в 9 целинных госхозах составило 55,3 млн тугриков, в том числе товарной - 37,6 млн тугриков. Среднегодовое производство основных видов сельскохозяйственной продукции при этом составляло: зерна 83,8 тыс. т, мяса в живом весе-2826 т, молока-1540 т и шерсти овечьей - 2747 т. Широкие меры по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства МНР, а также улучшение ее использования позволили в крайне неблагоприятных погодных условиях более устойчиво вести сельскохозяйственное производство.

Хозяйства, построенные при помощи СССР, имели высокий уровень оснащения техникой и оборудованием. Эти хозяйства являлись предприятиями

совершенно иного типа. Были построены целые агрогорода, тепличные комбинаты, благоустроенные культурно-бытовые и жилищные объекты. В них сосредоточены почти две трети всего объема производственных фондов государственного сектора страны.

За период 1965 – 1983 гг. при помощи СССР было построено и введено в эксплуатацию 4 кормовых хозяйства, 21 госхоз, 2 сельскохозяйственных объединения, 31 механизированная молочная фирма, 2 площадки промышленного типа для откорма крупного рогатого скота, 23 комбикормовых завода и цеха по приготовлению кормов [18, л.54]. В целом, сельскохозяйственными предприятиями, созданными при помощи СССР, в 1983 г. было произведено 58 % зерна, 48 % картофеля, 50 % овощей, 54% мяса, 8% молока, 56% овечьей шерсти, а всего - половину валовой продукции, произведенной в государственном сельскохозяйственном секторе Монголии [19, л. 55].

С освоением целинных и залежных земель с помощью СССР, в сельском хозяйстве МНР значительно возрос удельный вес государственного сектора, госхозы окрепли и превратились в крупные механизированные хозяйства, земледелие стало самостоятельной отраслью народного хозяйства Монголии. Следует отметить, что освоение целинных и залежных земель – это крупномасштабный итог советско-монгольского сотрудничества, следствием которого было развитие земледелия, кормодобывания, овощеводства, создание новых отраслей перерабатывающей промышленности.

Литература

1. Дугаров В.Д., Сагаев Н.Ц. Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в 1921- начале 1990-х годов в современной монголоведной историографии- Улан-Удэ: ГБУ РЦ “Бэлиг”, 2014. 152 с; Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия М: Наука, - 1987. 233 с; Гатауллина Л.М. Монгольская Народная Республика Проблемы некапиталистического развития - М: Наука, - 1971. - 438 с; Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости - М: Наука, - 1979. - 179 с. и др.

2. Голых А.В. Советско-Монгольское сотрудничество в освоении целинных земель и развитии земледелия в МНР (1959-1985 гг.): автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Бурятский ун-т.: - Улан-Удэ,- 1997. - 27 с; Рощин С.К. Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути - М: Наука, 1971. - 292 с.

3. Государственный Центральный Архив Монголии (ГЦАМ) фонд 15, оп.-1, ед. 971 л.2, 179.

4. ГЦАМ, ф.15, оп.1, д.863, л.292.

5. ГЦАМ, ф.15, оп.1, д.971, л.2.

6. Государственный архив Монгольской народно – революционной партии (ЦАМНРП) ф.4, оп.23, д.358, л.86.

7. ГЦАМ, ф.15, оп.3, д.310, л.310.

8. Советско – монгольские отношения 1921-1972гг: документы и материалы. Т.2. ч.2. М.: Межд. отн-я, 1979.- с.74.
9. Баврин Е.П., Мещеряков М.В. Монгольская Народная Республика – М.: Внешторгиздат, 1961, с.65.
10. Там же, с.64
11. Баврин Е.П. и др. ... с.66.
12. Ариунболд А. Атрын Жаян – Улан-Батор: Шутис, 2013 – 132с.
13. ЦАМНРП, ф.4, оп.26, д.148, л.81.
14. Даваадорж Ц., Цеденбал В. МНР. Итоги шестидесятилетия социально – экономического развития – М.: Прогресс, 1981, - с.103.
15. ГЦАМ, ф.15, оп.3, д.324, л.54,58.
16. Советско – монгольские отношения 1921-1974гг. ...т.2.ч .2.... 1979 – с.142.
17. ГЦАМ, ф.15, оп.3, д.324, л.79
18. ГЦАМ, ф.15, оп.3, д.626, л.54.
19. ГЦАМ, ф.15, оп.3, д.702, л.55

УДК 947

***ВОПРОСЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ТРУДАХ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ***

Ван Вэй

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматриваются вопросы российско-китайского развития и взаимодействия в сельскохозяйственной отрасли. Анализируются труды китайских исследователей по данной теме. Показаны основные периоды международных сельскохозяйственных отношений между северо-востоком Китая и Россией с 1689 по 2019 гг.

Ключевые слова: Китай, Россия, сельское хозяйство, российско-китайское взаимодействие, история, северо-восток Китая, Сибирь

The article deals with the issues of Russian-Chinese development and cooperation in agriculture. The works of Chinese scientists on this theme were analyzed. The main periods of international agricultural relations between the North-Eastern part of China and Russia from 1689 to 2019 are studied.

Keywords: China, Russia, agriculture, Russian-Chinese cooperation, history, northeast China, Siberia.

Тема российско-китайского взаимодействия в сфере сельского хозяйства занимает умы не только русских, но и китайских учёных. Изучив литературу по данному вопросу, мы определили, что ключевой темой для китайских исследо-

вателей стал вопрос международного сотрудничества в данной области между Россией и Северо-востоком Китая

Конкретизация географического положения объясняется тем, восток России и Северо-Восточный Китай имеют схожие климатические условия и, как следствие, должны обладать схожими принципами ведения сельского хозяйства. Это можно считать причиной установления взаимовыгодных российско-китайских отношений и научных и технических обменов. Так, например, в составе первой партии студентов из 375 человек, направленных из КНР в СССР, 9 изучали сельское хозяйство. Из этих 9 студентов – 8 были родом из Северо-Востока Китая, что подтверждает нашу гипотезу.

На тему развития российско-китайского взаимодействия в сфере сельского хозяйства в русской Сибири и китайском Северо-Востоке написано множество статей, глав монографий и защищены докторские диссертации. По нашему мнению особого внимания заслуживает работа учёного Нанкинского университета Ян Хуй «Исследование истории сельского хозяйства между Северо-Востоком КНР и Россией» [1], написанная под руководством профессора И Баочжуна. В своей работе она проанализировала 300-летний опыт международного сотрудничества наших стран и разделила его на 5 периодов: 1689-1897 гг., 1897-1917 гг., 1917-1949 гг., 1949-1961 гг. и 1980-2010 гг. В данной статье мы приведём краткие характеристики каждого из них.

Первый период (1689-1897) можно назвать периодом начала развития взаимоотношений в сфере сельского хозяйства между Царской Россией и Северо-Востоком Китая. В этот период китайцы начали торговать продукцией сельского хозяйства в пограничных городах России.

Нерчинский договор, заключённый в 1689 г., стал первым российско-китайским документом. Он установил положения о границах и торговле. Впоследствии, во время Опиумных войн в Китае были заключены Айгунский (1858), Тяньцзиньский (1858) и Пекинский (1860) договоры. Этими договорами была перенесена линия границы ближе к густозаселённым районам Китая.

В работе Ян Хуй много таблиц с материалами, взятыми из китайских архивов. Так, например, она приводит данные о численном составе русских делегаций, побывавших в Китае в 1714-1716 гг. Самая многочисленная делегация приезжала в Цицикар в 1716 г. и насчитывала 69 человек. Происходит развитие торгово-рыночных отношений. Появляются новые товары.

В этот период появилась русско-китайская торговля на Амуре и Уссури. Китайцы заимствовали у русских шубы, белокочанную капусту, пшеничную муку.

Союзный договор между Российской Империей и Китаем 1896 г. и построенная в 1897-1903 гг. КВЖД стали очередным шагом на пути развития российско-китайского взаимодействия в сфере сельского хозяйства.

Второй период (1897-1917) считается периодом ускоренного развития отношений в сфере сельского хозяйства между Северо-Востоком Китая и Имперской Россией. Строительство железной дороги спровоцировало повышение численности населения в русском приграничье, что, в свою очередь, выявило

проблему развития сельского хозяйства. Северо-Восток Китая стал для Дальнего Востока России основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. Следовательно, можно сказать о том, что данные факторы помогли быстро развить китайское сельское хозяйство. Авторы считают, что в этот период китайская соя, а не чай стала главным экспортируемым товаром в Россию. Кроме неё соседям продавали пшеничную муку и мясо. Так, в период с 1908 по 1914 гг. в Россию была налажена продажа мяса железнодорожным и водным путями. До 1913 гг. экспорт в Россию говядины, баранины и свинины вырос с 12173 до 111496, с 4360 до 60901 и с 17060 до 23300 ед. скота соответственно, а в 1914 г. количественные показатели упали на 61800, 40389 и 19948 ед. скота, что можно объяснить историческими причинами.

Любопытно, что в это время русские торговцы смогли основать за рубежом свои заводы, производившие алкоголь. Так, до 1907 г. в Харбине, Хэйхэ, Цицикаре и городах около КВЖД располагалось 38 фабрик, производивших водку и 10 пивных заводов, 5 из которых были в Харбине. В 1912 г. русские бизнесмены открыли 1 винодельню, 5 пивоварен, 12 водочных заводов. Всего за 1 год (1912-1913) в провинции Хэйлуцзян число русских алкогольных заводов выросло с 79 до 90, в провинции Ляонин – со 110 до 113, а в провинции Цзилинь – со 101 до 211.

В третьем периоде (1917-1949) развитие отношений в сфере сельского хозяйства между Северо-Восточным Китаем и СССР отличалось нестабильностью. Неравномерное, отрывистое, скачкообразное развитие объясняется происходившими в то время историческими событиями и народными волнениями в обеих странах: Великая Октябрьская социалистическая революция, японская агрессия в Северо-Восточном Китае, Вторая мировая война, создание КНР. Это спровоцировало острый кризис в экономике Китая. Китай очень хотел выйти из кризиса и заниматься торговлей с СССР, поэтому трижды были подписаны договоры о торговле сельскохозяйственной продукцией. Китайские специалисты активно изучали современные на тот момент советские сельскохозяйственные технологии. Кроме того, из СССР на Северо-Восток Китая привозили много новых видов растений и сельскохозяйственной техники.

Четвёртый период (1949-1961) отношений между Северо-Восточным Китаем и СССР характеризуется стремительностью. После основания 1 октября 1949 г. КНР был подписан с СССР договор о дружбе и взаимодействии, что ознаменовало собой «золотой период» в истории российско-китайского сотрудничества. Особенностью этого периода стал экспорт из Северо-Востока КНР в СССР семян, а из СССР на КНР лучших видов домашнего скота и современной сельскохозяйственного оборудования, что стало основой для развития сельского хозяйства в КНР.

Из СССР в Китай вывозились лошади разных пород. При этом скот из Советского Союза подвергался селекции для получения новых пород с лучшей приспособляемостью к новой местности. Это имеет большое значение как для развития сельского хозяйства в Китае, так и для истории китайской биоинженерии. Кроме того, осуществлялся обмен специалистами. Так из СССР в Китай

было направлено большое количество кадров для помощи в развитии сельского хозяйства в дружественной стране. Китай же отправлял с этой целью большое количество талантливых студентов талантливых студентов учиться в СССР. В этот период устанавливаются бартерные отношения: советская сельскохозяйственная техника обменивается на китайские сою, мясо, рис, табак, козью шерсть и проч.

Пятый период (1980-2010 (и до настоящего момента)) можно считать периодом всестороннего развития между Северо-Восточным Китаем и Россией. Главной отличительной чертой является абсолютно новая форма сотрудничества. Если раньше для КНР Россия была старшим братом и помощником, то теперь между странами установились партнёрские отношения, основанные на равенстве, равноправии и взаимовыгоде. Так, например, на Северо-Востоке КНР было создано много организаций, специализирующихся на развитии сельского хозяйства при сотрудничестве с Россией, что соответствует задаче плана возрождения Северо-Восточного Китая: «должны быть созданы сельскохозяйственные научные зоны и демонстрационные парки» [2]. Так был организован Сельскохозяйственный научный центр сотрудничества России и провинции Хэйлунцзян, городок науки «Китай-Россия», Хэйлунцзянский российско-китайский центр по научно-техническому сотрудничеству и индустриализации на базе Харбинского индустриального университета, Центр по сотрудничеству сельскохозяйственной техники на базе Хэйлунцзянской сельскохозяйственной академии, Центр по сотрудничеству промышленной техники на базе Хэйлунцзянской научной академии, научный российско-китайский парк в провинции Чаньчунь и др., которые осваивают новые технику и технологии, обладающие международным лидирующим уровнем и хорошими рыночными перспективами.

В течение 30 лет было выполнено 50 проектов международного сотрудничества наших дружественных стран. Так, только с 1988 по 2010 гг. из провинции Цзилинь были направлены в Россию и Украину 32 раза специалисты в области сельского хозяйства (всего 90 человек), были созданы новые научные исследования и подписаны договоры о сотрудничестве в различных сферах сельского хозяйства. С 1988 до 2009 гг. 260 специалистов из России, Белоруссии и Украины нанесли ответные визиты (42 раза) в академию наук провинции Цзилинь и 125 специалистов в академию наук провинции Хэйлунцзян. Большое внимание в области международного обмена и сотрудничества уделялось на сое.

Как отмечает исследователь Сунь Цэ, в процессе развития Северо-Востока Китая «вместе с повышением уровня оснащения сельскохозяйственной механизированной техники особая роль отводилась методам, направленным на повышение продуктивности и производительности в сельском хозяйстве [3, С. 39]. В настоящее время высокий уровень механизации в Особом районе по освоению целинных земель и рекультивации дополняется новыми достижениями научно-технического прогресса: активно применяются технологии спутниковой системы глобального позиционирования, дистанционного зондирования и системы компьютерного автоматизированного контроля. Сейчас фермеры и крестьяне используют навигационную систему Бэйдоу и терминалы вывода данных на смартфонах, что позволяет, даже сидя в машине, контролировать процесс посадки в режиме реального времени из любой точки.

Большое влияние на деятельность в Особом районе оказала координация работы крупных государственных хозяйств с малыми семейными фермами. К 2017 г. число семейных ферм и хозяйств в районе достигло 250 тыс. ед. Создание семейных ферм и сельскохозяйственная механизация привели к созданию крупнейшей базы по производству и хранению товарного зерна, а также высокотехнологической площадке по обеспечению стратегической продовольственной безопасности с высокой производственной мощностью на территории района Бэйдахуан (Великой Северной Пустоши).

Район Бэйдахуан может ежегодно обеспечивать зерном, рисом и соей около 100 млн человек. В настоящее здесь идёт активная работа по включению этого района в активное международное разделение труда. В современной экономике «... в условиях глобализации путём импорто-экспортной торговли сельхозпродукцией следует развивать конкурентные преимущества» [4]. Как отмечает Цзоу Сютин, важное место в этой работе может занять организация эффективного приграничного сотрудничества в агросфере с российским Дальним Востоком [5, С. 122–132].

На решение таких задач нацелены новые управленческие решения. В частности, в 2018 г. была создана сельскохозяйственная корпорация по освоению целинных земель в районе Бэйдахуан, которая обозначила новую систему управления, интегрирующую государство и предприятия в районе для продвижения и развития проектов, нацеленных на международный рынок.

Развитие сельскохозяйственного производства на Северо-Востоке КНР со времени начала политики реформ и открытости, достигло исторических успехов, оно имеет большие перспективы и планы по сотрудничеству с РФ, особенно с востоком России, так как регионы обладают схожими климатическими условиями. Из этого следует, что Северо-Восток Китая и Восток России стали «мостом дружбы» и способствуют совместному развитию сельского хозяйства обеих стран.

Таким образом, в Китае уделяется много внимания вопросам истории сотрудничества между Северо-Востоком Китая и востоком России в сфере сельского хозяйства.

Литература

1. Yang Hui A study on Agricultural Communication History between Northeastern China and Russia (from Treaty of Nerchinsk in 1689 to now) // Nanjing Agricultural University 2011. 225 pp.
2. Plan Revitalizing Northeast China. National Development and Reform Commission. Beijing, 2007.
3. Сунь Цэ Современное сельское хозяйство провинции Хэйлуцзян (КНР) как национальная модель развития // Власть и управление на Востоке России. 2019. С. 36-41.
4. Экономика Китая. Анализ состояния и перспективы развития. М.: Наука. 2009. 373 с.
5. Цзоу Сютин. Исследование экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Россией в последние десять лет // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1. С.14-21.

**ОСОБЕННОСТИ СЕРТИФИКАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА
В АЗИИ: ЯПОНСКАЯ СИСТЕМА ASIAGAP**

Игонина Юлиана Петровна

*Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт,
Красноярск, Россия*

В предлагаемой статье рассматриваются особенности развития сертификации аграрного природопользования азиатского региона в сравнении с международными стандартами, а также роль Японии в становлении системы региональной сертификации аграрного сектора и сущность предлагаемой системы сертификации ASIAGAP в Азии.

Ключевые слова: аграрное природопользование, сельское хозяйство, Азия, Япония, сертификация GAP, Global G.A.P., ASIAGAP.

This article discusses the features of the Asian region agricultural certification development in comparison with international standards, as well as the role of Japan in the establishment of a regional certification system for the agricultural sector and the essence of the proposed ASIAGAP certification system in Asia.

Keywords: agricultural management of natural resources, farming, Asia, Japan, GAP Certification, Global G.A.P., ASIAGAP.

Вопросы аграрного природопользования в странах Азии требуют особого внимания ввиду того, что ведущей отраслью азиатской экономики является сельское хозяйство, в котором занято подавляющее большинство населения. Аграрное природопользование является эколого-экономической системой природообусловленного характера формирования и антропогенного функционирования; и представляет собой совокупность хозяйственных отраслей, субъектов различных организационно-экономических форм и видов деятельности, связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, охраной, рациональным использованием и воспроизводством природных ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот [1, С.147].

Для устойчивого функционирования аграрного природопользования необходим контроль соблюдения экологических норм и рационального использования и возобновления природных ресурсов. В настоящее время практически каждое государство имеет свои собственные стандарты ведения сельского хозяйства, но в условиях увеличивающегося объема товарооборота сельскохозяйственной продукцией между странами требуются общие стандарты качества для выгодного экономического партнерства.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (Food and Agriculture Organization, FAO), призванная бороться с голодом, а также зани-

мающаяся рационализацией аграрного природопользования в мире, использует в своей работе принципы системы «Good agricultural practice» (GAP), изначально созданной в США и распространившейся по всему миру. Сертификация GAP — это попытка реализовать устойчивое сельское хозяйство, такое как безопасность пищевых продуктов, защита окружающей среды и охрана труда. Это структура, которая контролирует не только качество, но и весь производственный процесс [2, С.3].

Сертификация GAP, как набор особых методов ведения сельского хозяйства используется FAO в качестве сборника принципов, применяемых для процессов внутрихозяйственного производства и послепроизводства, воплощая собой передовую сельскохозяйственную практику, что приводит к получению безопасных и полезных для здоровья пищевых и непродовольственных сельскохозяйственных продуктов при одновременном учете экономического, социального и экологического факторов. [3].

Данная сертификация требует ведения единой базы данных по интегрированным технологиям производства для каждой из основных агроэкологических зон.

Сертификация Global G.A.P. является одним из наиболее влиятельных частных стандартов в области продовольственной безопасности и устойчивости. Она начала распространяться по всему миру в 1997 году с сертификации EUREP GAP, созданной Европейским профсоюзом розничной торговли. Сегодня он используется более чем в 120 странах мира [4].

Практикуя Global GAP, сельхозпродукция расширяется путем увеличения каналов сбыта, таких как экспорт в страны и за рубеж, совершенствование управления путем анализа производственного процесса и обучения новых и иностранных работников. Перечислены такие преимущества, как эффективное обучение и управление рисками для уточнения обязанностей производителя [5].

С ростом воздействия Global G.A.P. многие азиатские страны представили свои версии Global G.A.P.: GAP для Китая, Японии, Вьетнама, Таиланда и GAP Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Каждый из них находился под влиянием Global G.A.P., но способы реализации, органы реализации, а также направленность отличаются друг от друга [6, С.1]. Получилось расслоение стандартов и страны чаще использовали собственные стандарты, нежели унифицированные. Многие программы были просто несовместимы друг с другом, фермеры азиатских стран не могли использовать сертификацию Global G.A.P. по причине огромного количества стандартов производства и высоких затрат.

В азиатском сельском хозяйстве занято подавляющее большинство населения. Основная масса крестьян Азии малоземельна или безземельна. На засушливых землях Азии преобладает экстенсивное земледелие. Главная продовольственная культура Азии – рис. Во многих странах региона рисом засеивается более 50% всей посевной площади. В большинстве густонаселенных стран Южной и Юго-Восточной Азии, где сельскохозяйственные площади заняты посевными культурами, количество скота невелико. Для этих районов характерен

крупный рогатый скот, в таких странах, как КНР, Вьетнам, Корея, Япония – разводят свиней.

В сельском хозяйстве, помимо таких работ, как посадка риса и уборка урожая, производственная среда, такая как почва и вода, является важным моментом в производстве хорошего урожая. Для производства безопасных культур, Global G.A.P. контролирует все эти производственные процессы и позволяет третьей стороне подтверждать и оценивать их. Тем не менее, существующая система сертификации Global G.A.P. не может быть применена как есть, потому что она не предполагает уникальных климатических условий, таких как высокая температура и влажность, характерные для Азии. Так же недостатком сертификации Global G.A.P. является языковой барьер. В азиатском регионе, окружающем Японию, есть много стран, где ожидается значительное экономическое развитие и рост населения, и потребители все больше интересуются безопасностью пищевых продуктов. В то же время отмечается значительный рост спроса на продовольствие и диверсификацию сельскохозяйственных поселений. Необходима разработка региональной системы сертификации.

Япония запускает свою первую программу JGAP в 2007 году [6, С.5]. И хотя подобные программы существовали и ранее на территории Японии, они специализировались только на безопасности пищевых продуктов, к тому же, каждая префектура имела свою собственную сертификацию. После запуска программы JGAP началось включение сторонней системы сертификации (третьей проверяющей стороны), соответствующей международным стандартам. Данная система являлась первой в Японии системой сертификации, принятой международным сообществом. На основе своей системы, Япония предлагает программу ASIAGAP, ориентированную непосредственно на азиатский регион. ASIAGAP была сформулирована в июне 2017 года, она включала в себя систему сертификации, ориентированную непосредственно на азиатский регион. Толчком для создания ASIAGAP послужила необходимость в рационализации товарооборота для подготовки к Олимпийским играм в Токио в 2020 году. Так как сертификация GAP была добавлена к стандартам закупок ингредиентов, предоставляемых в Олимпийской деревне, есть вероятность, что японская еда не сможет быть использована из-за отсутствия полагающейся сертификации международного стандарта и это повлечет за собой огромные убытки для Японии.

Японская ассоциация GAP позиционирует ASIAGAP как «общую платформу GAP в Азии» и принимает активные меры для ее распространения. Идея предпринять усилия для содействия безопасности пищевых продуктов и устойчивого сельского хозяйства в Азии, такие как создание офисов в качестве контактных пунктов для Японской ассоциации GAP на Тайване, в Гонконге и Корее, и разработка многоязычных версий [7].

В Японии собственные версии GAP были мотивированы популярностью сертификации Global GAP, так как она является эффективным инструментом для увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции, но получение сертификата Global GAP с нуля было бы слишком большим препятствием для большинства фермеров. Из-за этой проблемы были введены локальные версии

GAP, чтобы снизить стоимость сертификации, а также убрать языковой барьер. Тем не менее, поскольку стандартная схема часто требует от производителей получения сертификатов, для более мелкой фермы данная процедура обходится дороже, чем для более крупной. Крупная ферма может распределить стоимость сертификации на большее количество продукции, поэтому, условно говоря, стоимость сертификации ниже. Более того, розничные продавцы или потребители не испытывают особого внутреннего спроса на подобные сертификаты [6, С.28]. По итогу, до сих пор существует неясность, есть ли необходимость в модифицированной версии ASIAGAP соответствующего международного стандарта, так как порой данная сертификация выступает в качестве барьера для сельскохозяйственных предприятий.

Безусловно, азиатские аграрные производства следуют по стопам Запада в области рационализации аграрного природопользования, пытаясь уложиться в рост темпа товарооборота в мире. Но с учетом индивидуальных особенностей азиатского региона, видна потребность в создании устойчивого механизма его сертификации, который бы учитывал каждую сторону жизнедеятельности азиатского общества. В данном случае попытка Японии создания региональной версии сертификации отражает стремление поддерживать экономическое, экологическое и социальное развитие региона в целом.

Литература

1. Красноярова Б.А. Аграрное природопользование Западной Сибири в условиях неустойчивости // Аграрная наука – сельскому хозяйству. II международная научно-практическая конференция, Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – Книга 1. – С.147-151.
2. Anne-Sophie Poisot, Andrew Speedy, Eric Kueneman. Good Agricultural Practices – a working concept Background paper for the FAO Internal Workshop on Good Agricultural Practices. Rome, Italy 27-29 October 2004. URL: <http://www.fao.org/tempref/docrep/fao/010/ag856e/ag856e00.pdf> (дата обращения: 12.10.2019).
3. Food and Agriculture Organization of the United Nations [сайт] URL: <http://www.fao.org/home/en/> (дата обращения: 13.10.2019).
4. Smart Agri [сайт] https://smartagri-jp.com/agriculture/248_ (дата обращения: 13.10.2019).
5. Smart Agri [сайт] https://smartagri-jp.com/agriculture/497_ (дата обращения: 13.10.2019).
6. Nabeshima Kaoru, Michida Etsuyo, Vu Hoang Nam, Suzuki Aya. Emergence of Asian GAPs and its relationship to Global G.A.P. Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization (IDE-JETRO). March 2015. No. 507. URL: <http://hdl.handle.net/2344/1417> (дата обращения: 13.10.2019).
7. Japan GAP Foundation [сайт] <https://jgap.asia/en/home-2/> (дата обращения: 14.10.2019).
8. Global G. A. P. [сайт] https://www.globalgap.org/uk_en/who-we-are/about-us/ (дата обращения: 13.10.2019).

9. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (MAFF) [сайт] http://www.maff.go.jp/j/seisan/gizyutu/gap/attach/pdf/asiagap_gfsi-1.pdf (дата обращения: 12.10.2019).

УДК: 94

СПЕЦИФИКА АГРАРНОГО СЕКТОРА ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

***Свободина Анна Константиновна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия***

Рациональное ведение хозяйства – всегда являлось одним из самых приоритетных направлений в жизни любого государства. Япония не является исключением. Однако ей приходится сталкиваться с существенными проблемами, связанными, прежде всего, с небольшой территорией страны. В связи с этим аграрный сектор страны Восходящего Солнца представляет собой достаточно нестандартную структуру, обусловленную также историческим и людским факторами. Об особенностях этой структуры и пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: послевоенное сельское хозяйство в Японии, современное сельское хозяйство, проблемы и тенденции аграрной сферы Японии

The efficient rural economy was always one of the key direction in any country. Japan is not an exception. Though it has to deal with great problems mainly caused by small territory of the Japanese islands. Therefore the agriculture of the Land of the Rising Sun is not a typical structure specified also by history and human factor. These particularities are going to be discussed in this article.

Keywords: post-war agriculture in Japan, modern agriculture, problems and perspectives of Japanese farming

В послевоенные годы Японская экономика находилась в состоянии упадка, вызванного многочисленными затратами на нужды армии и флота в ходе Второй Мировой войны в ущерб национальной экономике, атомными бомбардировками городов Хиросима и Нагасаки, а также непосредственно поражением в войне, в результате которой Япония лишилась всех своих колониальных земель и ограничивалась теперь только японским архипелагом, территорией, состоящей более чем на 70% из горной и лесной местности и малопригодной для земледелия. В связи с этим площадь обрабатываемых земель крайне мала, особенно учитывая, что сама Япония является небольшим государством. Кроме того, встав на путь индустриализации после реставрации Мейдзи (Мейдзи Исин, 1868), Япония в своей экономике всегда делала ставку на машиностроение (а затем на технологии), вытесняя с переднего плана сельское хозяйство. Однако все складывалось не так однозначно. До и во время Второй Мировой войны аграрный сектор оставался одним из ведущих в японской экономике. А сразу после окончания войны даже наблюдался рост числа людей, занятых в

сельском хозяйстве. Так, например, с 1946 по 1950 годы это число увеличилось почти на 4 млн. чел. (с 34,1 до 37,8 млн. чел.) [2] и составило около 45% от всего населения Японии, то есть почти половина всех жителей страны обслуживала первичный сектор экономики [3]. Причиной этого стала послевоенная реформа конца 1940х гг., ориентированная на передачу земли от собственников к непосредственно обрабатывающим ее крестьянам. До этой реформы земля принадлежала крупным помещикам, которые сдавали землю в аренду мелкими участками. Государство выкупало землю у собственников и затем распределяло ее между бывшими арендаторами, которые в дальнейшем обязаны были выкупить ее. Площадь передаваемых участков была невелика, каждый должен был обладать землей не более 3 тё (около 3 га), соответственно, первоначальные собственники, которые сами были заняты в обработке земли, тоже были вынуждены продавать «излишек». Благодаря послевоенной инфляции выкуп земли оказался не очень тяжелой задачей для новых хозяев, и, впоследствии, обработка земли приносила им экономические выгоды. Возможно, именно поэтому наблюдается рост числа фермеров.

Тем не менее, после 1950 года количество задействованных в сельском хозяйстве японцев неуклонно снижается, и с 37,8 млн. чел. оно достигло 9,4 млн. чел. в 2004 году. Учитывая, что население Японии к 2005 возросло до 127 млн. чел., то становится очевидным, что доля трудящихся в аграрном секторе резко падает и составляет всего 7,4%. В этот процент попадают не только те японцы, которые выращивают продукцию на продажу, но и те, которые обрабатывают землю только для удовлетворения личных нужд. Грубо говоря, в Японии под категорию «сельское хозяйство» попадают и личные «огороды». Также, еще одной интересной особенностью этого показателя является то, что он включает в себя и тех людей, которые помимо сельскохозяйственной работы, заняты и в других отраслях хозяйства. Так, например, из упомянутых выше 9,4 млн. чел. 2,6 млн. в качестве основной считают деятельность из другой отрасли. Такое положение вещей наблюдалось и на протяжении второй половины XX века. Начиная с 60-х гг. в век высокой индустриализации и экономического роста, фермеры, поняв, что можно найти и иной доход, не преминули воспользоваться этой возможностью и начали, например, открывать собственное дело, совмещая его с деятельностью в поле или саду.

В это же время начинается и совершенствование самого сельского хозяйства, которое помогает повысить уровень производительности с 1960 по 1973 год в 2,5 раза [4, с. 934], однако это все равно не позволяло выдвинуть японский аграрный сектор на уровень, где находилось сельское хозяйство других развитых стран. В связи с этим государство проводило (и продолжает проводить в известной мере до сих пор) протекционистскую политику японских сельхозгодий. В частности, были введены ограничения на импорт, но под давлением международного общества, правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки и в конце 1990-х гг. были сняты все количественные ограничения.

Наблюдаемое в XXI в. значительное сокращение числа людей, задействованных в сельском хозяйстве обуславливает снижение процента самообеспече-

ния населения продуктами питания. Если в 1965 году по калорийной базе он составлял 73%, а по количеству произведенной продукции – 86%, то к 2017 году эти показатели упали до 38% и 66% соответственно [5, с.15].

При этом полностью страна обеспечивает себя только рисом, под культуру которого выделено около половины всей возделываемой земли в Японии. Все остальные продукты питания восполняются благодаря импорту [6, с.238]. Таким образом, и на сегодняшний день отмечается низкая производительность сельского хозяйства. Несмотря на прилагаемые усилия по увеличению урожайности, как, например, механизация труда, применение ядохимикатов и химических удобрений, улучшение сортов, значимых результатов пока не достигнуто.

Выше уже отмечалось, что площадь земли, предназначенной для выращивания сельскохозяйственных культур, очень невелика, что в свою очередь влияет на объем отдельного хозяйства. На это оказывает влияние и последствия реформы конца 1940-х гг., когда, как уже известно, на законодательном уровне было запрещено (за исключением некоторых регионов) создавать наделы площадью более 3 га. На сегодняшний день преобладающее число сельских хозяйств остаются в пределах этой величины. Так, по состоянию на 2010 год в Японии насчитывалось 1 679 084 хозяйственных подразделений, большинство из которых (932 674 = 55,5%) представляют собой участок менее 1 га. На втором месте (554 200 = 33%) находятся участки площадью от 1 до 3 га [7]. Соответственно, подавляющая часть всех сельскохозяйственных угодий, а именно 88,5% располагается на территориях, не превышающих 3 га. В условиях массового производства, подобный размер имеет большой минус – он служит причиной высоких производственных издержек. Высокая техническая оснащенность производства и затраты, связанные с ней, не компенсируются масштабом производства [8, с.121]. Таким образом, сельскохозяйственная продукция, произведенная на своей территории, оказывается достаточно высокой в цене. Но протекционистская политика государства в отношении местных фермеров, основанная на выплате субсидий, низким налогообложением обрабатываемых земель и завышением цены на иностранные товары, позволяет сделать местную продукцию конкурентоспособной. Это является причиной проблемы, связанной с отсутствием мотивации у японских земледельцев в развитии своей отрасли.

На данный момент ведутся активные споры между консерваторами и либералами, где одни настаивают на сохранении дотаций сельскому хозяйству со стороны государства, а другие видят решение проблемы застоя отрасли путем снятия ограничений на ввоз иностранной сельхозпродукции и создания, таким образом, стимула для развития местного производства в условиях конкуренции. Однако, более важной проблемой, по мнению профессора университета Мейдзи Годо Ёсихиса является пересмотр Государственного реестра сельскохозяйственных угодий, некоторые данные из которого не были обновлены с самого введения послевоенной реформы [9]. Причина пересмотра обусловлена тем, что на зарегистрированных как фермерские угодья территориях может находиться все, что угодно, но не возделываемые земли. Один из самых ярких инцидентов по этому поводу произошел в 2010 году. Он был связан с Косииси Азума, влия-

тельным членом Демократической партии и суть его заключалась в том, что участок с домом, садом и парковкой, находившийся в собственности Косииси, был зарегистрирован в реестре как сельскохозяйственная территория. Этот случай вызвал большой скандал в обществе, поскольку, как уже отмечалось, такой тип земель облагается низким налогом. Подобный случай не единственный в Японии. Однако на текущий момент в стране нет достаточных законных оснований для инспекции всех сельскохозяйственных земель, которые являются частной собственностью. Затрудняет положение и вышедший в 2005 г. Закон о защите персональных данных, ограничивающий вмешательство государства в жизнь отдельного гражданина.

Таким образом, на современном этапе существует несколько основных проблем, связанных с сельским хозяйством. Прежде всего, это малый размер хозяйств, препятствующий оптимизации производства, что ведет к большим затратам и низкой конкурентоспособности с более дешевой импортной продукцией. Во-вторых, трудность пересмотра реестра сельхозугодий. В-третьих, стремительное сокращение занятых в аграрном секторе и как следствие, понижение уровня производительности (в 2017 году доля сельского хозяйства в ВВП Японии составляла чуть более 1%) [10].

Следует отметить, что Япония находится в активном поиске путей решения сложившихся проблем и на текущем этапе уже сделано немало для развития сферы сельского хозяйства. Рассмотрим несколько из них:

1. Активное продвижение японской культуры еды и популяризация японской кухни.

Основным проявлением этой идеи можно назвать открытие ресторанов японской кухни и торговых точек, где можно приобрести японские продукты. На 2017 год по всему миру насчитывалось свыше 4000 ресторанов и торговых точек. Половина из них приходится на Азиатский регион (Китай, Таиланд, Корея, Индонезия и т.д.) [5, с. 15]. Увеличивается и доля экспорта. Такие товары, как шлифованный рис, японская говядина и фрукты, обладая высоким качеством, позиционируются как продукты питания премиум-класса и продаются по высокой цене.

2. Постепенный переход к корпоративному хозяйствованию.

Эта мера позволит объединить мелкие типы хозяйств и сократить издержки производства

3. Ведение хозяйства с использованием технических стажеров из-за границы.

Проблема нехватки человеческих ресурсов может быть решена за счет привлечения молодых специалистов из-за рубежа. На данном этапе эта практика реализуется достаточно успешно. Ранее срок пребывания стажеров в Японии был ограничен тремя годами, что вызывало недовольство фермеров, поскольку за это время новички только успевали научиться эффективно выполнять свои обязанности. В связи с этим с 2017 года максимальный срок увеличили до 5 лет [11].

4. Популяризация сферы сельского хозяйства среди японцев.

Для выполнения поставленной задачи принимаются различные меры. Так, в 2015 году создана ассоциация COOL AGRI, в которой задействованы молодые фермеры, на своем примере показывающие как здорово заниматься этой деятельностью. Также выпускаются специализированные журналы для любителей и новичков, желающих попробовать свои силы в выращивании овощей или злаковых культур, проводятся совместные мероприятия фермеров и поваров, результатами которых является создание новых блюд или десертов, развивается такое направление, как аграрный туризм. Последнее явление возникло не так давно, и направлено не только на японцев, но и на иностранцев.

Таким образом, география японских островов, ландшафтные особенности, историческая составляющая и конечно же, менталитет самих японцев, подразумевающий доведение до совершенства любой ими выполняемой деятельности позволяют говорить об особой специфике сельского хозяйства, когда на малых обрабатываемых территориях достигается достаточно неплохой индекс производительности (не путать с уровнем производительности в масштабах страны и всего мира), а также высокий уровень качества, позволяющий создать уникальный национальный бренд, активно продвигающий продукцию на экспорт. Несомненно, остается немало нерешенных проблем, однако японское сельское хозяйство никогда не стоит на месте, это – динамично развивающаяся структура, постоянно находящаяся в процессе оптимизации.

Литература

1. История Востока. Т. VI. Восток в новое время. Кн. 2. - М.: Восточная литература, 2005. – 574 с.
2. Statistics Department, Minister's Secretariat, Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Farm Household Population and Persons Engaged in Farming (1946--2004). URL: <http://www.stat.go.jp/data/kokusei/2010/index.html>
3. Статистические данные Японии / Иностранное население в Японии. URL: <https://www.stat.go.jp/data/kokusei/2015/pdf/waga13.pdf>
4. История Востока. Т. VI. Восток в новейший период (1945-2000) - М.: Восточная литература, 2008. – 1095 с.
5. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries / Annual report FY 2018. URL: <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-160.pdf> - с. 15
6. Николаев А.В. Японская экономика. Некоторые характерные черты и показатели//Экономический журнал - №13, 2006. – с. 231-239
7. Statistics of Japan / Agriculture Management Entities - by nationwide agricultural regions. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00500209&bunya_1=04&tstat=000001032920&cycle=0&year=20100&tclass1=000001038546&tclass2=000001049164&stat_infid=000012781993
8. Маркарьян С.Б. Аграрный сектор Японии: есть ли перспективы развития?// Восточная аналитика. № 3. – 2012. – с.121-127

9. Годо Ёсихиса. Перед аграрной реформой должна быть проведена земельная инспекция // Англоговорящий японский союз (Ногё гёсей но татенаоси ни мазу кенчи о// Нихон ейго корю ренмей). - 2011. URL: https://www.esuj.gr.jp/jitow/347_index_detail.php

10. Global Finance. Japan GDP and economic data. URL: <https://www.gfmag.com/global-data/country-data/japan-gdp-country-report#axzz2kmA1XTXk>

11. Аояма Хироко. Дать выжить сельскому хозяйству Японии. Использование труда иностранцев: текущее положение и задачи (Нихон ногё га икинокору таме ни: гайкокудзин сонкацуё но гендзё то кадай), 2018. URL: <https://www.nippon.com/ja/in-depth/a06003/>

УДК 93/94

***ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ II НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ В.В. ГРИШАЕВА***

***Бопп Валентина Леонидовна, Гайдин Сергей Тихонович
Красноярский государственный аграрный университет***

Доктор исторических наук, профессор, академик Академии социальных наук, «Заслуженный работник высшей школы РФ» Василий Васильевич Гришаев являлся признанным в научном сообществе специалистом, организатором многих научных конференций. Благодаря его инициативе и организаторской работе, достоянием ученых, практических работников и общественности страны стало большое количество архивных документов и материалов по истории агропромышленного комплекса Красноярского края.

Те, кому довелось участвовать в регулярных встречах красноярских историков, которые проводил В.В. Гришаев, получивших негласное название «гришаевские среды», с благодарностью и теплотой вспоминают дискуссии, дававшие специалистам возможность общаться друг с другом, получать новую информацию и сверять свои позиции.

Без всякой натяжки В. В. Гришаева можно назвать Учителем с большой буквы. Он не только много работал сам, но и умел привлекать к себе разных людей и превращать их в своих единомышленников. Он умел разглядеть в представителях исторической науки творческий потенциал и убедить их в необходимости целенаправленной работе над актуальными темами исторических исследований. Благодаря этому дару Василия Васильевича, под его руководством и при его консультировании было защищено 28 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук и 5 диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Под руководством В.В. Гришаева в Красноярске сложилась историческая школа социально-экономического развития Восточной Сибири. Его ученики работают в Сибирском Федеральном университете, в Красноярском государственном аграрном университете, других вузах Красноярска и Сибири.

По кадровому составу и уровню квалификации кафедра истории и политологии Красноярского ГАУ, в полном смысле этого слова, является «гришаевской». При его поддержке на кафедре была открыта аспирантура по Отечественной истории. В процессе совместной с Василием Васильевичем научной работы, в аграрном университете, в соответствии с профилем вуза, были развернуты активные исследования по истории сельского хозяйства Сибири.

Уход из жизни Василия Васильевича Гришаева стал невосполнимой утратой не только для его родных и близких, учеников и последователей, но и для всей исторической науки России. Светлая память об учителе, ученом, соратнике, друге, мудром старшем товарище остается с нами.

По инициативе Красноярского государственного аграрного университета, при поддержке его ректора Н.И. Пыжиковой, в 2018 г. в Красноярске была проведена I национальная конференция «Гришаевские чтения». На предложение о проведении конференции откликнулись многие представители органов власти, педагогической и научной общественности сибирского региона.

Участники первой национальной конференции «Гришаевские чтения», квалифицировали ее как площадку для общения специалистов гуманитарного профиля, заинтересованных в исследовании истории социально-экономического и культурного развития Сибири и высказали пожелание сделать ее проведение регулярным.

Поэтому 15 октября 2019 г. сотрудниками Красноярского государственного аграрного университета, Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, кафедр истории России и Всеобщей истории Гуманитарного университета Сибирского Федерального университета, была проведена II национальная конференция «Гришаевские чтения», посвященная истории аграрного развития сибирского региона.

Более 70 заявок на участие в конференции поступило из: Института истории СО РАН, Тувинского государственного университета, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Иркутского государственного университета путей сообщения, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова и других учебных заведений Сибири. Из Красноярского ГАУ на конференцию было заявлено 26 докладов, из Сибирского Федерального университета – 22 доклада, из Бурятской государственной сельскохозяйственной академии – 7 докладов.

С докладами на конференции выступили преподаватели Сибирского Федерального университета, Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Красноярского государственного медицинского университета им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Сибирского института бизнеса, управления и психологии, других вузов города и края, также

преподаватели, работающие в общеобразовательных учебных заведениях региона.

Для конференции был характерен высокий научный уровень участников. В ней приняло очное и заочное участие 11 докторов исторических наук, в числе которых были заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН В.А. Исупов, зав. кафедрой истории России СФУ М.Д. Северьянов, зав. кафедрой всеобщей истории СФУ В.Г. Дацышен, зав. кафедрой отечественной истории Тувинского гос. университета З.Ю. Доржу. В конференции участвовали доктор исторических наук, профессор Л.А. Зайцева (БГСХА), Ю.А. Петрушин (ИрГУПС), И.П. Павлова, С.Т. Гайдин, А.Г. Рогачев, Г.А. Реут, Шевченко В.Н (Красноярский ГАУ).

В числе участников конференции были заведующие кафедрами Отечественной истории КГПУ И.Н. Ценюга, Всеобщей истории КГПУ Е.Л. Зберовская, философии и социально-гуманитарных наук КГМУ А.И. Бакшеев, государственно-правовых и отраслевых юридических наук Ачинского филиала Красноярского ГАУ П.В. Сорокун.

В конференции приняло участие 34 кандидата, доцента исторических, юридических, экономических, биологических и сельскохозяйственных наук, а также ведущий архивист Государственного архива Красноярского края В.В. Хорина, зав. сектором отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея Е.А. Борисенко, старший научный сотрудник Подразделения по сохранению исторического наследия Музея истории Красноярской железной дороги К.В. Карпухин, зав. музеем истории Бурятской сельскохозяйственной академии Д.Н. Дамбаев.

Оргкомитет конференции выражает особую благодарность директору Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края Т.Л. Савельевой, сотрудникам библиотеки Л.И. Царевой и Е.В. Совлук за организацию и квалифицированный обзор выставки научных работ В.В. Гришаева, его учеников, российских и зарубежных специалистов по аграрной истории. Большое спасибо за обеспечение работы трех секций конференции в специализированных аудиториях.

На пленарном заседании выступили ученики и соратники В.В. Гришаева: зав. кафедрой истории России СФУ М.Д. Северьянов, к.и.н., доцент кафедры Б.Е. Андюсов, журналист В.Р. Лебединский.

Модератором секции аграрной истории досоветского периода, по просьбе многих участников I национальной конференции «Гришаевские чтения», стала д.и.н., профессор И.П. Павлова (Красноярский ГАУ).

Работу секции аграрной истории советского и постсоветского периода возглавила к.и.н., доцент, специалист в области архивного дела А.П. Дворецкая.

Модератором секции аграрных проблем стран Азии стал д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории СФУ В.Г. Дацышен. В работе его секции в заочной форме приняли участие д.и.н. профессор БГСХА Л.А. Зайцева со своей аспиранткой, гражданкой Монголии Даваажав Баяртогтох, в очной форме в работе секции участвовала аспирантка СФУ, гражданка КНР Ван Вэй.

На секциях были обсуждены актуальные проблемы истории и функционирования агропромышленного комплекса, политического, социального и экономического развития страны, региона и, непосредственно, Красноярского края.

Следует подчеркнуть, что подготовка к конференции позволила активизировать исследования по аграрной проблематике преподавателей и сотрудников вузов сибирского региона, привлечь к исследованиям юристов, специалистов по культурологии, землеустройству, экономике.

Подведение итогов работы секций и конференции продемонстрировало важность данного мероприятия в изучении истории аграрных, политических, социально-экономических проблем Сибири в контексте тенденций мирового развития. В выступлениях модераторов секций и участников конференции была выражена благодарность организаторам конференции и высказана убежденность в полезности и целесообразности проведения «Гришаевских чтений», необходимости оформления заявки на проведение этого значимого для науки мероприятия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айснер Лариса Юрьевна, канд. культурологии, доц., зам. директора по учебной работе Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

Андюсев Борис Ермолаевич, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Ахтамов Евгений Александрович, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Бакшеев Андрей Иванович, канд. ист. наук, доц., зав. каф. философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета им. В.Ф. Войно-Ясенецкого

Бармина Екатерина Владимировна, магистрант каф. всеобщей истории Сибирского федерального университета

Бершадская Светлана Вячеславовна, ст. преподаватель каф. иностранных языков и профессиональной коммуникации Красноярского государственного аграрного университета

Борисенко Екатерина Александровна, ст. научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея

Бопп Валентина Леонидовна, канд. биол. наук, доц., проректор по науке Красноярского государственного аграрного университета

Бурмакина Галина Александровна, канд. ист. наук, доц. каф. психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета

Ван Вэй, аспирант каф. всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского Федерального университета

Гайдин Сергей Тихонович, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Гилько Максим Александрович, канд. ист. наук, учитель Красноярской университетской гимназии № 1 «Универс»

Гонина Наталья Владимировна, канд. ист. наук, доц. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Горкунова Светлана Ивановна, ст. преподаватель каф. психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета

Даваажав Баяртогтох, аспирантка Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Дадаян Елена Владимировна, канд. юрид. наук, доц. каф. гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета

Дамбаев Дмитрий Николаевич, зав. музеем истории Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. каф. всеобщей истории Сибирского федерального университета

Дворецкая Анна Павловна, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Дергач Екатерина Сергеевна, магистрант Красноярского государственного аграрного университета

Доржу Зоя Юрьевна, д-р ист. наук, проф., зав. каф. отечественной истории Тувинского государственного университета

Есин Роман Сергеевич, аспирант Красноярского государственного аграрного университета

Зайцева Любовь Алексеевна, д-р ист. наук, проф. каф. истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Иголина Юлиана Петровна, аспирант каф. всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского Федерального университета

Карагулян Кристина Гендриковна, студентка 4-го курса Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Карначев Александр Евгеньевич, канд. ист. наук, доц. каф. истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Карпова Ирина Георгиевна, аспирант Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Карчаева Татьяна Геннадьевна, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Козулина Наталья Станиславовна, канд. с.-х. наук, доц., зав. каф. психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета

Колесник Эдуард Григорьевич, канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Кузнецова Алла Владимировна, аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Курбатова Светлана Михайловна, канд. юрид. наук, доц. Красноярского государственного аграрного университета

Кускашев Дмитрий Валерьевич, канд. ист. наук, доц. каф. теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

Лопаткина Розалия Станиславовна, ст. преподаватель каф. психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета

Мезит Людмила Эдгаровна, канд. ист. наук, доц. каф. отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Очирова Валентина Николаевна, аспирант Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Павлова Ирина Петровна, д-р ист. наук, проф. каф. теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

Павлов Павел Александрович, канд. ист. наук, доц. каф. социологии Сибирского федерального университета

Павлюкевич Руслан Витальевич, канд. ист. наук, доц. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Погребняк Александр Иванович, канд. ист. наук, доц. Саяно-Шушенского филиала Сибирского федерального университета

Реут Григорий Александрович, д-р ист. наук, проф. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета.

Рогачев Александр Георгиевич, д-р ист. наук, проф. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Самарина Наталья Геннадьевна, канд. ист. наук, учитель истории МБОУ «Лицей»

Самойлов Владимир Сергеевич, студент Военно-инженерного института Сибирского федерального университета

Свободина Анна Константиновна, аспирант каф. всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского Федерального университета

Севостьянова Дарья Владимировна, аспирант каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Седельников Валерий Георгиевич, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Селезнев Андрей Валерьевич, директор МБУ СО ЦСПСиД «Центр социальной помощи семье и детям “Эдельвейс”»

Сентябова Мария Викторовна, канд. ист. наук, доц. каф. истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Совлук Евгения Викторовна, сотрудник Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края

Соколова Ирина Алексеевна, канд. экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета и статистики Красноярского государственного аграрного университета

Солдатенко Дмитрий Юрьевич, студент 4-го курса Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Сорокун Павел Владимирович, канд. ист. наук, доц. Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета

Сторожева Анна Николаевна, канд. юрид. наук, доц. каф. гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета

Суржко Антон Валерьевич, магистрант каф. всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Тарасов Михаил Георгиевич, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Терскова Аида Александровна, канд. ист. наук, доц. каф. истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Тихоньких Виктор Петрович, ст. преподаватель Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Фастович Г.Г. ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

Хорина Вера Владимировна, ведущий архивист Государственного архива Красноярского края

Ценюга Ирина Николаевна, канд. ист. наук, доц., зав. каф. отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Шадрин Виктор Константинович, канд. экон. наук, доц. каф. организации и экономики сельскохозяйственного производства Красноярского государственного аграрного университета

Шитова Татьяна Викторовна, канд. юрид. наук, доц. каф. теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

Яковлев Александр Леонидович, канд. ист. наук, доц. Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

**МАТЕРИАЛЫ II НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ДОКТОРА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО
РАБОТНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИШАЕВА**

*15 октября 2019 года
г. Красноярск*

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Подписано в свет 25.11.2019 Регистрационный номер 379
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117